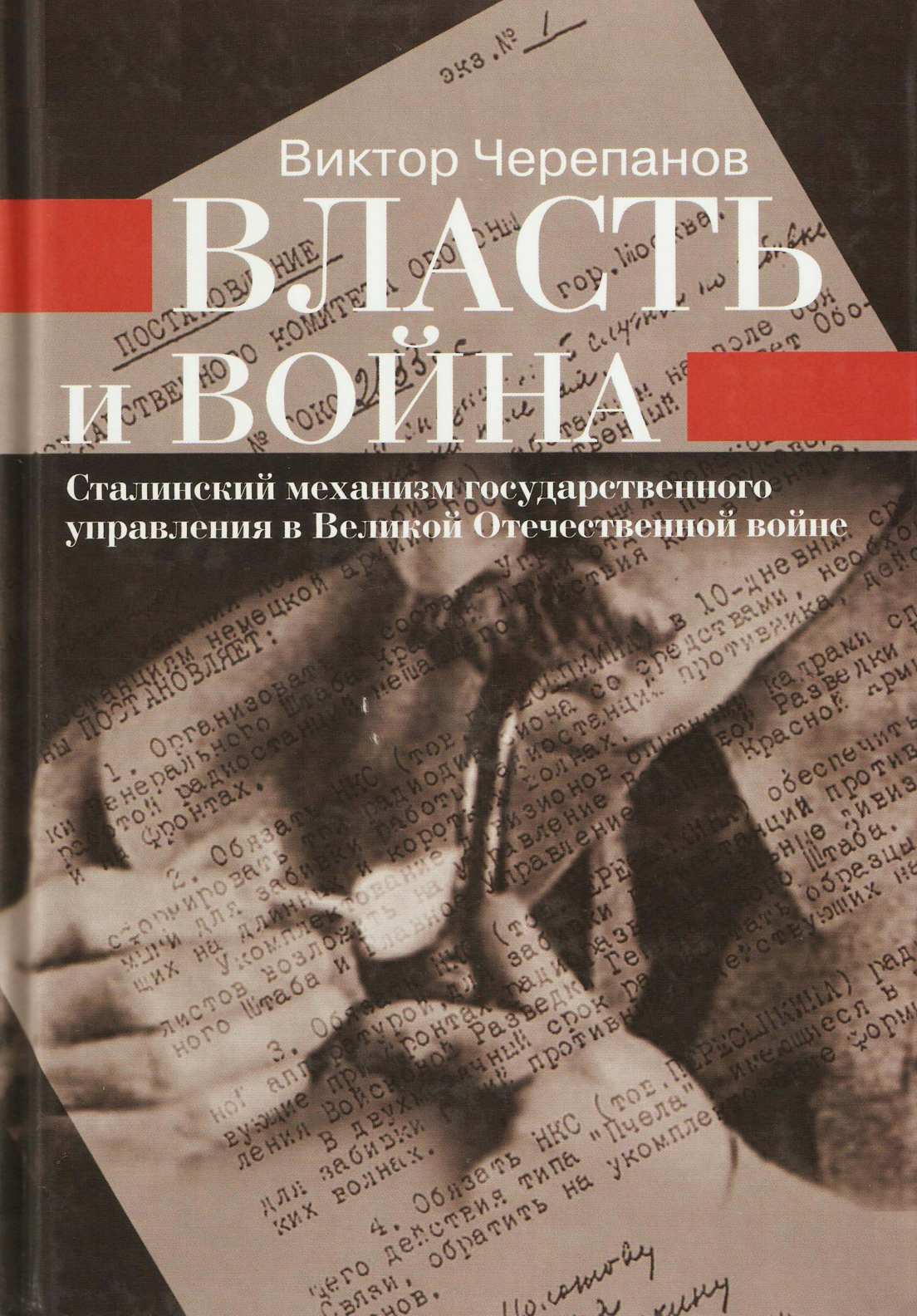
Виктор Черепанов

ВЛАСТЬ и ВОЙНА

Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне

Посвящается моим родителям — участникам Великой Отечественной войны — Черепановым Вениамину Павловичу и Таисье Михайловне

Виктор Черепанов

ВЛАСТЬ и ВОЙНА

Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне

Москва
Издательство «Известия»
2006

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622
Ч46

Рецензенты:

Р.Г. Пихоя — проф., д-р ист. наук, зав. кафедрой истории российской государственности РАГС при Президенте Российской Федерации

В.П. Бокарев — проф., д-р ист. наук, проф. кафедры истории Отечества и органов безопасности Академии ФСБ России

ISBN 5-206-00681-5

© Черепанов В.В., 2006
© ФГУП Издательство «Известия» Управления делами Президента Российской Федерации, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 6

Глава 1. Начало. 1941 год

Управленческие решения и действия в первый день войны 9
Органы власти в начальный период войны 40
Особенности военно-политического управления осенью 1941 года 57

Глава 2. Концептуальные основы военной политики Сталина

Военная политика в оборонительный период войны 87
Основные идеи наступательной политики Сталина 113

Глава 3. Перестройка системы власти

Принципы перестройки и деятельности власти 153
Создание чрезвычайных органов центральной власти 180
Структурное развитие Государственного Комитета Обороны 206

Глава 4. Государственный Комитет Обороны: основные направления деятельности

Деятельность ГКО в первый военный период 235
Основные направления работы ГКО в период коренного перелома в войне 270
Особенности деятельности ГКО в завершающий период войны 303

Глава 5. ВКП(б) в системе власти

Структура и особенности развития партии в предвоенные и военные годы 332
Основные направления деятельности высших органов партии в годы войны 368

Глава 6. Сталинская кадровая политика и стиль управления

Кадровая политика Сталина в годы войны 422
Сталинский стиль руководства 457
Заключение 489

«...о действиях людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результатам; поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу»

Н. Макиавелли

ОТ АВТОРА

Минуло 60 лет со дня Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Этот день по праву можно считать днем торжества цивилизации над фашизмом. Общая Победа позволила отстоять принципы свободы, независимости, равенства всех людей и народов. Наш народ сражался за право жить на своей земле, за право говорить на родном языке, иметь свою государственность, культуру и традиции.

Тема минувшей войны вызывала и вызывает повышенный общественный интерес в силу того, что это эпохальное событие имеет колоссальное политическое, научное и воспитательное значение. Война и наша победа в ней показали сильные и слабые стороны советского государства, разбудили общество, сцементировав и объединив его.

Историография минувшей войны огромна. Предмет этой книги — государственный строй Советского Союза, механизм государственной власти и управления в такой экстремальный период, как Великая Отечественная война. По данной проблеме до сих пор ощущается острый дефицит документального и аналитического материала. Особое внимание уделено первому периоду войны, как наименее изученному, а значит, более интересному и ценному для читателя.

Тема власти сложна и многоаспектна. При всем ее многообразии мы попытались остановиться на наиболее важных проблемах — геополитике и военной политике государства; перестройке механизма государственного управления в начале войны; деятельности чрезвычайных органов власти, прежде всего ГКО в годы войны; роли и места ВКП(б) в системе власти; работе наркоматовской системы как испол-

нительного инструмента власти; государственной кадровой политике и стиле руководства. Безусловно, при рассмотрении этих вопросов нельзя обойти фигуру И.В. Сталина — сильного, жесткого и прагматичного государственного деятеля и политика, создателя советской политической системы, тоталитарной по своей природе и существу.

Известно, что Сталин в вопросах теории и практики власти любил советоваться с мудрецами прошлого. Особенно ему импонировали выводы и советы мыслителя и политика эпохи Возрождения Н. Макиавелли, и прежде всего все то, что касалось механизма удержания власти. Поэтому в эпиграф книги поставлена одна из его сентенций, а по ходу повествования сталинский стиль властвования довольно часто сопоставляется с идеями Макиавелли.

В основу настоящей книги легли документы высших органов власти СССР исследуемого периода — Государственного Комитета Обороны, Политбюро ЦК ВКП(б), Секретариата и Оргбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР, Прокуратуры СССР, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Большинство документов и материалов публикуются впервые. Документальные свидетельства, собранные в книге, призваны помочь читателям осмыслить фактический исторический материал, который освещает малоизвестные страницы войны.

В книге отдается должное организующей роли советского правительства и героизму нашего народа в годы войны, но в то же время показывается и трагизм тех лет. В ней, наряду с победами и достижениями, показаны просчеты и ошибки сталинского руководства, не раз ставившего наше государство на грань военного поражения. Но этот материал — не компрометация нашего прошлого, а показ правды истории. Может быть, достаточно говорить о неприятном прошлом? Но ведь, в сущности, мы еще мало знаем об этом прошлом. Мы живем в мире мифов и легенд — позитивных или негативных. Только полная правда возвышает народ и учит патриотизму новые поколения. Без нее невозможно осознать величие подвига, совершенного нашим народом в те тяжелые годы. Поэтому история Великой Отечественной войны не может быть «коммунистической» или «демократической», она может и должна быть правдивой.

Авторы книг о войне и Сталине редко бывают беспристрастны: у многих из них в 30—50-х гг. были репрессированы отцы или деды.

Другая часть авторов при советской власти, находясь во властных структурах, были обласканы льготами и привилегиями. Поэтому от них вряд ли можно было ждать объективности. Автор этой книги не принадлежит ни к той, ни к другой категории.

Задача книги — не демонстрация сенсационных документальных источников и фактов, срывающих завесу тайны, а показ реального механизма власти в годы войны. Надеемся, что публикуемые материалы помогут читателю увидеть настоящее лицо войны, узнать скрытый механизм управления обществом. При этом автор не претендует на исчерпывающую полноту раскрытия заявленной темы и готов к диалогу.

Автор искренне благодарит тех лиц, которые оказали спонсорскую поддержку в издании книги, сотрудников архивов, предоставивших документы, и рецензентов за оказанную помощь.

Глава 1

НАЧАЛО. 1941 ГОД

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ И ДЕЙСТВИЯ В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Война надвигалась с неизбежностью. Непродолжительный период дружбы и компромисса между двумя империями — Германией и СССР подошел к концу. В приграничной полосе вермахт производил развертывание своих боевых сил, готовясь к решительному броску на восток.

Советская военная разведка вскрыла подготовку накануне, о чем штабы приграничных военных кругов тут же доложили в Генеральный штаб Красной Армии. Так, начальник штаба Прибалтийского Особого военного округа генерал П. Кленов в 22 часа 21 июня сообщал, что немцы закончили строительство мостов через Неман, а гражданскому населению приказали эвакуироваться. Начальник штаба Западного Особого военного округа генерал В. Климовских докладывал, что проволочные заграждения немецких войск, еще днем стоявшие вдоль границы, к вечеру сняты, а в лесу, расположенном недалеко от границы, слышен шум моторов. Но политическое руководство страны и лично И. Сталин очень осторожно, если не сказать с недоверием относились к подобной информации, боясь поддаться на провокацию Гитлера.

Вечером 21 июня нарком иностранных дел В. Молотов по указанию И. Сталина пригласил германского посла Шуленбурга и заявил ему, что Германия без всякого на то основания с каждым днем ухудшает отношения с СССР. Несмотря на неоднократные протесты с советской стороны, немецкие самолеты продолжают вторгаться в ее воздушное пространство. Ходят упорные слухи о предстоящей войне между нашими странами. У советского Правительства есть все основания верить этому, потому что германское руководство никак не отреагировало на сообщение ТАСС от 14 июня, в котором говорилось, что все слухи о возможном нападении Германии на Советский Союз несостоятельны[1]. Шуленбург пообещал немедленно сообщить

[1] *Правда*. 1941. 14 июня.

о выслушанных им претензиях своему правительству. Однако с его стороны это была обычная дипломатическая отговорка, ибо послу Германии было хорошо известно, что войска вермахта уже приведены в полную боевую готовность и только ждут условного сигнала «Дортмунд», чтобы двинуться на восток.

В конце дня 21 июня начальнику Генерального штаба РККА Г. Жукову из Киевского особого округа сообщили, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня. Он тотчас доложил об этом наркому обороны С.К. Тимошенко и И.В. Сталину. И.В. Сталин сказал: «Приезжайте с наркомом в Кремль».

Прибыв, военачальники предложили И. Сталину проект директивы о немедленном приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность. Но вождь отклонил данный вариант, решив направить в войска другую — так называемую короткую директиву. В ней по настоянию вождя указывалось, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Поэтому войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений. Эта была директива № 1, подписанная поздно вечером 21 июня С. Тимошенко и Г. Жуковым. И. Сталин предусмотрительно не стал ее визировать, предоставив эту возможность (а вместе с тем и ответственность) военным.

Директива № 1 требовала от наших войск «быть в полной боевой готовности, встретить возможный удар немцев или их союзников» и содержала приказ: а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе; б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать; в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно; г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов; д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить. Тимошенко. Жуков. 21.6.41 г.

В 0.30 ночи 22 июня Наркомат обороны сообщил И. Сталину еще об одном перебежчике — немецком солдате, который показал, что германские войска перейдут в наступление в 4 часа утра. Сталин

лишь спросил, передана ли директива № 1 в округа, получив на это утвердительный ответ Жукова. Следовательно, вождь вовсе не игнорировал предупреждения о возможности начала войны, как об этом пишут некоторые публицисты. Но беда в том, что директива опоздала. Большинство воинских частей так и не было приведено в состояние полной боевой готовности.

Находился на рабочем месте и активно функционировал в субботний вечер 21 июня 1941 г. государственный аппарат центральных органов власти. Вот что вспоминал по этому поводу бывший управляющий делами СНК СССР Я.Е. Чадаев — ближайший помощник И.В. Сталина по Совнаркому.

«Мы, работники правительственного аппарата, чувствовали, что обстановка с каждым днем становится все напряженнее, что на горизонте страны сгущаются черные тучи. Это явствовало из возросшего количества оборонных документов, ужесточения ритма работы аппарата. Все это подтягивало и дисциплинировало нас, требовало четкости и слаженности в работе, в исполнении текущих заданий.

В субботний день 21 июня мне несколько раз пришлось приходить в приемную Сталина — приносить для подписи или брать для оформления отдельные решения. Члены Политбюро ЦК ВКП(б) в течение всего дня находились в Кремле, обсуждая и решая важнейшие государственные и военные вопросы. Например, было принято постановление о создании нового — Южного фронта и объединении армий второй линии, выдвигавшихся из глубины страны на рубеж рек Западная Двина и Днепр, под единое командование. Формирование управления фронта было возложено на Московский военный округ, который немедленно отправил оперативную группу в Винницу.

Политбюро ЦК заслушало сообщение НКО СССР о состоянии противовоздушной обороны и вынесло решение об усилении войск ПВО страны. Вызванные на заседание отдельные наркомы получили указания о принятии дополнительных мер по оборонным отраслям промышленности»[1].

То есть в последний предвоенный день советское Правительство, все его политические, административные, военные структуры и долж-

---

[1] *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным. М., 1999. С. 408—409.

ностные лица напряженно работали, хотя у большинства была уверенность, что войны не будет.

22 июня 1941 года в 3 часа 15 минут московского времени гитлеровские войска атаковали советские западные границы и начали широкомасштабные боевые действия, нанеся первые массированные удары по нашим аэродромам, военно-морским базам, по ряду крупных городов — Киеву, Минску, Севастополю, Одессе.

Утром 22 июня берлинское радио оповестило весь мир о начале войны против СССР, опубликовав декларацию Гитлера. В ней сообщалось: «Германский народ, национал-социалисты! После тяжелых размышлений, когда я был вынужден молчать в течение долгих месяцев, наконец наступил момент, когда я могу говорить с полной откровенностью... Москва предательски нарушила условия, которые составляли предмет нашего Пакта о дружбе. Делая все это, правители Кремля притворялись до последней минуты, симулируя позицию мира и дружбы, так же как это было в отношении Финляндии и Румынии. Они сочинили опровержение, производившее впечатление невинности. В то время как до сих пор обстоятельства заставляли меня хранить молчание, теперь наступил момент, когда выжидательная политика является не только грехом, но и преступлением, нарушающим интересы германского народа, а следовательно, и всей Европы.

Сейчас приблизительно 160 русских дивизий находятся на нашей границе. В течение ряда недель происходили непрерывные нарушения этой границы, причем не только на нашей территории, но и на крайнем севере Европы и в Румынии. Советские летчики развлекались тем, что не признавали границ, очевидно, чтобы нам доказать таким образом, что они считают себя уже хозяевами этих территорий. 18 июня русские патрули снова проникли на германскую территорию и были оттеснены лишь после продолжительной перестрелки. Теперь наступил час, когда нам необходимо выступить против этих иудейско-англосаксонских поджигателей войны и их помощников, а также евреев из московского большевистского центра.

Осуществляется концентрация войск, которая по своим масштабам и по своему территориальному охвату является величайшей, какая когда-либо имела место в мире. Сотрудничая со своими финскими товарищами, соратники победителей Нарвика держат берега Ледовитого океана. Германские дивизии под командованием победителя Норвегии охраняют финляндскую землю вместе с героями фин-

ляндских битв за освобождение, действующими под руководством своего маршала. От Восточной Пруссии до Карпат располагаются формирования германского восточного фронта. На берегах Прута, на нижнем течении Дуная до берегов Черного моря находятся германские и румынские солдаты под командованием генерала Антонеску, главы румынского государства. В задачу этого фронта входит уже не защита отдельных стран, а обеспечение безопасности Европы и, следовательно, защита всех стран европейского континента. Таким образом, я решил сегодня передать судьбу государства и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Бог в этой важнейшей борьбе!»[1].

Но Москва хранила упорное молчание. Первым откликнулся Местоблюститель патриаршего престола в СССР митрополит Московский и Коломенский Сергий, который обратился к нашему народу с собственным патриотическим «Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви». Утром 22 июня он написал и собственноручно напечатал его на машинке. В этом Послании Предстоятель Русской Православной церкви, частности, говорил: «В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны. Но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божею помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях

---

[1] Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн.1. С. 497.

и выгодах, а о священном своем долге пред родиной и верой и выходили победителями.

Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им по плоти и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может... Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника.

Православная наша церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг...

Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнью за родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей. Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины. Господь нам дарует победу»[1].

Обращение митрополита Сергия не было опубликовано в газетах, но оно было прочитано во всех церквях. Учитывая тот факт, что согласно предвоенной переписи населения две трети сельских и одна треть городских жителей СССР заявили о том, что они верующие, правомерно считать — около 100 млн советских людей ознакомились с этим патриотическим посланием и прониклись его высокими идеями. И. Сталин не мог не обратить внимания на то, что аргументы митрополита Сергия совпадали с аргументами советского руководителя. Видимо, уже в этот момент у него возникла мысль восстановить права Русской Православной церкви и прекратить гонения на нее, если молитвы о спасении страны будут услышаны.

---

[1] Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С.44—46.

Вечером 22 июня 1941 г. премьер-министр Англии У. Черчилль выступил перед своей страной по радио, дав оценку нападению Гитлера на Советский Союз и заявив о позиции Великобритании в этой войне. «Любой человек или государство, которые борются против нацизма,— заявил он,— получит нашу помощь... Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем...»[1] Выступление своего премьер-министра произвело на британцев, которые в течение последнего года, по существу, один на один вели тяжелую воздушную и морскую войну с Германией, сильное впечатление. При этом Черчилль не скрывал того, что он пойдет на военный союз со Сталиным ради победы над нацизмом. В своем обращении английский лидер подчеркнул: «За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все это меркнет перед тем, что открывается сейчас»[2].

Большой резонанс получило выступление У. Черчилля в США, где британского лидера привыкли считать непримиримым противником и гитлеризма, и коммунизма. 23 июня 1941 г. правительство США сделало официальное заявление по поводу нападения Гитлера на Советский Союз. В нем подчеркивалось, что любое сплочение сил против гитлеризма независимо от их происхождения ускорит падение германских руководителей, а гитлеровская армия представляет сейчас главную опасность для американского континента. Но в 1941 г. американцы стояли еще на позициях изоляционизма и не спешили помогать «советам».

Какие события происходили в этот момент в Кремле? Принципиально важной для науки является реконструкция событий первых дней и даже часов войны. Прежде всего, необходимо уяснить обстановку, которая царила в высшем эшелоне власти в тот момент, когда началась война. Целесообразно проследить, когда и при каких обстоятельствах советское руководство во главе с И. Сталиным получило информацию о начале войны, как на это отреагировало. Какова была

---

[1] Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 112.

[2] Там же. С. 113.

реакция Сталина на начало войны? Но, главное, важно определить механизм принятия политическим руководством страны первых в военное время управленческих решений.

Это тем более актуально, что в научной, публицистической и, особенно, в мемуарной литературе данные события трактуются неоднозначно и противоречиво.

Наибольший интерес в этом отношении вызывают воспоминания представителей военно-политического руководства страны того времени — Г.К. Жукова, В.М. Молотова, Н.С. Хрущева, Н.Г. Кузнецова, А.И. Микояна, Л.М. Кагановича, Я.Е. Чадаева и некоторых других соратников И.В. Сталина. Наряду с этим важны архивные документы — материалы Политбюро ЦК, ГКО и прежде всего такой ценный источник, как журнал посещений кремлевского кабинета И.В. Сталина[1] за 22 июня 1941 г. и последующие дни. Ряд документальных источников, проливающих свет на обстановку в высшем партийно-политическом руководстве СССР в момент начала войны, на сегодняшний день пока не обнародованы. Это касается, например, стенограмм заседаний Политбюро первых дней войны (если они велись). В них можно было бы увидеть, как принимались первые военные решения, были ли альтернативные мнения, споры среди членов Политбюро.

Отвечая на поставленный вопрос, логично обратиться к мемуарным источникам — к воспоминаниям лиц, которые были непосредственными свидетелями и участниками тех событий, с тем чтобы оценить и сопоставить их точки зрения. Имея в виду субъективный характер мемуаров вообще, следует, конечно же, подходить к ним с позиции критического анализа.

Исследование источников и литературы по данной проблеме показывает, что наиболее важными и содержательными документами являются опубликованные воспоминания Г.К. Жукова, А.И. Микояна и Н.С. Хрущева[2] — непосредственных участников тех событий. Наиболее объективно последнее, 13-е издание «Воспоминаний и

---

[1] Исторический архив. 1996. №2—4.

[2] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 2 т., изд. 13-е, испр. и доп. М., 2002. Т 1; *Микоян А.И.* Так было: Размышления о минувшем. М. 1999 *Хрущев Н С.* Время. Люди. Власть: В 4 кн. М., 1999. Кн. 1.

размышлений» Г. Жукова, свободное от цензуры и дополненное по рукописи автора.

Г. Жуков, будучи накануне войны начальником Генерального штаба Красной Армии, лицом, непосредственно отвечающим за боеготовность, состояние, дислокацию и развертывание войск, сообщает следующие.

«В ночь на 22 июня 1941 года всем работникам Генштаба и Наркомата обороны было приказано оставаться на своих местах. Необходимо было как можно быстрее передать в округа директиву о приведении приграничных войск в боевую готовность. В это время у меня и наркома шли непрерывные переговоры с командующими округами и начальниками штабов, которые докладывали нам об усиливавшемся шуме по ту сторону границы. Эти сведения они получали от пограничников и передовых частей прикрытия... Все говорило о том, что немецкие войска выдвигаются ближе к границе. Об этом мы доложили в 00.30 минут ночи И.В. Сталину...

После смерти И.В. Сталина появились версии о том, что некоторые командующие и их штабы в ночь на 22 июня, ничего не подозревая, мирно спали или беззаботно веселились. Это не соответствует действительности. Последняя мирная ночь была совершенно другой. Как я уже сказал, мы с наркомом обороны по возвращении из Кремля неоднократно говорили по ВЧ с командующими округами Ф.И. Кузнецовым, Д.Г. Павловым, М.П. Кирпоносом и их начальниками штабов, которые находились на своих командных пунктах.

Под утро 22 июня Н.Ф. Ватутин и я находились у наркома обороны С.К. Тимошенко в его служебном кабинете. В 3 часа 07 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский и сообщил: «Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний». Я спросил адмирала: «Ваше решение? Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота».

Переговорив с С.К. Тимошенко, я ответил Ф.С. Октябрьскому: «Действуйте и доложите своему наркому».

В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного округа генерал В.Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три начальник штаба Киевского округа

генерал М.А. Пуркаев доложил о налете авиации на города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским военным округом генерал Ф.И. Кузнецов, который доложил о налетах вражеской авиации на Каунас и другие города.

Нарком приказал мне звонить Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос генерала Власика (начальника управления охраны): «Кто говорит?» — «Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным»,— «Что? Сейчас?! — изумился начальник охраны.— Товарищ Сталин спит»,— «Будите немедля: немцы бомбят наши города, началась война!»

Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили: «Подождите».

Минуты через три к аппарату подошел И.В. Сталин. Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И.В. Сталин молчит. Слышу лишь его тяжелое дыхание.— «Вы меня поняли?» Опять молчание. «Будут ли указания?» — настаиваю я. Наконец, как будто очнувшись, И.В. Сталин спросил: «Где нарком?»— «Говорит по ВЧ с Киевским округом»,— «Приезжайте с Тимошенко в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро...»

В 4 часа 30 минут утра мы с С.К. Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет. И.В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках не набитую табаком трубку. Мы доложили обстановку. И.В. Сталин недоумевающе сказал: «Не провокация ли это немецких генералов?» — «Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация...» — ответил С.К. Тимошенко. «Если нужно организовать провокацию,— сказал И.В. Сталин,— то немецкие генералы бомбят и свои города, — и, подумав немного, продолжал: — Гитлер наверняка не знает об этом. Надо срочно позвонить в германское посольство»,— обратился он к В.М. Молотову.

В посольстве ответили, что посол граф фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения. Принять посла было поручено В.М. Молотову. Тем временем первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н.Ф. Ватутин передал, что сухопутные войска немцев после сильного артиллерийского огня на ряде участков северо-западного и западного направлений перешли в наступление.

Мы тут же просили И.В. Сталина дать войскам приказ немедленно организовать ответные действия и нанести контрудары по противнику. «Подождем возвращения Молотова»,— ответил он. Через некоторое время в кабинет быстро вошел В.М. Молотов: «Германское правительство объявило нам войну».

И.В. Сталин молча опустился на стул и глубоко задумался. Наступила длительная, тягостная пауза. Я рискнул нарушить затянувшееся молчание и предложил немедленно обрушиться всеми имеющимися в приграничных округах силами на прорвавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение. «Не задержать, а уничтожить»,— уточнил С.К. Тимошенко. «Давайте директиву,— сказал И.В. Сталин, — но чтобы наши войска, за исключением авиации, нигде пока не нарушали немецкую границу». Трудно было понять И.В. Сталина. Видимо, он все еще надеялся как-то избежать войны. Но она уже стала фактом»[1].

Из этого фрагмента воспоминаний бывшего начальника Генштаба РККА явствует, что: *а)* первым о немецком нападении сообщил И.В. Сталину именно Г.К. Жуков; причем он сделал это по приказу наркома С.К. Тимошенко по-военному решительно и настойчиво, что вызывает уважение; *б)* Г. Жуков квалифицирует развернувшиеся боевые действия как войну, хотя это не в его компетенции (в первом издании мемуаров слов о войне не было.— *Прим. авт.*). Но Жуков не исключал, что это крупномасштабная военная провокация немцев; *в)* автор мемуаров умышленно подчеркивает боеготовность и бдительность вверенных ему войск и штабов, которые в ночь на 22 июня, как он говорит, «не спали, не веселились», а были готовы встретить врага. По состоянию на 22 июня 1941 г., по мнению Г.К. Жукова, управляемость войсками была полная, что вызывает сомнение; *г)* И. Сталин был явно ошеломлен происходящим, ему трудно было поверить в то, что произошло, поскольку на глазах у всех рушилась вся его предвоенная внешняя, да и внутренняя политика; *д)* вождь, по сообщению Г. Жукова, не дает ему санкции на ответные боевые действия. В этой критической ситуации, неясной для всех, ему надо было разобраться в обстановке. При этом И. Сталин не берет ответственность на себя, поэтому приказывает срочно собрать

[1] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 264—265.

высший орган власти — Политбюро, чтобы вместе с военно-политическим руководством, оценив обстановку, принять соответствующие адекватные обстановке управленческие решения и действия; *е)* главным решением этого совещания было принятие и немедленная рассылка новой директивы войскам западных военных округов, нацеливавшей их на решительное отражение немецкой агрессии. Это была директива № 2.

Реконструируя события, мы видим, что первое с развязыванием войны совещание высших лиц партии и государства началось ранним утром 22 июня 1941 г. На него по поручению Сталина Поскребышев срочно вызвал в Кремль в кабинет вождя членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Нарком обороны и начальник Генштаба ожидали в приемной и вскоре были приглашены в кабинет.

Поскольку стенограмма заседания, видимо, не велась, мы можем узнать реакцию и первые меры собравшихся ранним утром 22 июня членов Политбюро и особенно Сталина на сообщение о начале военных действий из мемуарной литературы. По поводу этого совещания в источниках существует ряд версий, которые касаются времени начала совещания, состава участников и содержания принятых решений.

Г.К. Жукову, позицию которого мы уже изложили, довольно остро оппонирует в своих воспоминаниях В.М. Молотов[1] — второе в то время лицо в партии и государстве после вождя. Молотов пишет, что вечером 21 июня мы (т.е. члены Политбюро) были до 11—12 часов ночи на даче у Сталина — смотрели кино. Потом разошлись. Нас подняли телефонным звонком Жуков и Тимошенко. Около двух часов ночи мы собрались в Кремле у Сталина на официальное заседание. Между двумя и тремя часами ночи позвонили от немецкого посла в СССР Шуленбурга с просьбой о встрече с наркомом иностранных дел. Я, пишет Молотов, вышел из кабинета Сталина и пошел принимать немецкого посла, а члены Политбюро остались у Сталина. Шуленбурга я принимал в полтретьего или в три ночи. Он вручил ноту о начале войны с нами. Жуков с Тимошенко также прибыли не позже трех часов в кабинет Сталина.

Таким образом, Молотов утверждает, что первое совещание членов Политбюро состоялось не в 4.30 утра, как у Жукова и других

---

[1] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 48—49.

авторов, а гораздо раньше — в 2 часа ночи. «То ли Жуков ошибается, то ли я запамятовал,— вспоминал позже Вячеслав Михайлович,— Позвонил Жуков. Он не сказал, что война началась... Вполне возможно, что настоящей войны еще не было, но уже накал был такой, что в штабе (Политбюро.— *Прим. авт.*) поняли: необходимо собраться»[1].

Исследование вопроса показывает, что в данном случае ошибается В. Молотов, поскольку все другие источники показывают время первого совещания — 4 часа 30 минут или даже позднее. Это подтверждают в своих мемуарах присутствовавшие на совещании А.И. Микоян и Г.К. Жуков, а также Н.С. Хрущев (он был в этот момент в Киеве и говорит со слов Л.П. Берия), Я.Е. Чадаев — управляющий делами СНК СССР, В.М. Бережков — личный переводчик Молотова и Сталина[2] (Чадаева и Бережкова на совещании не было).

Так, А.И. Микоян вспоминает: «В субботу 21 июня 1941 г., вечером, мы, члены Политбюро, были у Сталина на квартире (не на даче, как у Молотова.— *Прим. авт.*). Обменивались мнениями. Обстановка была напряженной. Сталин по-прежнему уверял, что Гитлер не начнет войны... Мы разошлись около трех часов ночи 22 июня, а уже через час меня разбудили: «Война!» Сразу члены Политбюро вновь собрались у Сталина, зачитали информацию о том, что бомбили Севастополь и другие города»[3].

Управляющий делами СНК СССР Я.Е. Чадаев позже вспоминал, что как только сотрудники Кремля утром 22 июня узнали грозную весть, он первым делом зашел к Н.А. Вознесенскому — первому заместителю Председателя Совнаркома СССР, который вел текущие дела по СНК. Вознесенский рассказал о том, что рано утром происходило в кабинете Сталина. Причем этот его рассказ весьма совпадает с тем, что изложено в книге маршала Жукова «Воспоминания и размышления»[4]. Кстати, самого Вознесенского, на которого ссылается

---

[1] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. С. 48.

[2] *Микоян А.И.* Так было. С. 388; *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т.1. С. 266; *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Кн. 1. С. 301; *Бережков В.М.* Рядом со Сталиным. М., 1998. С. 72.

[3] *Микоян А.И.* Так было. С. 388.

[4] *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным. С. 411.

Чадаев, не было на этом совещании — он в это время проводил инструктаж с наркомами. Но, как кандидат в члены Политбюро, он наверняка обладал соответствующей информацией.

Почему В.М. Молотов переносит время ответственного совещания высших лиц с 4.30 на 2 часа ночи? Здесь может быть два варианта ответа. Либо неумышленно, забыв по истечении многих лет в беседах с Ф. Чуевым все эти подробности, считая их не важными, не принципиальными. Либо умышленно — стремясь показать высокую степень ответственности, мобильности и готовности высшего руководства страны встретить надвигавшуюся угрозу. Правда, тогда зачем упоминать, что вечером 21 июня на даче у Сталина они смотрели кинофильм? Разве не было у руководства более важных государственных дел, если предполагали возможность нападения немцев?

Существует архивный документ, который проливает свет на данный вопрос — это журнал посещений кабинета И.В. Сталина в Кремле, который вел личный секретарь вождя А.Н. Поскребышев.

Согласно этому документу в ночь перед войной 21 июня кабинет И. Сталина в 23.00 последними покинули члены Политбюро В. Молотов, К. Ворошилов и кандидат в члены Политбюро Л. Берия. То есть Сталин и его ближайшее окружение в последний предвоенный день находились не на даче, как утверждал Молотов, и не в кремлевской квартире, как сообщал Микоян, а в рабочем кабинете Сталина.

22 июня 1941 г. рукой Поскребышева зафиксирован вход в сталинский кабинет Молотова, Берия, Тимошенко, Мехлиса, Жукова в 5 часов 45 минут. Затем в 7.30 прибыли Маленков и Вышинский, в 7.55 — Микоян, в 8.00 — Каганович и Ворошилов. В данном случае сведения приведенных воспоминаний не совпадают с архивными документами[1]. Почему? Либо был зафиксирован второй заход членов Политбюро и других лиц, либо авторы мемуаров слегка покривили душой, ускорив события на 1 час 15 минут (4.30 у Жукова и 5.45 в журнале регистрации посетителей кабинета), стремясь продемонстрировать тем самым свою оперативность и высокую степень готовности в условиях начавшейся войны.

Поскольку уровень достоверности официальных документов, каким является упоминаемый выше журнал посещений рабочего

---

[1] Исторический архив. 1996. № 2—4.

кабинета Сталина, безусловно, выше, то разумеется, что это был первый заход советского руководства к своему вождю и состоялся он в 5.45 утра.

События первого дня войны, изложенные в мемуарной литературе и ряде научных трудов[1] не всегда подтверждаются данными журнала посещений кабинета И. Сталина, который с документальной точностью вел А. Поскребышев. Это вызывает сомнение в истинности отдельных литературных и научных источников.

Ранее считалось, что В. Молотов выступил по радио перед притихшим советским народом ровно в полдень — в 12.00. Но согласно журнала он вышел от Сталина в 12.05. Выступал Молотов не из кремлевского кабинета, а с Центрального телеграфа. Туда надо было еще ехать. Следовательно, или Поскребышев не точно зафиксировал время выхода Молотова, или вкралась какая-то техническая ошибка. Но такой небрежности в «Секретариате тов. Сталина» не могло быть по определению, тем более в такой ответственный момент. В действительности В.Молотов выступал с Центрального телеграфа (ехать до него из Кремля 5 минут) не в 12.00, а в 12 часов 15 минут. Это подтверждают новейшие научные публикации[2].

Развивая события этого дня дальше, мы вновь находим в воспоминаниях нестыковку временных параметров. Например, Г. Жуков пишет, что после совещания у И. Сталина они с С. Тимошенко поехали в Наркомат обороны для выяснения обстановки на западном театре военных действий. «С.К. Тимошенко позвонил И.В. Сталину и попросил разрешения снова приехать в Кремль, чтобы доложить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации и образовании Ставки Главного Командования, а также ряд других вопросов. И.В. Сталин ответил, что он занят на заседании Политбюро и может принять его только в 9 часов. До 9 часов ничего существенного нам выяснить не удалось, так как штабы фронтов и командующие не могли получить от штабов армий и корпусов конкретных данных о противнике. Они просто не знали, где и какими силами наступают немецкие части, где противник наносит главные,

---

[1] *Горьков Ю.А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941—1945). Цифры и документы. М., 2002. С. 17—18.

[2] Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 131.

а где второстепенные удары, где действуют его танковые и механизированные соединения. Короткий путь до Кремля автомашины наркома и моя покрыли на предельно большой скорости»[1]. Но второй заход Жукова и Тимошенко зафиксирован в журнале посещений кабинета Сталина в 14.00.

22 июня после того, как выяснилось, что началась широкомасштабная война, военное руководство страны (С. Тимошенко и Г. Жуков) приступило к решению трех задач первостепенной важности: во-первых, необходимо было выяснить обстановку на фронтах и дать руководящие директивы действующим войскам, чтобы не потерять нити управления ими; во-вторых, объявив в стране военное положение, нужно было привести в действие механизм военной мобилизации; в-третьих, требовалось срочно сформировать и официально утвердить орган стратегического военного руководства действующей армией — Ставку Главного Командования.

В условиях отсутствия достоверной информации из западных военных округов Генеральный штаб РККА и Наркомат обороны не знали действительной обстановки, которая складывалась в зоне боевых действий. Поэтому не было информировано и высшее политическое руководство. Никто тогда не предполагал такого неожиданного развития событий.

Проекты указов Президиума Верховного Совета СССР о введении военного положения, проведении мобилизации и об образовании Ставки Главного Командования были заранее подготовлены Генеральным штабом. С этими документами и прибыли нарком обороны и начальник Генштаба 22 июня повторно в Кремль. Но это было не утром, как пишет Г. Жуков, а в обед.

Члены Политбюро, заслушав наркома обороны С. Тимошенко и внеся коррективы в представленные документы, приняли сразу четыре постановления: № 95 «О мобилизации военнообязанных...», № 96 «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения», № 97 «О военном положении» и № 98 «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении и в районах военных действий»[2]. Этими постановлениями высшего партийного органа власти утверждались про-

---

[1] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 267.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 23.

екты соответствующих указов высшей законодательной власти. В этот же день данные партийные решения были оформлены как указы Президиума Верховного Совета СССР, подписаны М.И. Калининым и на следующий день опубликованы в открытой печати.

В Указе «О военном положении» говорилось, что военное положение объявляется в соответствии с Конституцией СССР в отдельных местностях или по всему Советскому Союзу в интересах обороны страны и для обеспечения общественного порядка и государственной безопасности. В местностях, объявленных на военном положении, все функции органов власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности принадлежат военным советам фронтов, армий, военных округов. Военные власти получили полномочия: а) привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, охраны путей сообщения и т.д.; б) устанавливать военно-квартирную обязанность; в) объявлять трудовую и автогужевую повинность для военных надобностей; г) производить изъятие транспортных средств и иного необходимого для нужд обороны имущества; д) регулировать время работы учреждений и предприятий, организацию всякого рода собраний и шествий, запрещать появление на улице после определенного времени, производить обыски и задержания подозрительных лиц; е) регулировать торговлю, а также устанавливать нормы отпуска населению продовольственных и промышленных товаров; ж) воспрещать въезд и выезд в местности, объявленные на военном положении; з) выселять в административном порядке из пределов местности лиц, признанных социально опасными.

В документе указывалось, что за неподчинение распоряжениям военных властей, а также за преступления, совершенные в данных местностях, виновные подлежат уголовной ответственности по законам военного времени. Все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка, госбезопасности, а также дела о спекуляции, злостном хулиганстве и т.д. передавались на рассмотрение военных трибуналов, приговоры которых обжалованию не подлежали. Последний пункт Указа гласил, что его юрисдикция «распространяется также на местности, где в силу чрезвычайных обстоятельств отсутствуют местные органы государственной власти и государственного управления СССР»[1], т.е. на оккупированной территории.

---

[1] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. М., 1981. С. 291—293.

И. Сталин, изучив проект указа Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных...», ограничил масштабы мобилизации по возрастам — до 14 возрастов и по территории (мобилизация пока не коснулась Среднеазиатского, Забайкальского и Дальневосточного округов).

Утвержденный Указ гласил, что «на основании статьи 49 пункта «л» Конституции СССР Президиум Верховного Совета СССР объявляет мобилизацию на территории военных округов — Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого, Одесского, Харьковского, Орловского, Московского, Архангельского, Уральского, Сибирского, Приволжского, Северо-Кавказского и Закавказского. Мобилизации подлежат военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно. Первым днем мобилизации считать 23 июня 1941 года»[1].

Телеграмма о мобилизации по сигналу оповещения «Гроза» была подписана в 16.00 и в 16.40 сдана на Центральный телеграф. В 17.00 она дошла до адресатов. Сразу после этого Тимошенко и Жуков, согласно журналу, покинули кремлевский кабинет. В данном случае время отъезда из Кремля, зафиксированное в журнале посещений и в воспоминаниях Жукова, совпадает.

В это время на западной границе командирам частей и соединений зоны боевых действий приходилось действовать на свой страх и риск, без указаний Главного Командования. В условиях неопределенности, отсутствия связи, начинавшейся паники им приходилось принимать самостоятельные боевые решения. Но к принятию самостоятельных командирских решений они не были готовы, поскольку инициатива в РККА была наказуема. Комсостав, боясь ответственности, не решался отдавать боевые приказы без согласования с военным начальством.

Что касается проекта указа о Ставке Главного Командования, то принятие этого документа вождь отложил на следующий день. Создание высшего военно-стратегического органа было прерогативой Политбюро ЦК ВКП(б). Поэтому утром 23 июня вначале было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) № 99 «О Ставке Главного Командования вооруженных сил Союза ССР»[2] и тут же оно было

---

[1] Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне: Документы и материалы. М., 1970. С. 39.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 23.

оформлено соответствующим совместным закрытым постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б).

Возвращаясь к первому заседанию Политбюро и затрагивая такой важный вопрос, как состав его участников, необходимо отметить, что в литературе чаще всего употребляется обобщающий термин — «члены Политбюро». После телефонного сообщения Жукова Сталину о немецкой бомбардировке наших городов вождь распорядился, чтобы Поскребышев вызвал в Кремль «всех членов Политбюро»[1]. О вызове «всех членов Политбюро» говорит и В. Молотов[2]. Н. Хрущев в своих воспоминаниях, ссылаясь на Л. Берия, пишет, что «когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро. Не знаю, все или только определенная группа, которая чаще всего собиралась у Сталина»[3]. «Определенная» или «узкая», приближенная к вождю группа — это В.М. Молотов, Г.М. Маленков, Л.П. Берия, А.И. Микоян, К.Е. Ворошилов.

Видимо, не случаен тот факт, что ни в одном источнике нет полной информации о том, кто конкретно из «членов Политбюро» присутствовал на этом совещании у Сталина. Журнал посещений кремлевского кабинета советского лидера бесстрастно зафиксировал состав участников совещания, а также время их прибытия и убытия. На основании этого можно заключить — к И. Сталину в то трагическое раннее утро прибыли не все члены Политбюро и приехали они не одновременно. По указанию вождя Поскребышевым были собраны те высшие должностные лица, которые были необходимы в данный момент.

По состоянию на 22 июня 1941 г. в составе Политбюро ЦК ВКП(б) насчитывалось девять членов и пять кандидатов. Первыми на совещание, согласно журналу, прибыли в 5.45 В.М. Молотов, Л.П. Берия, С.К. Тимошенко, Л.З. Мехлис и Г.К. Жуков Из перечисленных лиц мы видим одного члена Политбюро (Молотов, нарком иностранных дел) и одного кандидата в члены Политбюро (Берия, нарком внутренних дел). Мехлис в тот период был членом Оргбюро ЦК и наркомом государственного контроля СССР. Тимошенко

---

[1] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 266.

[2] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. С. 48.

[3] *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Кн. 1. С. 301.

и Жуков представляли руководство Наркомата обороны. Затем в 7.30 появились Г.М. Маленков — кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б) и А.Я. Вышинский — член ЦК ВКП(б), заместитель Председателя СНК СССР. Через 25 минут в кабинет вошел А.И. Микоян — член Политбюро. В 8.00 прибыли еще два члена Политбюро — Л.М. Каганович и К.Е. Ворошилов. Кстати, много позже в беседе с историком Г. Куманевым Л. Каганович подтвердил, что он прибыл 22 июня в кабинет Сталина в 8.00 утра по его вызову. Получив от вождя много «продуманных, деловых» указаний, Лазарь Моисеевич через полтора часа покинул Кремль[1].

Таким образом, на первом военном совещании у Сталина присутствовало из девяти членов Политбюро ЦК ВКП(б) четыре и из пяти кандидатов — два. Отсутствовали члены Политбюро: Н.С. Хрущев (находился в Киеве, будучи первым секретарем ЦК КП(б)Украины), А.А. Жданов (был в отпуске в Сочи); не было А.А. Андреева и М.И. Калинина. Из кандидатов в члены Политбюро утром 22 июня в сталинском кабинете мы не видим Н.А. Вознесенского — первого заместителя Председателя СНК СССР и А.С. Щербакова — секретаря ЦК и первого секретаря Московского горкома и обкома ВКП(б). Н.А. Вознесенский, не заезжая в Кремль по указанию Сталина рано утром 22 июня собрал всех наркомов, ответственных за оборонные отрасли промышленности, и отдал распоряжения, предусмотренные мобилизационными планами[2].

А.С. Щербаков, вспоминает председатель исполкома Моссовета В.П. Пронин, поздно вечером 21 июня был вызван в Кремль, где доложил Сталину и Политбюро о состоянии городской противовоздушной обороны. Около 3 часов ночи нас, пишет Пронин, отпустили. Минут через 20 мы подъехали к дому. У ворот нас ждали. «Звонили из ЦК партии,— сообщил встречавший,— и поручили передать: война началась и надо быть на месте». Через некоторое время в Московском комитете партии собрались руководящие работники горкома и секретари райкомов, а в Московском совете — председатели рай-

---

[1] *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным. С. 73.

[2] Великая Отечественная война 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 131.

исполкомов и начальники служб МПВО. Мы сообщили собравшимся о начавшейся войне и условились о первых мерах по приведению всех подразделений МПВО в боевую готовность и по переводу предприятий на выполнение оборонных заданий[1].

В связи с этим безосновательно говорить о сборе у Сталина «всех членов Политбюро» и их совместном прибытии в Кремль. Прибыли, в основном, военные и политики.

В нашей историографии отсутствует четкое определение статуса этого совещания. На самом деле, это было нечто среднее между заседанием Политбюро ЦК партии, заседанием Главного Военного совета и заседанием Совнаркома СССР. По сути, данный сбор следует квалифицировать как экстренное совещание партийной, политической и военной элиты страны, собравшейся для решения неотложных задач в условиях только что развязанной войны.

В связи с внезапно начавшимися военными действиями в армии и стране назревал управленческий кризис, поэтому и был срочно собран Сталиным своего рода всесоюзный штаб антикризисного военного управления.

Важнейший вопрос в этой связи, какие проблемы решались в кабинсте у Сталина ранним утром 22 июня, наряду с утверждением проектов указов, и какие были приняты первые управленческие военные решения? Об этом в отечественной историографии имеются весьма отрывочные сведения. Протокола этого заседания нет. И все-таки, судя по стилю руководства вождя, кто-то из членов Политбюро должен был вести краткую запись этого совещания, имевшего историческое значение. Ясно одно, что предварительно составленного плана его проведения не существовало.

В этой экстремальной обстановке советскому руководству необходимо было коллегиально, под эгидой вождя определить общие направления руководства армией и страной и принять меры, направленные на пресечение агрессии.

Во-первых, кремлевским вождям надо было срочно определиться в главном — война это или военная провокация немцев? И. Сталин

---

[1] Москва военная.— 1941—1945. Мемуары и архивные документы. С. 35.

еще надеялся, что, возможно, это провокация. Поэтому в начале совещания, когда уже было известно, что германские сухопутные войска перешли наши границы, Сталин не давал приказа на ответные боевые действия. И только когда немецкий посол Шуленбург вручил Молотову ноту об объявлении войны, глава Советского правительства все понял и санкционировал директиву войскам № 2. Это решение состоялось в 6.30 утра.

Принятие этой директивы явилось вторым важным решением совещания после утверждения проектов указов Президиума Верховного Совета. Текст директивы был написан прямо на совещании и она называлась «Военным советам ЛВО, ПрибВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО, ВМФ о внезапном нападении Германии и боевых задачах войск». В 7 часов 15 минут 22 июня директива, подписанная наркомом обороны С.К. Тимошенко, начальником Генштаба Г.К. Жуковым и членом Главного Военного совета, кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Г.М. Маленковым, была передана в западные военные округа. Вождь не стал ее подписывать.

В ней говорилось: «22 июня 1941 года 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль Западной границы и подвергла их бомбардировке.

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз,— приказываю:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.

Впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить...

2. Разведывательной и боевой авиации установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и группировку его наземных войск...

Тимошенко. Маленков. Жуков»[1].

---

[1] ЦАМО. Ф. 113. Оп. 3272. Д. 5. Л. 1—2.

В сложившейся в западных округах ситуации эта директива центра оказалась нереальной и поэтому не была проведена в жизнь. Более того, эта директива показывает совершенную некомпетентность лиц, подписавших ее. Она имела очень тяжелые для нас военно-стратегические последствия. Дело в том, что когда отдавался этот приказ войскам, наша авиация уже была разбита на аэродромах, а сухопутные части и соединения неорганизованно отступали. В июне 1812 г., когда армия Наполеона вторглась в пределы Российской империи, русская армия отступала, шагая по этой же территории, но куда более организованно и продуманно.

Заметим, военно-политическое руководство страны приказывает командованию западных округов (фронтов) уничтожить врага своими силами, не переходя при этом границу. В Москве считали, что у командующих фронтами М.П. Кирпоноса, Д.Г. Павлова и Ф.И. Кузнецова вполне достаточно для этого наличных сил и средств. И основания для этого были — войска наших западных округов, по последним данным, имели общее преимущество в боевой технике и не уступали в людях перед армией вторжения. Нужно было просто умело управлять войсками. Но наши военачальники не смогли справиться с этой задачей. Именно неумение управлять своими силами и средствами — армиями, корпусами, дивизиями наряду с другими факторами повлекло военную катастрофу 1941 года.

И второй момент, касающийся данной директивы. Советское правительство предупреждает военных — впредь, до особого распоряжения границу не переходить! То есть оно, будучи уверенным в скорой победе, еще надеялось, что начавшиеся боевые действия — не большая война (ведь были же до этого Хасан и Халхин-гол) и можно будет урегулировать этот конфликт с Гитлером. Поэтому в директиве № 2 мы не находим слова «война». Впервые это слово прозвучало в полдень в речи В.М. Молотова советскому народу.

Третье важное решение, которое было принято на этом совещании,— кто персонально будет обращаться к стране и объявлять о начале войны? Этот вопрос имел принципиальное значение. Утром 22 июня, как уже говорилось, берлинское радио оповестило весь мир о начале войны Германии против СССР, озвучив декларацию фюрера, но Москва хранила упорное молчание. Местоблюститель патриаршего престола в СССР митрополит Сергий 22 июня обратился к народу с собственным патриотическим «Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви».

Молчание советского руководства 22 июня становилось странным и непонятным. По Москве уже ползли слухи, а по радио слышались обычные передачи мирного времени. По логике о начале войны должен был сказать притихшей стране ее вождь — И.В. Сталин. Ведь начавшаяся война — это результат его предвоенной внешней политики. Подписав пакт о ненападении с Гитлером и развязав ему руки для большой войны в Европе, советский лидер не мог предположить, что Германия так быстро ее покорит. Сталин считал, что немцы, как и в Первой мировой войне, увязнут в противоборстве с Францией и Англией. И в нужный момент Красная Армия нанесет свой решающий удар. Но в итоге в 1941 г. мы оказались один на один в войне с объединенной Европой во главе с Германией. Сталинская внешнеполитическая концепция рухнула. Ложным оказался предвоенный сталинский лозунг, уверявший советских людей, что мы будем воевать малой кровью и на чужой территории.

22 июня вождь категорически отказался обращаться к народу. Ему нечего было сказать стране. Выступил В. Молотов — второе лицо в государственной иерархии. На вопрос, почему не стал выступать И. Сталин, отвечают в своих воспоминаниях его соратники.

А. Микоян: «Решили, что надо выступить по радио в связи с началом войны. Конечно, предложили, чтобы это сделал Сталин. Но Сталин сказал: «Пусть Молотов выступит». Мы все возражали против этого: народ не поймет, почему в такой ответственный исторический момент услышат обращение к народу не Сталина — Первого секретаря ЦК партии, Председателя правительства, а его заместителя. Нам важно сейчас, чтобы авторитетный голос раздался с призывом к народу — всем подняться на оборону страны. Однако наши уговоры ни к чему не привели. Сталин говорил, что не может выступить сейчас, это сделает в другой раз. Так как Сталин упорно отказывался, то решили, пусть выступит Молотов. Выступление Молотова прозвучало в 12 часов дня 22 июня. Конечно, это было ошибкой. Но Сталин был в таком подавленном состоянии, что в тот момент не знал, что сказать народу. 23 июня текст выступления Молотова был опубликован в газетах, а рядом дана большая фотография Сталина»[1].

---

[1] *Микоян А.И.* Так было. С. 388—389.

У А. Микояна мы находим довольно убедительную причину отказа Сталина выступать в этот ответственный момент — ему нечего было сказать народу, ввиду того что вся его предвоенная политика оказалась несостоятельной. Важно то, что сталинский соратник дает оценку этому факту — он вынужден признать, что отказ от выступления — «это было ошибкой».

Более интересна, на наш взгляд, интерпретация этого события самим выступающим — В. Молотовым.

«Почему я, а не Сталин? Он не хотел выступать первым, нужно, чтобы была более ясная картина, какой тон и какой подход. Он, как автомат, сразу не мог на все ответить, это невозможно. Человек ведь. Но не только человек... он и человек, и политик. Как политик, он должен был и выждать, и кое-что посмотреть, ведь у него манера выступлений была очень четкая, а сразу сориентироваться, дать четкий ответ в то время было невозможно. Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах»[1].

Важно заметить, что если первый автор довольно жестко критикует поведение Сталина, называя его действия политической ошибкой, то второй — Молотов — оправдывает его.

Далее В.М. Молотов уточняет одну, но очень важную деталь — кто писал эту речь. Вячеслав Михайлович сообщает, что обращение к народу он писал сам, но при активном участии Сталина, а в редактировании участвовали все присутствующие на совещании члены Политбюро. То есть речь была плодом коллективного труда. «Сталин был строгий редактор, вспоминает Молотов, и такая речь не могла пройти мимо него и без его утверждения». Надо отметить, что правка Сталина этого и многих последующих документов была точна и позволяла видеть в нем тонкого политика, хорошего стилиста, отлично владевшего русским языком (хотя он говорил с грузинским акцентом). Заключительные слова обращения: «Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами», затронувшие души людей и ставшие одним из главных лозунгов войны, были продиктованы Сталиным[2].

---

[1] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. С. 50—51.

[2] *Молотов В.М.* Выступление по радио 22 июня 19941 г. М., 1941. С. 3.

Речь Молотова была первым с началом войны оценочным и программным документом советского руководства. Именно там были расставлены первые акценты на пути превращения страны в единый военный лагерь[1].

После этого выступления Сталин зашел в кабинет к Молотову и, по воспоминаниям Чадаева, присутствовавшего там, подбодрил его: «Ну и волновался ты, но выступил хорошо». «А мне казалось, что я сказал не так хорошо»,— ответил тот[2]. По мнению большинства людей, слышавших эту речь, она была неэмоциональной, маловдохновляющей, «глухой».

На высоком совещании в Кремле были приняты и другие важнейшие решения, направленные на превращение страны в единый военный лагерь. Так, были введены в действие заранее разработанные военно-мобилизационные планы для оборонных отраслей промышленности. Эта задача была поставлена перед наркоматовской системой, которую курировал первый заместитель И. Сталина по Совнаркому Н. Вознесенский.

Итак, первое совещание военно-политического руководства страны, начавшись в 5.45 22 июня, завершило свою работу где-то в 8.30. Были приняты первые важные управленческие решения, направленные на организацию отпора врагу.

Изучение событий первого дня войны, происходивших в Кремле, показывает, что после первого совещания в кабинете у Сталина началась череда других совещаний: примерно в 8.40 началось второе, затем в 11.30 третье, в 14.00 четвертое, в 15.30 пятое. В 16.45 работа в кремлевском кабинете вождя закончилась: 12-часовой рабочий день — с 4 утра и в 4 вечера завершился. Но это только в кабинете. Этот рабочий график стал для Сталина и его окружения нормой в военное время.

Первые дни войны — это была нескончаемая цепь заседаний и совещаний политических, военных, хозяйственных руководителей страны, которые постоянно вызывались Сталиным в Кремль для постановки задач и решения текущих оборонных вопросов.

---

[1] Подробный анализ этого и ряда других официальных документов дан в отдельной главе.

[2] *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным. С. 412.

Важно подчеркнуть, что если первое заседание официально не протоколировалось, то на последующие И. Сталин для этой цели пригласил своего верного помощника — управляющего делами СНК СССР Я. Чадаева. Он впоследствии вспоминал, что «в первый день войны мне удалось присутствовать на двух заседаниях у Сталина и вести протокольные записи этих заседаний. Что особо запомнилось — это острота обсуждаемых вопросов на фоне отсутствия точных и конкретных данных у нашего высшего политического и военного руководства о действительном положении на фронтах войны. Несмотря на это, решения были приняты весьма важные и неотложные»[1]. Данные протоколы до сих пор недоступны исследователям. В послевоенные годы управляющий делами СНК написал добротный труд по экономике СССР в годы минувшей войны[2], но, к сожалению, не оставил книги личных воспоминаний.

В полдень 22 июня, уже после выступления Молотова, в Москве, да и в стране в целом никто не допускал мысли, что начавшаяся война очень скоро и надолго изменит всю жизнь, поломает судьбы десятков миллионов людей. Настроение у большинства советских людей, и даже у высокопоставленных лиц, тогда было решительное и одновременно благодушное. Чадаев по этому поводу вспоминал следующее. «В течение 22 июня после визита к Вознесенскому я побывал также с документами у других заместителей Председателя Совнаркома. Нетрудно было убедиться, что почти все они еще не испытывали тогда больших тревог и волнений. Помню, например, когда поздно ночью закончилось заседание у Сталина, я шел позади К.Е. Ворошилова и Г.М. Маленкова. Те громко разговаривали между собой, считая развернувшиеся боевые действия как кратковременную авантюру немцев, которая продлится несколько дней и закончится полным провалом агрессора. Примерно такого же мнения придерживался тогда и В.М. Молотов»[3]. Это понятно — превосходство РККА в боевой технике было в 1941 г. значительным.

Еще до выступления В. Молотова руководящие партийные органы республик и областей западной части СССР были оповещены

---

[1] *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным. С. 413.

[2] *Чадаев Я.Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2-е. М., 1985.

[3] *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным. С. 413.

о нападении Германии через ЦК ВКП(б) и военные штабы. Они немедленно приступили к претворению в жизнь мобилизационных планов, но, скованные инструкциями центральных органов, вынуждены были действовать в ограниченных рамках.

Так, партийному и советскому руководству Белоруссии уже с утра 22 июня стало известно, что германские войска быстро, не встречая серьезного сопротивления, продвигаются в глубь нашей территории. Но так же, как и в Москве, оно не допускало и мысли о трагических последствиях этого вторжения, а потому не предпринимало ответных мер, ожидая указаний из центра[1]. Парадоксально, но факт: война, о которой в мирное время говорили как о неизбежной, для многих местных партийных и советских руководителей, привыкших действовать по указке свыше, оказалось полной неожиданностью, и поначалу они попросту не осознавали свои задачи.

Поздно вечером 22 июня была принята и направлена в войска директива Главного Военного совета № 3. Предыдущая директива, отданная действующей армии утром 22 июня, как известно, не дала положительных результатов. Отдавая эти приказы войскам, ни Сталин, ни Наркомат обороны не знали, что происходит в пограничных округах. Достаточно обратить внимание на нереальность задач, поставленных в директиве № 2. К моменту принятия документа основная масса наших боевых самолетов была уничтожена на аэродромах, поэтому они не могли разбомбить не только Кенигсберг, но и поддержать с воздуха боевые действия своих сухопутных сил.

Директива № 3, инициированная Сталиным и подписанная вновь Тимошенко, Жуковым и Маленковым, ушла в штабы только что созданных Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов примерно в 23.00. Жуков в это время был уже в Киеве — по распоряжению Сталина он был командирован на Юго-Западный фронт в помощь М. Кирпоносу для руководства боевыми действиями.

Г. Жуков вспоминает, что ему в Киев позвонил оставшийся за него в Генштабе генерал Н. Ватутин и сообщил, что И. Сталин одобрил проект директивы № 3 и приказал поставить мою подпись[2].

---

[1] Великая Отечественная война 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 131.

[2] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 270.

Жуков пытался возразить: «Мы еще точно не знаем, где и какими силами противник наносит свои удары». Ватутин ответил: «Я разделяю Вашу точку зрения, но дело уже решенное». После этого начальник Генерального штаба согласился, чтобы под документом поставили его подпись. Характерно, что вождь стал ставить свою подпись под приказами подобного рода только тогда, когда мы начали наступать.

Эта директива тоже оказалась непродуманной и ошибочной, если не сказать больше. Она ставила ближайшей задачей войск на 23—24 июня 1941 г.: «а) Концентрическими ударами СЗФ и ЗФ окружить и уничтожить Сувалковскую группировку и к исходу 24.06 овладеть районом Сувалки; б) Мощными концентрическими ударами ЮЗФ... окружить и уничтожить группировку противника, наступающего в направлении Владимир—Волынск—Броды. К исходу 24.06 овладеть районом Люблин...»[1]. Но Люблин — это уже чужая территория, оккупированная немцами Польша.

Итак, И. Сталин бросал Красную Армию во встречные крупномасштабные сражения с отборными танковыми группами вермахта. Причем ставилась задача не остановки противника, как в директиве № 2, а его решительного уничтожения и выхода наступающих советских войск на территорию врага и дальнейшего продвижения. Между прочим, это полностью соответствовало задачам, поставленным в плане превентивного удара по германским вооруженным силам, разработанным нашим Генеральным штабом накануне войны. Этот документ назывался «Соображения "Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил на Западе и на Востоке"» от 11 марта 1941 г. Он не был утвержден Сталиным; но, может быть, в какомнибудь спецхране хранится другой экземпляр этого плана, подписанный вождем.

В этой связи гипотеза В. Суворова о подготовке Сталиным вторжения в Европу в «день-М» оказывается не такой уж далекой от истины[2]. Конечно, советский вождь был готов нанести решающий превентивный удар по немцам. Но не в июле 1941 г., как утверждает

---

[1] ЦАМО. Ф. 113а. Оп. 3272. Д. 5. Л. 1—2.

[2] *Суворов В.* Ледокол. М., 1992; *Суворов В.* День-М. Когда началась Вторая мировая война? М., 1994.

В. Суворов. В 1941 г. Красная Армия была просто не готова к такому броску — она была технически неукомплектована. Планы развертывания механизированных корпусов — основной ударной силы советских войск были выполнены лишь на 30%. Представляется, что если бы в 1941 г. Гитлер не напал на СССР, то через 2—3 года Сталин бросил бы Красную Армию на запад. Сопоставляя документы и факты, необходимо признать, что И. Сталин, преследуя свои геополитические цели, направленные на укрепление и расширение советской державы, допускал нанесение удара по Германии. Особенно, если бы Германия завязла в войне с Францией. Политически и идеологически можно всегда обосновать необходимость такого удара.

Сталинская директива № 3, не соответствовавшая сложившейся стратегической обстановке, была нереальной и свидетельствовала о том, что ни Генштаб, ни Наркомат обороны, ни Сталин не могли компетентно управлять войсками и руководить боевыми действиями. Налицо был кризис военного управления.

Еще одно важное военное решение было принято лично И. Сталиным в полдень 22 июня, на которое следует обратить внимание. Несмотря на то, что Генштаб не мог доложить политическому руководству полную и точную обстановку на наших западных границах, Сталин, как опытный и тонкий политик по ряду признаков, и прежде всего по факту отсутствия связи и информации, первым понял, что дела там обстоят плохо. Обстановка была непонятной и это очень настораживало. В данной ситуации вождь принимает решение срочно направить из Москвы на самые опасные направления — Западный и Юго-Западные фронты самых опытных военачальников — маршалов Шапошникова и Кулика в Минск и генерала армии Жукова в Киев с тем, чтобы они разобрались в ситуации и попытались ее выправить.

Г. Жуков попытался возразить вождю и задал вопрос: «Кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?» И. Сталин ответил: «Оставьте за себя Ватутина. Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся»[1].

Из приведенного диалога мы видим, что Сталин уже в полдень первого дня войны без оперативной информации и аналитических справок Генштаба интуитивно определил главные направления удара Гитлера — западное (через Минск—Смоленск на Москву) и юго-

[1] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 268—269.

западное (на Киев). Причем западное направление представлялось теперь более опасным и важным (туда посылаются два маршала). То есть Сталин меняет свою предвоенную позицию, основанную на том, что вермахт, в случае нападения, прежде всего ударит на киевском направлении с целью оккупации Украины, богатой материальными и продовольственными ресурсами.

Вождь формулирует мотивацию своего решения. Для чего посылаются на фронты большие военачальники? В помощь командующим фронтами Д.Г. Павлову и М.П. Кирпоносу, ввиду отсутствия у них опыта в организации боевых действий такого масштаба. Действительно, Павлов и Кирпонос совсем недолго командовали округами и, тем более, никогда не были командующими фронтами.

Примечательно то, что И. Сталин постоянно говорит от имени Политбюро. Это не он посылает военачальников на укрепление западных фронтов, а Политбюро. Значит, это коллективное политическое решение. Поэтому и ответственность в случае неудачи должна быть тоже коллективная. Более того, Сталин указывает, что по прилету в Киев в полосе Юго-Западного фронта Г. Жуков должен прежде всего встретиться и сотрудничать с Н.Хрущевым — первым секретарем ЦК Компартии Украины. Этим еще раз подчеркивались роль и значение партийной власти. Далее мы увидим, что после поражений 1941 г. эта роль значительно изменится.

Отметим статус лиц, направленных на западные фронты. Они впервые квалифицируются как представители Ставки Главного Командования с соответствующими высокими полномочиями (хотя 22 июня юридически Ставки еще не существовало, она была создана на следующий день). То есть уже в первый день войны фактически возник институт представителей Ставки. И. Сталин вспомнил опыт Гражданской войны, когда он сам с мандатом В. Ленина неоднократно бывал на фронтах Советской республики как представитель Совета Рабоче-Крестьянской обороны.

Рабочий день 22 июня 1941 г. в кремлевском кабинете И. Сталина, согласно записей журнала посещений, закончился в 16.45. В 16.00 из кабинета вышли военные: Тимошенко — нарком обороны, Жуков — начальник Генштаба, Ватутин — заместитель начальника Генштаба, Шапошников и Кулик — заместители наркома обороны. В 16.45 от Сталина вышли его политическое соратники — Молотов, Ворошилов и Берия. После этого вождь отбыл в свою резиденцию в Кунцево. Нет сомнения — вечером он и там напряженно

работал. Свидетельство тому — санкционированная им из Кунцево поздно вечером 22 июня директива войскам № 3.

Таким образом, уже в первый день войны, несмотря на первоначальную растерянность, политическим руководством страны была проделана огромная аналитическая, организаторская, распорядительная работа по определению стратегических целей в войне, разработке основ военной политики и принятию первых управленческих решений. Насколько они были адекватными ситуации, показало ближайшее время. Основными программными документами этого дня явились: для действующей армии — директивы № 2 и № 3 Главного Военного Совета, оказавшиеся, к сожалению, нереальными; для народа и местных органов государственной власти — выступление В.М. Молотова по радио.

ОРГАНЫ ВЛАСТИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

Начальный период войны, длившийся примерно месяц (до 20-х чисел июля),— самый трагичный за всю ее историю. Противник добился крупных оперативно-стратегических результатов. Были разгромлены наши Западный и Северо-Западный фронты. Враг продвинулся в глубь советской территории на 300—600 км. Но, несмотря на поражения и большие потери, Красная Армия упорно сопротивлялась.

В этой кризисной ситуации наш центральный государственный аппарат активно работал. 23 июня после утреннего совещания Политбюро, утвердившего образование Ставки ГК и ее состав, начался цикл вечерних заседаний — с 18.45 до 01.25 24 июня, на которых рассматривались важнейшие оборонные вопросы. Присутствовали В. Молотов, К. Ворошилов, Н. Вознесенский, Л. Каганович, Л. Берия, С. Тимошенко, П. Жигарев (командующий ВВС), В. Меркулов (нарком госбезопасности), Л. Мехлис (нарком госконтроля), Н. Ватутин (заместитель начальника Генштаба), Кузнецов (нарком ВМФ), Н. Власик (начальник личной охраны Сталина). По фамилиям посетителей и замещаемой ими должности, можно понять тему и направленность рассматриваемых вопросов.

Напряженно проходили в Кремле и последующие дни июня 1941 года. Журнальные записи посетителей кремлевского кабинета Сталина не позволяют создать полного впечатления о рабочем дне первого лица государства в военное время. Здесь не указано время, когда

он говорил по телефону с членами Политбюро, наркомами, командующими фронтами, директорами заводов, секретарями обкомов партии или работал над документами в своем рабочем кабинете один.

Между тем ситуация на фронте продолжала с каждым днем ухудшаться. Война развивалась по наихудшему для нас сценарию. Она диктовала управленческие решения и действия Советскому правительству, а не наоборот.

Вермахт полностью владел стратегической инициативой. Мощные удары германской авиации и танковых групп в первые же часы и дни войны вывели из строя огромное количество советской боевой техники и личного состава западных округов. Быстро продвигавшиеся (до 40—50 км в день) немецкие моторизированные войска, рассекая фронты Красной Армии, глубоко вклинивались в советскую территорию, окружая дивизии, корпуса и армии, захватывая массу боевой техники и пленных, стратегические склады горючего и боеприпасов. Несмотря на героическое сопротивление советских войск, враг рвался вперед. Особый героизм проявили пограничные войска НКВД. Символом бесстрашия и отваги стали пограничники — защитники Брестской крепости. Они не могли остановить врага, но они не сдались врагу.

Наиболее тревожная обстановка сложилась в Белоруссии, где вермахт наносил главный удар войсками группы армий «Центр». Хотя силы нашего Западного фронта (командующий Д.Г. Павлов) не уступали, а по танкам в 2,7 раза превосходили немецкие[1], Красной Армии не удалось остановить противника. Довольно быстро были захвачены Литва, Латвия, Белоруссия, часть Украины, Молдавии. Создалась реальная угроза Киеву, Ленинграду, Смоленску.

К началу июля в полосе Западного фронта из 44 наших дивизий 24 погибли полностью, остальные потеряли от 30 до 90% личного состава. Общие потери одного только Западного фронта исчислялись огромными цифрами — 418 тыс. человек, 4799 танков, 1777 боевых самолетов, 9427 орудий и минометов. Противнику были оставлены все склады стратегических запасов — 1766 вагонов боеприпасов, 17,5 тыс. т горючего, 2038 т смазочных материалов, 60% запасов продовольствия и фуража, все запасы вещевого имущества[2].

---

[1] Великая Отечественная война 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 136.

[2] Там же. С. 147.

Западный фронт под командованием генерала Д. Павлова был полностью разгромлен. Потери вермахта за этот период несопоставимо малы. Начальник Генерального штаба генерал Ф. Гальдер в своем дневнике за 3 июля 1941 г. пишет: «...с 22.06 по 30.06 наши потери составляют в общей сложности 41 087 человек — 1,64% наличного состава...»[1] На основе этих цифр независимый эксперт мог бы прийти к выводу, что в 1941 г. имела место не столько война, сколько капитуляция советских войск.

В этой сложной обстановке, когда немцы уже обходили Минск и терялись нити управления войсками, И. Сталин, жестко руководя, предпринимает решительные меры.

Во-первых, поняв свою ошибку с отправкой начальника Генерального штаба на передовую, он 26 июня возвращает Г.К. Жукова в Москву. Ставка Главного Командования, рабочим инструментом которой являлся Генеральный штаб, без начальника Генштаба не могла эффективно управлять действующей армией.

Г. Жуков вспоминает, что 26 июня ему на командный пункт Юго-Западного фронта в Тернополь позвонил И.Сталин и сказал: «На Западном фронте сложилась тяжелая обстановка. Противник подошел к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где. Маршал Шапошников заболел. Можете Вы немедленно вылететь в Москву?» — «Поздно вечером 26 июня я прилетел в Москву и прямо с аэродрома — к И.В. Сталину. В кабинете И.В. Сталина стояли навытяжку нарком С.К. Тимошенко и мой первый заместитель генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин. Оба бледные, осунувшиеся, с покрасневшими от бессонницы глазами. И.В. Сталин был не в лучшем состоянии. Поздоровавшись кивком, И.В. Сталин сказал: "Подумайте вместе и скажите, что можно сделать в сложившейся обстановке?" — и бросил на стол карту Западного фронта»[2].

Второй шаг, который предпринял И. Сталин в конце июня 1941 г.,— его внезапная поездка 29 июня в Наркомат обороны с целью лично разобраться в обстановке, сложившейся в Белоруссии, и проверить, как работает Генштаб.

---

[1] *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 29.

[2] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 287—288.

28 июня наши войска оставили Минск. По воспоминаниям очевидцев И. Сталин очень резко и крайне негативно отреагировал на это известие. Г. Жуков, сознательно сглаживая ситуацию, обходится в мемуарах одной фразой: «29 июня И.В. Сталин дважды приезжал в Наркомат обороны... и оба раза крайне резко реагировал на сложившуюся обстановку на западном стратегическом направлении»[1]. Понятно, что не в интересах автора рассказывать подробности этого неприятного для него события.

Приезд вождя в Наркомат обороны был не рядовой инспекцией. Если ранним утром 22 июня Сталин был ошеломлен, растерян, но собрался, то утром 29 июня он был в ярости. И это состояние после посещения военного ведомства стало шоковым.

Наиболее правдоподобно посещение Наркомата обороны описал, на наш взгляд, присутствовавший при этом А.И. Микоян. «На седьмой день войны фашистские войска заняли Минск. 29 июня, вечером, у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия. Подробных данных о положении в Белоруссии тогда еще не поступало. Известно было только, что связи с войсками Белорусского фронта нет. Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко, но тот ничего путного о положении на западном направлении сказать не мог. Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться в обстановке».

Далее Анастас Иванович сообщает, что их приезд был неожиданным для Тимошенко и Жукова. Доклад Жукова не удовлетворил Сталина и он взорвался: «Что за Генеральный штаб? Что за начальник штаба, который в первый же день войны растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует?» Окрик Сталина был оскорбительным для Жукова и тот буквально разрыдался, выбежав в другую комнату. За ним пошел Молотов. Сталин, пишет далее Микоян, был очень удручен. Когда вышли из Наркомата, Сталин произнес свою знаменательную фразу о том, что Ленин оставил нам великое наследие (пролетарское государство — в других источниках), а мы, его наследники, все это... прошляпили (здесь вождь употребил в качестве синонима нецензурное слово) Микоян подчеркивает: «Мы были поражены этим высказыванием

---

[1] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 291.

Сталина. Выходит, что все безвозвратно потеряно? Посчитали, что это он сказал в состоянии аффекта»[1].

Это же подтверждает другой участник поездки в НКО — В. Молотов. «Поехали в Наркомат обороны Сталин, Берия, Маленков и я... Это было на второй или третий день. По-моему, с нами был еще Маленков. А кто еще, не помню точно... Сталин был в очень сложном состоянии. Он не ругался, но не по себе было...» Вячеслав Михайлович по причине возраста путается не только в лицах (не называет Микояна) и дате (не второй, а седьмой день войны), но и в поведении Сталина. Через некоторое время он говорит, что «Сталин довольно грубо разговаривал с Тимошенко и Жуковым. Он редко выходил из себя...»[2]

Приведенная информация, безусловно, является ценной и интересной. Но авторы мемуаров упустили или умолчали один, но принципиально важный момент. Речь идет о проявлении первых разногласий между политическим и военным руководством страны и о пересечении Сталиным возможного раскола между Политбюро и военной верхушкой страны. Вождь и раньше не очень доверял своим генералам. В ходе разговора руководитель НКВД Л. Берия задал Г. Жукову провокационный вопрос: может быть, мы (т.е. Политбюро) мешаем вам? Начальник Генштаба не отреагировал. Уходя, Сталин резюмировал — вы (т.е. руководство НКО) делаете грубую ошибку, что отделяете себя от нас, об овладении обстановкой нам теперь надо думать всем вместе. И. Сталин, как мудрый политик, в этот тяжелый час предпринял попытку объединить усилия политического и военного руководства, подчеркнув безусловный приоритет первого. Хотя сделал он это в очень жесткой форме. Но ситуация сложилась такая, что уговаривать подчиненных не было времени.

Был ли И. Сталин тогда в состоянии аффекта, стресса, шока, как об этом сейчас говорят и пишут многие историки? В этой связи возникает второй и более серьезный вопрос — был ли кризис государственного управления в начальный период войны? Если у вождя был стресс, значит, был и глубокий кризис государственного управления, потому что государство в то время ассоциировалось с вождем — Сталиным.

---

[1] *Микоян А.И.* Так было. С. 389—390.

[2] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. С. 50—52.

Первым о шоке у Сталина заговорил Н. Хрущев в ходе его антисталинских разоблачений в конце 50-х годов. Хрущев, ссылаясь на рассказ Берии, который был рядом с вождем в те первые дни войны, пишет, что Сталин с самого начала военных действий (т.е. с 22 июня) был «морально совершенно подавлен... Он находился в состоянии шока». Когда Сталин увидел, что война развивается катастрофически, он отказался от руководства и, сев в машину, уехал на ближнюю дачу в Кунцево.

«Мы,— рассказывал Берия,— остались. Что же делать дальше? После того, как Сталин так себя показал, прошло какое-то время, посовещались мы с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым... Посовещались и решили поехать к Сталину, чтобы вернуть его к деятельности, использовать его имя и способности для организации обороны страны. Когда мы приехали к нему на дачу, то я, — рассказывает Берия, — по его лицу увидел, что Сталин очень испугался. Полагаю, Сталин подумал, не приехали ли мы его арестовать за то, что он отказался от своей роли и ничего не предпринимает для организации отпора немецкому нашествию?

Тут мы стали его убеждать, что у нас огромная страна, что мы имеем возможность организоваться, мобилизовать промышленность и людей, призвать их к борьбе. Одним словом, сделать все, чтобы поднять народ против Гитлера. Сталин вроде бы немного пришел в себя. Распределили мы, кто за что возьмется по организации обороны, военной промышленности и прочего»[1].

Хрущев заявляет, что говорит со слов Берии. Но так ли рассказывал Лаврентий Павлович и так ли было на самом деле — это вопрос, на который уже никто не ответит. Обратим внимание на следующее. Н. Хрущев настаивает, что вождь оказался недееспособным (в шоке) с первого дня войны. Примерно это же говорит очевидец тех событий член Политбюро А. Микоян: «Сталин в подавленном состоянии находился на ближней даче в Волынском (в районе Кунцево)»[2].

Выходит, что председатель Советского правительства и лидер партии не управлял страной и Вооруженными силами тогда, когда надо было собрать свою волю и волю страны в кулак и организовать решительный отпор агрессору. В самый ответственный момент

---

[1] *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Кн. 1. С. 301.

[2] *Микоян А.И.* Так было. С. 389.

он проявил нервозность и малодушие. До войны вождь любил поучать других: «Нервозность — худший вид малодушия».

Более того, создается впечатление, что Сталин человек не только слабонервный, сразу впавший в панику и депрессию, но он еще и, по словам А. Авторханова, настоящий дезертир[1]. Когда вся страна мобилизовывала свои силы, масса добровольцев записывалась в ряды Красной Армии, Сталин самовольно бросил исполнение своих должностных обязанностей Председателя СНК СССР и в испуге скрылся на ближней даче, никого к себе не пуская.

Поэтому, по словам Хрущева, Сталин очень испугался, увидев прибывших к нему членов Политбюро. У вождя были основания полагать, что его соратники, движимые инстинктом власти и самосохранения, пришли, чтобы сместить его как лидера, который не справляется с ситуацией. Сталин прекрасно понимал, что по заведенной им традиции уход из Политбюро — от руля власти мог быть только один — через арест и расстрел.

Вождь маниакально боялся заговоров. В этом отношении он действовал в соответствии с наказом своего кумира Н. Макиавелли, книгу которого «Государь» он внимательно изучил, подчеркнув важные мысли: «Государя подстерегают две опасности — одна изнутри, со стороны подданных, другая извне... Единственное, чего следует опасаться, — это тайные заговоры. Главное средство против них — не навлекать на себя ненависти и презрения подданных и быть угодным народу... Короче говоря, на стороне заговорщиков — страх, подозрение, боязнь расплаты; на стороне государя — величие власти, законы, друзья и вся мощь государства»[2].

Хрущеву и Микояну в вопросе о шоковом состоянии вождя оппонирует Молотов, который был решительно не согласен с подобными характеристиками настроения и поведения Сталина в первые дни войны. На вопрос Ф. Чуева в ходе его интервью: «Растерялся ли Сталин?» В. Молотов ответил: «Растерялся нельзя сказать, переживал — да, но не показывал наружу. Свои трудности у Сталина были, безусловно. Что не переживал — нелепо. Но его изображают не таким, каким он был — как кающегося грешника... это абсурд, конечно. Все

---

[1] *Авторханов А.* Загадка смерти Сталина. М., 1992. С. 7.

[2] *Макиавелли Н.* Государь. М., 1990. С. 55.

эти дни и ночи, как всегда, работал, некогда ему было теряться или дар речи терять»[1].

В другом интервью В. Молотов, подтверждая тот факт, что Сталин в начале войны сильно переживал (но на парализованного от страха кролика, как говорил Хрущев, не был похож), идет в своих воспоминаниях дальше. Он признает факт уединения Сталина. «Два-три дня он не показывался, на даче находился. Он переживал, безусловно, был немножко подавлен. Но всем было очень трудно, а ему особенно»[2].

Признавая факт кратковременного стрессового состояния Сталина («был немножко подавлен»), Молотов, как его ближайший друг и соратник, в отличие от Хрущева, оправдывает вождя. Это понятно, иначе тень подозрения в неспособности управлять страной падет и на него. Ведь Вячеслав Михайлович был вторым лицом в государственной иерархии.

Для установления истины обратимся к уже упоминаемому документу — журналу посещений кремлевского кабинета Сталина, который скрупулезно вел его личный секретарь. Анализ этого документа позволяет сказать, что, вопреки распространенному мнению, И. Сталин не впал в панику в первый же день войны. Срыв у него начался через неделю — 29 июня, когда немцы прошли всю Белоруссию и открылась дорога на Москву, а Генеральный штаб РККА (он убедился в этом лично в ходе поездки туда) не имел связи с фронтом и не знал, что в этой обстановке предпринять.

С 29 июня по 1 июля в журнале посетителей — пробел. Именно в эти дни он в сердцах заявил, что все потеряно, что то государство, которое дал нам Ленин, мы потеряли. Он отходит от дел и даже не ищет, как обычно, виновных в военной катастрофе. Речь идет об одном-двух днях, а не о «кунцевской неделе», как пишет, например, А. Мерцалов[3].

В этом отношении, видимо, ближе к истине, хотя и не абсолютно прав, Д. Волкогонов, который писал, что «вождь в конце июня, под влиянием катастрофических неудач на фронте, впал в прострацию

---

[1] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. С. 51.

[2] Там же. С. 330.

[3] *Мерцалов А., Мерцалова Л.* Сталинизм и война. М., 1998. С. 260.

и несколько дней не появлялся в Кремле». И далее историк документально пытается доказать выдвинутую версию. Сталин, приехав к обеду 28 июня в Кремль, до полуночи принял 21 человека. Военные — Тимошенко, Жуков, Голиков (начальник Главного разведывательного управления) доложили ему поздно вечером, что немецкие танки замечены уже восточнее Минска. Пораженный Сталин не хотел этому верить. Трагическая информация подтвердилась. Сталин по инерции принял еще А. Микояна и В. Меркулова (наркома госбезопасности СССР) и отпустил их около часа ночи. Уехав к себе на дачу, в Кунцево, Сталин до 1 июля в Кремле не появлялся. На основании сказанного ученый делает вывод: «Первое лицо в государстве пребывало в прострации и не руководило страной, находящейся в отчаянном положении, в течение трех дней»[1].

Все это было бы правильным, но из схемы Д. Волкогонова выпадают два важных момента. Во-первых, это подготовка, написание и принятие известной директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей», датированной 29 июня, и, во-вторых, поездка Сталина вместе с членами Политбюро в Наркомат обороны с учинением разноса работникам Генерального штаба, которая, по свидетельству Г. Жукова, произошла тоже 29 июня. То есть в этот день И. Сталин очень активно работал.

Проект директивы от 29 июня был подготовлен членами Политбюро В. Молотовым, А. Микояном и кандидатом в члены Политбюро А. Щербаковым. И. Сталин тщательно отредактировал этот документ, внеся в него много поправок и дополнений. Известно, что эта секретная директива, ставшая, по сути, программой превращения страны в единый военный лагерь, легла в основу речи вождя 3 июля 1941 г. Значение этого документа огромно, но странно то, что ни в воспоминаниях Молотова, ни в мемуарах Микояна мы не находим соответствующей информации.

Сопоставляя факты и реконструируя события, приходим к выводу, что, вероятнее всего, поздно вечером 28 июня члены Политбюро, присутствовавшие в кабинете Сталина (в том числе авторы проекта Молотов, Микоян и Щербаков), обсудили и приняли текст директивы, которая была датирована 29 числом. Подпись была обезличена —

---

[1] *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. М., 1997. Кн. 1. С. 217.

«СНК СССР и ЦК ВКП(б)». Директива Центра от 29 июня 1941 г. появилась исключительно своевременно, в самый острый и напряженный для народа и власти момент. Она сыграла свою мобилизующую роль и, по существу, выступила тем программным документом, на основании которого органы партийной и советской власти в центре и на местах организовывали и проводили свою оборонную работу, превращая страну в единый военный лагерь[1].

Главными путями превращения страны в единый военный лагерь являлись:

во-первых, реорганизация управления вооруженными силами страны, и прежде всего действующей армией;

во-вторых, перестройка работы государственного и партийного аппарата в соответствии с условиями военного времени;

в-третьих, перестройка народного хозяйства страны, прежде всего оборонной промышленности на военное положение;

в-четвертых, реорганизация работы транспорта, прежде всего железнодорожного;

в-пятых, «милитаризация» социальной и духовной сфер жизни советского общества;

в-шестых, перестройка всей системы идеологической работы в соответствии с требованиями войны.

Это был коренной поворот в содержании и методах деятельности государственных органов, переход их от мирной работы к военной.

Что касается поездки И. Сталина в Наркомат обороны, то она действительно произошла 29 июня, но не вечером, а днем, причем их было две. И только после того, как вождь убедился в неспособности Генерального штаба управлять Западным фронтом, он заявил о неминуемом крахе и спешно в шоковом состоянии уехал в Кунцево. Вероятно, в это время он посчитал невозможным и утопичным выполнить программу, содержавшуюся в недавно отредактированной и утвержденной им директиве. Он понял, что выигрыш во времени и в пространстве в войне уже утрачен, наш Западный фронт рухнул и только чудо может спасти Советский Союз от германского блицкрига.

Таким образом, глава государства и партии примерно сутки — вечером 29 и в первой половине 30 июня пребывал в нерабочем, стрес-

---

[1] Анализ данной директивы дан в отдельной главе.

совом состоянии. Налицо был кризис не только вождя, но и власти, кризис всей системы военного и государственного управления. Можно предположить, что он испытывал упадок физических и душевных сил после недели невероятно тяжелой работы. В этот момент временно утратили контроль и дали волю эмоциям не только Сталин, но и ряд других высоких руководителей. Судя по всему, Сталину нужно было внутренне перестроиться, собраться с мыслями, обрести душевное равновесие. Может быть, именно в это время, уединившись, он обдумывал проект создания нового органа руководства страной — Государственного Комитета Обороны и план своей будущей речи народу по радио.

Надо отдать должное — члены Политбюро, привыкшие во всем повиноваться вождю и не проявлять самостоятельных политических действий, в этой ситуации, когда на чашу весов была поставлена судьба Советского государства и их личная власть, предприняли решительный шаг.

Чтобы вывести Сталина из депрессии, к нему в Кунцево, как уже говорилось, отправилась делегация Политбюро. Есть основания предполагать, что Сталин преднамеренно ждал, чтобы его попросили возвратиться в Кремль[1]. Как бы повторилась ситуация в нашей истории, когда к Ивану Грозному в город Александров приехала делегация столичных бояр и духовенства с просьбой возвратиться на царство в Москву.

Необходимо было не просто «разбудить» вождя, но и предложить ему конструктивное решение, направленное на возрождение механизма государственного руководства и управления армией и страной. Эта сверхзадача была решена, и Сталин возглавил предложенный Политбюро новый орган власти — Государственный Комитет Обороны[2].

Чем занимался Сталин в период своего уединения, неизвестно. Но мы знаем, что он вышел из него, став Председателем Государственного Комитета Обороны, обретя новую силу, власть и решимость. Теперь он мог обратиться к советскому народу, сказать ему свое слово. Ему было что сказать. 3 июля 1941 г. вождь выступил перед советским народом по радио с программной речью, содержание которой

---

[1] *Мерцалов А., Мерцалова Л.* Сталинизм и война. С. 260.

[2] Анализ процесса создания и деятельности ГКО представлен в отдельных главах.

явилось концептуальной основой государственного управления на период войны.

Так, в тяжелейших условиях начала Великой Отечественной войны часто методом проб и ошибок создавалась система военного управления страной и армией. Опыт свидетельствует, что именно в начальный период войны были заложены основы нового механизма руководства государством и обществом, приведшего нас, в конечном счете, к Победе.

Через две недели войны, 3 июля И. Сталин обратился к своему народу по радио. В этот день он произнес, по общему мнению, самую сильную из речей в своей долгой политической карьере. Этот документ — важный этап в деле военной перестройки страны[1]. В этом выступлении И. Сталин предельно конкретно формулирует программу перехода страны на режим военного времени. В отличие от секретной директивы, адресованной органам власти на местах, эта речь была обращена к народу.

Бывший нарком связи СССР И.Т. Пересыпкин вспоминал: «...мне поручили обеспечить эту трансляцию по радио и по московской радиотрансляционной сети,— пишет он.— Связисты всю ночь напряженно трудились, чтобы осуществить трансляцию. Надо было оборудовать комнату, подвести туда кабели, установить микрофоны и многое другое. В пять часов утра 3 июля мы с известным советским диктором Юрием Ливитаном были уже на месте. В шесть часов пришел туда И.В. Сталин. Он был одет в свой обычный серый костюм военного покроя. Поздоровавшись с нами, он спросил: "Ну как, все готово?" — "Да, все готово",— ответили мы. Сталин сел за небольшой столик, на котором были установлены микрофоны. Рядом с ним стояла бутылка боржоми и стаканы. Ю. Левитан объявил по радио о предстоящем выступлении И.В. Сталина. Наступил самый ответственный момент. Заметно волнуясь, Сталин начал свою речь»[2].

Его обращение к народу было простым и откровенным, хотя оценочное положения не всегда соответствовали действительности. Оно начиналось непривычными для всех советских людей словами: «Това-

---

[1] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1949. С. 15—30.

[2] *Пересыпкин И.Т.* ...А в бою еще важней. М., 1970. С. 65—67.

рищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» Сталин тронул те струны народной души, о которых до сей поры большевики не вспоминали. Вождь сумел в нескольких фразах четко и емко дать оценку начавшейся войны, поставить задачи и изложить программу обороны страны[1].

В июле 1941 г. шли тяжелые оборонительные бои на всех участках советско-германского фронта. После сокрушительного поражения в Белоруссии наши войска упорно обороняли Смоленск. Затем началась оборона Киева и Одессы. Гитлеру казалось, что кампания в России уже выиграна и Красная Армия не способна создать сплошного фронта обороны даже на главных направлениях. Несмотря на потери, войска Красной Армии к середине июля располагали 212 дивизиями. И хотя полнокровными из них являлись 90 дивизий, а остальные имели всего половину штатного состава, считать Красную Армию разгромленной было явно преждевременно[2]. Сохранили способность к сопротивлению Юго-Западный, Северный и Южный фронты.

В чем заключались причины поражений Красной Армии в начальном периоде войны?

Если говорить кратко, то эти причины были заложены еще в довоенном развитии Советского государства и довоенной внешней и внутренней политике Сталина, в ошибках в строительстве вооруженных сил, в определении намерений нацистского руководства, в определении направления главного удара агрессора, в репрессиях против командного состава Красной Армии. Одной из причин трагического для нас начала войны являлся грубейший просчет нашего военно-политического руководства в отношении сроков нападения Германии.

В результате война для Красной Армии оказалась внезапной. Войска первого эшелона, не приведенные в боевую готовность, попали в очень тяжелое положение. Многие части и соединения, оказавшись расчлененными, попали в окружение. Попытки советского командования нанести, согласно директивам № 2 и 3, встречные ответные удары с переносом военных действий на территорию врага не соответ-

---

[1] Анализ данной речи представлен в отдельной главе.

[2] Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 165.

ствовали возможностям войск. Решение о переходе к стратегической обороне оказалось слишком запоздалым. Причиной поражений являлось и неуверенное, некомпетентное управление войсками как следствие слабой профессиональной подготовки командных кадров. Но главное заключалось в том, что система и структура советского военно-стратегического и политического руководства оказались неприспособленными к управлению обороной страны в условиях современной войны.

Только огромные размеры территории страны, ее людские и материальные ресурсы, да национальный патриотизм народа позволили избежать полного поражения, как это случилось с Польшей и Францией.

Вслед за директивой от 29 июня и обращением Сталина к народу 3 июля 1941 г. Москвой был принят ряд жестких организационных мер в области военного и государственного руководства. Шел процесс укрепления вертикали власти, централизации государственного и военного управления, сосредоточения всех нитей власти в руках вождя — И.В. Сталина.

Серьезное внимание при этом уделялось ужесточению порядка и дисциплины в армии и в стране. Летом 1941 г. И. Сталин подписал два специальных документа, касавшихся действующей армии и направленных на повышение ее дисциплины и стойкости: постановление ГКО № 169сс от 16 июля и приказ Ставки ВГК № 270 от 19 августа[1]. Чтобы остановить отступающие войска, Сталин применил жесткие репрессивные меры. Оружие страха было вновь пущено в ход — начались аресты.

В решении ГКО от 16 июля 1941 г., написанном самим вождем, говорилось: «Государственный Комитет Обороны устанавливает, что части Красной Армии в боях с германскими захватчиками в большинстве случаев высоко держат великое знамя Советской власти и ведут себя удовлетворительно, а иногда прямо геройски, отстаивая родную землю от фашистских грабителей.

Однако наряду с этим Государственный Комитет Обороны должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют

---

[1] Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 501—502.

неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником.

Воздавая честь и славу отважным бойцам и командирам, Государственный Комитет Обороны считает вместе с тем необходимым, чтобы были приняты меры против трусов, паникеров, дезертиров...

Исходя из этого, Государственный Комитет Обороны, по представлению главнокомандующих и командующих фронтами и армиями, арестовал и предал суду военного трибунала за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций:

1) бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Павлова;

2) бывшего начальника штаба Западного фронта генерал-майора Климовских;

3) бывшего начальника связи Западного фронта генерал-майора Григорьева;

4) бывшего командующего 4-й армией Западного фронта генерал-майора Коробкова;

5) бывшего командира 41-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта генерал-майора Кособуцкого;

6) бывшего командира 60-й горно-стрелковой дивизии Южного фронта генерал-майора Селихова;

7) бывшего заместителя командира 60-й горно-стрелковой дивизии Южного фронта полкового комиссара Курочкина;

8) бывшего командира 30-й стрелковой дивизии Южного фронта генерал-майора Галактионова;

9) бывшего заместителя командира 30-й стрелковой дивизии Южного фронта полкового комиссара Елисеева.

Воздавая должное славным бойцам и командирам, покрывшим себя славой в боях с фашистскими захватчиками, Государственный Комитет Обороны предупреждает вместе с тем, что он будет и впредь железной рукой пресекать всякое проявление трусости и неорганизованности в рядах Красной Армии, памятуя, что железная дисциплина в Красной Армии является важнейшим условием победы над врагом».

Документ был разослан всем главнокомандующим, военным советам фронтов и армий, командующим военных округов, командирам корпусов и дивизий. Его обнародовали — зачитали во всех ротах, батареях, эскадронах и авиаэскадрильях[1].

То есть все командование Западного фронта было отдано под суд военного трибунала. Причем вина и состав преступления были заранее определены. Так вождь «назначил» виновных в поражениях Красной Армии в начальный период войны.

Следствие и суд были проведены молниеносно. 22 июля 1941 г. Военная коллегия Верховного суда СССР на основании статей 193-17 и 193-20 УК РСФСР приговорила к высшей мере наказания — расстрелу, с лишением воинских званий и конфискацией имущества: Д.Г. Павлова (1897 г.р.), В.Е. Климовских (1895 г.р.), А.Т. Григорьева (1899 г.р.) и А.А. Коробкова (1897 г.р.). Им было чуть больше сорока лет. Кроме того, Указом Президиума Верховного Совета СССР Д. Павлова лишили звания Героя Советского Союза, трех орденов Ленина, двух орденов «Красная Звезда» и медали «20 лет РККА». Лишили наград и других осужденных.

Уже после войны в 1957 г. с санкции Н. Хрущева Военная коллегия Верховного суда СССР отменила этот приговор по вновь открывшимся обстоятельствам за отсутствием состава преступления. В заключении Генерального прокурора СССР отмечалось, что «осужденные Павлов, Климовских, Григорьев и Коробков в судебном заседании, по существу, не признали себя виновными, и по делу не собраны какие-либо объективные обстоятельства, изобличающие их в проявлении трусости, бездействии и нераспорядительности.

Произведенной по делу дополнительной проверкой установлено, что к началу нападения фашистской Германии на СССР, т.е. к 22 июня 1941 г., по не зависящим от осужденных причинам значительная часть войск Западного особого военного округа находилась в стадии реорганизации и перевооружения... При таких обстоятельствах следует признать, что прорыв гитлеровских войск на фронте обороны Западного особого военного округа произошел в силу неблагоприятно сложившейся для наших войск оперативно-тактической обстановки и не может быть инкриминирован Павлову и другим осужденным

---

[1] Военно-исторический журнал. 1992. № 5. С. 19—20.

по настоящему делу как воинское преступление, поскольку это произошло по не зависящим от них причинам»[1].

Многое из того, что инкриминировалось Павлову, вполне можно было бы отнести и к самому Сталину. Например, бездействие власти 29—30 июня, когда руководитель государства в шоковом состоянии сбежал из Кремля и укрылся в своей крепости — Кунцево. Ранее, 22 июня Сталин наотрез отказался выступить по радио пред народом. На следующий день он отказался от предложения Политбюро возглавить Главное Командование Красной Армии.

По версии А. Авторханова, «когда члены Политбюро стали напоминать Сталину о его личной ответственности в случае катастрофы, Сталин перешел в контрнаступление и обвинил Молотова в предательстве за подписание пакта с Риббентропом, а Ворошилова и Жданова назвал саботажниками соглашения с англо-французской военной миссией. На возражение, что это все делалось по прямому предложению самого Сталина, Сталин с несвойственной ему горячностью вскочил с места, обложил всех матом и исчез в один из своих тайников»[2]. Но вождя никто за это не судил. Ибо, как верно заметил Макиавелли, «с государей в суде не спросишь».

16 августа 1941 г. появился приказ Ставки ВГК № 270, подписанный всеми членами Ставки во главе с И. Сталиным. Он назывался «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий»[3]. Название приказа говорит о его содержании и направленности. Приведя примеры стойкости и героизма ряда генералов и комиссаров, бывших в окружении, но с боями прорвавшихся через линию фронта, Сталин говорит: «Но мы не можем скрыть того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам».

В числе трусов и предателей вождь называет командующего 28-й армией генерал-лейтенанта Качалова, командующего 12-й армией генерал-лейтенанта Понеделина, командира 13-го стрелкового корпуса генерал-майора Кириллова. Сталин заключает, что «эти позор-

---

[1] Военно-исторический журнал. 1992. № 5. С. 20—21.

[2] *Авторханов А.* Загадка смерти Сталина. С. 12.

[3] Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 503—504.

ные факты сдачи в плен нашему заклятому врагу свидетельствуют о том, что в рядах Красной Армии...имеются неустойчивые, малодушные, трусливые элементы. И эти элементы имеются не только среди красноармейцев, но и среди начальствующего состава». Далее вождь в своем стиле, задавая вопрос и отвечая на него, спрашивает: «Можно ли терпеть в рядах Красной Армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся ему в плен?.. Нет, нельзя! Можно ли считать командирами батальонов или полков таких командиров, которые прячутся в щелях во время боя?.. Нет, нельзя!»

Верховный Главнокомандующий приказал всех командиров и политработников, срывающих с себя во время боя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи лиц, нарушивших присягу и предавших свою Родину. Подобных дезертиров из числа начальствующего состава Сталин приказал расстреливать на месте.

Расстрел сдающихся в плен или дезертиров — это строгая, но понятная в условиях войны мера. Но что касается ареста семьи, которая ни в чем не повинна, это было слишком жестоко. Применяя подобную меру, Сталин, по сути, ввел варварский институт заложничества.

Таким образом, начальный период войны, длившийся примерно месяц, завершился поражением советских вооруженных сил. Сталинское военно-политическое руководство, оправившись от первоначального мощного удара немецкой военной машины, сумело преодолеть кризис военного и государственного управления и наладить систему власти, определив пути перестройки государства и общества на военный лад и мобилизовав все силы и средства страны на отпор врагу.

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ОСЕНЬЮ 1941 ГОДА

Осенью 1941 г. наиболее важное значение в военно-политическом отношении имела оборона столицы Советского Союза — Москвы. 6 сентября 1941 г. немецкое верховное командование отдало директиву № 35 о генеральном наступлении на Москву и 30 сентября развернулась московская стратегическая оборонитель-

ная операция советских войск, продолжавшаяся до 5 декабря 1941 г. и завершившаяся контрнаступлением Красной Армии.

Замысел нашей Ставки заключался в том, чтобы, опираясь на глубоко эшелонированную оборону и накапливая резервы, не допустить прорыва немцев к столице. Боевые действия показали, что Ставка ВГК вновь не сумела разгадать замысел противника. Вследствие этого районы сосредоточения усилий наших фронтов оказались в стороне от направлений главных ударов врага[1].

В итоге противник в результате мощного удара в начале октября 1941 г., окружив советские войска в районе Вязьмы, создал 300-километровую брешь в обороне наших войск, а стратегических резервов в районе столицы у нас не оказалось. Ситуация под Москвой в октябрьские дни 1941 г. оказалась катастрофической. События октября 1941 г. под Москвой — один из самых драматичных периодов в истории Великой Отечественной войны. Немецкие войска, прорвав фронт, устремились к столице, сил для прикрытия которой у Ставки в тот момент не было.

Приведенные ниже документы Государственного Комитета Обороны свидетельствуют о напряженной военно-организаторской работе властных структур, направленной на удержание города, о героизме москвичей.

Судя по постановлениям ГКО № 801, 807, 808, 813 И. Сталин в случае ухудшения обстановки не отрицал возможности оставления Москвы. Это расходилось с официальными призывами и заверениями, что столицу мы врагу никогда не отдадим. Народ был готов защищать Москву, а Правительство, как видно из документов, не исключало ее сдачи.

Более того, теперь стало известно, что осенью 1941 г. Сталин рассматривал два варианта дальнейшего развития событий в случае нашего поражения. Первый — возможность эмиграции советского правительства за пределы Советского Союза. Второй — заключение с Гитлером сепаратного мира по типу ленинского Брестского мира в 1918 г. По поводу возможного отъезда из страны, терпящей поражение, вспоминает бывший переводчик Сталина и Молотова В. Береж-

---

[1] Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 215.

ков. В октябре 1941 г. «...я услышал из уст нашего вождя то, о чем до сего момента не решался поведать никому. «Как бы, Вячеслав (Молотов.— *Прим. авт.*), нам не пришлось пополнить список правительств в изгнании,— произнес Сталин глухим голосом.— Если германцы продвинутся за Урал, это может случиться...» «Но это равносильно гибели»,— как-то растерянно отреагировал Молотов. «Погибнуть мы всегда успеем. Но стоит прикинуть, какие могут быть варианты. Говорил же Черчилль, что в случае оккупации нацистами Англии его правительство будет продолжать борьбу с врагом из-за границы, например, из Канады».

Сталин подошел к одному из свернутых вдоль стены рулонов и, потянув за шнурок, развернул карту Восточного полушария. «Победа над СССР...— продолжал Сталин,— будет иметь огромное усиление держав фашистской оси. Вот почему Англия и Америка будут еще больше нуждаться в помощи советского народа и нашей партии...» Проведя своей здоровой правой рукой по периметру Советского Союза, Сталин продолжал: «Нам, конечно, не следует повторять путь в Лондон, где уже без того больше дюжины правительств в изгнании. Я не случайно сказал вчера Черчиллю, что уже бывал в Лондоне, на съезде партии большевиков вместе с Лениным. Мне этого хватит. Но вот Индия могла бы быть подходящим местом...». И он легонько провел трубкой по огромному субконтиненту»[1]. Далее автор сообщает, что его потрясло услышанное и он не мог понять, почему Сталин отдавал предпочтение Индии? Или он полагал, что в бурлящей колониальной Индии может возникнуть революционная ситуация? Ленин и его большевистские сподвижники в свое время готовы были отправиться в любую страну, где возникла бы революционная ситуация, чтобы делать революцию и захватить власть. Попалась Россия. Таким образом, план Сталина заключался в том, чтобы, эмигрировав из Советского Союза, возглавить мировую пролетарскую революцию, которая начнется в «третьем мире» — в многомиллионной Индии. В СССР же подпольные обкомы партии разожгут всенародную партизанскую войну.

Что касается заключение возможного сепаратного мира СССР с Гитлером осенью 1941 г., то по этому поводу говорили после войны

---

[1] *Бережков В.М.* Рядом со Сталиным. С. 351—352.

многие, в том числе Н. Хрущев в своих мемуарах. Тогда Сталин через ведомство Берии вышел на посла Болгарии в СССР с тем, чтобы он выступил посредником в переговорах между Москвой и Берлином по вопросу заключения хотя бы перемирия. Сталин был готов отдать немцам оккупированную ими на октябрь 1941 г. советскую территорию, т.е. всю Прибалтику, Белоруссию, Украину, Крым. Но Гитлер, уверенный в своей скорой победе, не ответил на предложение Сталина.

По сведениям В. Бережкова, исходящих из солидных источников, летом 1942 г., когда вермахт вышел к Волге и эта транспортная артерия была, по сути, перерезана, Сталин вновь вернулся к этой идее. Состоялась тайная миссия замнаркома иностранных дел Деканозова в Швецию. Деканозов встретился в Стокгольме с эмиссаром Гитлера Шнурре, которого лично знал еще по Берлину, будучи послом СССР в Германии. Опасаясь худшего, Сталин не исключал возможности договориться с Германией о перемирии на основе уступок с советской стороны. Речь шла о возможной передаче Германии Западной Украины и Западной Белоруссии, о возвращении Бессарабии Румынии, а также о транзите германских войск через советскую территорию на Ближний Восток, к нефтяным источникам персидского залива[1]. Насколько реальными были эти предложения, когда вермахт захватил такие гигантские советские территории? В общем, сталинская приманка не соблазнила Гитлера и в 1942 г. Более попыток перемирия не было.

Наиболее значимые события под Москвой стали разворачиваться с середины октября 1941 г. По словам Жукова, назначенного Сталиным 10 октября вместо Конева командующим Западным фронтом, «с 13 октября разгорелись ожесточенные бои на всех оперативно важных направлениях, ведущих к Москве». Известно, что именно в эти дни Сталин спросил Жукова, отстоим ли Москву и Жуков твердо ответил: «Отстоим!» Между тем маршал Голованов в беседе с Ф. Чуевым утверждал, что Жуков предлагал сдать Москву, и так оно было бы, если бы не Сталин[2]. Это подтверждает и С. Штеменко, который в Генштабе был свидетелем того, как Жуков обратился к Сталину

---

[1] *Бережков В.М.* Рядом со Сталиным. С. 354—355.

[2] *Чуев Ф.И.* Солдаты империи: Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998. С. 311.

с просьбой перенести свой командный пункт из Перхушково подальше от линии фронта, к Белорусскому вокзалу. Сталин ответил, что если Жуков перейдет к Белорусскому вокзалу, то он займет его место[1].

Немецкие самолеты постоянно бомбили центр Москвы и Кремль, стремясь дезорганизовать работу властных структур. В октябре от попадания бомбы загорелось здание ЦК ВКП(б) на Старой площади. Бомба попала в здание Генштаба на улице Кирова (ныне Мясницкая), где в первые дни войны работал Сталин. Другая бомба упала на Красную площадь у Спасской башни. В результате попадания бомбы в Кремлевский арсенал погибли 92 человека. Были выбиты стекла в правительственном здании, в котором находился кабинет Сталина. Воздушным атакам подвергалась и дача Сталина.

В эти дни вождь старался показываться населению Москвы и демонстрировать свою уверенность в победе. Он регулярно появлялся на улицах, осматривал их после бомбардировок, проверял посты. На народ и бойцов это производило огромное впечатление.

Утром 15 октября, наверное, в самый критический момент обороны столицы, состоялось важное совещание у Сталина. Микоян его подробно описал в своих мемуарах. «15 октября в 8 часов утра меня будит охрана и сообщает, что Сталин просит явиться к нему в кабинет в 9 часов. Тогда в его кабинете собрались члены и ГКО, и Политбюро. В назначенное время все вызванные собрались. Как помню, присутствовали В.М. Молотов, Г.М. Маленков, Н.А. Вознесенский, А.С. Щербаков, Л.М. Каганович и другие. Сталин внешне держался спокойно. Он коротко изложил обстановку, подчеркнув, что до подхода наших войск немцы могут раньше подбросить свои резервы и фронт под Москвой может быть прорван; предложил срочно, сегодня же эвакуировать правительство и важнейшие учреждения, видных политических и государственных деятелей; сказал о необходимости подготовить город на случай прорыва фронта и вторжения гитлеровцев в Москву; дал указания заминировать важнейшее оборудование по списку, представленному специальной комиссией. Командующему Московским военным округом генералу П.А. Артемьеву было приказано подготовить план обороны города, имея зада-

[1] *Чуев Ф.И.* Солдаты империи: Беседы. Воспоминания. Документы. С. 312.

чу удержать его до подхода основных резервов из Сибири. Правительство, подчеркнул Сталин, надо вывезти в Куйбышев... Мы согласились с предложением Сталина. Обстановка требовала принятия самых неотложных мер. Тут же было принято постановление ГКО «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы»[1].

«Постановление ГКО № 801 сс от 15 октября 1941 г.

Об эвакуации столицы СССР г. Москвы

Ввиду неблагополучного положения в районе Можайской оборонительной линии Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев.

2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета СССР, а также правительство во главе с заместителем Председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).

3. Немедля эвакуироваться органам НКОбороны и НКВоенмора в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба в Арзамас.

4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД — т. Берия и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию). И. Сталин.

Выписки посланы: тт. Берия, Молотову, Кагановичу — все; Шапошникову — 3, Кузнецову (НКВМФ) — 3, Щербакову — 4».

В этот же день было принято решение правительства о выдаче зарплаты и продуктов эвакуируемым, подписанное тоже Сталиным.

«Постановление СНК СССР от № 2145 от 15 октября 1941 г.

О выдаче зарплаты и продуктов рабочим и служащим эвакуируемых предприятий и учреждений г. Москвы

1. Предоставить с 18.00 15 октября 1941 г. рабочим и служащим эвакуируемых предприятий и учреждений, а также других предприятий и учреждений г. Москвы временный отпуск.

2. Выдать рабочим и служащим единовременное пособие в размере месячного оклада и разрешить им купить в магазинах по 1 пуду

---

[1] *Микоян А.И.* В Совете по эвакуации // Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 33.

муки или зерна на работающего и месячную норму (по продовольственным карточкам) мяса, сахара, крупы и других товаров. Председатель СНК СССР И. Сталин».

Микоян продолжает: «Выйдя из кабинета, я зашел в комнату А.Н. Поскребышева, секретаря Сталина, и позвонил от него управляющему делами Совнаркома СССР Я.Е. Чадаеву и попросил его сообщить наркомам, что им следует немедленно явиться в Совнарком по важному вопросу... Мы с В.М. Молотовым встретились с наркомами. Вячеслав Михайлович объяснил положение. Наркомы были буквально ошарашены самим фактом их эвакуации, а также тем, что она должна осуществиться за один день. Нарком черной металлургии И.Ф. Тевосян поднялся и со своей кавказской горячностью заявил, что эвакуироваться не будет... Ему казалось неправильным, что правительство уезает из Москвы, что делать этого нельзя... Я остановил его и сказал, что ему не все видно и не ему этот вопрос решать... В этот же день Политбюро поручило секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову выделить по каждому району Москвы из числа партийных работников тех, кто останется в подполье в качестве парторганизаторов на случай возможного занятия города немцами. Под видом срочной эвакуации они должны были объявить о своем немедленном выезде, а на самом деле перейти на нелегальное положение, установить адреса, связи — одним словом, уйти в подполье».

На следующий день, 16 октября было принято решение о мобилизации всех мужчин в Москве и Московской области, способных носить оружие.

«Постановление ГКО № 807 сс от 16 октября 1941 г.

1. Разрешить НКО произвести мобилизацию военнообязанных запаса до 45-летнего возраста и призывников 1922—1923 годов рождения по Москве и Московской области.

... 5. Призыв закончить 18 октября 1941 г. И. Сталин».

16 октября 1941 г. столица согласно решению Государственного Комитета Обороны эвакуировалась из Москвы в Куйбышев. Город первыми покинули Правительство, иностранные миссии, наркоматы. И. Сталин для поддержки духа народных масс остался в Москве. Это было психологически важно. Но литерный поезд и самолет, стоявшие наготове, в любой момент могли эвакуировать вождя.

А. Микоян: «Сталин предложил всем членам Политбюро и ГКО выехать из Москвы сегодня же. "Я,— сказал он,— выеду завтра

утром" По своей вспыльчивости я спросил Сталина: "Почему мы должны ехать сегодня, если ты можешь ехать завтра? Мы тоже поедем завтра..." Другие молчали. Вообще постановка этого вопроса была так неожиданна, что не вызвала никаких споров. Сталин не возразил против такого частичного изменения плана...»

Между В. Молотовым и А. Микояном произошла стычка в связи с тем, что они хотели остаться в Москве рядом со Сталиным. Вождь настоял на том, чтобы все Политбюро и Правительство переехало в Куйбышев, оставив при себе лишь Маленкова и Берию. В трудных условиях эвакуации Совнарком начал свою работу. Для членов и аппарата правительства был построен специальный бункер. В этих целях 21 октября 1941 г. ГКО принял специальное постановление № 826 «О строительстве убежища в г. Куйбышеве». В нем указывалось:

«1. Построить в г. Куйбышеве бомбо- и газоубежище не менее 25 м глубиной... общей площадью 1000 кв.м.

2. Возложить строительство убежища на Метрострой НКПС.

3. Установить срок окончания строительства — три месяца, т.е. к 25 января. И. Сталин.

Выписки посланы: тт. Кагановичу, Молотову, Самодурову, Куйбышевский обком ВКП(б)»[1].

Через пять дней Сталин вызвал Молотова и Микояна обратно в Москву. В Куйбышеве во главе Правительства был оставлен Н. Вознесенский, во главе ЦК ВКП(б) А. Андреев. Управделами СНК Я. Чадаев по этому поводу вспоминал: «Когда осенью 1941 г. часть правительственных учреждений и аппарат Управления делами СНК СССР и ЦК ВКП(б) были эвакуированы в Куйбышев, Вознесенскому решением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 октября поручалось представлять здесь правительство, руководить работой эвакуированных на восток наркоматов... Уже в Куйбышеве он говорил мне, что ему очень хотелось остаться в Москве вмсте с другими руководящими деятелями... Чувствуется, что Вознесенский ревниво относился к некоторым коллегам по Политбюро и правительству, особенно к Маленкову, который находился в Москве рядом со Сталиным»[2]. Представитель Британской военной миссии в Москве М. Макфарлейн сообщал

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644, Оп. 1. Д. 25. Л. 106.

[2] *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным. С. 428—429.

в Лондон: «...тот факт, что Сталин, являющийся поистине национальным героем, и его ближайшее окружение не оставили Москву в дни кризиса, значительно усилил позиции правительства»[1].

16 октября все столичные предприятия и учреждения внезапно прекратили работу. Метро не функционировало. Рабочим и служащим выдали небольшое денежное пособие и месячную норму продуктов. Главные объекты города были заминированы.

Между тем слухи о приближении германских войск и решении правительства покинуть Москву быстро распространились по столице. В результате неожиданно начавшейся для москвичей эвакуации, а также по причине неинформированности населения, в Москве началась массовая паника. Более того, начались несанкционированные выступления народа, мародерство — грабежи брошенных складов и магазинов.

Возвращаясь днем с дачи в Москву, 16 октября Сталин стал свидетелем мародерства. Ю. Емельянов пишет, ссылаясь на одного из сталинских охранников: «Сталин видел, как люди тащили мешки с мукой, вязанки колбасы, окорока, ящики макарон и лапши. Не выдержав, он велел остановиться. Вокруг быстро собралась толпа. Некоторые начали хлопать, а смелые спрашивали: «Когда же, товарищ Сталин, остановим врага?» — «Придет время — прогоним»,— твердо сказал он и никого не упрекнул в растаскивании государственного добра. В Кремле немедленно созвал совещание, спросил: «Кто допустил в городе беспорядки?» 16 октября, вопреки первоначальному решению, Сталин не уехал из Москвы[2].

По воспоминаниям современников, дело доходило до решительного протеста простых людей по поводу отъезда государственных и партийных чиновников из города на восток. В справке начальника Управления НКВД по Москве и Московской области о реагировании населения на приближение врага к столице от 18 октября 1941 г. сообщаются такие факты. «Группа лиц из числа рабочих завода № 219 16.X. с.г. напала на проезжавшие по шоссе Энтузиастов автомашины с эвакуированными из города Москвы и начала захватывать вещи эвакуированных. Группой было свалено в овраг шесть легко-

---

[1] История Отечества: Люди, идеи, решения. М., 1991. С. 262.

[2] *Емельянов Ю.В.* Сталин: На вершине власти. М., 2002. С. 243.

вых автомашин»... «16.X. с.г. в 7 часов утра рабочие колбасного завода Московского мясокомбината им. Микояна, уходя из цехов в отпуск, растащили до 5 тонн колбасных изделий»[1].

Слухи в Москве породили беспорядочное бегство административных работников различного уровня, сожжение архивной документации. Компетентные органы сообщали, что «по неполным данным, из 438 предприятий, учреждений и организаций сбежало 779 руководящих работников... За время с 16 по 18 октября сего года бежавшими работниками было похищено наличными деньгами 1 484 000 рублей, разбазарено ценностей и имущества на сумму 1 051 000 рублей и угнано 100 легковых и грузовых машин (и это сталинские кадры.— *Прим. авт.*). В докладной записке Первомайского райкома партии в МГК ВКП(б) сообщалось о том, что «в особо напряженные дни 15, 16, 17, 18 октября, когда у магазинов скапливались большие очереди, распространялись всевозможные лживые и провокационные слухи, проявились антисемитские настроения». В пример приводились слухи о борьбе за власть между Сталиным и Молотовым[2].

В этой ситуации Сталин, как тонкий политик, принял гибкое решение. Наряду с жесткими репрессивными мерами он пошел навстречу трудовому народу — приказал открыть движение метро, восстановить работу неэвакуированных фабрик, провести в городе разъяснительную работу с людьми.

16 октября он подписал постановление ГКО № 808 с, в котором говорилось:

«1. Не прекращать движения на Метро, а уменьшить его, скажем, наполовину.

... 3. Восстановить частично работу на неэвакуированных фабриках и предприятиях по возможности. И. Сталин.

Выписки посланы: тт. Микояну, Щербакову, Кагановичу, Меркулову».

17 октября по поручению вождя по московской городской сети выступил А. Щербаков, который заявил: «За Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови»[3].

---

[1] Москва военная. 1941—1945.: Мемуары и архивные документы. С. 116—117.

[2] *Емельянов Ю.В.* Сталин: На вершине власти. С. 244.

[3] Там же. С. 244.

В этой исключительно напряженной обстановке И. Сталин, в отличие от конца июня 1941 г., был энергичен и держал все нити государственного управления в своих руках. Вот что пишет дочь вождя С. Аллилуева: «В конце октября 1941 года я поехала в Москву — повидать отца. Он не писал мне, говорить с ним по телефону было трудно — он нервничал, сердился и отвечал лишь, что ему некогда со мной разговаривать... Я ездила в Москву из Куйбышева еще в ноябре 1941 года и в январе 1942, тоже на день-два, повидать отца. Он был, как и в первый раз, занят и раздражен, ему было абсолютно не до меня и вообще не до наших глупых домашних дел...»[1]

В. Бережков, переводчик Молотова, наоборот, подчеркивал в своих воспоминаниях такую черту в поведении вождя в эти дни, как твердость и уверенность. «Его собеседники не подозревали, что уже принимаются меры к эвакуации Москвы, минируются мосты и правительственные здания, что создан подпольный обком столицы, а его будущим работникам выданы паспорта на вымышленные имена...»[2]

В условиях, не исключавших возможности падения столицы, Сталиным был принят ряд новых экстренных мер, направленных на укрепление обороны города. Патриотизм москвичей, мужество Красной Армии, а также жесткая политика властей не позволили врагу овладеть нашей столицей. Ситуация в городе начала стабилизироваться, власти брали положение под контроль. Москва превращалась в единый военный лагерь, не собиравшийся сдаваться.

Особое значение имело постановление ГКО № 813 от 19 октября 1941 г., продиктованное лично Сталиным (чувствуется его стиль) и объявившее в Москве осадное положение.

«Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстающих на 100—120 км западнее Москвы, поручена Командующему Западным фронтом т. Жукову, а на начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта т. Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах.

... Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Ввести с 20 октября 1941 в г. Москве и прилегающих к городу районах осадное положение.

---

[1] *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 156—167.

[2] *Бережков В.М.* Рядом со Сталиным. С. 237.

2. Воспрепятствовать всякое уличное движение, как отдельных лиц, так и на транспорте, с 12 часов ночи до 5 утра...

3. Охрану строжайшего порядка в городе возложить на коменданта г. Москвы генерал-майора т. Синилова, для чего в распоряжение коменданта предоставить войска внутренней охраны НКВД, Милицию и добровольные рабочие отряды.

4. Нарушителей порядка немедля привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

«Государственный Комитет Обороны призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всяческое содействие.

И. Сталин»[1].

Главные объекты города были заминированы и готовы к взрыву. Генерал-лейтенант НКВД П. Судоплатов позднее вспоминал, что «когда осенью 1941 года немцы подошли к столице, наша отдельная бригада получила задание во что бы то ни стало защитить центр Москвы и Кремль. Наши люди заняли позиции в Доме Союзов... По прямому указанию Генерального штаба и лично Жукова мы минировали дальние и ближние подступы к Москве... На случай, если немцам удастся захватить город, наша бригада заминировала в Москве ряд зданий, где могли бы проводиться совещания высшего немецкого командования»[2].

А. Микоян в своих мемуарах сообщает, что «была образована Комиссия по спецмероприятиям в составе: Серов (заместитель Берия в НКВД), Попов (председатель Мосгорисполкома) (автор ошибается — председателем Мосгорисполкома тогда был Пронин. — *Прим. авт.*), Черноусов (председатель Президиума Верховного Совета РСФСР). В районах были образованы тройки, отвечающие за проведение спецопераций. Первоначально предусматривалось вывести из строя путем взрыва и механической порчи 1119 предприятий,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 167.

[2] *Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М., 1999. С. 209.

из них 412 оборонного значения, но уже 20 октября этот список был сокращен до 335 предприятий»[1].

Органам НКВД были даны особые полномочия, вплоть до расстрела на месте. Военная комендатура докладывала, что в октябре — ноябре 1941 г. в Москве было арестовано 6678 человек, расстреляно по суду 357, расстреляно на месте 15 человек[2].

Еще более тревожные для центральной власти события происходили в это время в соседней с Московской Ивановской области — на родине первых Советов. В истории Великой Отечественной войны есть факты, о которых раньше не принято было говорить в официальной советской историографии. К таковым можно отнести события, происшедшие в Иваново осенью 1941 г., т.е. в один из самых тяжелых периодов войны, когда немцы стояли у самой Москвы и до Иваново было, как говорится «рукой подать». 19 октября рабочие и работницы ткацких фабрик Иваново подняли бунт, разгромив здания администрации и парткомов и избив партийных и советских работников. Город бурлил и митинговал целые сутки. Приехавший усмирять рабочих первый секретарь ивановского обкома ВКП(б) был сброшен с трибуны.

Что в первую очередь бросается в глаза при знакомстве с соответствующим постановлением бюро Ивановского обкома ВКП(б) и справкой комиссии ЦК ВКП(б), работавшей в Иваново по этому поводу?

Документы датированы соответственно октябрем и ноябрем 1941 г. Столица эвакуируется. И. Сталин считает возможным оставление Москвы врагу. И вдруг в ближайшем тылу, в Иваново, в городе с большими революционными традициями, проходят массовые антиправительственные забастовки рабочих. Это ли не удар в спину Советской власти?

Факты свидетельствуют, что это было стихийное выступление ивановских ткачей, доведенных властями до отчаянного положения. Им терять было нечего. Оно приобрело политический характер. Надо учесть, что ивановские рабочие имели богатый дореволюционный

---

[1] *Микоян А.И.* Так было. С. 418.

[2] Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 210.

забастовочный опыт. Беспорядки в городе, стихийно возникнув на почве недовольства сталинским правительством, которое не может организовать оборону страны и допустило немцев до Москвы, на почве внезапно начавшегося демонтажа заводского оборудования, возмущение рабочими своим полуголодным существованием, грубыми военно-мобилизационными мероприятиями местных властей переросли в крупную политическую акцию, направленную против власти большевиков и режима Сталина. Против Советов, как органов власти, призывов зафиксировано не было. По сути, вновь поднимался лозунг двадцатилетней давности — за Советы без коммунистов.

Интересны оценки причин событий, произошедших тогда в Иваново. По мнению Ивановского обкома партии, волнения на фабриках — следствие подрывной провокационной работы немецких шпионов. Это было самое простое объяснение — традиционно списать все на немцев и «врагов народа». Понятно, что таким образом местные власти стремились снять с себя ответственность за случившееся «ЧП», которым была очень обеспокоена Москва.

Комиссия ЦК ВКП(б), работавшая в городе по горячим следам, подошла к оценке ситуации более объективно. Она пришла к выводу, что главная причина происшедшего — крупные просчеты и ошибки местных партийных и хозяйственных руководителей в социально-экономической сфере и в агитпропработе. Не случайно в качестве мер, направленных на нормализацию ситуации в городе и области, московская инспекция предложила укрепить партийно-хозяйственные кадры и усилить партийный контроль над всеми сферами жизни, обратив особое внимание на вопросы снабжения рабочих и пропагандистской работы на производстве.

Но прецедент состоялся. И он со всей очевидностью показал то, что советский тыл не так прочен, как об этом трубила партийная пропаганда, что монолитного единства власти и народа, по крайней мере в первый год войны, не было. Народ в войне защищал свою Родину, а сталинская система с ее функционерами — свой политический режим.

Представляем вниманию читателя информацию Ивановского бюро обкома партии, направленную в ЦК ВКП(б) секретарю ЦК А. Андрееву, который курировал в ЦК госбезопасность. Это совсекретное постановление бюро Ивановского обкома ВКП(б) от 22 октяб-

ря 1941 г. № 143 «Об антисоветских выступлениях части рабочих на текстильных фабриках г. Иваново»[1].

«Бюро обкома устанавливает, что имевшее место 19 октября 1941 г. антисоветское выступление части рабочих Ивановского меланжевого комбината и фабрики им. Дзержинского, а также волнения на фабриках «Красная Талка» и им. Балашова явились следствием подрывной провокаторской деятельности шпионов, агентов германского фашизма и враждебных лиц, проникших на предприятия.

Партийные, комсомольские, профсоюзные и хозяйственные организации фабрик строят свою работу без учета создавшейся обстановки, проглядели вражескую подрывную работу на предприятиях и не дали своевременного отпора паникерам, провокаторам, кликушам. Во время самих событий многие коммунисты и комсомольцы фабрик не заняли подобающего им места в ликвидации беспорядков на фабриках и показали свою неорганизованность и растерянность, а некоторые из них выступили с остальными и враждебными элементами.

Партийные, хозяйственные и профсоюзные руководители фабрик оторвались от рабочих. Директор меланжевого комбината т. Частухин, секретарь партийного комитета т. Лапшин и секретарь партбюро фабрики им. Дзержинского т. Филиппов не видели и не учитывали настроений и повседневных нужд рабочих. На предприятиях запущена партийно-политическая работа... В работе преобладало голое администрирование... Провокационное заявление тт. Частухина и Филиппова о взрыве фабрик послужило поводом врагам для распространения волнений среди рабочих... Демонтаж оборудования на меланжевом комбинате и на фабриках им. Дзержинского и «Красная Талка» были начаты без разъяснения рабочим значения этого, что и было использовано антисоветскими элементами для распространения паники и всевозможных слухов.

Ивановский горком ВКП(б), Кировский и Фрунзенский райкомы г. Иваново (секретари — тт. Воронин и Меньшов) неудовлетворительно руководят работой предприятий, плохо связаны с фабриками, в результате чего указанные выше события явились для них

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 83, 155—161.

полной неожиданностью. Горком ВКП(б) подошел безответственно к проведению демонтажа оборудования на фабриках и выдаче мануфактуры рабочим. В городе произвели раздачу мануфактуры в неограниченном количестве всему населению города, что также способствовало распространению паники на фабриках.

За происшедшие события на фабриках ЦК профсоюзов работников хлопчатобумажной промышленности Ивановской области (пред. т. Цветкова) несет также прямую ответственность. ЦК профсоюзов неудовлетворительно руководил работой фабричных комитетов, не решал острых вопросов (зарплата на фабриках), не занимался общественным питанием, не организовал общественного контроля за работой фабричных столовых.

Обком ВЛКСМ (секр. т. Мордвинина) и Ивановский горком ВЛКСМ (секр. т. Земская) неудовлетворительно руководят работой комсомольских организаций текстильных фабрик... Значительная часть молодежи оказалась в числе участников беспорядков 19 октября 1941 г.

Бюро обкома ВКП(б) постановляет:

1. Директора меланжевого комбината т. Частухина за отрыв от рабочих и провокационное заявление о взрыве предприятия с работы снять и объявить ему строгий выговор с предупреждением.

2. Секретаря партийного бюро фабрики им. Дзержинского т. Филиппова за отрыв от рабочих и за провокационное заявление о взрыве фабрики с работы снять и от партийной работы отстранить.

3. Директора фабрики им. Дзержинского т.Крылова направить на прежнюю работу главного инженера фабрики.

4. Предупредить директора фабрики «Красная Талка» т. Панкратова и директора фабрики им. Балашова т. Канатьева, что, если ими в ближайшее время не будут приняты все меры к устранению крупных недостатков в работе,... к ним также будут приняты суровые меры партийного и административного воздействия.

5. Секретарю Ивановского горкома ВКП(б) т. Таратынову за неудовлетворительное руководство работой фабрик, за допуск разбазаривания мануфактуры с фабрик объявить строгий выговор.

6. Председателю ЦК профсоюзов т. Цветковой за слабую работу по организации зарплаты рабочим и общественного питания на фабриках объявить строгий выговор.

7. Отметить серьезные упущения в работе областного управления НКВД и поручить начальнику областного управления НКВД т. Блинову быстро и решительно перестроить работу управления в соответствии с требованиями момента.

8. Поручить Ивановскому горкому ВКП(б) укрепить руководящий состав торговых организаций.

9. Предложить Ивановскому горкому ВКП(б), Кировскому и Фрунзенскому райкомам ВКП(б):

а) укрепить проверенными работниками руководящий состав предприятий;

б) направить на меланжевый комбинат, фабрики им. Дзержинского, «Красная Талка», им. Балашова подготовленных пропагандистов и агитаторов...

в) перестроить работу райкомов и первичных парторганизаций в соответствии с требованиями военного времени, так, чтобы парторганизации всегда знали настроения и запросы рабочих, по-большевистски боролись за удовлетворение здоровых запросов рабочих и бдительно следили за подрывной деятельностью провокаторов, паникеров и кликуш;

г) усилить контроль партийных организаций за хозяйственной деятельностью предприятий, оперативно вмешиваясь в их работу...

д) заняться улучшением общественного питания и в недельный срок наладить полный порядок в фабричных столовых и буфетах;

е) рассмотреть вопрос о поведении членов и кандидатов в члены ВКП(б), показавших себя во время указанных событий людьми, не способными носить звание члена партии.

10. Предложить обкому и горкому ВКП(б) принять необходимые меры по улучшению работы комсомольских организаций на текстильных фабриках, мобилизуя их на борьбу с провокаторами и паникерами...

11. Обязать начальника 2-го главного Управления хлопчатобумажной промышленности области т. Говорова и директоров фабрик:

а) укрепить отделы кадров предприятий...

б) своевременно сообщать партийным организациям о всех крупных хозяйственных мероприятиях...

в) усилить охрану фабрик...

12. Провести на всех текстильных фабриках г. Иваново закрытые партийные собрания, на которых обсудить меры по ликвидации беспорядков по каждому предприятию в отдельности.

Бюро обкома ВКП(б) обращает внимание всех горкомов и райкомов ВКП(б) текстильных районов области на необходимость сделать для себя выводы из событий, имевших место на ряде фабрик г. Иваново.

Секретарь обкома ВКП(б) Пальцев».

Итак, бюро Ивановского обкома партии, проведя оперативное расследование по факту произошедших беспорядков в городе, пришло к выводу о неудовлетворительной работе городского и районных комитетов ВКП(б) и ВЛКСМ, а также безответственности заводских администраций. Мера воздействия — кадровые перестановки. Свою вину и меру ответственности бюро обкома, естественно, не видит. Налицо обычная практика сваливания всей ответственности на подчиненных.

Московская комиссия поработала более целенаправленно и объективно. Хотя партийное расследование и разбор случившегося проходили в спешке. По итогам работы в Иваново комиссии ЦК ВКП(б) была составлена справка, направленная начальнику Оргинструкторского отдела ЦК партии Шембергу. Вот ее текст:

«В ЦК ВКП(б).

СПРАВКА

Забастовочные настроения, подогреваемые враждебными элементами, гуляют среди значительной части рабочих текстильных фабрик. Недовольство вызывает заметно снизившийся заработок текстильщиков за последнее время, резкое ухудшение продовольственного снабжения, крайне скверная работа торговых организаций и фабричных столовых.

Зарплата у рабочих-текстильщиков за последние месяцы снизилась на 30—40%. Средняя ткачиха, зарабатывавшая 500—600 руб., сейчас зарабатывает 300—400 руб. Снижение зарплаты рабочих текстильной промышленности связано с невыполнением фабриками своих производственных планов и рабочими норм выработки.

Причины невыполнения норм выработки:

— перезаправка оборудования на новые виды продукции (военную);

— простои оборудования из-за плохого их обслуживания (значительная часть квалифицированных мастеров ушла в армию);

— простои оборудования из-за недостатка тары.

Продовольственное снабжение

Ивановские текстильщики отнесены ко второй категории и получают в день по 600 г хлеба. По карточкам дают сахар. Остальные продукты рабочие покупают на рынке. В магазинах нет картофеля и овощей. Рыночные цены: мясо — 35—40 руб. кг, молоко — 6—8 руб. литр, картофель — 4—5 руб. кг. Даже на базарах выстраиваются большие очереди за продуктами.

Общественное питание

Теперь все рабочие пользуются общественным питанием. Количество столующихся увеличилось в 10 и более раз. База и штаты столовых не увеличились. Во всех фабричных столовых не хватает мест, ложек, тарелок. Некоторые рабочие обедают стоя. Огромные очереди. За 4-местным столом обедают 8—9 человек. В столовых непролазная грязь. Качество обедов крайне низкое. Например, в столовых (Фурмановская № 1, фабрика им. Шагова, им. Ногина и др.) меню состоит из пустых щей (вода с капустой без лука и всякой приправы) и ячневой или овсяной каши, сваренной на воде без всяких жиров. Зачастую и этих блюд отдельным рабочим не хватает, особенно в ночных сменах.

Общественное питание на фабриках находится в ведении треста Нарпита. Директора и секретари партийных комитетов считают общественное питание посторонним для себя делом. На подсобное хозяйство при фабрике никакого внимания не обращается.

...На собрании рабочих фабрики Ногина работница Кулакова заявила: «Гитлер хлеб-то ведь не взял, ему мы сами давали, а сейчас нам не дают, ему что ли берегут? Два месяца провоевали и хлеба не стало». Ткачиха этой же фабрики Тихомирова на собрании сказала: «У нас ноги не стоят на работе уже сейчас, а что дальше будет?» Работница Лобова высказала следующее: «Ходим голодные, работать нет мочи, начальство получает в закрытом магазине, им жить можно». Помощник мастера фабрики Шагова Корнев в кабинете директора фабрики потребовал улучшения питания, заявив: «Своим безделием в деле улучшения общественного питания вы вызываете рабочих на восстание!» Помощник мастера Соболев и мастер Киселев заявили: «Если нас возьмут в армию, мы покажем коммунистам, как нас голодом морить!» Член партии Волков, работающий помощником мастера на комбинате «Большевик», однажды после обеда собрал вокруг себя 15 рабочих и обратился к директору треста столовых и заведующему

орготделом райкома партии со следующими словами: «Накормите их — они голодные!»

Такого рода высказываний много на всех вышеуказанных фабриках.

Отношение партийных и хозяйственных руководителей к материальным нуждам рабочих

Руководители партийных и хозяйственных организаций не придают значения фактам проявления недовольства рабочих, не принимают мер к улучшению работы столовых, торгующих организаций. Больше того, отдельные руководители своей нераспорядительностью, грубым отношением к людям усиливают недовольство рабочих, а враждебно настроенные элементы это используют.

На фабриках имени Ногина, «Красный Профинтерн», имени Шагова стали практиковать систематическую отработку в выходные дни с тем, чтобы покрыть невыполнение производственной программы за рабочую неделю. Детские учреждения, столовые в выходные дни не работают.

Директор фабрики имени Шагова т. Субботин 20 сентября издал приказ, в котором 21 сентября — воскресенье — объявлялось рабочим днем. На собрании рабочих директор добавил, что в августе собранием рабочих было принято решение об отработке в Фонд Обороны. Рабочие так и не поняли: приглашают их на воскресник или это узаконенный рабочий день. В результате рабочие на работу не вышли и работа ткацкой фабрики была сорвана.

Состояние партийно-политической работы

Проверка на местах показала исключительную запущенность агитационно-массовой работы на фабриках. Партийные руководители боятся ходить в цехи, так как не знают, как отвечать рабочим на вопрос, почему наша армия отступает, отдает города.

«На фабриках нет подъема, нет боевого духа, а наоборот, упадок», — говорит директор фабрики им. Шагова т. Соболев. Парторг Пухов: «Дисциплина коммунистов хуже, чем была до военной обстановки».

По общежитиям ходят нищенки, которые приносят разные слухи. В бараках ведутся контрреволюционные разговоры. Бывают такие темы: при Гитлере жить лучше или при Советской власти?

Пустуют доски показателей, о соцсоревновании забыли, со стахановцами не работают. На комбинате «Большевик» за период воен-

ного времени не проведено ни одной беседы. Агитаторы Соколов, Сафонов жаловались, что рабочих «не загонишь» на беседу.

Мы с представителем обкома ВКП(б) т. Арефьевой и секретарем парткома фабрики т. Филатовым были свидетелями таких фактов: в ткацкой фабрике в одном лишь цехе за 30—40 минут до начала работы ночной смены собралось человек 120 рабочих, разбившись на три группы, в каждой проходила оживленная беседа. В одной обсуждался вопрос, при ком лучше жить — при Советской власти или при Гитлере, а в другой утверждали, что в войне победителем будет Гитлер, в третьей группе заявляли, что наша армия голодная, раздетая, невооруженная, что наших красноармейцев на фронте как косой косят и т.д. Среди рабочих не было ни одного агитатора. И так каждая смена ежедневно приходит за полчаса до работы и бывают предоставлены сами себе.

Во время рабочего дня рабочие группами собираются в уборных, в коридорах и ведут разные разговоры. Егоров М.М., таскальщик на Родниковском комбинате, часто уводит рабочих по 3 — 4 и более человек в уборную и рассказывает антисоветские анекдоты. Разного рода разговоры ведутся и на других фабриках. Работница прядильной фабрик «Сохрани бог от победы советской власти, а вас всех, коммунистов, перевешают». Чернышова Н., комсомолка, работающая на фабрике им. Шагова, заявила: «Кто бы только начал забастовку, а мы поддержим». На фабрике ходят разговоры, что только забастовки улучшат питание рабочих — там-то бастовали и лучше стали кормить.

В партию на фабриках никто не вступает. Много кандидатов с просроченным стажем.

Для устранения отмеченных недостатков необходимо:

1. Ввести в обком и горкомы ВКП(б) крупных индустриальных центров области секретарей по снабжению. Восстановить рабочий контроль во всех столовых.

2. Обязать обком ВКП(б) немедленно заменить слабых секретарей партийных организаций предприятий и командировать на партработу фабрик лучших работников из аппарата обкома, горкомов и райкомов.

3. Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) направить в помощь Ивановскому обкому партии группу квалифицированных лекторов.

4. Почти весь автотранспорт и частично конский парк предприятий Ивановской области мобилизовать для нужд фронта. Разрешить директорам фабрик закупать лошадей, хотя бы по рыночной цене.

Ответорганизатор Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б) Сидоров.

Инструктор Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б) Козлов»[1].

То есть московская комиссия, проанализировав и оценив ситуацию, сложившуюся в Ивановской области, по сути, встала на позицию местного бюро обкома партии, защитив его от последующих репрессий. Санкции со стороны Кремля были на удивление не суровыми — виновных номенклатурных работников просто понизили в должности. Видимо, в столь напряженной военной обстановке центру было не до них. Зачинщиков массовых выступлений НКВД арестовало, отдав их под суд военного трибунала.

В спецдонесении Прокурору СССР о работе Ивановской областной прокуратуры с 20 по 30 ноября 1941 г. указывалось, что только за третью декаду ноября 1941 г. дано 28 санкций на арест по ст. 58-10 — «контрреволюционные преступления»[2]. Подсудимыми оказались активные участники забастовок и митингов, недавно прошедших на ткацких фабриках г. Иваново. Были и другие фигуранты — например, житель г. Иваново С.А. Борзов, 1902 г.р., который «высказывал антисоветские настроения, возводил гнусную клевету в отношении командующих западным округом и Балтийским флотом, приписывая им измену и сдачу 13 тыс. танков и большое количество авиации». «Портной артели "Память Ильича" Смирнов М.В. дважды категорически отказывался ехать на оборонные работы, мотивируя отказ религиозными убеждениями». Всем, проходившим по 58 статье, приговор был один — высшая мера наказания.

В октябрьские дни 1941 г. неспокойно было и в ближнем Подмосковье. Прокурор Московской области Апенин докладывал Прокурору СССР: «16 октября 1941 г. в г. Реутово в момент прекращения работы на ткацкой фабрике имело место сопротивление закрытию фабрики, которое организовано Салатинцевым, главным инженером фабрики. Салатинцев И.М. ...возбудил группу рабочих на расправу

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 45. Л. 37—48.

[2] ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 535. Л. 9.

с должностными лицами, которым было поручено в случае необходимости осуществить взрыв фабрики. Салатинцев подстрекал рабочих воспрепятствовать взрыву фабрики, заявляя, что хотят уничтожить фабрику — кормилицу рабочих. В результате этого рабочие Галкин и Грачев напали на начальника штаба МПВО фабрики Иванова, подвергли его избиению, раздели и бросили в пруд. Другая группа рабочих — Новиков, Пушков, Барминцев напали на начальника транспортного отдела, члена ВКП(б) Голова, раздели его и жестоко избили. После избиения Иванова и Голова повели на фабрику и требовали под угрозой убийства показать, где заложено взрывное вещество, подготовленное для взрыва фабрики. По делу арестовано 10 человек»[1].

Осенью 1941 г. был еще один регион, который очень беспокоил Москву — это Чечня. С началом войны в этой кавказской республике заметно активизировалась деятельность незаконных вооруженных формирований. Представленные ниже документы свидетельствуют о том, что в конце 1941 г., когда враг стоял у стен Москвы, в Чечено-Ингушской АССР происходили массовые вооруженные выступления против советской власти. При этом осенью 1941 г. Чечня представляла собой далекий советский тыл.

Судя по имеющимся документальным источникам, мятеж в этом горном регионе возник на почве недовольства населения военно-мобилизационными мерами властей. Но внутренняя подоплека развернувшейся вооруженной борьбы чеченцев лежит глубже и уходит корнями еще во времена Кавказской войны и присоединения Чечни к России.

Обращает на себя внимание тот факт, что это была не стихийная, как, допустим, в Иваново, а заранее подготовленная акция, имевшая ярко выраженный политический характер. Главной задачей бандформирований (повстанческих групп) в Чечне был саботаж всех мероприятий, проводимых Советской властью, и ликвидация в конечном счете этой власти вооруженным путем. Приведенные документы дают основания для таких утверждений. Действия боевиков, имевшие форму партизанской войны, носили достаточно организованный и упорный характер. Войскам НКВД потребовались

[1] ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 535. Л. 200.

длительное время и большие усилия, но умиротворить этот горный район в 1941—1943 гг. так и не удалось. Тогда в 1944 г. Сталин пошел на радикальный шаг — провел тотальную депортацию народа.

Летом — осенью 1942 г., когда немецкие войска подходили к Грозному, вооруженная антисоветская деятельность в Чечне резко усилилась. Нельзя не обратить внимание, читая документы, на сходство многих моментов военной поры и современности. Узнаваемы даже фамилии активных мятежников.

«Прокурору СССР.

Спецдонесение Прокурора ЧИАССР. 31.10.41 г.

Доношу, что 28.10.41 в Шатоевском районе со стороны жителей сел Борзой, Варанды и Ханкилой оказано вооруженное сопротивление представителям Советской власти, принимавшим меры к привлечению трудоспособного населения для выполнения работ, связанных с военными мероприятиями. В вооруженном сопротивлении принимают участие около 250 человек. В результате перестрелки имеются убитые... 21 человек со стороны населения и 5 человек со стороны воинских частей.

Спецдонесение Прокурора ЧИАССР. 11.11.41

... В результате проводимой операции против участников контрреволюционного вооруженного выступления в Шатоевском районе арестовано 25 человек (Джангиреев Г., Майсаев М., Байсултанов С., Ацаев Д. и др.)

Прокурору СССР т. Сафонову от Прокурора ЧИАССР. 29.12.41 г.

Справка

по делу контрреволюционной повстанческой группы

в Шатоевском районе

11 ноября 1941 г. мы вам сообщили о вооруженном выступлении группы враждебных элементов в Шатоевском районе. Принятыми мерами повстанческая группа рассеяна, активные ее участники арестованы и привлекаются к уголовной ответственности по ст. 58-2 и 58-11 УК.

1. Арестован Басаев М., 50 лет, житель хутора Тумсой, активный участник вооруженного восстания в Шатое и организатор повстанческой группы. 24 ноября на допросе он показал, что в контрреволюционную группу для вооруженного восстания он был завербован в августе 1941 г. адвокатом Шатоевского района Исраиловым Х. При вербовке Исраилов поставил задачу: вести работу

о распространении контрреволюционных слухов о том, что якобы Советской власти в ЧИАССР не существует, готовить людей к вооруженному выступлению.

2. Арестован активный участник вооруженного выступления Джангиреев Г., 1877 г. рождения.

3. Арестован Джангиреев П., 60 лет... Он показал, что они приняли на Коране присягу бороться вооруженным путем против Советской власти...

4. Арестован Янарсаев А., 1894 г. рождения...

По делу арестовано 6 человек, следствие продолжается.

Спецдонесение

в ЦК ВКП(б) и СНК СССР о раскрытии контрреволюционной группы в Чечено-Ингушской АССР.

Заместителю Председателя СНК СССР т. Вышинскому.

По сообщению Прокурора ЧИАССР при проведении мобилизации населения в порядке трудовой повинности для строительства оборонительных рубежей 28.10—1.11.41 г. в Шатоевском р-не республики имел случай вооруженного выступления контрреволюционных элементов. Житель хутора Тумсой Борзоевского сельсовета Шатоевского р-на Джангиреев П., уклоняясь от отбывания трудовой повинности, призвал других жителей хутора отказаться от явки на работу. Когда на хутор пришли три милиционера для ареста Джангиреева, последний отказался следовать с ними. Собравшаяся толпа разоружила милиционеров. В тот же день толпа разгромила Борзоевский сельсовет. В селе Хирсеней также был разгромлен сельсовет и разграблено имущество в колхозе. Направленная к селу Борзой оперативная группа НКВД была обстреляна. 29 октября, когда прибыли воинские части, бунтовщики ушли в горы и уклонились от боя. 1 ноября в горы направились воинские части для ликвидации бунтовщиков.

В вооруженном контрреволюционном выступлении участвовало в Шатоевском р-не 250 человек, в том числе банда Осуева, оперировавшая в горах несколько лет.

Саботаж выполнения госпоставок имел место в этом районе и ранее и сопровождался случаями открытого сопротивления...

При ознакомлении с хозяйственным положением в Шатоевском р-не устанавливается наличие экономически мощной прослойки населения... 188 колхозных дворов имеют в личном пользовании

от 5 до 10 га земли. Такое положение в р-не, несомненно, сыграло свою роль в событиях 28 октября — 1 ноября 1941 г.

20.12.41 г. Заместитель Прокурора СССР
К. Мокичев.

Заместителю Председателя СНК СССР т. Вышинскому А.Я.

В дополнение к информации от 20 декабря 1941 г. сообщаю:

По делу о контрреволюционной повстанческой группы в ЧИАССР привлечено 6 человек... Все лица на допросах показали, что они являются участниками контрреволюционной повстанческой организации, подготовлявшей вооруженное выступление против Советской власти не только в Шатоевском районе, но и в других районах ЧИАССР, используя для вербовки членов организации шовинистические настроения и религиозные предрассудки, а также родственные связи. Руководители контрреволюционной группы агитировали за неплатеж налогов, невыход на колхозные и другие работы, уклонение от мобилизации в Красную Армию и срыв всех других мероприятий, проводимых Советской властью на селе.

25.10.42 г. К. Мокичев»[1].

Таким образом, осень 1941 г. была исключительно трудным периодом в жизни советского государства и в деятельности системы власти. В условиях тяжелейшей войны с гитлеровской Германией, когда немецкие войска стояли у стен Москвы, сталинскому руководству приходилось решать массу внутренних проблем, укрепляя страну и наводя в ней порядок.

Важным политическим событием осени 1941 г. был военный парад частей Красной Армии на Красной площади в Москве в связи с 24-й годовщиной Октябрьской революции и речь на нем И. Сталина. Несмотря на непрогнозируемую военную обстановку, И. Сталин решил отпраздновать очередную годовщину Октябрьской революции как в мирное время — с торжественным собранием и военным парадом. Как опытный политик, он знал, что это будет иметь большое морально-политическое и психологическое значение как внутри страны, так и за рубежом.

---

[1] ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 532. Л. 34; Оп. 37. Д. 530. Л. 28; Л. 783. Л. 2.

Совместное торжественное заседание Моссовета с партийными и общественными организациями г. Москвы проводилось 6 ноября не в здании Большого театра, как обычно, а из соображения безопасности на станции метро «Маяковская».

Вот что вспоминает участница этого заседания секретарь парткома комбината «Трехгорная мануфактура» В.А. Колосова. «Народу было очень много, люди все представительные, с орденами... Был хороший буфет в вагончиках метро. Мы посидели там, выпили пива... В шесть часов вечера к противоположной стороне платформы подошел поезд ... Первым на платформу ногой ступил т. Сталин. Раздались громкие аплодисменты... Звучит лозунг: «За Родину! За Сталина!» Заседание открыл т. Пронин (председатель Моссовета.— *Прим. авт.*). Слушали т. Сталина с огромнейшим вниманием... Говорил он очень просто — правда, с грузинским акцентом, но все было очень понятно...»[1]

Данную информацию подтвердил в своих воспоминаниях П.А. Судоплатов, дополнив, что Сталин вышел из вагона на платформу метро в сопровождении Берии и Маленкова[2].

На следующий день, 7 ноября 1941 г. на Красной площади состоялся военный парад, на котором с речью выступил И. Сталин. Войска, участвовавшие в параде, сразу уходили на фронт. Эта акция, задуманная вождем, имела огромный резонанс. Кстати, в последующие военные годы, вплоть до парада Победы 24 июня 1945 г., никаких парадов Сталин больше не проводил.

К концу ноября 1941 г. немецкое наступление на Москву выдохлось. Благодаря огромной организаторской работе органов государственной власти и прежде всего Государственного Комитета Обороны у Красной Армии оказалось больше резервов, чем у вермахта. Победу на московских рубежах можно назвать чудом. Казалось бы, столица была обречена. С севера, со стороны Химок немцы находились в 16 км от границ Москвы (д. Красная Поляна), наблюдая в бинокли кремлевские купола. 15 ноября 1941 г. командующий груп-

---

[1] Москва военная. 1941—1945. С. 144—145.

[2] *Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950. С. 212.

пой армий «Центр» фон Бок объявил в приказе: «Солдаты! Перед вами Москва! За два года все столицы континента склонились перед вами... Осталась Москва. Заставьте ее склониться... Москва — это отдых. Вперед!»[1]

Уверенность противника в захвате Москвы выразилась в двух фактах: прорыве колонны немецких мотоциклистов 30 ноября в границы Москвы (нынешняя станция метро «Речной вокзал») и осуществленной в ночь с 30 ноября на 1 декабря высадке авиадесанта на Воробьевых горах в Нескучном саду — в 4 км от Кремля[2].

Но немцы не только не смогли пройти последние 16 км до Москвы, но и покатились назад в декабре 1941 г. под ударами Красной Армии с той же скоростью, как и наступали. Версия, согласно которой остановил продвижение вермахта «русский мороз», не вполне корректна. Конечно, нельзя отрицать, что подмосковные морозы нанесли немалый ущерб врагу, рассчитывавшему на победу до наступления зимы.

На протяжении октября 1941 г. в Подмосковье царила распутица — техника увязала в грязи, а 6—7 ноября вдруг ударили 25-градусные морозы. В декабре морозы перевалили за 40 градусов. В картерах немецких танков моментально замерзло масло, почти у всех тягачей и машин полопались радиаторы. Зимнего обмундирования был один комплект на четырех солдат. Без зимнего масла заклинивало даже оружие. Немцы в своих воспоминаниях сообщали: «Перед тем как идти на пост, солдаты брали с собой нагретые на печи кирпичи. Но не для того, чтобы греть ими руки и ноги. Кирпичи прикладывали к затворам пулеметов, чтобы масло не замерзло и оружие не заклинило»[3]. Русский Дед Мороз безжалостно уничтожал вражескую технику и живую силу.

Конечно, советское командование воспользовалось зимними проблемами вермахта. Сталин издал распоряжение «Гони немца на мороз», подписав секретную директиву, в соответствие с которой перед специальными диверсионными отрядами НКВД была поставлена задача сжигать в зоне боевых действий все деревни, все крестьян-

---

[1] *Кожинов В.* Великая война России. М., 2005. С. 136.

[2] *Там же.* С. 128—129.

[3] *Владимиров В.* Дед Мороз против вермахта // Версия. 2005. № 1. С. 16.

ские избы, в которых мог бы отогреваться противник. В одном из таких отрядов находилась Зоя Космодемьянская. Но подобная тактика давала сомнительный эффект: прежде всего замерзало местное население — старики, дети. Неудивительно, что на оккупированной территории среди населения усиливались антипартизанские и антисталинские настроения.

Климатические условия зимы 1941—1942 гг. под Москвой имели не определяющее, а лишь косвенное значение. «Генерал Зима» в то же время и подгонял германскую армию поскорее занять русскую столицу. С другой стороны, мороз сильно ударил и по Красной Армии, которая тоже, вопреки существующему мнению, испытывала серьезные проблемы с зимним обмундированием. Значит условия были равными. По имеющимся данным, зимой 1941—1942 гг. по причине холодов из боевого состава Красной Армии выбыло 180 тыс. человек, а у вермахта — 230 тысяч[1]. Разница не такая и большая.

Главная причина нашей победы под Москвой следует усматривать не в морозах, а в том, что к столице были стянуты из восточных районов страны крупные военные силы и мы стали иметь количественное равенство в войсках (превосходство было только в боевых самолетах). Наш военный разведчик Рихард Зорге буквально перед самым своим арестом передал из Токио, что Япония не будет нападать на советский Дальний Восток. Значительное число полнокровных дивизий было спешно переброшено из Сибири и Приморья под Москву.

Летом и осенью 1941 г. мы отступали, хотя германские войска ненамного превосходили нас в боевой технике. Под Москвой у нас также не было серьезного превосходства над немцами, но Красная Армия опрокинула врага и заставила его бежать. Почему это произошло? Согласимся с В. Кожиновым — все дело заключалось в духовной составляющей[2]. Без Москвы наш народ не представлял существование Российского государства. Поэтому, действительно, отступать было некуда. В. Кожинов привел замечательные слова, сказанные в передовой статье «Красной Звезды» от 2 декабря 1941 г. и обращенные к бойцам и командирам: «Древние камни Москвы овеяны славой

---

[1] *Владимиров В.* Дед Мороз против вермахта // Версия. 2005. № 1. С. 16.

[2] *Кожинов В.* Великая война России. С. 139—141.

наших предков, бесстрашно защищавших ее гордое имя. Так повелось на Руси, что самые страшные удары иностранные армии получали у стен Москвы... не раз на протяжении истории нашей страны казалось врагам, что гибнет русская земля, что не подняться ей вновь. Но вставал бессмертный народ и повергал в прах всех, кто покушался на его жизнь. Так будет и ныне». Только под Москвой по-настоящему проявила себя вся мощь геополитической воли россиян.

В результате тяжелых боев враг был отброшен от столицы. Впервые в истории Второй мировой войны немецким войскам было нанесено стратегическое поражение и немцы проиграли свою «молниеносную войну» против Советского Союза. В связи с устранением прямой угрозы городу ГКО постановил разминировать объекты г. Москвы, прекратить работы на оборонительных рубежах восточнее столицы, за Окой и Волгой[1].

Но полной победы одержать не удалось. Это был временный перелом. По ряду причин Красная Армия не смогла добиться более существенных результатов. Главная из которых — слабость управления войсками, неумение воевать. Позже на это указал маршал Н. Воронов: «Мы к тому времени не научились как следует воевать»[2].

Таким образом, в 1941 г. сталинская система государственной власти, осуществляя стратегическое управление государством, армией и обществом, с большим трудом смогла остановить врага на подступах к столице. Красная Армия потерпела ряд серьезных стратегических поражений. И тем не менее власть добилось осуществления поставленных задач, и страна была превращена в единый военный лагерь.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 16. Л. 94; Д. 17. Л. 178.

[2] *Воронов Н.Н.* На службе военной. М., 1973. С. 215.

Глава 2

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ СТАЛИНА

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

С началом Великой Отечественной войны главной задачей органов власти и государственного управления стала оборона страны, ее превращение в единый военный лагерь. Важнейшее место в деле обороны страны занимает выработка и реализация военной политики. Политика вообще — это деятельность органов власти и государственного управления, партий и общественных объединений, определяемая их интересами и целями; это определение задач, форм и содержания деятельности государства в тот или иной период времени. Военная политика — это, в широком смысле слова, выражение стратегии государства или партии в военно-политической сфере, это определение и постановка перед страной и армией стратегических целей и задач, формулирование приоритетных направлений функционирования властных структур.

В Советском Союзе главным субъектом и проводником военной политики выступали Коммунистическая партия и Советское Правительство в лице их бессменного руководителя — И.В. Сталина. Военная политика формулировала ответ на главный вопрос, стоявший перед советским обществом и властными структурами в то время: куда идти и что делать?

В довоенный период стратегическая концепция Сталина строилась на его анализе и оценке военно-политической и геополитической ситуации в Европе. В своих далеко идущих военно-политических планах он активно разыгрывал «германскую карту», допуская возможность сделать гитлеровскую Германию «ледоколом» мировой революции. Но у гитлеровской верхушки были свои широкомасштабные экспансионистские замыслы покорения всей Европы и создания тысячелетнего Третьего рейха.

В нацистской «библии» «Mein Kampf», написанной Гитлером в 1924 г., было прямо заявлено: «Наша задача — не в колониальных завоеваниях. Разрешение стоящих перед нами проблем мы видим только и исключительно в завоевании новых земель, которые мы могли бы заселить немцами. При этом нам нужны такие земли, которые непосредственно примыкают к коренным землям нашей Родины. Лишь в этом случае наши переселенцы смогут сохранить тесную связь с коренным населением Германии... Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке... Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены».

Сейчас многие упрекают Сталина в политической близорукости — Гитлер сам написал, что ему необходимы земли на востоке. Но Сталин, видимо, досконально изучил эту запрещенную в СССР книжку. И понял, что свою главную первостепенную задачу фюрер видит не в завоевании земель на востоке, а в том, чтобы ликвидировать ненавистный немецкому народу Версальский договор 1918 г. То есть, на сегодня главный враг Германии — Франция. «Мы должны до конца понять следующее: самым смертельным врагом германского народа является и будет являться Франция... Франция систематически рвет на части наш народ и планомерно душит нашу независимость... Франция неизбежно будет стремиться к тому, чтобы Германия представляла собой слабое и раздробленное государство... Единственным нашим противником в данное время является Франция — та держава, которая лишает нас даже права на существование».

Таких агрессивных сентенций против СССР-России у Гитлера нет. Земли на востоке — это не ближайшая задача Германии, а перспектива, направление германской экспансии на века вперед. Не случайно он говорил: «Тут нужны столетия. В вопросах колонизации вообще решают не быстрота и натиск, а настойчивость и долгий период». Поэтому наш вождь был уверен, что Гитлер, напав на Францию, к которой на помощь, безусловно, придет Англия, увязнет там надолго. Но жизнь опровергла его прогнозы.

С началом войны пришлось серьезно корректировать военную политику страны. Особенностью государственного управления военного времени являлось то, что если в довоенный период в Советском Союзе программные цели и задачи по развитию страны ставились на партийных съездах и пленумах, то теперь они стали определяться в директивах, приказах и речах первого лица государства и партии — И. Сталина.

Стратегические военно-политические и хозяйственные цели и задачи государственного управления разрабатывались и утверждались Политбюро ЦК, а с 1 июля 1941 г. Государственным Комитетом Обороны, как высшим органом власти страны. Концептуально определялись и формулировались они в партийно-государственных директивах, публичных речах и выступлениях руководителей страны и, прежде всего, И. Сталина, в его приказах как наркома обороны и Верховного Главнокомандующего. Эти документы носили общеобязательный программный характер.

В рамках первого военного периода (1941—1942 гг.), характерного оборонительными боевыми операциями Красной Армии, это, прежде всего:

— выступление В.М. Молотова — второго лица в государстве перед страной по радио в день начала войны;

— директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, подписанная И. Сталиным 29 июня 1941 г.;

— речь вождя страны перед советским народом по радио 3 июля 1941 г.;

— доклад И.В. Сталина на торжественном заседании Моссовета с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 г. и его речь на параде Красной Армии 7 ноября 1941 г. на Красной площади;

— праздничные приказы наркома обороны СССР № 55 от 23 февраля 1942 г. и № 130 от 1 мая 1942 г.;

— доклад И. Сталина на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1942 г. и приказ наркома обороны № 345 от 7 ноября 1942 г.

Данные речи, доклады и приказы представляли собой политическую, организационную и правовую основы государственного управления страной в исследуемый период.

Наряду с указанными документами особое значение в 1941—1942 гг. имели приказы наркома обороны И. Сталина, особенно

№ 270 и № 227, направленные на повышение устойчивости военного управления и наведение порядка в действующей армии.

Сравнительный анализ документов советского военно-политического руководства показывает механизм формирования и реализации государственной политики в военных условиях, демонстрирует определенную эволюцию взглядов И. Сталина и его окружения на цели и задачи Советского государства по ходу войны.

Речь В.М. Молотова 22 июня 1941 г. была первым с началом войны не только констатирующим, но оценочным и программным документом высшего советского руководства[1]. Текст речи был плодом коллективных усилий членов Политбюро. Но заключительные слова обращения: «Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами», ставшие одним из главных лозунгов войны, были продиктованы Сталиным.

Анализируя данный документ, необходимо отметить следующие его ключевые моменты. Прежде всего, вызывает интерес обращение В.М. Молотова к стране — «Граждане и гражданки», не обычное для риторики Советского Союза. Вместо традиционного партийного слова «товарищи» прозвучало обращение к гражданам страны, по сути, к гражданскому обществу. Это понятно, поскольку вся тяжесть начавшейся войны теперь должна будет лечь на плечи общества, на плечи простых граждан и гражданок.

Во-вторых, выступающий — заместитель Председателя СНК СССР — в первой своей фразе заявил, что выступает не от себя лично, а по поручению Советского правительства и его главы товарища Сталина. Так стране давалось понять, что он, по сути, «озвучивает» мысли вождя, который твердо и уверенно руководит армией и государством в этот сложный и ответственный момент. Народ не должен был знать о его растерянности.

В-третьих, акцент в речи делался на внезапности нападения и вероломстве Гитлера, который, нарушив договор о ненападении, напал на нашу страну. Молотов, как бы оправдываясь, дважды подчеркнул, что СССР добросовестно выполнял условия договора о ненападении, и Германия не предъявляла к нам никаких претензий.

---

[1] Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара иностранных дел тов. В.М. Молотова 22 июня 1941 года. М., 1941.

А сегодняшняя декларация Гитлера является, говорит Молотов, ложью и провокацией. Особо подчеркивалось, что фашистская Германия является нападающей страной, агрессором. Это было важно как с внутриполитической точки зрения (для развертывания волны патриотизма), так и международной (СССР — жертва агрессии в глазах мирового сообщества).

В-четвертых, впервые на официальном уровне прозвучало тревожное слова «война». Но В. Молотов не сразу квалифицирует начавшиеся действия как война. Вначале он говорит, что германские войска «напали», «атаковали наши границы», «подвергли бомбардировке наши города» и только во второй части обращения оратор первый и единственный раз произносит признательный факт: «война».

В-пятых, в речи не забыт, хотя и не выпячивается классово-идеологический аспект. Говорится, это «эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией... а кликой кровожадных фашистских правителей Германии»[1]. То есть советское руководство в духе господствовавшей тогда марксистско-ленинской доктрины разделяло нацистскую власть и германский народ на два противоположных лагеря, явно недооценивая прочность германского тыла.

В-шестых, в этой речи, состоявшейся в первый день войны, внимание общества, хотя и не так целенаправленно, как позднее, было нацелено на наши исторические ценности и национальные традиции. Мы били Наполеона, и то же будет с зазнавшимся Гитлером, подчеркнул Молотов. Впервые эта война была названа «отечественной войной за Родину, за честь, за свободу». Подчеркнем не партийно-классовую, а национально-патриотическую направленность этих слов.

Это был первый подход советского руководства к оценке, прогнозированию, целеполаганию и организации обороны страны в условиях начавшейся войны. Днем 22 июня в Москве еще не знали истинной обстановки на фронтах, уже развивавшейся для нас в катастрофическом направлении.

При всех недостатках этого обращения, связанных с тем, что выступал не сам И. Сталин, что не четко были сформулированы цели

---

[1] Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара иностранных дел тов. В.М. Молотова 22 июня 1941 года. С. 6.

и задачи страны в войне, что имеются повторы в тексте, эта речь более-менее разъяснила населению обстановку, начав отсчет нового, военного времени. Главное то, что она призвала всех сплотиться, призвала народ к Отечественной войне.

Надо отдать должное И. Сталину и его соратникам — была оперативно дана верная оценка и показан правильный вектор войны — это не классовое столкновение с мировым империализмом в борьбе за победу мировой революции, о чем раньше трубила партийная пропаганда, а с нашей стороны — это отечественная, освободительная война, это, наконец, Великая национальная война как следствие тысячелетнего противоборства германской и русско-славянской цивилизаций, как результат продолжения многовекового германского «натиска на восток» («Dranq nach Osten»). Необходимо согласиться с позицией В. Кожинова, согласно которой эта война была войной объединенной под эгидой Германии континентальной Европы против евразийской России, то есть войной двух цивилизаций[1].

Главным документом программного характера, в котором проектировалась и определялась военная политика Советского государства явилась директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» от 29 июня 1941 г. Она вышла через неделю после начала войны и была вызвана к жизни резким осложнением военно-стратегической обстановки, сложившейся на Западном фронте, в частности, в связи со сдачей Красной Армией 28 июня 1941 г. Минска.

Что требует центральная власть от партийных комитетов прифронтовых областей, именно от местной власти? Прежде всего, впервые достаточно конкретно квалифицируется цель нападения фашистской Германии на Советский Союз — «уничтожение советского строя, захват советских земель, порабощение народов Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов»[2].

---

[1] *Кожинов В.* Великая война России. Почему непобедим русский народ? М., 2005. С.15.

[2] Великая Отечественная война : 50 лет / Приложение к календарю дат и событий. М. 1991. Вып. 1. С.48—49; КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. М., 1981. С. 297.

И. Сталин в директиве обостряет вопрос, что поставлено на чашу весов в этой войне?: «В навязанной нам войне... решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение». Давалась, по сути, политическая и психологическая установка на чрезвычайность положения, на активное сопротивление врагу.

Второй важный момент, отмеченный в директиве,— признание факта захвата противником значительной части советской территории, расширение районов бомбардировок наших городов. При этом И. Сталин умолчал об оставлении нашими войсками Минска, видимо, надеясь, что Красная Армия в ближайшее время вернет город.

О главном вопросе — причинах отступления Красной Армии и сдаче наших городов, в директиве нет ни слова. Иосифу Виссарионовичу пока нечего было сказать своему народу. Кремлю необходимо было время, чтобы выработать единую и вразумительную интерпретацию происходивших на фронте событий. При этом властями давался отчет в том, что простые люди задумались,— а как теперь понимать предвоенные заявления И. Сталина и К. Ворошилова, будто будем «воевать малой кровью и на чужой территории»?

В директиве центр резко осудил непонимание народом и местными властями серьезности возникшей угрозы. Сталин вычеркнул из первоначального варианта директивы призыв к «мобилизации всех сил для... организации победы» и, существенно ужесточив содержание, подчеркнул, что «несмотря на создавшуюся серьезную угрозу для нашей страны, некоторые партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководители все еще не понимают смысла этой угрозы, живут благодушно — мирными настроениями и не понимают, что война резко изменила положение, что наша Родина оказалась в величайшей опасности...»[1] О победе речь не шла. Речь шла о том, чтобы остановить врага.

Важно то, что директива формулирует конкретные пути перестройки партийных и советских организаций на режим военного времени. Первое и главное, к чему призывает СНК СССР и ЦК

---

[1] Великая Отечественная война: 50 лет / Приложение к календарю дат и событий. С. 48—49; КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. С. 297.

ВКП(б),— это «покончить с благодушием и беспечностью и мобилизовать все наши организации и все силы народа для разгрома врага...» Документ обязывает мобилизоваться и перестроиться как властные органы, так и народные массы. Здесь наглядно проявилась внутренняя и внешняя функции государственного управления — по отношению к госаппарату и по отношению к обществу.

В целях перестройки страны на военный лад центральная власть требует от партийных и государственных органов строгого и неуклонного выполнения шести основных задач или требований.

Первая задача — «...отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственную нашему народу». Это требование обращено прежде всего к действующей армии и флоту, к штабам, командирам и бойцам РККА.

Вторая задача — «организовать всестороннюю помощь действующей Армии». Заметим, речь пока идет не о «всенародной», а о «всесторонней» помощи фронту. Документ расшифровывает это понятие. Всесторонняя помощь действующей Армии это: организованное проведение мобилизации граждан, находящихся в запасе; снабжение Армии всем необходимым; быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами; широкая помощь раненым.

Третья задача — «укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность». Под тылом понималась, прежде всего, оборонная промышленность, которую следовало перевести на «усиленную работу». Акцент при этом делался на увеличение производства, на охрану заводов и на борьбу с паникерами, распространителями слухов, шпионами.

Четвертая задача — «при вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижный железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего... Все ценное имущество, ...которое не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться». Впервые речь зашла о необходимости массовой эвакуации. В довоенный период ее никто не предполагал (ведь воевать будем на чужой территории), поэтому планов эвакуации предприятий и людей не существовало. За разговоры о необходимости таких планов могли отдать под суд как пораженцев и паникеров.

Пятая задача — развернуть в занятых врагом районах широкое партизанское движение. Речь шла не только о создании партизанских отрядов, но и диверсионных групп и подпольных ячеек. Это было совершенно новым для партийных и советских органов направлением в оборонной работе. До войны об этом не было и речи. Война заставила срочно заняться этой работой. Развертывать партизанско-подпольную сеть в немецком тылу было поручено НКВД совместно с парткомами.

Шестая задача нацеливала на борьбу с паникерством и обязывала властные органы «немедленно передавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица». Власть впервые остро поставила этот вопрос, поскольку он был тогда действительно актуальным. События первых дней войны изобиловали фактами паники и бегства в наших западных республиках не только рядовых, но и ответственных партсовработников[1].

В итоге директива справедливо констатирует, что «теперь все зависит от нашего умения организоваться и действовать...». Это требование было обращено, прежде всего, к органам государственной власти, к их управленческим решениям и действиям, к организаторским способностям должностных лиц.

Данная директива центра появилась исключительно своевременно, в самый острый и напряженный для страны момент. Власть смогла кратко, но конкретно, жестко и понятно донести до местных партийно-советских органов свои основные требования и задачи. Директива «встряхнула» властные структуры на местах, заставив их выполнять роль генератора всей оборонной работы в стране. Она указала на необходимость высокой бдительности, строжайшей дисциплины и личной ответственности всех должностных лиц. В целом, документ сыграл свою мобилизующую роль и, по существу, выступил тем программным документом, на основании которого органы партийной и советской власти в центре и на местах организовывали и проводили свою работу, направленную на превращение государства и общества в единый военный лагерь.

---

[1] *Емельянов Ю.В.* Сталин: На вершине власти. С. 218.

Через две недели войны, 3 июля к своему народу по радио обратился И. Сталин. Страна ждала выступления вождя. В этот день он произнес, по общему мнению, самую сильную из речей в своей долгой политической карьере. Этот документ — важный этап в деле военной перестройки страны[1].

В основу речи была положена директива от 29 июня. Но ее содержание было изложено популярным доступным языком. Обращение И. Сталина к людям было простым и откровенным, хотя оценочные положения не всегда соответствовали действительности. Но этого тогда никто не замечал. Все свято верили своему вождю.

Оно начиналось непривычными для советских людей словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!». И. Сталин тронул те струны народной души, о которых до сей поры большевики не вспоминали. Иосиф Виссарионович сумел в нескольких фразах четко и емко дать оценку начавшейся войны, поставить задачи и изложить программу обороны страны.

Прежде всего, он вынужден был признать суровую реальность — враг наступает, захватывая наши земли — «Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины». В то же время, пытаясь подбодрить советских людей, вождь заверил их, что «лучшие дивизии врага уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения».

Затем вождь перешел к главному вопросу: «Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми?..» Это была первая попытка власти ответить на этот тяжелый для нее вопрос, который крайне волновал общество. В качестве главной причины «временных неудач Красной Армии» оратор называет то, что война Германии против СССР началась при «выгодных условиях для немецких войск». «Войска Германии были уже целиком отмобилизованы, находились в состоянии полной боевой готовности». А наши войска — нет. Оратор ушел от ответа на вопрос, почему это произошло.

---

[1] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1949. С. 15—30.

Он счел необходимым взять под защиту Пакт о ненападении, заключенный им в августе 1939 г. с «такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп». Как будто не он с этими людьми с августа 1939 г. по июнь 1941 г. был в военном союзе, сделав Советский Союз союзницей фашистской Германии. Нарушение этого договора немецкой стороной было, по мнению Сталина, второй причиной военных поражений Красной Армии.

Отдельно И. Сталин акцентирует внимание на целях захватчиков в этой войне. «Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, ...захват нашего хлеба и нашей нефти... Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов... и других свободных народов Советского Союза, их онемечивание, их превращение в рабов немецких князей и баронов...»[1]

Во второй части своего выступления вождь формулирует цели СССР в навязанной нам войне. «Целью этой всенародной Отечественной войны... является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма»[2].

В этом выступлении И. Сталин предельно конкретно формулирует программу перехода страны на режим военного времени. В отличие от секретной директивы, адресованной органам власти на местах, эта речь была обращена к народу. Какие программные задачи ставились перед народом?

Прежде всего, вождь предупреждает советских людей о том, что нависла серьезная опасность, и подчеркивает, что дело идет о жизни и смерти советского государства. И здесь главное, по мысли Сталина, чтобы не было благодушия и беспечности. «...Наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом». Поэтому главная задача сейчас — «отрешиться от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства...»[3] Это был повтор той центральной идеи, которая была

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 13.

[2] Там же. С. 16.

[3] Там же. С. 12—13.

зафиксирована в директиве от 29 июня. Но теперь тезис прозвучал публично, всенародно.

Формулируя вторую задачу, вождь требует мобилизовать и перестроить всю работу на новый, военный лад. Это означало, что все надо подчинить интересам фронта.

В-третьих, воины Красной Армии и Флота должны отстаивать каждую пядь советской земли, проявляя смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу. На народную инициативу и сметку Сталин делал особую ставку. Но быстро признал, что лучше будут танки и пушки.

В-четвертых, «мы, то есть власть и народ, должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии». Надо сказать, что советские люди горячо откликнулись на этот призыв, проявив различные патриотические инициативы и движения в поддержку фронта.

Пятая задача была поставлена перед трудящимися оборонной промышленности. «Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу», дав фронту больше винтовок, пулеметов, орудий и т.д.

Наконец, И. Сталин дал отдельную установку по поводу того, что необходимо предпринимать при вынужденном отходе частей Красной Армии. «...Нужно угонять весь подвижный железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего». «В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, ... диверсионные группы... для разжигания партизанской войны всюду и везде».

Принципиально важно то, что оратор призвал народ к «отечественной», «освободительной» войне. Вспомнив по ходу речи «великого Ленина», он предусмотрительно ничего не сказал о мировой революции, пролетарской солидарности и прочей марксистской догматике.

Анализ сталинской речи показывает как ее сильные, так и слабые стороны. К сильной стороне выступления следует отнести, на наш взгляд, оценку вождем начавшейся войны как отечественной, освободительной, великой, народной. Москва верно определила сущность и геополитическую направленность военного столкновения с Германией, акцентируя внимание народа на национально-государственных ценностях, а не классово-идеологических.

Во-вторых, бесспорно сильным моментом сталинской речи явилось верное определение освободительных целей отечественной войны и четкая постановка программных задач. Целеполагание было осуществлено вождем блестяще. Задачи, направленные на превращение страны в единый военный лагерь, были строго дифференцированы и конкретизированы по сферам деятельности, ключевым направлениям, объектам и субъектам управления. Как опытный политик, И.Сталин отдельно обращается и ставит задачи органам власти, обществу, армии и флоту, работникам промышленности; он апеллирует к сознанию и психике людей.

В-третьих, И. Сталин правильно отметил, что в этой войне мы имеем верных союзников — Англию и США (хотя официальных соглашений еще не было заключено). Тем самым он подбодрил народ, вселил в него уверенность, сказав, что мы не одиноки в этой схватке с фашизмом. Это было очень важно для поднятия духа советских людей. Ушла в прошлое прежняя риторика — «британский и американский империализм» и так далее; зашла речь даже о «демократических свободах».

Но были в выступлении вождя и слабые стороны — передержки и прямая подтасовка фактов, обусловленные прежде всего политическими, конъюнктурными соображениями.

Во-первых, Иосиф Виссарионович явно преуменьшил военные успехи вермахта и наши потери. К 3 июля враг захватил не «западную часть Белоруссии», а всю Белоруссию и подошел к Смоленску, оккупировал не «часть западной Украины», а пол-Украины. Немцы прорвались вперед на 500—600 км и продвигались на восток со скоростью примерно 40 км в сутки. Он умолчал о наших колоссальных потерях в боевой технике и людях, о крахе Западного фронта и аресте его командующего генерала Д. Павлова.

Во-вторых, Сталин слукавил, когда заявил, что «лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты». Наоборот, лучшие соединения и почти вся авиация нашего Западного фронта были разгромлены. За неделю наступления на флангах Западного фронта немецкие танковые дивизии замкнули кольцо окружения, соединившись в районе Минска. К западу от столицы Белоруссии образовался «котел», в котором оказались основные силы нашего Западного фронта. В сводке германского верховного командования от 11 июля 1941 г. сообщалось, что в результате сражения за Белосток и Минск взято

в плен около 329 тыс. человек, в том числе несколько генералов, захвачено 3332 танка, 1809 орудий и другие военные трофеи[1].

Соотношение потерь было несопоставимым. Вождь, конечно, знал эту горькую правду, поскольку система информации у него была налажена отлично. Но он молчал, потому что говорить о таких больших потерях ему было невыгодно и, видимо, стыдно перед народом.

В-третьих, анализируя причины военных поражений Красной Армии, советский лидер, по сути, не отвечает на этот важнейший вопрос. Он называет второстепенные причины «временных неудач» — говорит, что германская армия была отмобилизована, находилась в полной боевой готовности, что она нарушила Пакт о ненападении. Но вождь не говорит о собственных грубых военно-политических просчетах, о мере своей ответственности за этот военный провал. На наш взгляд, он видит свои военно-политические промахи и понимает, что Гитлер его перехитрил.

В-четвертых, в целом верно определяя цели нацистской Германии в войне, И. Сталин сгущает идеологические краски — ни о каком восстановлении царизма и власти помещиков речи не шло. Для тогдашних правителей Германии русский царизм, как носитель российской государственности и олицетворение русской державности, был не лучше, а хуже интернационального большевизма. Сталин в традициях советской пропаганды решил припугнуть народ жупелом царизма. Далее, в речи говорится о намерении Гитлера лишить русский и другие «свободные народы Советского Союза» своей государственности. Но дело заключалось в том, что в Советском Союзе, как унитарном государстве, свой национальной государственности не было ни у русского, ни у других народов, населявших СССР. Поэтому нельзя разрушить того, чего нет. Речь шла об опасности уничтожения советской государственности.

Сравнивая сталинскую речь с обращением В. Молотова, видно следующее. Между ними временной интервал в 10 дней. За это время рухнул наш Западный фронт, да и другие фронты стремительно откатывались на восток. То есть военно-стратегическая обстановка резко изменилась в худшую для нас сторону. Поэтому речь Сталина по содержанию гораздо более жесткая, более конкретная, а по форме — более доходчивая, понятная и эмоциональная.

---

[1] Наше Отечество: Опыт политической истории. М., 1991. С. 400.

Красная Армия отступала. 10 июля 1941 г. началась битва за Ленинград. В Смоленском сражении (10 июля — 10 сентября), развернувшемся на фронте в 650 км и в глубину до 250 км, наступление врага на нашу столицу было приостановлено, но лишь временно. Войска Юго-Западного фронта с боями оставили Киев. Командующий фронтом генерал М. Кирпонос, один из военных фаворитов И. Сталина, застрелился, чтобы, как Д. Павлов, не угодить под военный трибунал. Немцы ворвались в Крым. В начале октября 1941 г. фронт на главном, московском направлении оказался опять прорванным. Пять советских армий были окружены в районе Вязьмы. Над Москвой нависла реальная опасность.

Очередными программными документами, где формулировалась военная политика государства, в эти дни были праздничные выступления И. Сталина 6 ноября 1941 г. на торжественном заседании Моссовета и 7 ноября на параде Красной Армии на Красной площади в Москве в связи с 24-й годовщиной Великой Октябрьской революции. К ноябрю 1941 г. военно-стратегическая обстановка еще более ухудшилась — немцы рассматривали купола Кремля в свои бинокли. Воздушные налеты фашистской авиации на Москву происходили почти ежедневно. Но Сталин решил провести в столице торжественные мероприятия, посвященные празднику Великого Октября.

Доклад 6 ноября 1941 г., сделанный перед партийно-советским активом, носил в большей степени аналитический характер. Речь же, произнесенная 7 ноября перед войсками, была краткой и имела практическую пропагандистскую направленность. В них был дан краткий анализ сложившейся ситуации, поставлены новые задачи и конкретизированы пути превращения страны в единый военный лагерь.

Что нового по сравнению с речью 3 июля 1941 г. сказал стране вождь? Какие были приняты новые стратегические решения?

В этих документах, подводя итоги четырех месяцев войны, И. Сталин прежде всего, подчеркнул, что опасность для нашей страны не только не ослабла, а наоборот, еще более усилилась. Он не скрывал, да и не мог скрыть суровой правды — враг стоял у стен Москвы. Чтобы вселить оптимизм в людей, он заявил, что успехи немцев — временные. Наша армия, несмотря на потери и неудачи, геройски отражает атаки врага. В качестве аргумента оратор привел статистику соотношения боевых потерь вермахта и Красной Армии за 4 месяца войны — немцы, по его словам, потеряли 4,5 млн человек, мы —

350 тыс. убитыми и 378 тыс. пропавшими без вести, 1 млн ранеными[1]. Сейчас мы знаем, что это была прямая фальсификация, ибо на самом деле наши потери превосходили немецкие во много раз.

Советские войска понесли потери, невиданные в истории войн. От довоенной армии практически ничего не осталось. Ориентировочно только в первый месяц войны потери составили около 1 млн человек, из них 700 тыс. пленными. По данным военного историка О. Ржешевского, с июня по декабрь 1941 г. Красная Армия и Флот потеряли убитыми, умершими от ран, пленными и без вести пропавшими 3138 тыс. человек; ранеными, контуженными, заболевшими 1336 тыс. человек; лишились более 6 млн единиц стрелкового оружия, 20 тыс. танков и САУ, 100 тыс. орудий и минометов, 10 тыс. самолетов[2]. Авторы книги «Наше Отечество», вышедшей в 1991 г. под редакцией С. Кулешова, О.Волобуева и Е.Пивовара, приводят такие цифры: «до декабря 1941 года СССР потерял убитыми, без вести пропавшими и пленными 7 миллионов человек, около 22 тысяч танков, до 25 тысяч боевых самолетов»[3]. На наш взгляд, это преувеличенные данные. Истина лежит где-то посередине. К декабрю первого года войны мы потеряли убитыми, ранеными и пленными около 5 млн бойцов и командиров.

Вождь считал, что в политической пропаганде фальсификация общественного сознания не только допустима, но целесообразна и необходима. Как учил Н. Макиавелли, в политике не должно быть места морали. Государь должен быть подобен не только льву, но и лисе. «...Всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако эту натуру надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны...». «Пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти...»[4]

В торжественном докладе 6 ноября 1941 г. И. Сталин, по сути, впервые коснулся темы провала «молниеносной войны» Гитлера.

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 35.

[2] *Ржешевский О.* Война // История Отечества: Люди, идеи, решения. М., 1991. С. 233.

[3] Наше Отечество: Опыт политической истории. М., 1991. С . 403.

[4] *Макиавелли Н.* Государь. С.46, 52—53.

Объясняя причины этого провала, на первое место он поставил внешнеполитический фактор — немцам не удалось вовлечь Великобританию и США в коалицию против СССР. Это наши союзники, которые помогают и будут помогать нам в борьбе с фашизмом.

На второе место выступающий поставил прочность советского тыла, заявив при этом, что любое государство, имея такие потери, не выдержало бы. И третья причина провала «молниеносной войны» — у нашей армии гораздо выше моральное состояние, поскольку она защищает свою Родину. Аргументы, действительно, верные.

В речи 7 ноября перед бойцами и командирами в качестве факторов неминуемой гибели гитлеровских захватчиков он называет их моральную деградацию, непрочность «нового порядка» в Европе, непрочность собственно германского тыла («германский народ скоро повернется против ненужной войны»). Сталин сделал вывод: немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой. Вождь, заявив о скором военном крахе Германии, назвал при этом сроки — «еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик»[1].

Естественно, вождь не мог не остановиться на причинах поражений Красной Армии, которые он, по-прежнему, называл «временные неудачи нашей армии». Народ ждал от своего лидера объяснения причин того, почему враг стоял у Москвы, Ленинграда, Севастополя.

Говоря о причинах наших неудач, И. Сталин на первое место неожиданно поставил внешнюю причину — отсутствие второго фронта в Европе. Оказывается, в наших сокрушительных поражениях 1941 г. виновато не советское военно-политическое руководство, допустившее грубые просчеты в оценке ситуации, не командование Красной Армии, не умевшее в 1941 г. воевать, а правительства США и Англии.

Несколько ранее в августе 1941 г., в приказе № 270 И. Сталин виновниками поражений назвал простых бойцов и командиров, которые, проявляя трусость и малодушие, сдаются в плен[2]. Вождь метался в поисках виновников поражений. Главного назначенного им виновника — генерала Д. Павлова вождь приказал осудить и расстрелять. Но он искал более убедительные для общества и своего окру-

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 71.

[2] Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 26—28.

жения причины поражений хваленой им Красной Армии, которые бы не пошатнули его престижа и авторитета.

Вторая причина наших неудач, по Сталину,— недостаток у нас танков и авиации. Танки наши лучше по качеству, говорит вождь, но их в несколько раз меньше, чем у немцев. Насчет количества танков вождь вновь слукавил — танков и боевых самолетов у Красной Армии было в июне 1941 г. значительно больше, чем у вермахта. Новейшие исследования доказывают, что к началу военных действий в составе РККА и ВМФ имелось 117 589 орудий и минометов, 18 691 танк, 16 052 боевых самолета[1]. В том числе 1861 танк новых образцов — средних Т-34 и тяжелых КВ, из которых 1475 были в войсках западных округов. Для нападения на Советский Союз Германия смогла выставить 3582 танка и штурмовых орудия из общего числа 5639 единиц, имевшихся у нее. В том числе 1634 танка новой конструкции — Т-Ш и Т-IV.[2] То есть общее соотношение бронетанковых и авиационных сил накануне войны было в пользу Красной Армии.

По поводу качества новых советских танков вождь не ошибался. Танки КВ и Т-34 поражали немецкие с расстояния 1500 м, в то время как немецкие могли это сделать с дистанции всего лишь полкилометра. Немецкие танки были оснащены меньшей броней и вооружены пушками меньшего калибра, а Т-I имел только пулеметы.

Вопрос заключался в том, почему вся эта масса боевой техники была либо захвачена немцами, либо уничтожена противником в первые недели войны. На данный вопрос вождь не отвечает. Зная подлинные причины этого, он не желал и не мог их публично раскрывать, ибо это было равнозначно политическому самоубийству.

В заключение своего доклада 6 ноября 1941 г. вождь формулирует цели перед органами государственной власти, перед армией и народом. Первая цель, говорит докладчик, освободить наши территории и наши народы от немецко-фашистского ига. Вторая цель — помочь славянским и другим порабощенным народам Европы в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании. При этом

---

[1] Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 90.

[2] Наше Отечество: Опыт политической истории. С. 394.

И. Сталин особо подчеркнул, что у нас нет и не может быть цели навязать свою волю и свой режим этим народам[1]. В сложившейся ситуации, когда шел усиленный поиск военных союзников, необходимо было говорить именно в таком духе.

Вождь поставил перед страной две задачи. Первая касалась советского общества и заключалась в том, чтобы наша армия и флот имели деятельную и активную поддержку со стороны всего народа, чтобы вся наша страна организовалась в единый боевой лагерь. Вторая задача относилась к армии — «...истребить всех немецких оккупантов до единого, пробравшихся на нашу Родину для ее порабощения»[2].

7 ноября 1941 г. на Красной площади в заключение своей речи вождь, чтобы поднять боевой дух красноармейцев, заявил, что наша страна уже организовалась в единый боевой лагерь. День назад в докладе партийным и советским работникам он призывал организоваться в единый боевой лагерь, называя это главной задачей. А сейчас бойцам и командирам говорил, что эта задача выполнена. Но это разночтение не меняло общей смысловой направленности выступлений лидера страны.

Важно то, что вождь вновь, как и в речи 3 июля 1941 г., оценил эту войну как отечественную, народную. Он впервые обратился к бойцам и командирам со словами, ставшими классическим: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»[3] На удивление многим вождь отбросил Маркса и Ленина и призвал сплотиться под боевыми знаменами Суворова и Кутузова. Это были знаковые слова, это была политика.

Обращение к нашим традиционным национальным ценностям и забвение марксистско-ленинских догм (как оказалось, временное) означало резкий поворот в официальной партийно-государственной идеологии. Нельзя сказать, что это было совсем неожиданным для

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 62—63.

[2] Там же. С. 63—64.

[3] Там же. С. 71—72.

советского народа. Ростки национального патриотизма в официальной пропаганде и искусстве пробивали себе дорогу еще с середины 30-х годов. Именно тогда были реабилитированы слова «Россия», «русские». Вспомнили о славной русской военной истории. Хотя в Конституции 1936 г. кроме «РСФСР» других проявлений национальной русской идентификации мы не найдем.

После такого заявления вождя в ноябре 1941 г. стало окончательно очевидным, что ставка в этой войне будет сделана не на партийную идеологию, а на национальный, прежде всего русский государственный патриотизм. Время показало правильность этого выбора.

Таким образом, публичные выступления главы советского государства по случаю 24-й годовщины Великого Октября подвели итоги четырех, самых трудных месяцев войны и сформулировали программу дальнейшей борьбы советского народа с агрессором.

В начале декабря 1941 г. войска Красной Армии перешли в мощное контрнаступление под Москвой. Вермахту, исчерпавшему к этому времени боевой пыл и свой боевой потенциал, было нанесено первое в истории Второй мировой войны стратегическое поражение. План гитлеровской «молниеносной войны» против Советского Союза рухнул окончательно.

Но полной победы одержать не удалось. Отбросив немцев на 150—200 км от столицы, наши войска «забуксовали». По ряду причин Красная Армия не смогла добиться более существенных результатов. Главными из них были отсутствие боевых резервов, боеприпасов и опыта ведения наступательных операций подобного уровня.

После Московской битвы, отбросившей вермахт от столицы, фронт в течение 14 месяцев находился не далее 150 км от нее, несмотря на отчаянные попытки Красной Армии захватить Ржев — ключевой опорный пункт немецкой обороны. В «ржевской мясорубке» мы положили многие сотни тысяч бойцов и командиров.

И тем не менее Сталин, находясь под впечатлением нашей победы под Москвой, приказал разработать план общего наступления Красной Армии в 1942 г. на всех фронтах. 5 января 1942 г. Верховный Главнокомандующий на заседании Ставки изложил свое видение дальнейшего развития военных действий. Суть его заключалась в том, чтобы решительным наступлением Красной Армии на трех стратегических направлениях нанести поражение основным группировкам противника. И далее, не давая немецким войскам передышки, «гнать

их на запад без остановки»[1]. Ставка ВГК утвердила сталинский план общего наступления Красной Армии на 1942 г. Соответствующая директива № 03 от 10 января 1942 г. была разослана военным советам фронтов и армий[2]. В марте 1942 г. ставка вермахта утвердила план своего летнего наступления на восточном фронте в 1942 г., который предполагал мощный удар в южном стратегическом направлении — на Сталинград и Кавказ, к нефти[3]. Начиналась подготовка к новым стратегическим сражениям 1942 г.

Воодушевленный победой под Москвой, вождь приступил к пересмотру концептуальных основ своей военной политики. В идеологии и практической деятельности Советского государства наметился поворот от оборонительной военной политики и стратегии к наступательной. Как говорил Иосиф Виссарионович, «и на нашу улицу пришел праздник».

Наиболее важными документами первой половины 1942 г., в которых рассматривались программные вопросы и ставились перед армией и страной стратегические задачи, были праздничные приказы наркома обороны И. Сталина, приуроченные к 23 февраля — Дню Красной Армии и к 1 Мая — Дню международной солидарности трудящихся.

В содержании праздничного приказа НКО № 55 от 23 февраля 1942 г. видны новые подходы советского руководства к оценке войны, обусловленные изменившейся военной обстановкой. Прежде всего, следует отметить выход на первый план при объяснении причин поражений Красной Армии фактора внезапности нападения и неожиданности начавшейся войны[4]. После этого заявления вождя в советской историографии внезапность немецкого нападения надолго станет главной причиной наших поражений в 1941 г.

Нарком обороны особо подчеркнул — теперь «момент внезапности как резерв немецко-фашистских войск израсходован полно-

---

[1] ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 6. Л. 11.

[2] Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 287.

[3] Там же.С. 321.

[4] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 76.

стью»[1]. Как оказалось, он поторопился — удар вермахта в мае — июне 1942 г. в южном направлении на Сталинград и Кавказ опять оказался для нашей Ставки внезапным.

Новым в содержании приказа № 55 было заявление вождя о постоянно действующих факторах нашей победы и показ в связи этим источников силы Красной Армии. К постоянно действующим факторам, решающим судьбу войны, И. Сталин отнес: прочность тыла, моральный дух нашей армии, количество и качество дивизий, вооружение, организаторские способности начальствующего состава армии[2]. Хотя, по-настоящему, нового в данном тезисе мы ничего не находим — перечисленные факторы очевидны.

В этом документе Верховный Главнокомандующий ставит перед страной и армией три главные задачи. Первое — «не успокаиваться на достигнутых успехах — это было бы пустым бахвальством и зазнайством; второе — готовить резервы на помощь фронту; третье — промышленность должна работать с удвоенной энергией». Как видим, нарком обороны адресует свои задачи не столько армии, сколько советскому тылу, хозяйственным органам, органам власти и управления. Это было по-своему логично, поскольку теперь все зависело от работы нашей военной экономики. 1942 г. был годом надежд советского руководства.

В первомайском приказе НКО № 130 (1942 г.) И. Сталин, подводя итоги десяти месяцев войны и воодушевленный зимним наступлением Красной Армии, сделал важное политическое заявление — он публично объявил о том, что 1942 г. станет годом окончательного разгрома гитлеровской Германии. Это была уже не стратегическая задача, записанная в секретных планах Генерального штаба и Ставки ВГК, а всенародное заявление вождя, имевшее огромное политическое и моральное значение в стране и большой международный резонанс. Нарком обороны приказал Красной Армии «добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев»[3]. Реальна ли была такая задача для советских вооруженных сил?

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 78.

[2] Там же. С. 82.

[3] Там же. С.105.

Замысел был привлекательным, но, как показали дальнейшие события, нереальным в силу недостатка у нас резервов и боевого опыта. Решение вождя базировалось на излишне оптимистичных выводах из оценки обстановки на фронтах и в советском тылу. Этот оптимизм не был безосновательным. К весне 1942 г. Красная Армия располагала 400 дивизиями (11 млн человек), свыше 10 тыс. танков и 11 тыс. самолетов[1], что было больше, чем у противника. Кроме того, Главное разведуправление Красной Армии доложило ему явно завышенные потери Германии с момента вторжения по 1 марта 1942 г.— 6,5 млн человек. В действительности, с начала войны и до конца апреля 1942 г. вермахт на восточном фронте потерял 1005 тыс. человек, а Красная Армия 6839 тыс., или почти в 7 раз больше[2].

Время скоро показало, что решение разбить врага в 1942 г. было ошибочным стратегическим и политическим выводом советского военно-политического руководства, обусловленным переоценкой зимних успехов советских войск и традиционной недооценкой противника.

Анализ документов той поры, особенно газетных источников, показывает, что сталинский лозунг достичь решительной и окончательной победы над гитлеровской Германией в 1942 г. вызвал у армии и советского народа большой прилив патриотического энтузиазма. Большинство людей свято верили словам вождя. Если Сталин сказал, значит, так и будет.

Но данная военно-стратегическая задача не была решена. Более того, последовал ряд новых горьких поражений Красной Армии в мае — июне 1942 г.— под Харьковом, в Крыму. Неверный стратегический расчет И.Сталина и Ставки на 1942 г. позволил вермахту опрокинуть советские войска и в конце июля быть уже у стен Сталинграда, а в августе — на Северном Кавказе, там, где была нефть. Все понимали — у кого нефть, у того победа.

У советских людей появилось горькое разочарование и недоверие к центральной власти. Престиж вождя был серьезно поколеблен. Тыловые обкомы партии зафиксировали пессимистические настроения в массах. Например, Калининский обком ВКП(б) в октябре

---

[1] Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн.1. С. 325.

[2] Там же. С. 319.

1942 г. информировал ЦК партии о вопросах, заданных трудящимися на собраниях, политинформациях и т.д. В числе них были: «Остается ли в силе приказ т. Сталина об окончательном разгроме немцев в 1942 г.? Когда кончится война?» В перечне вопросов Башкирского обкома значилось: «Тов. Сталин сказал, что в 1942 г. немецко-фашистская армия будет разбита. Почему это не осуществилось?»[1]

Важной и своевременной была постановка в первомайском приказе № 130 вопроса — чему нас учит опыт войны? Иосиф Виссарионович всегда любил извлекать уроки из истории и учил этому других. Опыт войны учит, объяснял вождь, что, во-первых, в ходе войны произошли серьезные изменения: ослабление германского тыла и армии и усиление нашего тыла и армии. Во-вторых, «произошел перелом в личном составе Красной Армии — исчезли благодушие и беспечность, бойцы стали злее и беспощаднее, они научились ненавидеть врага»[2]. В нашей пропаганде впервые зазвучала тема разжигания ненависти к врагу, к немцам. Особенно активно включился в эту работу партийный публицист И. Эренбург.

В разгар Сталинградской битвы и битвы за Кавказ 6 ноября 1942 г. вождь выступил с докладом на традиционном торжественном заседании Моссовета с партийными и советскими организациями, посвященном юбилею — 25-й годовщине Великого Октября. На следующий день он подписал праздничный приказ наркома обороны № 345.

В этих важных публичных документах И. Сталин вновь подвел итоги войны и поставил ряд новых задач перед армией и страной. Какие основные проблемы и направления работы властных структур стали главными к концу 1942 г., т.е. к завершению первого периода войны?

Главной и в докладе, и в приказе, естественно, была военная тема и, в частности, ответ на волнующий всех вопрос: «почему мы вновь отступаем и терпим поражения»? Но вождь, как опытный политик, начал свой доклад не с этой темы, а преднамеренно с работы советского тыла. Отметив трудности военного времени, оратор показал основные направления его работы: перебазирование промышлен-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 113. Л. 30; Д. 211. Л.121.

[2] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 55.

ности на восток и ввод ее в строй; коренное улучшение работы наших предприятий; укрепление трудовой дисциплины[1].

Причину отступления Красной Армии и прорыва немцев к Сталинграду и Кавказу И. Сталин, по-прежнему, видел в отсутствии второго фронта в Европе. Других причин он не видел и не называл. Сталин знал, что за два с половиной месяца до этого доклада, 19 августа 1942 г. попытка англо-канадского десанта высадиться в районе порта Дьепп в северо-западной Франции окончилась полной неудачей. Но об этом советский народ не был проинформирован. Повторяя то, что он говорил год назад, вождь не пожелал назвать истинные причины наших военных неудач. Вновь он не посмел взять на себя политическую ответственность за ход войны.

Снова прозвучала мысль, что война — проверка прочности советского строя, Советского государства. Опять констатировалось, что никакое другое государство не выдержало бы тяжести такой войны. При этом И. Сталин особо подчеркнул роль руководящих государственных органов в деле ведения войны, подчеркнул политическую значимость работы государственного аппарата. Вероятно, впервые за время войны он коснулся этой важной темы — деятельности государственного аппарата, от которого зависело главное — управление армией и обществом.

Вождь в своей деятельности опирался на партсоваппарат и надеялся на его эффективную работу. Практически все партийные, комсомольские и советские работники были «забронированы», то есть не подлежали мобилизации в армию. Абсолютное большинство их добросовестно выполняли свой долг, но были и откровенные бюрократы и хапуги. Об этом свидетельствуют документы:

«В Государственный Комитет Обороны.

От Миронова Ивана Ивановича, г. Москва, ул.Старообрядческая, 17, кв. 5.

Прошу вас обратить внимание на людей, которые могли бы решать судьбу в борьбе против захватчиков Гитлеровцев. Они сидят в тылу. Я имею в виду работников партийных и советских. Бронь нужна для заводов, фабрик, которые делают продукцию для фронта, а в учреждениях ее нужно довести до минимума... При военкоматах

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 111.

скопилось немало здоровых людей, так называемый обслуживающий персонал. Для примера приведу факт. В сентябре месяце я был у себя на родине — Захаровский район Рязанской области. Там в районе, то есть в самом центре человек 40 руководящих "незаменимых" работников, которых брать в армию нельзя, без них "обойтися нельзя". В Райкоме ВКП(б) когда во всем районе коммунистов не более 120—130 человек, сидит 3 секретаря, а всего в райкоме не менее 10 человек мужчин один одного здоровшей. Их брать в Красную Армию нельзя, без них "дело не обойдется", а рядом в колхозах одни женщины и старики хлеб убирают... Указывают на районных "незаменимых" почему они не в армии? А также можно часть милиции взять в ряды Красной Армии и следственных работников очень много сидят без дел. 9 октября 1941 г.»[1]

В праздничном докладе и приказе № 345 от 7 ноября 1942 г. вождь сформулировал новые задачи.

В докладе, выступая перед партийно-советским активом государства и столицы, он подчеркнул, что необходимо:

— уничтожить германское государство и его вдохновителей;

— уничтожить гитлеровскую армию и ее руководителей;

— разрушить ненавистный «новый порядок» в Европе и покарать его строителей.

В приказе Наркома обороны, адресованном, прежде всего, военным, было отмечено, что необходимо в первую очередь:

— стойко и упорно оборонять линию нашего фронта;

— укреплять железную дисциплину в армии;

— раздувать пламя партизанского движения.

Таковы были концептуальные позиции советского руководства в военно-политических вопросах, взгляд советского Правительства на пути, формы и методы государственного управления страной и действующей армией тяжелой в военном отношении осенью 1942 г.

19 ноября 1942 г., с момента начала контрнаступления советских войск под Сталинградом, заканчивается первый, оборонительный период Великой Отечественной войны, вобравший в себя с точки зрения государственного управления огромный и трудный опыт аналитической, прогностической и организаторской работы советских

[1] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 25. Д. 1588. Л. 195.

властных структур. Эта работа строилась на основе военной политики, которая разрабатывалась и корректировалась И. Сталиным и его политическим окружением.

Таким образом, советское военно-политическое руководство в 1941—1942 гг., осуществляя стратегическое управление государством, армией и обществом, пыталось определить концептуальные основы своей военной политики с тем, чтобы вооружить советский народ методологией и программой ведения войны. В тех экстремальных условиях было сделано много ошибок. Страна и армия понесли тяжелые потери. Но, выбрав правильный политико-идеологический ориентир и призвав народ к Отечественной войне, советское руководство сцементировало ранее расколотое общество, мобилизовав его на борьбу с врагом.

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СТАЛИНА

В 1943 г., во втором периоде Великой Отечественной войны, Красная Армия, победно завершив тяжелейшую Сталинградскую битву, начала свое набиравшее темп движение в обратном направлении — на запад, с боями отвоевывая свою территорию. Соответственно, стала меняться и военно-государственная политика советского руководства. В выступлениях, приказах и статьях И. Сталина, в работе партийного агитпропаппарата, в целом, в политике и идеологии войны появились новые сюжеты и направления, отражавшие реалии тех дней и определявшие военно-стратегические и геополитические цели и задачи Москвы. Сталинские приказы, речи и статьи выступали политическим компасом в многогранной деятельности государства и советского общества. Одновременно они выступали главным инструментом политической пропаганды и идеологической борьбы.

Характеризуя публичные документы власти, в которых определялись и фиксировались приоритетные направления военной политики советского государства на наступательном этапе войны, следует отметить приказы И. Сталина, как Верховного Главнокомандующего, от 23 февраля, 1 мая и 7 ноября 1943 г., его доклад по случаю 26-й годовщины Октябрьской революции 6 ноября того же года.

Это были традиционные публичные обращения вождя к армии и народу, которые имели аналитический и программный характер. В данном случае мы не берем во внимание постановления ГКО и приказы И. Сталина, имевших секретный, закрытый характер.

Приказ Верховного Главнокомандующего № 95 от 23 февраля 1943 г. был юбилейным — в этот день исполнилось 25 лет Красной Армии. В этом документе И. Сталин подвел итоги 20-месячной борьбы советских вооруженных сил против немецко-фашистских захватчиков. Главный итог — «Красная Армия не только устояла против натиска немецко-фашистских полчищ, но стала в ходе войны грозой для фашистских армий»[1]. На сей раз военно-стратегическая ситуация была благоприятной для нас. Поэтому тон и дух данного обращения к армии и народу были торжественными, оптимистичными.

Что нового внес вождь в разработку теоретических основ военной политики советского государства в 1943 г.? В какую сторону качнулся официальный вектор государственной политики?

В приказе № 95 руководитель армии, партии и страны остановился на многих вопросах: дал краткий исторический экскурс по поводу создания Красной Армии; охарактеризовал ее сущность и предназначение сейчас, в годы войны; отметил причину отступления наших войск летом — осенью 1942 г. При этом вновь прозвучал старый тезис об отсутствии второго фронта на Западе.

Но главным и новым, на наш взгляд, являлось то, что И. Сталин, во-первых, справедливо охарактеризовал настоящий период как «решающий момент Отечественной войны» и, во-вторых, показал достаточно убедительные и, наконец-то, объективные причины поражений вермахта и военных успехов Красной Армии.

Главная причина «серьезных неуспехов у немцев», по Сталину, — это изменение соотношения сил на советско-германском фронте. Это было не пропагандистское заявление, а реальная действительность. Впервые было публично сказано, что мы стали сильнее врага в военном и геополитическом противостоянии СССР и Германии.

И. Сталин очень обстоятельно остановился на факторах, которые обеспечили изменение баланса сил на советско-германском фронте в нашу пользу. Первый фактор — ликвидация превосходства нем-

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 89.

цев в боевой технике, прежде всего в танках и самолетах. Это произошло, подчеркнул он, благодаря самоотверженному труду рабочих, инженеров и техников военной промышленности Советского Союза. В то же время в боях немцы «понесли огромные потери в боевой технике». Только за три месяца наступления Красной Армии зимой 1942—1943 гг. немцы потеряли, как сообщалось в приказе, свыше 7000 танков, 4000 самолетов, 1700 орудий и много другого вооружения. Конечно, вождь, как всегда, в пропагандистских целях заметно преувеличил потери врага. На самом деле у нас, как наступающей стороны, они были больше. Но главным было даже не это, а то, что Красная Армия наступала, освобождая родную землю.

Вторым фактором изменения соотношения сил на фронте стала ликвидация немецкого преимущества в людских ресурсах. «Только за последние три месяца, говорилось в приказе, разбито Красной Армией 112 дивизий противника, при этом убито более 700 тысяч и пленено более 300 тысяч человек»[1]. Нехватка людских резервов — наиболее слабое место немецкой армии, справедливо отмечалось в документе. О наших людских потерях вождь предпочел умолчать. На эту тему в войну вообще не говорилось.

Важнейшим фактором перевеса сил в нашу пользу в 1943 г. явилось то обстоятельство, что мы приобрели боевой опыт, научились воевать. Верховный Главнокомандующий по этому поводу специально отметил, что наша армия «научилась бить врага наверняка с учетом его слабых и сильных сторон, как этого требует современная военная наука. Сотни тысяч и миллионы бойцов Красной Армии стали мастерами своего оружия... Десятки тысяч командиров Красной Армии стали мастерами вождения войск... Только правильная стратегия командования Красной Армии и гибкая тактика наших командиров-исполнителей могли привести к такому выдающемуся факту, как окружение и ликвидация огромной отборной армии немцев в составе 330 тысяч человек под Сталинградом»[2].

Здесь же И. Сталин заметил, что «в ходе войны Красная Армия стала кадровой армией». С данным тезисом можно согласиться. Но при этом следует иметь в виду, что почти вся довоенная кадровая

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 92.

[2] Там же. С. 93.

Красная Армия погибла или попала в плен в 1941 —1942 гг. К концу 1941 г. в немецком плену оказались 3,9 млн советских бойцов и командиров. А всего до 1 декабря 1941 г. СССР потерял убитыми, без вести пропавшими и пленными до 7 млн человек[1]. Поэтому наша армия образца 1943 г. в массе своей — это были мобилизованные колхозники, рабочие и служащие, одетые в солдатские шинели. Это была регулярная Красная Армия, но вряд ли ее можно назвать по-настоящему кадровой.

Интересным моментом в приказе И. Сталина было также то, что в нем, по существу, впервые прозвучал термин «немецкие захватчики». До этого в официальном употреблении был термин «немецко-фашистские захватчики». То есть акцент в советской пропаганде был окончательно перенесен с классовых позиций на национально-патриотические. С этого момента в пропаганде был снят старый лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и на щит был поднят лозунг «Смерть немецким оккупантам!»

В историческом экскурсе о Красной Армии вождь вспомнил о том, что 23 февраля 1918 г. «отряды Красной Армии наголову разбили под Псковом и Нарвой войска немецких захватчиков». По сути, он процитировал фрагмент «Краткого курса истории ВКП(б)», написанного в свое время под диктовку Сталина, чрезвычайно политизированного и мифологизированного учебника по истории партии и страны.

Далее в приказе подчеркивалось, что «народы нашей страны... неустанно заботились об укреплении мощи Красной Армии, оснащали ее первоклассной боевой техникой и любовно выращивали кадры советских воинов». С пропагандистской точки зрения, это была, конечно, правильная позиция. Тем более, что И. Сталин действительно в предвоенные годы направлял все усилия и ресурсы страны на как можно быстрый рост боевой мощи Красной Армии, являвшейся наряду с НКВД военной, силовой опорой сталинского политического режима. Вождь, очевидно, хорошо помнил слова Н. Макиавелли, что «основой же власти во всех государствах... служат хорошие законы и хорошее войско»[2]. Хорошие законы, а именно новую Конституцию, приспособленную под свой политический режим, Иосиф Виссарионович создал в 1936 г. В течение всех 20—30-х годов он, не покладая

---

[1] Наше Отечество: Опыт политической истории. Ч. 2. С. 402—403.

[2] *Макиавелли Н.* Государь. С. 36.

рук, напряженно работал над созданием самых мощных в мире вооруженных сил. И преуспел в этом деле. Но Гитлер его опередил.

С высот сегодняшнего дня логично задать вопрос: «Где была эта первоклассная техника в 1941 г. и почему "любовно выращенные командные кадры" перед самой войной были репрессированы?» В ходе войны, в связи с острой нехваткой высших командных кадров, Сталин распорядился освободить из тюрем и лагерей ряд генералов, способных командовать дивизиями и корпусами. Среди таких счастливчиков оказался, например, генерал А.В. Горбатов, прошедший все пытки в застенках НКВД. В октябре 1941 г. он успешно командовал стрелковой дивизией, через год стал заместителем командующего 24-й армией, в июне 1943 г.— командующим 3-й армией.

И. Сталин дважды в приказе № 95 упомянул имя В. Ленина, как он сказал, «нашего учителя». При этом прежних ссылок на российских исторических личностей и на факты военной истории дореволюционной России в документе уже нет. Вождь занял двойственную позицию — он как бы балансировал между идеологией интернационального большевизма и идеологией национального патриотизма. Здесь вновь проявилась «идеологическая раздвоенность» вождя — он одновременно и большевик-марксист, и государственник-державник. После того как он расстался с революционным романтизмом, эта раздвоенность была присуща ему до конца жизни — продолжалась в течение всей последующей политической карьеры.

В заключительной части этого приказа личный состав армии и советский народ были поздравлены вождем с 25-й годовщиной РККА от имени советского правительства и большевистской партии. Была провозглашена здравица в честь, во-первых, Великой Родины, во-вторых, славной Красной Армии и доблестного ВМФ, в-третьих, партии большевиков. Порядок поздравлений свидетельствует об идеологических приоритетах в государственной политике советского руководства: на первом плане стоит Великая Родина — заметим, не социалистическая родина и даже не Советский Союз.

Семь месяцев назад в приказе № 227 от 28 июля 1942 г. И. Сталин назвал отступающую Красную Армию как армию, покрывшую свои знамена позором[1]. Здесь же вождь вновь дал ей характеристику

---

[1] Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 73.

«славной и доблестной» армии. То есть официальное отношение к ней изменилось радикально. Это была высокая оценка советского руководства, данная наступающей Красной Армии во многом на перспективу.

1 мая 1943 г. И. Сталиным был подписан приказ Верховного Главнокомандующего № 195. В традиционном первомайском обращении к армии и народу вождь подвел итоги зимне-весенней кампании 1942—1943 гг., дав оценку сложившейся политической и военно-стратегической ситуации. Май 1943 г. был периодом относительного затишья на советско-германском фронте. После завершения Сталинградской битвы и битвы на Северном Кавказе, в результате которых вермахт был отброшен далеко назад, стороны готовились к решительному сражению лета 1943 г.— битве на Курской дуге.

В этом документе советское военно-политическое руководство, формулируя политику государства, акцентировало внимание на следующих основных моментах.

Прежде всего было справедливо заявлено, что теперь созданы все необходимые предпосылки для победы над гитлеровской Германией. Об этом свидетельствовали в первую очередь итоги Сталинградской битвы. «Наши войска,— говорилось в приказе,— не только вышибли немцев с территории, захваченной ими летом 1942 г., но и заняли ряд городов и районов, находившихся в руках врага около полутора лет. Немцам оказалось не под силу предотвратить наступление Красной Армии»[1]. Попытка гитлеровского командования взять в районе Харькова реванш за Сталинград провалилась.

Особое внимание в своем приказе И. Сталин уделил нашим союзникам, которым была дана самая комплиментарная характеристика. «Одновременно с этим победоносные войска наших союзников разбили итало-германские войска в районе Ливии и Триполитании... а доблестная англо-американская авиация наносит сокрушительные удары военно-промышленным центрам Германии, Италии, предвещая образование второго фронта в Европе...»[2] При этом Верховный Главнокомандующий подчеркнул, что удар по врагу с востока, со стороны Красной Армии впервые за время войны слился с ударом наших западных союзников. Это заявление было очень важным.

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 98.

[2] Там же.

«Все эти обстоятельства...— справедливо заключил вождь,— потрясли до основания гитлеровскую военную машину, изменили ход мировой войны и создали необходимые предпосылки для победы над гитлеровской Германией»[1].

Важным в приказе советского лидера было его заявление о кризисе в фашистском лагере, в гитлеровском окружении. И. Сталин и прежде говорил о кризисе гитлеровской Германии. Но в 1942 г. это были пропагандистские заявления, не имевшие под собой реальной почвы. Сейчас же они соответствовали действительности. «Кризис в лагере фашистов,— объяснял народу вождь,— выражается, прежде всего, в том, что враг оказался вынужденным открыто отказаться от своей первоначальной установки на молниеносную войну»[2].

Во-вторых, кризис выражался в том, что, по словам Сталина, «фашисты начинают все чаще поговаривать о мире». При этом Германия хотела бы заключить мир с Англией и США при условии изоляции СССР или наоборот. И. Сталин задает риторический вопрос: «Но о каком мире может быть речь с империалистическими разбойниками из немецко-фашистского лагеря, залившими кровью Европу и покрывшими ее виселицами?»[3] Он заявил, что никто из союзников не попадется на эту удочку. При этом вождь принципиально не называл своих союзников империалистическими странами. Но именно таковыми совсем недавно они представлялись и клеймились в советской печати. С началом войны антиимпериалистическая пропаганда в СССР была прекращена, США и Англия стали называться «нашими союзниками», без определения, какие это страны с точки зрения их социально-политического строя. Действительно, некорректно было бы вешать ярлык «империалистов» на своих союзников, тем более что Советский Союз, в сущности, тоже был империей, только советской.

Заявляя о германском кризисе, И. Сталин, как всегда, предупреждал армию, органы власти и народ, что, несмотря на этот кризис, гитлеровская армия и Германия еще не разбиты. Предстоит еще суровая и тяжелая борьба. Руководитель нашего государства, располагавший соответствующей развединформацией, хорошо знал, что

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 99.

[2] Там же.

[3] Там же.

военно-промышленный потенциал Германии в 1943 г. был еще очень значителен и что он постоянно наращивался. Пик производства боевой техники и вооружения у немцев придется на 1944 г. Поэтому в приказе не объявляется о конкретных сроках победного окончания войны —говорится просто, что «близится время, когда Красная Армия совместно с армиями наших союзников сломает хребет фашистскому зверю»[1]. Война научила вождя многому — его раннее публичное обещание разбить гитлеровскую армию в 1942 г. существенно ударило по его политическому авторитету и престижу сталинского режима.

По сравнению с германским кризисом советский тыл переживал подъем. Это также было отмечено в приказе И. Сталина. И это действительно было так. Письма в центр и вопросы трудящихся, задаваемые властям в начале 1943 г., свидетельствовали о переломе в настроениях советских людей. Тон вопросов изменился. И хотя в них было много тревоги и боли, в них появился оптимизм, вера в победу.

«Справки в ЦК ВКП(б) о вопросах трудящихся. 1943 год.

Архангельская область:

— Почему наша авиация бомбит советские города, оккупированные немцами?

— Почему на базаре спекулянты продают продуктовые карточки?

— Мой муж призван в Красную Армию и погиб. У меня трое детей 3 — 7 лет. Дали пенсию 80 руб. на троих. Дети больны. Как я могу их содержать на 80 руб. в месяц? (Из письма Ершовой г. Архангельск.)

— Сельскую интеллигенцию волнуют вопросы — почему учителя, медработники и т.д. не имеют продуктовых и промтоварных карточек?

— Почему г. Ворошиловск в сводках именуют старым названием Ставрополь?

— Почему не всегда доходят письма на фронт?

— Где теперь Тимошенко?

— Почему так много отправляют из колхозов на трудмобилизацию?

— Почему нас не спрашивают, кого выбрать председателем колхоза — сами назначают?

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 103.

Башкирия:

— Тов. Сталин сказал, что в 1942 г. немецко-фашистская армия будет разбита. Почему это не осуществилось?

— Почему не происходит пролетарской революции в Германии?

— Почему введены в РККА погоны?

— Правда ли, что после войны не будет колхозов?

— Верен ли слух, что в 1943 г. будут увеличены нормы отпуска хлеба?

— Почему не учрежден орден Сталина?

— Верит ли т. Сталин в бога?

— Почему газеты идут не подписчикам, а в розничную продажу? Они попадают к спекулянтам.

— Будет ли колхозникам продовольственная помощь со стороны правительства?

— Почему не отовариваются сахарные и промтоварные карточки?

— Почему не берется налог с земли с семей военнослужащих?

— Почему ничего не слышно про т. Буденного?

— Колхоз не имеет ни семян, ни продовольствия. Будет ли помощь от правительства?

— Почему мы работаем 11 часов? (Рабочий из Уфы.)

— Почему не отапливается помещение завода?

Воронежская область:

— В колхозе «Красная Армия» Таловского района председатель колхоза Мухортова устраивает обыски и забирает у колхозников предметы домашнего обихода, мыло, табак, кабана, хлеб. Отправляет колхозников на оборонные работы без продуктов. Правильно ли это?

— Даст ли государство семян для посевов?

— Почему рабочие нерегулярно получают хлеб?

— Почему рабочим дают огороды менее 0,15 га?»[1]

В общем, вопросы симптоматичны и отражают чаяния и заботы простого и бесхитростного русского человека, задавленного тяготами войны. Русский человек, будучи государственником, всегда надеялся на свое государство и защищал его как гарантию своей жизни и благополучия.

---

[1] РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 88. Д. 211. Л. 121; Д. 279. Л. 54.

Впервые в документах подобного рода специальное внимание было уделено вопросам организации всенародной помощи фронту. Называя миллиардные цифры денежных средств, внесенных народом в фонд обороны и Красной Армии, делался закономерный вывод о том, что «война против немцев является действительно общенародной войной»[1]. На какой основе образовался этот общенародный консенсус — в приказе не говорилось.

Подведя итоги, вождь поставил военно-стратегические задачи. Перед советским тылом была определена задача работать для фронта «с удвоенной энергией». Перед Красной Армией — «еще крепче бить врага, беспощадно истреблять немецких захватчиков, непрестанно гнать их с советской земли»[2].

Кроме того, в приказной части Верховный Главнокомандующий обязал всех бойцов совершенствовать свое боевое мастерство, потребовал от командиров стать мастерами вождения войск. В целом, он приказал Красной Армии закрепить и развить успехи зимних боев, не отдавать врагу ни одной пяди нашей земли.

Характерным для исследуемого документа являлось и то, что здесь вновь акцентировалась национально-патриотическая идея. Начиная с того, что в обращении к армии и народу опять появились слова «братья и сестры». Термин «Советское правительство», как и ранее, стоит первым по сравнению с «большевистской партией». В поздравительной части И. Сталин чествует с Первомаем «славную Родину», затем «доблестные Красную Армию и Военно-Морской флот» и далее — «отважных партизан и партизанок».

Приказ завершается словами: «Смерть немецким оккупантам!» Таким образом, окончательно в советской политике и пропаганде на первый план вышла национальная идея. О социалистическом Отечестве, социализме и классовой борьбе не было сказано ни слова. Имя Ленина упомянуто всего один раз, и то в контексте ужесточения карательной политики в стране.

Следующим публичным документом центральной власти, освещавшим основы политической стратегии советского государства, был доклад И. Сталина на торжественном заседании Московского Совета

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 101.

[2] Там же.

депутатов трудящихся 6 ноября 1943 г., посвященном 26-й годовщине Октябрьской революции.

Позади была победная Курская битва. Наступая, советские войска форсировали Днепр и освободили почти всю левобережную Украину. В день, когда в Москве читался этот доклад, Красная Армия вошла в Киев. В советских верхах уже установилась своеобразная традиция — требовать от командующих фронтами освобождения городов к партийно-государственным датам и праздникам.

Главным в докладе было утверждение, что истекший год стал переломным годом Отечественной войны, что в ее ходе произошел коренной и безвозвратный перелом.

Докладчик констатировал, что третий раз страна в обстановке войны отмечает годовщину Октябрьской революции. В октябре 1941 г. враг стоял у стен Москвы. Через год опасность еще более возросла —фронт проходил через Сталинград и предгорья Кавказа. «Но в эти тяжелые дни,— говорилось в докладе,— армия и народ не пали духом... они нашли в себе силу, чтобы задержать врага и нанести ему ответный удар»[1]. На представительном партийном собрании было заявлено, что не партия и правительство, а армия и народ остановили врага и осуществили перелом в войне. Этот реверанс в сторону армии и народа был симптоматичен. Власть, воодушевленная военными успехами Красной Армии, спешила ее отблагодарить, и прежде всего словесно.

В документе было убедительно доказано, почему 1943 г. стал переломным. Хотя ряд позиций был изложен как всегда весьма тенденциозно. Итак, почему этот год стал переломным? Во-первых, потому, говорит вождь, что впервые за время войны нам удалось осуществить большое летнее наступление. «Теперь, когда Красная Армия, развивая успехи зимней кампании, нанесла немецким войскам могучий удар летом, можно считать окончательно похороненной басню о том, что Красная Армия неспособна будто бы вести успешное наступление в летнее время»[2].

Во-вторых, этот год был переломным потому, что удалось уничтожить («перебить и перемолоть») наиболее опытные военные кад-

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 109.

[2] Там же. С. 111.

ры немецкой армии. Немцы рассчитывали выправить положение на фронте с помощью «тотальной» мобилизации. Но события опрокинули расчеты врага. И. Сталин утверждал, что кадры Красной Армии, наоборот, выросли и закалились в успешных наступательных боях. Качество ее боевых кадров растет. Впервые в документах такого уровня был употреблен термин советские «офицерские кадры». Мы возвращались к старым дореволюционным традициям.

Что касается соотношения боевых потерь сторон, то современная статистика подтверждает, что и в 1943 г. наши потери в личном составе и технике были больше, чем у немцев. Но у Советского Союза было преимущество в людских ресурсах. Поэтому наш Генеральный штаб мог выставить на фронт большее количество дивизий, чем германский. Мы превосходили врага количественно; поэтому наступали мы, а не немцы.

В-третьих, 1943 г. стал переломным еще и потому, что успешное наступление Красной Армии коренным образом ухудшило хозяйственное и военно-политическое положение Германии. «Фашистская Германия,—подчеркнул оратор,— переживает глубокий кризис. Она стоит перед своей катастрофой»[1]. Кризис, о котором говорилось в первомайском приказе, перерастал в катастрофу. В принципе, это соответствовало истине, хотя до полного военного краха нацистской Германии оставалось еще долгих полтора года войны.

К концу 1943 г. Гитлер потерял Кубань и Украину — а это хлеб, уголь, металл и другие материальные ресурсы. Но главное — он не дошел до кавказской нефти. Все это предопределило топливный, хозяйственный и продовольственный кризисы в третьем рейхе.

Четвертый момент, обусловивший поворот в ходе войны,— это перелом в работе советского тыла. Докладчиком были отмечены особенности военно-экономического развития страны в истекшем году. Перед нами уже не стояли задачи эвакуации предприятий и ввода их в строй в восточных районах страны, перевода промышленности на военные рельсы. Теперь необходимо было максимально наращивать производство боевой техники и вооружения фронту. Докладчик сделал верный вывод: «В этом мы достигли крупных успехов». Действительно, в 1943 г. СССР впервые стал производить танков, само-

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 115.

летов и другого вооружения больше, чем Германия. А это было главным и определяющим в минувшей войне.

По мнению докладчика, экономический перелом в нашу пользу был достигнут прежде всего благодаря патриотизму и трудовому героизму советского рабочего класса, колхозного крестьянства, транспортных рабочих и служащих, нашей интеллигенции. Вождь скромно умолчал о большой организаторской работе органов государственной и партийной власти.

Патриотизм и трудовой героизм, работа советского тыла в целом рассматривались в докладе И. Сталина расширительно, как «всенародная помощь фронту». В современной историографии под всенародной помощью фронту понимаются только патриотические народные движения, направленные на оказание помощи действующей армии в производственной, материально-финансовой, духовной и иных сферах. Речь идет о дополнительной помощи населения государству.

Вождь сделал важное заявление — наша экономическая победа в войне практически обеспечена. Но он не сказал и не мог сказать, какой ценой, какими человеческими жертвами она была достигнута.

Наконец, пятым фактором перелома в ходе войны являлось то обстоятельство, что на международной арене произошел «развал фашистского блока» и заметно укрепилась антигитлеровская коалиция. С уважением говорил докладчик о боевых действиях наших союзников в Северной Африке и Южной Италии. Осенью 1943 г. союзники высадились в южной Европе — Италии, выведя ее из войны. Сталин назвал эту успешную операцию союзников «нечто вроде второго фронта». И сделал вывод: «Понятно, что открытие настоящего второго фронта в Европе, которое не за горами, значительно ускорит победу над гитлеровской Германией и еще более укрепит боевое содружество Союзных государств»[1].

Была высоко оценена помощь союзных государств по ленд-лизу. Говоря о большой роли помощи союзников Советскому Союзу в годы минувшей войны, И. Сталина сказал: «Если ко всему этому добавить тот факт, что союзники регулярно снабжают нас разным вооружением и сырьем, то можно сказать без преувеличения, что всем этим они

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 122.

значительно облегчили успехи нашей летней кампании»[1]. В советские времена существовала неправомерная тенденция пренебрежительного принижения роли ленд-лиза в укреплении боевой мощи СССР. В военные годы к нам из-за рубежа морскими конвоями неослабевающим потоком поступали боевая техника, стратегическое сырье и продовольствие.

Помощь по ленд-лизу составляла заметную часть от советского военного производства: по боевым самолетам — 10% (14 795 самолетов), по танкам и САУ — 12% (7056 танков), по паровозам — 6,3%. Никакому сравнению не поддается количество полученных автомобилей («Студебеккеров») — 401,4 тыс. единиц. Для сравнения: в 1942 г. у нас было выпущено всего 35 тыс. всех автомобилей[2]. Наряду с этим к нам поступило 2,6 млн т нефтепродуктов, свыше 15 млн пар обуви, 4,3 млн т продовольствия. В окопах американскую тушенку называли «вторым фронтом». Трижды Герой Советского Союза А. Покрышкин, сбивший 56 немецких самолетов, летал на американской «Аэрокобре». Общая стоимость помощи по ленд-лизу с учетом транспортных расходов составила 11 млрд долларов США[3].

Значительную часть союзнических поставок мы оплатили золотом. И не так важно, что иногда это золото уходило вместе с северными конвоями, торпедированными немецкими субмаринами, на дно Ледовитого океана. Но глядя на эту проблему с другой стороны, получается далеко не равнозначное «разделение труда» между союзниками — мы проливали на фронте кровь, а они нас обеспечивали и снабжали.

В сталинском докладе особо подчеркивалось, что «антигитлеровская коалиция является прочным объединением народов и основана на крепком фундаменте»[4]. Данный тезис был верен, пока существовал общий враг — нацистская Германия и Япония. Как только они были разгромлены, от этого фундамента и боевого содружества союзных государств не осталось и следа; мир вступил в эпоху «холодной войны».

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 122.

[2] Великая Отечественная война.1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн.1. С. 519.

[3] Наше Отечество: Опыт политической истории. С. 415.

[4] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 122.

Для этого выступления вождя были характерны и другие новации. В частности, медленно, но уверенно стала вновь пробивать себе дорогу старая консервативная партийно-большевистская риторика. Идеологический маятник качнулся в обратную сторону. Следует согласиться с замечанием А.И. Солженицына, который как-то заметил, что как только дела на фронте у нас пошли лучше и Красная Армия стала побеждать, Сталин вновь достал из сундука пропахшие нафталином партийные знамена.

В подтверждение этих слов надо сказать, что в начале своего выступления вождь, по сути, впервые заявил, что армия и народ защищали завоевания Октябрьской революции[1]. Так ли это? До этого речь в его приказах и речах шла о защите «великой и славной Родины». Вообще, вопрос о том, что защищали и за что боролись наши люди в той войне, являлся и является политически острым и дискуссионным. При Сталине он не обсуждался вообще. Сегодня мы знаем и отдаем себе отчет в том, что в той войне наш народ защищал свое Отечество, свое Российское государство, свою культуру и в целом славяно-русскую цивилизацию.

Впервые в докладе вождь остановился на такой важнейшей проблеме, как роль Коммунистической партии (ВКП(б) в войне. В духе довоенных традиций эта роль была высоко оценена: «В дни Отечественной войны партия предстала перед нами как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фашистских захватчиков»[2]. Партия была определена Сталиным как один из главных источников силы нашего государства. Во многом это было декларативное и пропагандистское утверждение. На самом деле, партия в войну, имея в виду ее высшие центральные органы, по инициативе самого вождя была оттеснена от руля власти и реального государственного управления.

Неожиданным было обращение вождя к теме Советского государства и государственности, их роли в деле достижения победы над врагом. Была высказана смелая мысль, что советское государство «по развитию и организации хозяйства, по опыту, мастерству и боевому духу своих войск, по выдержке и единству народа» оказалось

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 110.

[2] Там же. С. 119.

сильнее германского. Развивая эту тему, И. Сталин безапелляционно заявил: «Уроки войны говорят о том, что советский строй оказался не только лучшей формой организации экономического и культурного подъема страны в годы мирного строительства, но и лучшей формой мобилизации всех сил народа на отпор врагу в военное время»[1]. Тезис важный, но спорный. Особенно если рассматривать его с учетом исторического опыта и современной действительности. Но тогда он воспринимался в массовом сознании как истина, не требовавшая доказательств.

Впервые за все время войны советский лидер заговорил о дружбе народов нашей страны, которая, по его словам, «выдержала все трудности и испытания войны и еще более закалилась в общей борьбе...»[2]. Этот реверанс в сторону советского интернационализма в тот период был политически и пропагандистски необходим. При этом, как стало теперь известно, еще осенью 1943 г. И. Сталин принял окончательное решение о выселении ряда северокавказских и крымских народов в Сибирь и Среднюю Азию. Такая странная была дружба народов. Она была основана на прямом насилии государства по отношению к отдельным этносам и народам.

Еще следует отметить один момент, который в сталинской речи прошел одной строкой, но который, на наш взгляд, имел принципиальное значение. Это заявление о том, что немцы летом 1943 г. рассчитывали «вернуть себе потерянное и поднять свой пошатнувшийся авторитет в Европе. Но Красная Армия опрокинула расчеты немцев, отбила их наступление ... погнала их на запад, растоптав тем самым авторитет немецкого оружия»[3]. О каком немецком авторитете в Европе шла речь, если немцы являлись оккупантами?

Понимая настоящую геополитическую сущность этой войны, И. Сталин видел, что «крестовый поход» Европы под эгидой Германии против СССР — России терпит крах. Ввиду поражений вермахта на советско-германском фронте от Германии стали отходить ее бывшие союзники. Континентальная Европа стала разочаровываться в Германии.

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 120.

[2] Там же. С. 118.

[3] Там же. С. 114.

Необходимо в этой связи согласиться с позицией В. Кожинова, согласно которой это была не война «коммунизма» с «фашизмом», не война «двух тоталитарных государств», а война «называемого Россией мира» с континентальной Европой за спасение российской цивилизации, борьба с многовековым германским натиском на восток[1]. Ведь, по большому счету, Вторая мировая война действительно была войной между всей континентальной Европой во главе с Германией и нашей многонациональной страной.

В заключительной части доклада вождь традиционно поставил задачи, имевшие на этот раз не столько военный, сколько геополитический характер.

Центральный момент — заявление И. Сталина о том, что освобождение стран Европы от фашистских оккупантов с гарантией сохранения им самостоятельности и права самим решать вопрос об их государственном устройстве. Советский правитель лукавил. Эти слова были рассчитаны на мировую общественность. Он хорошо помнил слова Н. Макиавелли о том, что «великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи, в конечном счете, преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность»[2]

Кроме того, наш руководитель потребовал «установить такой порядок в Европе, который бы полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии»[3]. Эта была актуальная мысль и она реализовалась несколько позднее на Ялтинской и Потсдамской конференциях союзных держав.

Примечательно, что в поздравительной части И. Сталин в первую очередь провозгласил здравицу: «За победу англо-советско-американского боевого союза!» Это говорило о политической конъюнктуре и приоритете интересов советского руководства в тот момент. От времени открытия второго фронта в Европе зависели продолжительность войны, дальнейший ее ход и исход.

Приказ Верховного Главнокомандующего И. Сталина от 7 ноября 1943 г. № 309 был адресован прежде всего воинам Красной Армии и

---

[1] *Кожинов В.* Великая война России. М., 2005. С. 6.

[2] *Макиавелли Н.* Государь. С. 52.

[3] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 125.

Флота и он как бы дополнял предыдущий сталинский доклад. Концептуально его содержание не отличалось от праздничного выступления вождя 6 ноября, но имело более практичный характер. Приказ заканчивался знаковыми словами: «Да здравствует наша великая Родина! Мщение и смерть немецко-фашистским захватчикам!»

Таким образом, в середине войны советское руководство уверенно и, в целом, верно формулировало концептуальные основы своей военной политики, определяя военно-политические цели и задачи и направляя армию и народ к достижению коренного перелома в войне.

Основными этапами в развитии концептуальных основ военной политики государства в завершающем периоде Великой Отечественной войны (1944 — май 1945 гг.) явились прежде всего праздничные приказы Верховного Главнокомандующего от 23 февраля и 1 мая 1944 и 1945 гг., а также доклад И. Сталина по случаю 27-й годовщины Октября в 1944 г. Как и второй период, этот период войны был наступательным для Красной Армии. Поэтому правомерно рассматривать данные временные отрезки войны с точки зрения формирования государственной военной политики в единстве, вместе.

В приказах Верховного Главнокомандующего № 16 от 23 февраля 1944 г. и № 70 от 1 мая 1944 г. вождь подвел итоги зимней кампании 1943—1944 гг., торжественно заявив, что Красная Армия прошла с боями на запад до 1700 км и очистила от врага 3/4 захваченной им советской земли. Особо подчеркивалось, что Красная Армия вышла к нашим государственным границам. Этот факт имел огромное мобилизующее и морально-политическое значение для нашего исстрадавшегося народа.

В новых военно-стратегических и политических условиях видоизменялись, корректировались целевые установки и оценочные положения центральной власти. Какие новые акценты были расставлены в сталинских приказах, обращенных к армии и народу в 1944 г.?

Прежде всего, акцентировалась мысль, что Германия неудержимо движется к катастрофе. «Красная Армия добилась решительного «поворота» в войне (ранее оперировали термином «перелом») и ныне уверенно идет к окончательной победе над врагом. Враг терпит поражение за поражением». Но здесь же наш Главковерх предупреждал: «Однако он еще не разбит. Гитлеровские разбойники, видя приближение своей гибели и неизбежность возмездия... сопротивляются

с яростью обреченных... Именно поэтому, как ни велики наши успехи, мы по-прежнему должны трезво оценивать силы врага, быть бдительными, не допускать в своих рядах зазнайства, самоуспокоенности, беспечности»[1]. Идея бдительности, поднятая на щит еще в июне 1941 г., красной нитью проходила через все сталинские документы на протяжении всей войны.

Конечно же, вождь не мог не остановиться на анализе причин наших побед. В отличие от причин «временных неудач» Красной Армии, о которых он говорил в 1941—1942 гг. неохотно, лукаво и вскользь, о факторах наших военных побед в 1943—1944 г. И. Сталин сказал охотно, уверенно и достаточно объективно.

Итак, говоря словами вождя, успехи Красной Армии за истекший период стали возможными благодаря:

— правильной стратегии и тактике советского командования;

— высокому моральному духу и наступательному порыву бойцов и командиров;

— хорошему оснащению наших войск первоклассной советской военной техникой;

— возросшему мастерству и выучке артиллеристов, танкистов, летчиков.

Наряду с военным блоком причин в приказе справедливо было указано на внешнеполитическую причину наших побед — «этим успехам в значительной мере содействовали наши великие союзники, Соединенные Штаты Америки и Великобритания, которые держат фронт в Италии против немцев и отвлекают от нас значительную часть немецких войск, снабжают нас весьма ценным стратегическим сырьем и вооружением, подвергают систематической бомбардировке военные объекты Германии и подрывают, таким образом, военную мощь последней»[2].

В числе одного из важнейших факторов побед Красной Армии в 1943—1944 гг. была справедливо названа работа советского тыла. «Но успехи Красной Армии могли бы оказаться непрочными... если бы Красную Армию не подпирали с тылу весь наш советский народ, вся наша страна»[3],— подчеркнул вождь. «В трудных условиях войны

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 139.

[2] Там же. С. 143.

[3] Там же. С. 143—144.

советский народ добился решающих успехов в деле массового производства вооружения, огнеприпасов, обмундирования, продовольствия и своевременной доставки их на фронты Красной Армии». Это был не пропагандистский панегирик, это соответствовало действительности.

Вождь отдал должное советскому народу, сказав, что он «способен творить чудеса и выходить победителем из самых тяжелых испытаний». К сожалению, о цене этих чудес и побед не было сказано ни слова.

И. Сталин дифференцированно обратился к советскому народу — отдельно к «рабочим нашей промышленности», «советскому крестьянству», «советской интеллигенции», высоко оценив вклад каждой социальной группы в дело победы. Это было верно политически и морально-психологически. «Трудящиеся Советского Союза подкрепили... победы Красной Армии на фронтах новыми производственными победами в тылу»[1] — резюмировал он.

Особо и впервые в сталинских трудах были отмечены неоценимые заслуги в деле защиты Отечества наших женщин. Их исключительная роль заключалась в том, что «они самоотверженно работают в интересах фронта, мужественно переносят все трудности военного времени, вдохновляют на ратные подвиги воинов Красной Армии». Нужно было бы дополнить, что они еще и активно воюют на фронтах войны.

Большое внимание в приказах И. Сталина было уделено теме международной политики. С одной стороны, справедливо констатировался полный развал фашистского блока. «Под ударами Красной Армии трещит и разваливается блок фашистских государств. Страх и смятение царят ныне среди румынских, венгерских, финских и болгарских "союзников" Гитлера»[2]. С другой стороны, подчеркивалось укрепление боевого союза СССР, Англии и США в ходе войны. При этом в документе подчеркивалось, что «фашистские заправилы предпринимают отчаянные попытки внести разлад в лагерь антигитлеровской коалиции и тем самым затянуть войну.

Все эти уловки гитлеровцев обречены на провал, ибо в основе антигитлеровской коалиции лежат жизненно важные интересы

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 137.

[2] Там же. С. 145.

союзников, поставивших задачу разгромить гитлеровскую Германию и ее сообщников в Европе»[1]. Анализ военно-политической ситуации в воюющей Европе был очень точен. Вопросы «дележа добычи», то есть раздела освобожденной Европы между союзниками еще не стоял на повестке дня, был впереди.

Новым сюжетом в сталинской концепции Великой Отечественной войны было сравнение Советского Союза и Российской империи в Первой и Второй мировых войнах. Это было сознательное идеологическое отступление, имевшее цель показать силу и могущество СССР, руководимого Сталиным, и немощь, слабость старой царской России. «...Большим минусом для Германии является тот факт, что Советский Союз в этой войне оказался много сильнее, чем старая царская Россия в прошлой войне»[2],— заявил вождь. На наш взгляд, этот экскурс в историю — не самая сильная сторона сталинского анализа. Это сравнение несостоятельно в силу очевидных фактов —в Первой мировой войне русская императорская армия не пустила немцев дальше Бреста, они не прошли на исконно российскую территорию. Созданная Сталиным Красная Армия в 1941—1942 гг. откатилась до Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Грозного, Туапсе, отдав нашу страну на растерзание врагу и едва не потерпев полное поражение. Эти факты были очевидны. Расчет в Кремле, видимо, делался на историческую безграмотность и рабскую покорность советского народа.

В приказной части документа И. Сталин поставил военно-стратегические задачи перед действующей Красной Армией, главной из которых было освобождение в ближайшее время всей советской территории. И далее, не останавливаясь, преследовать и громить врага. По сути, впервые прозвучали сталинские слова, ставшие лозунгом победы: «Добить врага в его собственной берлоге!»

Впервые также в честь побед Красной Армии Главковерх приказал произвести праздничный салют в крупных городах Советского Союза. Первый салют в Москве состоялся еще в августе 1943 г. по случаю освобождения Белгорода и Орла по итогам Курской битвы. Но это был победный, адресный, а не праздничный салют.

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 137.

[2] Там же. С. 136.

Спустя полгода, 6 ноября 1944 г. советский руководитель традиционно выступил с докладом на торжественном заседании Моссовета, посвященном 27-й годовщине Октябрьской революции, а 7 ноября как Верховный Главнокомандующий подписал соответствующий приказ № 220. Военный парад на Красной площади не проводился.

В приведенных документах нашла свое дальнейшее развитие сталинская военная политика. Был уже конец 1944 г. и чувствовалось победное завершение тяжелейшей войны. Красная Армия стояла у границ Германии, а войска союзников, высадившихся в северной Франции 6 июня 1944 г., уже перешли ее западные границы. Поэтому выступления и документы вождя были пронизаны уверенностью, оптимизмом, державностью и торжественным величием.

В исследуемых источниках мы находим ряд новаций, по-новому раскрывавших суть происходивших тогда военно-политических процессов в стране и мире. Прежде всего, это касается таких вопросов, как: характерные черты и особенности наступательных операций 1944 г.; причины и факторы наших побед на фронтах; роль второго фронта и сущность союзнических отношений; суть идеологии нацизма и теория агрессивных наций; условия обеспечения прочного мира и послевоенного устройства Европы. Конечно, не обошлось в сталинских размышлениях и оценках без обычной пропагандистской риторики.

Говоря об особенностях 1944 г., вождь подчеркнул, что этот год в военном отношении значительно отличался от предыдущих трех лет войны. «Если два предыдущих года войны были годами наступления немецких войск и продвижения их в глубь нашей страны ... а третий год войны был годом коренного перелома на нашем фронте, когда Красная Армия развернула мощные наступательные бои... то четвертый год войны оказался годом решающих побед советских армий и армий наших союзников над немецкими войсками, когда немцы, вынужденные на этот раз вести войну на два фронта, оказались отброшенными к границам Германии»[1]

Далее в докладе приводилась хронология наступательных операций Красной Армии в 1944 г., вошедшая в советскую историогра-

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 152—153.

фию и народный фольклор как «десять сталинских ударов». Речь шла об ударе Красной Армии в январе 1944 г. под Ленинградом и Новгородом; о наступлении в феврале — марте на Буге и Правобережной Украине; об освобождении Крыма в апреле — мае того же года; о наступательной операции в Карелии в июне; о минской наступательной операции в июне — июле; об ударе в июле — августе в районе Львова; о Ясско-Кишиневской операции в августе; о наступлении Красной Армии в Прибалтике в сентябре — октябре; об ударе между Тиссой и Дунаем в направлении Венгрии в октябре; о нашем наступлении в северной Финляндии и вступлении в пределы Норвегии в конце октября 1944 г.

Эти сражения не случайно назывались «сталинскими ударами». Конечно, замысел и разработку стратегических операций проводили Генеральный штаб и Ставка, но И. Сталин, как Верховный Главнокомандующий не только подписывал разработанные планы операций, но и корректировал их. Г. Жуков говорил, что начиная с 1943 г., И. Сталин разбирался в военной стратегии вполне компетентно.

В докладе были с гордостью приведены обобщающие данные боевых потерь противника за 1944 г.— разбито и выведено из строя до 120 дивизий врага[1]. Как показывают новейшие исследования, на сей раз И. Сталин не завышал статистику немецких потерь, но он ни словом не обмолвился о наших потерях, которые были не меньше, а больше, чем у немцев. Тогда в этом вопросе подход был один — мы за ценой не постоим.

С внешнеполитической точки зрения, новым сюжетом было то, что в этом году Красная Армия вела свои операции не в одиночестве, а совместно с войсками наших союзников, открывшими наконец-то в северной Франции второй фронт. Поэтому И. Сталин отметил, что 1944 г. стал «годом торжества противогерманской коалиции, годом упрочения и согласованности действий трех великих держав... Германия оказалась в тисках между двумя фронтами».

Вождь вновь, как и год назад, специально остановился на причинах и факторах наших побед, внеся в этот вопрос новые ноты. В качестве главных факторов побед Красной Армии И. Сталин выделил следующие.

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 156.

Прежде всего, он отметил особую роль самой Красной Армии, которая, по его словам, «достойно выполнила свой патриотический долг и освободила нашу отчизну от врага»[1]. Вспомним, в июне 1942 г. в секретном приказе № 227 он говорил обратное — что, отступая, она покрыла позором свои знамена. Времена меняются, меняются и оценки.

Вторым фактором нашей победы стал советский народ и его самоотверженный труд на благо победы. «Если Красная Армия смогла успешно выполнить свой долг перед Родиной и изгнала немцев из пределов советской земли, то она сделала это благодаря тому, что ее беззаветно поддерживала с тыла вся наша страна...»[2]

Вождь справедливо назвал советский народ героическим народом и привел самый главный аргумент. «Подобно тому, как Красная Армия в длительной и тяжелой борьбе один на один одержала военную победу над фашистскими войсками, труженики советского тыла в своем единоборстве с гитлеровской Германией и ее сообщниками одержали экономическую победу над врагом». «На четвертом году войны наши заводы производят танков, самолетов, орудий, минометов, боеприпасов в несколько раз больше, чем в начале войны»[3]. И. Сталин, как и ранее, дифференцированно подходя к каждой категории населения, поочередно высоко оценил труд рабочего класса, советской интеллигенции, колхозного крестьянства, женщин и молодежи.

Впервые наряду с трудовым героизмом зашла речь о трудностях и лишениях советского народа в военное время. Было сказано буквально следующее: «Советские люди отказывали себе во многом необходимом, шли сознательно на серьезные материальные лишения, чтобы больше дать фронту. Беспримерные трудности нынешней войны не сломали, а еще более закалили железную волю и мужественный дух советского народа»[4]. Сказано верно, но далеко не все о страданиях нашего народа. Рабочие и колхозники драконовским трудовым законодательством были, как рабы, прикреплены к производству,

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 168.

[2] Там же. С. 158.

[3] Там же. С. 158—159.

[4] Там же. С. 159.

работая по 12 часов в сутки без выходных дней за скудный паек. Насчет того, что они «сознательно» шли на лишения, следует сказать — у них не было другого выбора.

И тем не менее они выдержали, и это был действительно подвиг. Для сравнения, в гитлеровской Германии на заводах тяжелой и военной промышленности работали в основном военнопленные и лица, насильно угнанные в рейх («гастарбайтеры»). Немецкие женщины, в отличие от наших, не привлекались на производство.

Следующим фактором нашей победы, который раньше особо не выпячивался и не пропагандировался, была руководящая деятельность наших государственных и партийных органов[1]. Сталин, по сути, впервые за годы войны поднял эту важную тему и параллельно тему преимуществ советского государства и социалистического строя. «Советское государство, несмотря на тяжелое бремя войны... в ходе войны не сокращало, а год от года увеличивало снабжение фронта вооружением и боеприпасами» ... «Экономическая основа советского государства оказалась несравненно более жизнеспособной, чем экономика вражеских государств». Наконец, он заявил: «Социалистический строй, порожденный Октябрьской революцией, дал нашему народу и нашей армии великую и непреоборимую силу»[2].

Все сказанное вождем с позиций пройденного исторического пути достаточно спорно. Да, Советский Союз выиграл экономическое противоборство с Германией, произведя больше своего противника танков в 2,2 раза, самолетов в 1,1 раза, минометов в 5 раз, орудий всех калибров в 1,5 раза[3]. «Магнитогорск победил Рур» — так оценивают достижения советской военной экономики многие исследователи на Западе. Но, надо сказать, ресурсная база у нас была неизмеримо больше.

Если Советское государство и социалистический строй, с точки зрения большевистского руководства, обеспечили нам экономическую победу, то, как тогда оценить экономику, например, США, которая произвела за годы войны больше стратегического сырья, боевой техники и продовольствия, чем СССР. Приведем данные: за военные годы

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 158.

[2] Там же. С.158—159.

[3] Наше Отечество: Опыт политической истории. С. 415.

в СССР было произведено орудий и минометов 526 тыс., в США — 651 тыс., в Германии — 398 тыс.; боевых самолетов: в СССР — 115 тыс., в США — 192 тыс., в Германии — 90 тыс.[1]

Объективный анализ показывает, что дело заключается вовсе не в социально-политическом строе, а в сущности политического режима, существующего в стране, в степени централизации государственного управления, наконец, в умении властей руководить страной, армией и экономикой. То есть суть вопроса в значительной степени лежит в уровне профессионализма властных структур и административно-технологической составляющей государственного управления.

Что касается военной промышленности нацистской Германии, то она, как и в Советском Союзе, строилась и функционировала на плановых началах и была фактически огосударствлена. Вплоть до конца 1944 г. она развивалась достаточно эффективно и динамично. Ее мощь подорвали американские «летающие крепости» Б-29, совершавшие ковровые бомбардировки промышленных центров Германии. Заодно они полностью уничтожили город Дрезден — центр немецкой культуры, где было много госпиталей и не было военной промышленности.

Важным источником нашей победы докладчик назвал «горячий и животворный советский патриотизм». «Сила советского патриотизма,—сказал он,— состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью»[2].

Сказано ярко, но в данном случае Иосиф Виссарионович вновь показал себя политиком, сидящим на двух стульях. В 1941—1942 гг., когда наши дела на фронте шли откровенно плохо, вождь взывал к российской многовековой государственности и народному патрио-

---

[1] История Отечества: Люди, идеи, решения. С. 248.

[2] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 160—161.

тизму, к русской сметке, теперь же он говорит о советском, то есть классовом, патриотизме. Тогда Сталин отбросил Маркса и Ленина, призвав народ сплотиться под знаменами Суворова и Кутузова, теперь, когда угроза миновала, стал возвращаться к партийным устоям, пытаясь соединить национальную идею с коммунистической.

Вождь конъюнктурно, но расчетливо и умело использовал высокое чувство патриотизма, которое традиционно было высоко развито у россиян. С самого начала войны вождь сделал ставку на национальный, прежде всего русский патриотизм. И не прогадал. Но в идеократическом партийном государстве, каким был в то время коммунистический Советский Союз, И. Сталин не мог время от времени не делать идеологических реверансов в сторону большевистских лозунгов и ленинских догм. Он понимал, что настоящий патриотизм бывает только национально-государственным. Классовый патриотизм искусственен, недолговечен. К тому же не может быть национальный патриотизм интернациональным. Советский патриотизм по определению объявлялся и по существу был интернациональным. Хотя настоящих большевиков-интернационалистов ленинской школы Сталин расстрелял еще в 1937 г.

Будучи прагматиком, вождь пытался соединить национально-государственную и коммунистическую идеологии, взяв из них рациональные зерна. В войну он особенно активно искал идеологическую основу Советского державного государства. Возвращаясь к ленинским догмам, вождь одновременно успокаивал свой партийный аппарат, адептов — ревностных приверженцев большевизма, давая им понять, что мы не поступаемся принципами.

Параллельно с восхвалением советского патриотизма в докладе была подвергнута обструкции идеология нацизма. В речи вождя очень точно была показана античеловеческая сущность национал-социализма. «Немецкие фашисты избрали своим идеологическим оружием человеконенавистническую расовую теорию... Однако политика расовой ненависти, проводимая гитлеровцами, стала на деле источником внутренней слабости и внешнеполитической изоляции немецко-фашистского государства... В ходе войны гитлеровцы понесли не только военное, но и морально-политическое поражение»[1].

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 161—162.

Сейчас мы понимаем, что минувшая война была в то же время и схваткой двух идеологий — национального социализма Гитлера и интернационального социализма Сталина. Между ними было много общего. Обе идеологии были тоталитарны по сути. Обе партии называли себя рабочими партиями, обе исповедовали социализм. Разница состояла только в том, что Национал-социалистическая рабочая партия Германии была ориентирована на национальный социализм (только для немцев), а Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) — на построение интернационального социализма.

В основе нацистской идеологии лежали расовая ненависть и антагонизм, а в основе коммунистической — классовая ненависть. Из конъюнктурных соображений в годы войны о классовой борьбе вождь даже не вспоминал, хотя совсем недавно в конце 30-х годов репрессии у нас шли именно под лозунгом усиления классовой борьбы. Но, судя по действиям И. Сталина, в военные годы шла активная трансформация его интернационально-большевистского мировоззрения в державно-государственную идеологию. Имперскую сущность сталинского мировоззрения пока еще прикрывал фиговый лист марксистско-ленинской фразеологии. Выскажем крамольную мысль — поживи Иосиф Виссарионович чуть дольше, и компартия была бы им упразднена как политический институт, сыгравший свою роль, или превращена в бюрократическую духовно-воспитательную структуру державной государственной машины. Примерно как Священный Синод при Петре Первом.

Как и год назад, в сталинском докладе в качестве одного из важнейших факторов побед Красной Армии на вермахтом рассматривалась боевая деятельность наших союзников — США и Англии. И. Сталин очень высоко оценил факт открытия второго фронта и вообще вклад союзных государств в общее дело победы. Если это была не дипломатическая уловка, то оценка вполне объективна. «Одновременно с летними операциями Красной Армии на советско-германском фронте союзные войска начали вторжение во Францию и организовали мощные наступательные операции, вынудившие гитлеровскую Германию вести войну на два фронта. Войска и флот наших союзников совершили невиданную еще в истории по организованности и размаху массовую десантную операцию на побережье Франции и мастер-

ски преодолели укрепления немцев. Таким образом, Германия оказалась зажатой между двумя фронтами. ... В этом ключ победы»[1].

Развивая данную тему, докладчик сказал, что Гитлеру не удалось и не удастся разобщить и противопоставить друг другу Объединенные Нации, ослабить их военные усилия взаимным недоверием. «Можно не сомневаться в том, что если боевой союз демократических держав выдержал испытания более чем трех лет войны... то тем более этот союз выдержит испытания заключительной стадии войны»[2]. Сталин был прозорлив. При этом он польстил США и Англии, назвав их официально, наверное, впервые демократическими державами. Более того, он причислил к странам демократии и СССР, видимо, всерьез полагая, что советская Конституция 1936 г.— одна из самых демократических в мире.

В то же время И. Сталин вынужден был публично признать (тоже впервые), что между великими союзными державами имеются определенные разногласия. При этом он сразу оговорился, что они не носят принципиального характера. В основе их союза, заявил советский лидер, лежат «не случайные и преходящие мотивы, а жизненно важные и длительные интересы»[3]. Ближайшее время показало, что жизненно важный интерес был один — разбить нацистскую Германию, а дальше пути союзников сразу и резко разошлись.

Много противоречий было по вопросу послевоенного устройства Германии. Что предлагал Советский Союз в отношении послевоенного статус-кво Германии и Европы? И. Сталин сформулировал нашу позицию так: «Задача состоит не только в том, чтобы выиграть войну, но и в том, чтобы сделать невозможным возникновение новой агрессии и новой войны, если не навсегда, то, по крайней мере, в течение длительного периода времени»[4]. Но пока это были общие слова. У каждой из союзных сторон были на этот счет свои интересы.

Далее наш вождь отвлекся на новую тему — недавно разработанную им «теорию агрессивных и миролюбивых наций». Он заявил, что агрессивные нации такие, как Германия, всегда бывают более под-

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 157—158.

[2] Там же. С. 165.

[3] Там же. С. 164—165.

[4] Там же. С. 166.

готовлены к войне, чем миролюбивые нации. Поэтому, сказал И. Сталин, «нельзя также считать случайностью такой неприятный факт, как потеря Украины, Белоруссии, Прибалтики в первый же год войны, когда Германия, как агрессивная нация, оказалась более подготовленной к войне, чем миролюбивый Советский Союз»[1]. По сути, советский лидер попытался в очередной раз найти разумные причины наших военных поражений в первые полтора года войны и тем самым обелить себя как политика и государственного деятеля.

В докладе были выдвинуты два условия предотвращения новой агрессии со стороны Германии. Первое условие — это полное ее разоружение. Второе — создание специальной организации защиты мира из представителей миролюбивых наций, дав в ее распоряжение специальный воинский контингент. Но это, по мнению Сталина, не должна быть Лига Наций. Наш лидер не уважал эту организацию, которая в 1939 г. за агрессию против Финляндии исключила СССР из своих рядов.

По окончанию войны в 1945 г. была образована новая международная организация — Организация Объединенных Наций со штабквартирой в Нью-Йорке. Несмотря на то что полноправными членами ООН стали Украинская и Белорусская ССР, Москве не удалось взять под свой контроль эту Организацию. Как оказалось, планы создания устойчивого послевоенного мира оказались тщетными. После войны союзники — США, Англия и Франция, с одной стороны, и Советский Союз, с другой, раздираемые геополитическими противоречиями, не захотели слушать друг друга.

Следует обратить внимание еще на ряд интересных моментов, прозвучавших в сталинском докладе и приказе 6—7 ноября 1944 г. Например, не случайными были слова И. Сталина, что «немцам удалось использовать в этой войне производительные силы почти всей Европы и довольно значительные армии своих вассальных государств»[2]. Вновь прозвучал тезис о том, что против нас, как и в 1812 г., шла вся континентальная Европа, только объединенная на сей раз не Францией, а Германией. На наш взгляд, советский вождь понимал, что в 30—40-х годах на международной арене происходила битва

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 167.

[2] Там же. С. 156.

двух миров — континентально-европейского и евразийского, католического и православного. Наш мир вновь выстоял и победил. По идеологическим соображениям наш руководитель не заявлял об этом открыто.

В 1944 г. советский лидер нашел и сформулировал обобщающую причину нашей победы в этой войне. То, что Германия оказалась на краю неизбежной гибели, нужно объяснить тем, что «главный противник Германии — Советский Союз превзошел по силе гитлеровскую Германию»[1]. Сталинская логика размышлений была проста: в первые два года войны были сильнее немцы, которым помогала почти вся Европа. Поэтому они наступали. Теперь сильнее стали мы и поэтому мы победим. Все дело в силе воюющих сторон — все остальные факторы вторичны. Но понятие «сила» в данном случае понималось широко — и материальная, и духовная сила.

Еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание. И. Сталин заявил, что против «немецких империалистов» поднялись все порабощенные народы Европы[2]. Это был не более чем пропагандистский ход. В действительности, массового движения Сопротивления (за исключением Югославии) в Европе никогда за все время войны не существовало. Массовое движение Сопротивления — одна из мифологем Второй мировой войны. Это еще раз доказывает лояльность по отношении к Германии покоренной Европы и общеевропейский характер предпринятого против СССР—России военного похода в 1941 г.

Впервые в приказе И. Сталина от 7 ноября 1944 г. официально прозвучали слова «Великая Отечественная война». С этого дня они навеки вошли в народное сознание и официальную историографию. До этого, как известно, употреблялся термин «Отечественная война». В здравице приказа также впервые были произнесены такие слова: «Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!»[3] Таким образом отдавалась дань уважения памяти павших. Страна еще не знала страшной цифры своих погибших граждан в Великой Отечественной войне. Реальную цифру наших

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 161—162.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 174.

потерь в 27 млн человек мы узнаем только через 50 лет. Да и то это, наверное, не последняя цифра.

Наконец, новой и весьма перспективной была мысль И. Сталина об исторической роли советского народа, который спас цивилизацию Европы во Второй мировой войне[1]. Эта тема особенно актуальна сейчас, когда совершенно неправомерно на Западе стала оспариваться эта очевидная истина.

В 1945 г. ключевые пункты советской военной политики можно проследить, исследуя приказы Верховного Главнокомандующего № 5 от 23 февраля, № 20 от 1 мая, обращение И. Сталина к народу 9 мая и выступление И. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г.

В приказе от 23 февраля 1945 г., подписанном И. Сталиным по случаю очередной годовщины Красной Армии, давалась оценка ее боевого пути от момента создания до 1945 г. Касаясь войны с нацистской Германией, Главковерх заявил: «В великих битвах Отечественной войны Красная Армия спасла народы Советского Союза от немецко-фашистского рабства, отстояла свободу и независимость нашей Родины и помогла народам Европы сбросить немецкое иго»[2]. Итак, констатировалась наша победа как исторический факт.

Анализируя итоги зимнего 1945 г. наступления советских войск, Верховный Главнокомандующий привел подробную и впечатляющую статистику немецких потерь. Это был впечатляющий результат боевой деятельности Красной Армии — «любимого детища советского народа», «созданной великим Лениным»[3].

И. Сталин поздравил воинов армии и флота с праздником, вновь обратив внимание на усиление бдительности. «...Чем ближе наша победа, тем выше должна быть наша бдительность»[4]. Вождь мудро напутствовал свои войска, которые сражались на территории противника, добивая врага в его логове.

Первомайский приказ Верховного Главнокомандующего № 20 состоялся, когда над рейхстагом развевалось наше знамя победы.

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 162.

[2] Там же. С. 177

[3] Там же. С. 177.

[4] Там же. С. 180.

«Ныне наши победоносные войска громят вооруженные силы противника в центре Германии, далеко за Берлином, на реке Эльба... Дни гитлеровской Германии сочтены... Мировая война, развязанная германскими империалистами, подходит к концу» — торжественно говорилось в приказе.

Что особенного мы находим в этом сталинском приказе? Наряду с уже сказанным, в документе сообщалось о том, что союзные войска соединились, и таким образом вермахт оказался рассеченным на две части. Характерно, что в этом приказе союзникам уделялось уже не столь большое внимание, как раньше. Как говорится, «мавр сделал свое дело...» Зато в приказе говорилось, что «в этих боях бок о бок с Красной Армией успешно наступали против общего врага польские, югославские, чехословацкие, болгарские и румынские дивизии»[1]. Создавалось впечатление, что у нас появились новые союзники. Это были будущие армии освобожденных нами стран, которые должны были войти в советскую зону оккупации и влияния. Военный эффект от их участия в боевых действиях в ходе войны на самом деле был не столь велик, но для Москвы важен был политический эффект.

В приказе сообщалось, что победы, одержанные советскими войсками в войне, показали богатырскую мощь Красной Армии и ее высокое воинское мастерство и возможности социалистической экономики. Почему-то ничего не сказано о роли государства и ВКП(б).

Говоря о ближайшем будущем Германии, наш Верховный Главнокомандующий ответственно заявил, что в задачу союзных государств (Объединенных Наций) не входит уничтожение германского народа. Их политическими задачами являются: уничтожение фашизма и германского милитаризма; суровое наказание военных преступников; возмещение ущерба, который немцы причинили другим странам.

До победы оставалась всего одна неделя. И в приказной части документа перед воинами Красной Армии были поставлены особые задачи: «доконать фашистского зверя»; быть бдительными; высоко держать честь и достоинство советского воина за рубежом.

Знаменательным документом, подводившим итог войны, было Обращение И. Сталина к народу, опубликованное в День Победы

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 188.

9 мая 1945 г. Вождь страны обратился к народу по-особому, примерно как в начале войны, в июле 1941 г.: «Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!» Затем констатировался факт всемирно-исторического значения: «Наступил великий день победы над Германией» ... «7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции»[1].

Вождь напомнил о великих жертвах, неисчислимых лишениях и страданиях, пережитых нашим народом в ходе войны. Но главным было то, что, сознавая геополитический характер этой войны, И. Сталин произнес знаковые слова: «Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией»[2]. Целью Гитлера, отмечалось в Обращении, было уничтожение России как государства. «На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию»[3].

Это была официальная военно-политическая установка Москвы. Заметим, что Сталин справедливо говорил не о борьбе капитализма с социализмом и даже не о войне Советского Союза с Германией, а о вековой борьбе славянства против натиска католического Запада. Таким образом, еще раз скажем, что он верно уловил главный геополитический смысл минувшей войны и впервые публично заявил об этом. В последующие советские времена этот тезис был преднамеренно и неоправданно забыт.

Вождь был прав и в том отношении, что мы не собираемся уничтожать Германию как государство. Но восточная Германия, став советской зоной оккупации, превратилась в сателлита СССР — в государство формально независимое, но фактически подчиненное Москве. Там и в ряде восточноевропейских стран (Польша, Венгрия, затем

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 192.

[2] Там же. С. 193.

[3] Там же. С. 195

Чехословакия) еще на полвека остались советские оккупационные войска.

На совещании в Кремле 15 мая 1945 г. И. Сталин, по воспоминаниям начальника оперативного управления Генштаба С. Штеменко, сказал, что «нужно подготовить и провести особый парад. Пусть в нем будут участвовать представители всех фронтов и всех родов войск. Хорошо бы также, по русскому обычаю, отметить победу и за столом, устроить в Кремле торжественный обед»[1]. Генштаб исполнил все, что приказал Верховный Главнокомандующий — 24 мая состоялся прием советских военачальников в Кремле, 24 июня — знаменитый парад Победы, которым командовал маршал К. Рокоссовский, а принимал его — маршал Г. Жуков.

Особое место в сталинской концепции Великой Отечественной войны занимает выступление вождя 24 мая 1945 г. на приеме в Кремле командующих войск Красной Армии. Главным было то, что Верховный Главнокомандующий на этом торжественном мероприятии поднял тост за великий русский народ как главного творца победы. Отдавая должное великому русскому народу и возвеличивая его, он тем самым возвеличивал построенную им политическую систему, славил советское государство и его главного строителя — себя.

Пренебрегая доктриной пролетарского интернационализма и советского патриотизма, грузин Сталин поднял тост за здоровье русского народа как государственнообразующей нации. Таким образом, из всех источников победы — политических, экономических, социальных, военных, главным ее источником выступил русский народ, «как руководящий в стране». Это был закономерный и справедливый вывод вождя, итог его военной политики, которую он разрабатывал и формулировал на протяжении всей войны.

Данный вывод И. Сталин аргументировал следующими обстоятельствами: во-первых, русский народ является наиболее выдающейся нацией из всех, входящих в СССР; во-вторых, он заслужил в этой войне общее признание среди всех народов нашей страны как руководящей силы; в-третьих, у русского народа имеется ясный ум, стойкий характер и терпение; наконец, в-четвертых, русский

---

[1] *Кудряшов К.* Парадные хлопоты 1945-го // Аргументы и Факты. 2005. № 25.

народ доверял советскому Правительству. Последнее, с точки зрения вождя, было главным. Поэтому, по мнению лидера советского государства, руководившего страной все годы войны, решающей силой, которая обеспечила историческую победу над фашизмом, был русский народ.

Конечно, это верно. Но, по нашему мнению, Иосиф Виссарионович вдруг проникся любовью к русскому народу еще и потому, что он, как тонкий политик, заглядывал в свое политическое будущее. «Государю надлежит быть в дружбе с народом, иначе в трудное время он будет свергнут»,— писал Н. Макиавелли[1]. Исходя из этого, дружить надо с государственнообразующей нацией и тогда она ответит взаимностью — поддержит главу государства. Более того, она будет иметь потребность в «государе и государстве». А это — залог политической стабильности.

Подтверждая слова вождя о русском народе, надо сказать, что именно он внес решающий вклад в дело победы над нацистской Германией и именно он вынес на своих плечах главную тяжесть войны. Из более чем 11 тысяч Героев Советского Союза, получивших это высокое звание в годы Великой Отечественной войны, 8160 человек — русские[2].

И. Сталин в этот день не говорил о партии, о других политических и социальных институтах общества, он говорил о той главной силе, которая отстояла государство, Родину, которая, в конечном счете, сохранила ему и его окружению власть. И, на наш взгляд, вождь искренне хотел воздать этому народу должное. Великий и могучий, и в то же время простой и наивный, русский народ!

Маршал авиации А.Голованов, один из любимцев Сталина, вспоминал, что «Сталин очень любил русских. Сколько раз Чкалов напивался у него до безобразия, а он все ему прощал — в его понимании русский человек должен быть таким, как Чкалов. Сталин жалел, что не родился русским...Восточное происхождение сказывалось у него только в акценте и гостеприимстве. Я не встречал в своей жизни человека, который бы так болел за русский народ, как Сталин...В нем

---

[1] *Макиавелли Н.* Государь. С. 31.

[2] Великая Отечественная война. 1941—1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 205.

жила трагедия, что он не русский»[1]. Любить-то любил, а сколько погубил.

Великая миссия по спасению человечества от гитлеризма далась России огромной ценой. По данным О.Платонова, которые, на наш взгляд, близки к истине, русский народ и братские ему народы нашего Отечества заплатили за это жизнями 47 млн. людей (включая прямые и косвенные потери), из них примерно 37 млн. человек составили собственно русские (включая малороссов и белорусов). Больше всего погибло не военных, непосредственно участвовавших в боевых действиях, а гражданских лиц. Безвозвратные потери русской (советской) армии составляют 8 млн. 668 тыс. 400 человек. Остальные 35 млн.— это мирное население[2]. В результате войны был значительно подорван генетический фонд нации, ибо в ней погибли, прежде всего, самые сильные и энергичные члены общества.

Огромная цена победы тяжелее всего легла на плечи русского народа (включая малороссов и белорусов), ибо боевые действия велись на его этнических территориях и именно к нему враг был особенно жесток и беспощаден. Следует согласиться: за всю историю человечества ни один народ в мире, кроме русского, не испытал на себе такой чудовищной тяжести как человеческих потерь, так и материальных лишений, выдержал все тяготы и утраты, сумев сохранить себя выдающейся нацией и ядром огромного государства[3].

Подводя итог управленческой деятельности советского Правительства, а по сути, деятельности самого себя как председателя этого Правительства за годы войны, советский вождь очень откровенно сказал, что «у нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 гг., когда наша армия отступала... Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность поли-

---

[1] *Чуев Ф.И.* Солдаты империи: Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998. С. 229.

[2] *Платонов О.А.* Бич Божий: Эпоха Сталина. М., 2005. С. 243.

[3] *Платонов О.А.* Бия Божий: Эпоха Сталина. С. 248.

тики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии»[1].

То есть, в дни победы вождь все-таки признал часть своей вины и взял на себя долю политической и нравственной ответственности за тяжелые поражения Красной Армии, за ту огромную цену, которую заплатил за победу наш многострадальный народ. Но и здесь он слукавил, говоря о том, что наш народ мог бы сказать правительству — иди прочь... Эти слова И. Сталина были чистой воды лукавством и декларацией: кто бы спросил народ и кто бы его послушал в те военные годы, когда страна находилась на военном положении. Народ был морально и физически задавлен бериевскими репрессиями. Сталинская система всегда относилась к народу, в том числе русскому, как к средству для достижения своих политических целей и как к объекту своих социальных экспериментов.

На этом приеме в Кремле в кругу своих соратников И. Сталин блистал в лучах своей славы как победитель, как великий полководец. Это был его триумф как политика и военачальника. В 1945 г. он сделался генералиссимусом. В годы Первой мировой войны император Николай Второй, став Верховным Главнокомандующим, оставался полковником.

Хотя внутри наш вождь, видимо, не был удовлетворен полностью итогами войны, поскольку не смог в полной мере реализовать свой стратегический замысел — используя Гитлера, превратить всю Европу в зону советского влияния, претворив, таким образом, в жизнь завещание своего учителя — В.И. Ленина советизировать мир. Советскому Союзу досталась только восточная ее часть.

То, что гитлеровскую военную и государственную машину разбил прежде всего Советский Союз — это непреложный исторический факт. Это была победа советского государства, выдающийся результат деятельности советского государственного механизма и его руководителя — И. Сталина. Но триумф победы омрачает ее цена, которую может не учитывать только циник. Уже после войны в статье к семидесятилетию Сталина Микоян писал: «Руководство т. Сталина обеспечило народам нашей страны завоевание великих побед с наи-

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 196—197.

меньшими потерями»[1]. Или Микоян не владел информацией, или был такой льстец, что поставил факты с ног на голову. Под руководством Сталина мы победили, понеся наибольшие потери народа, прежде всего русского. Сталин не любил говорить о потерях. Официально однажды он сказал о 7 млн. погибших в войне. А. Голованов вспоминал, что в своем кругу Сталин говорил, что «у нас было выбито 30 млн. человек, из них 20 млн.— русских»[2]. Значит, у него была верная статистика; просто он ее не афишировал. Сейчас официальная цифра — более 27 млн. погибших. В действительности цифра больше.

В минувшей войне мы потеряли из-за бездарного управления в 4—5 раз больше людей и боевой техники, чем противник. В первый же день войны кроме полутора тысяч советских самолетов, уничтоженных на аэродромах, 350 было сбито в воздушных боях. Немцы же потеряли в воздушных боях в этот день всего 32 самолета. Дважды Герой Советского Союза советский ас В.И.Попков по этому поводу говорил: «У немцев подготовка была намного выше. Вооружение мощнее. К тому же их летчики занимались вольной охотой и не сопровождали, как мы, бомбардировщики и штурмовики». Немецкий пилот Г. Ралль, третий ас вермахта, сбивший 275 советских самолетов (первый Э.Хартман — 352 победы), 22 июня 1941 г. сбил над Брестом 9 наших самолетов. Многие годы спустя, в беседе с В. Попковым, он сказал, что сбил бы и больше, но кончились снаряды[3]. За годы войны, пролив много крови, мы научились воевать. К примеру, немцы очень боялись в небе нашего аса А. Покрышкина, сбившего 59 немецких самолетов. При его взлете они радировали: «Внимание! В небе Покрышкин». В беседе с Ф. Чуевым он говорил, что на самом деле сбил больше немецких самолетов. Но в то время необходимо было подтверждение пехоты, которое приходило не всегда. И еще иногда мы отдавали сбитые самолеты противника на счет своих боевых товарищей с тем, чтобы они получали ордена и медали.

Н. Макиавелли, труды которого любил читать Иосиф Виссарионович, говорил: «О действиях всех людей, а особенно государей,

---

[1] Правда.— 1949. 21 декабря.

[2] *Чуев О.А.* Солдаты империи: Беседы. Воспоминания. Документы. С. 229.

[3] *Чуев Ф.И.* Солдаты империи: Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998. С. 216.

с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и удержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобрят, ибо чернь прельщается видимостью и успехом...»[1] Представляется, что И.Сталин, как политик, всегда следовал этому совету.

Таким образом, формируя концептуальные основы военной политики советского государства, руководство страны во главе со Сталиным на завершающем этапе войны верно прогнозировало ситуацию и определяло правильные военно-стратегические и политические цели государства, думая о послевоенном устройстве Европы.

Военная политика советского руководства, будучи по характеру весьма прагматичной и динамичной, менялась и корректировалась вождем по ходу всей войны. Она составляла идейно-политическую основу практической деятельности советского государства. Поэтому власти очень важным было не ошибиться в оценке стратегической ситуации и постановке военно-политических задач перед армией и страной.

Исследование проблемы показывает, что И. Сталин, как государственный, партийный и военный лидер страны, его политическое окружение, формируя военную политику государства, ставили перед армией и обществом программные задачи, как правило, соответствовавшие требованиям войны. Центральная власть концептуально верно оценивала и отражала положение и задачи страны в условиях войны. Анализ военно-политической и стратегической ситуации, целеполагание и постановка задач были одной из сильных сторон системы государственного управления СССР в годы Великой Отечественной войны, исключая, конечно, первый ее период.

---

[1] *Макиавелли Н.* Государь С. 54.

Глава 3

ПЕРЕСТРОЙКА СИСТЕМЫ ВЛАСТИ

ПРИНЦИПЫ ПЕРЕСТРОЙКИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАСТИ

Анализ перестройки государственного аппарата, всей системы власти и государственного управления нашей страны в первый период Великой Отечественной войны свидетельствует о том, что для этого сложного процесса были характерны свои принципы, специфические черты и особенности.

Принципы государственного управления, как основополагающие начала, руководящие установки, определяющие организацию и функционирование системы власти, отражают наиболее существенные стороны деятельности всей управляющей системы страны.

Уже первые дни начавшейся войны показали, что старые, мирные принципы государственного руководства страной необходимо срочно перестраивать, видоизменять в соответствии с экстремальными условиями военного времени.

В результате напряженной работы государственных органов и должностных лиц сложилась довольно целостная и эффективная система управления, которая основывалась на ряде политико-правовых принципов государственного руководства и управления.

В течение первого года Великой Отечественной войны в СССР в основном методом проб и ошибок шел нелегкий процесс перестройки старых, выработки и апробации новых принципов работы органов государственной власти и управления.

Изучение поставленной проблемы показывает, что с началом войны наиболее приоритетными политико-правовыми принципами перестройки и деятельности системы власти были:

— единство политического, государственного и военного руководства;

— принцип максимальной централизации и единоначалия в управлении;

— принцип конкретности и ясности государственного управления, четкости определения и постановки задач для каждого звена управления;

— принцип ответственности субъектов управления за решение задач государственного управления;

— принцип эффективности государственного управления;

— принцип единства и ясности цели государственного управления;

— принцип выделения в зависимости от обстановки приоритетных направлений в руководстве;

— принцип советской законности, правопорядка и строгой государственной дисциплины;

— принцип жесткого контроля над армией со стороны политической власти;

— принцип партийного руководства системой государственного управления.

Среди организационных принципов управления периода минувшей войны следует отметить как приоритетные:

— линейный принцип, когда властные отношения строились строго сверху вниз по вертикали власти по схеме «начальник — подчиненный»;

— отраслевой (наркоматовский) принцип управления;

— территориальный принцип — управление по союзным, автономным республикам, краям и областям СССР.

Все эти принципы были востребованы и реализованы властью в государственных интересах, в целях разгрома врага. В войну все вышеназванные принципы применялись комплексно, с акцентом на какой-либо из них в зависимости от ситуации и стоящих перед органами власти военных, политических, хозяйственных и иных задач.

Один из центральных принципов — принцип единства партийного, государственного и военного управления с началом войны нашел свое конкретное проявление в создании системы чрезвычайных органов власти — Государственного Комитета Обороны в центре и городских комитетов обороны на местах.

Кроме того, он заключался в том, что политическая элита государства — члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК, члены и кандидаты в члены ЦК ВКП(б), занимая важные руководящие посты в ГКО, Ставке ВГК и Совнаркоме, в то же время замещали многие другие государственные должности — были уполномоченными ГКО на местах, в наркоматах обороны и ВМФ, в отраслевых наркоматах, в армии на постах членов военных советов

фронтов и армий, на крупных оборонных заводах, в республиках, краях и областях.

На эти должности ответственные работники назначались специальными постановлениями ГКО. Совмещение должностей руководящих работников было обычной практикой сталинского стиля управления. При этом вождь сам подавал пример, беря на себя по ходу войны все новые должности и принимая новые полномочия.

В состав высшего органа страны — Государственного Комитета Обороны входили только члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК. В частности, в первом его составе мы видим три члена и два кандидата в члены Политбюро — И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, Л.П. Берия, Г.М. Маленкова. Это, так называемый узкий круг Политбюро. В феврале 1942 г. И. Сталин ввел в состав ГКО двух членов Политбюро — А. Микояна и Л. Кагановича и одного кандидата в члены Политбюро — Н. Вознесенского. Среди членов Ставки Верховного Главнокомандования первого состава из семи человек двое были гражданские члены Политбюро — И.В. Сталин и В.М. Молотов, занимавшие к тому же два высших поста в советском Правительстве.

Члены Политбюро, в том числе и не входившие в ГКО и Ставку, может быть, не всегда были компетентны в военных вопросах, но постоянно были в курсе внутри- и внешнеполитических событий, что оказывало положительное влияние на их работу в государственных и партийных органах.

Характерной чертой и принципом сталинского руководства в годы войны было постоянное объединение партийных, государственных и военных функций в одном лице, что выражалось в официальном совмещении должностей. Конечно, это была большая нагрузка на руководителя, но война требовала работы за троих, причем одновременно на разных направлениях. Должностная нагрузка не оставалась статичной, поскольку сталинская кадровая политика была очень активной.

Единство руководства обеспечивалось прежде всего тем, что И.В. Сталин занимал все главенствующие посты в партии, государстве и армии. По нашим подсчетам, И.В. Сталин на начало 1942 г. занимал 13 официальных постов (должностей):

— Председатель ГКО СССР

— Генеральный секретарь ЦК ВКП(б)

— член Политбюро ЦК ВКП(б)

— член ЦК ВКП(б)
— Председатель СНК СССР
— депутат Верховного Совета СССР
— депутат Верховного Совета РСФСР
— член Президиума Верховного Совета СССР
— депутат Московского Совета
— Верховный Главнокомандующий
— Председатель Ставки ВГК
— Нарком обороны
— председатель Транспортного комитета при ГКО.

В. Молотов был членом Политбюро ЦК, членом ЦК ВКП(б), членом ГКО, членом Ставки ВГК, заместителем председателя СНК СССР, наркомом иностранных дел, уполномоченным ГКО по танкам (до 1942 г.). Это не учитывая депутатских должностей.

Аналогичный должностной статус был у других членов Политбюро и членов Центрального Комитета партии.

На наш взгляд, в военные время такая ситуация была оправданной, поскольку концентрировало всю власть в одних руках, что придавало ей оперативность, маневренность, согласованность, системность и, в конце концов, эффективность. Г.К. Жуков по этому поводу сообщал: «Надо сказать, что с назначением И.В. Сталина Председателем ГКО и Верховным Главнокомандующим сразу почувствовалась его твердая рука»[1]. Получив такие неограниченные полномочия, вождь сумел не только объединить, но и реализовать политической и административный потенциал государственной власти в интересах достижения главной цели — победы над нацистской Германией.

Надо сказать, что в отличие от Сталина подобное объединение Гитлеру не удалось. Позднее бывший командующий группами армий «Север» и «Южная Украина» генерал-полковники Фриснер писал: «Многие немцы видели в объединении политического и военного руководства в руках Гитлера гарантию и залог конечной победы. Однако обе эти функции «не ужились» в Гитлере и не превратились в творческий синтез. В обеих функциях Гитлер оказался несостоятельным»[2].

---

[1] *Горьков Ю.А.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С.45

[2] *Фриснер Г.* Проигранные сражения. М., 1966. С. 212

Анализ документов и практики военного времени подтверждает, что взаимосвязь высших органов государственной и политической власти по горизонтали осуществлялась путем слияния Политбюро со структурами ГКО, Ставки, Совнаркома, наркоматов, а по вертикали — прежде всего, с помощью уполномоченных ГКО, выполнявших поручения государственной важности в оборонных отраслях, на фронтах, в республиках, краях и областях.

Слабо было организовано взаимодействие с представительной (законодательной) ветвью государственной власти. Об этом свидетельствуют такие факты, что всесоюзный староста М.И. Калинин не входил в состав ГКО и других чрезвычайных органов, крайне редко бывал на приеме у Сталина в его кабинете и на «ночных встречах» на даче в Кунцево. Об этом свидетельствует журнал посещений кабинета Сталина и мемуарная литература. В период войны Верховный Совет СССР ни разу не собирался, т.е., не работал. Это была политика Сталина. Если в условиях мирного времени наш «парламент», как торжество советской демократии, имел формальное значение, то в войну он стал вообще не нужен. Президиум Верховного Совета штамповал указы, проекты которых утверждались на ГКО или в Политбюро. Кроме того, М.И. Калинин награждал героев войны в Кремле.

Свидетельством работы данного принципа было также то, что в войну на основе ст. 126 Конституции СССР окончательно утвердилась практика совместных решений партийных и государственных органов на всех этажах власти. Партийные решения приобрели характер официальных нормативных актов, обязательных для всех государственных органов и граждан.

В основу внутренней политики СССР был положен принцип максимальной централизации политического, хозяйственного и военного руководства и единоначалия в управлении. Он активно использовался у нас перед войной, претворялся в жизнь через линейную схему управления народным хозяйством, созданную еще в годы индустриализации. Ее сущность заключалась в том, что при централизованной системе госуправления доминирует вертикальная, однонаправленная подчиненность государственных и партийных органов, образующая строгую иерархическую пирамиду власти.

Данный подход укреплял исполнительную вертикаль власти сверху донизу, придавал директивность, оперативность и результативность ее функционированию. Используя принцип централизации

управления, были усилены скоординированность и синхронность работы государственных, военных, партийных и хозяйственных органов. Монопольное положение в однопартийном государстве ВКП(б) способствовало концентрации полномочий в одном центре и в одном лице.

Централизация немыслима без единоначалия, роль которого в войну неизмеримо возрастает. Единоначалие предполагает сосредоточение в руках одного лица на каждом уровне власти всех нитей управления. При этих условиях возникает единство распорядительства, когда исполнительные команды передаются строго от вышестоящего должностного лица к нижестоящему. Такой тип структуры управления жестко формализован, что придает ей устойчивость и надежность. Он благоприятен в военных условиях для четкого проведения в жизнь властных требований. Но этот принцип имеет и другую сторону — в нем слабо выражены обратные связи, отсутствует инициатива, доминируют страх перед начальством, боязнь принятия самостоятельного решения и стремление переложить ответственность. Ни один вопрос не решался без согласований, и это снижало универсальность и эффективность данного принципа. Это доказала Великая Отечественная война, особенно ее начальный период, когда ни одна дивизия не могла сдвинуться с места без приказа из Москвы.

Бывший первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П.К. Пономаренко, вспоминая, подчеркивал, что в условиях войны такая форма централизации руководства имела определенные преимущества, но в мирное время была излишней. И. Сталин, занимая столько высоких постов в государстве, при огромном потоке дел просто не успевал прочитывать все постановления, которые он подписывал[1].

Централизация государственного управления с началом войны осуществлялась, прежде всего, путем сосредоточения всей полноты власти в руках одного органа — Государственного Комитета Обороны. Этот новый высший военно-политический орган был наделен неограниченными правами, и все советские, военные, партийные, профсоюзные, комсомольские органы, все советские граждане были обязаны выполнять его решения и распоряжения. Он координировал и организовывал исполнение запросов действующей армии и фло-

[1] *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным. С. 141.

та в соответствии с возможностями военной промышленности. Его связующая и регулирующая роль между фронтом и тылом была исключительной. Централизация давала возможность наиболее полно, целенаправленно и рационально использовать потенциал военной промышленности, все ресурсы страны в интересах фронта. Централизация военного и государственного руководства была характерна и для других воевавших стран, причем не только тоталитарных, но и стран западной парламентской демократии.

Для более быстрого решения важных вопросов при ГКО были созданы специальные структуры: оперативное бюро, специальные комитеты, комиссии, рабочие группы, назначались постоянные уполномоченные ГКО. Приказы и распоряжения ГКО, как высшего властного органа в стране, передавались сверху вниз через совнаркомовский аппарат (с декабря 1942 г. через оперативное бюро), через рабочие группы членов ГКО, через аппараты комитетов при ГКО и уполномоченных ГКО для исполнения в Совнаркомы СССР и союзных республик, в край — и облисполкомы, в ЦК компартий союзных и автономных республик, в краевые и областные комитеты ВКП(б), в Наркоматы обороны и ВМФ, Генеральный штаб, в Военные советы фронтов и армий, в городские комитеты обороны. Таким путем достигалось централизованное руководство госаппаратом, армией и обществом, крайне необходимое для системы государственного управления в военное время.

Важным был принцип определения и постановки задач, конкретности государственного управления, установления и разделения функций для каждого звена управленческой системы. Положительно, что в годы войны власть добилась ликвидации у государственных и партийных органов избыточных или дублирующих функций. Государственный аппарат был довольно оптимально организован и он в целом рационально функционировал. Для каждой ветви власти, уровня власти, для каждого государственного, военного и партийного органа были поставлены свои задачи, определены свои функции и они, как правило, не переплетались.

Стратегические задачи, стоявшие в первый год войны перед Государственным Комитетом Обороны и Ставкой Верховного Главнокомандования, были следующие:

— определение военно-политических целей кампании и отдельных стратегических операций;

— обеспечение действующей армии всеми необходимыми ресурсами для ведения войны;

— создание, подготовка, распределение и использование стратегических резервов;

— руководство военной экономикой с целью наращивания ее мощностей;

— эвакуация производительных сил и населения на восток;

— руководство партизанским движением и т.д.

Свои государственные задачи и мобилизационные планы имели Госплан и наркоматы СССР. Они, отвечая за выполнение поставленных задач, разрабатывали комплексные планы выпуска военной продукции с учетом смежных отраслей, выходили на ГКО со своими предложениями и проектами постановлений. По указанию Сталина в кротчайшие сроки Госпланом был разработан и 16 августа 1941 г. утвержден «Военно-хозяйственный план на 4-й квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии»[1]. Планирование и постановка задач и далее стояли во главе угла центральных государственных органов.

Важное значение в распределении функций и полномочий государственных органов сыграло Постановление СНК от 1 июля 1941 г. «О расширении прав Народных Комиссаров СССР в условиях военного времени». Наркомам предоставлялось новые права, что повышало инициативу и активность директорского корпуса на местах.

Принципиально важным было также то, что задачи и функции всех звеньев системы государственного управления были строго ранжированы в зависимости от политико-правового статуса органа. Так, ГКО и Политбюро ЦК партии руководили всеми делами государства и общества; Совнарком и Госплан — управляли; наркоматы, местные государственные органы, организации и учреждения — исполняли. Таковы были уровни государственного управления в СССР — стратегический, оперативный и тактический.

Что же касается процессов государственного управления, то в данной области также был налажен определенный порядок. Высшие органы государственной власти прогнозировали и планировали внутреннюю и внешнюю политику, ставили задачи и контролировали

---

[1] ГАРФ. Ф. 4372. Оп. 3. Д. 433. Л. 86.

их выполнение; государственные органы второго эшелона организовывали их исполнение; третий эшелон власти своевременно выполнял поставленные задачи и докладывал об исполнении.

Конечно, вся эта управленческая система родилась не мгновенно с началом войны. Она создавалась в стране в ходе «великого перелома» и индустриализации 30-х годов. В особых условиях войны далеко не сразу наш государственный аппарат стал работать как слаженный механизм, у каждого элемента которого были определены конкретные задачи и свои полномочия. На его перестройку на военный лад, срабатывание и «притирку» ушел весь первый период войны — почти полтора года.

Большую роль в деле государственного управления в годы войны играл принцип ответственности государственного аппарата и должностных лиц за результаты управленческих решений и действий. И. Сталин и ГКО жестко следовали ему, строго спрашивая, особенно в 1941—1942 гг., с высокопоставленных военных и гражданских чинов за результаты их деятельности.

Надо отметить, что на самом высшем уровне власти этот принцип нередко нарушался. Особенно тогда, когда Сталину требовалось в целях поддержания непогрешимости своего имиджа переложить ответственность за свои просчеты и ошибки на других.

Ответственность вообще — это необходимость и обязанность отвечать за свои решения, действия, поступки, быть ответственным за них. Прежде всего, это касается политических, хозяйственных и военных руководителей, облеченных высокими правами и обязанностями и потому ответственных за судьбу страны. Ответственность формируется на основе последовательного взаимодействия трех составных частей: сознания долга; оценки поведения; наложения санкций[1].

Ответственность у политиков и должностных лиц бывает разная: политическая, юридическая, моральная, личная, коллективная. В государственном управлении ответственность приобретает особое значение, поскольку в нем многие решения и действия порождают глубокие социальные последствия, предопределяют судьбы миллионов

[1] *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления. М., 2004. С. 415.

людей. За управленческие ошибки, злоупотребления, просчеты приходится расплачиваться народу очень дорогой ценой. Все это касалось периода Великой Отечественной войны, когда решалась судьба Отечества.

Рассматривая принципы ответственности, закономерно возникает главный вопрос: кто виновен в трагических поражениях Красной Армии первого периода войны? Кто должен нести за это ответственность? Ответ на эти вопросы неоднозначен и требует отдельного специального исследования. Безусловно одно — вся ответственность за военные поражения 1941—1942 гг. лежит на политическом и военном руководстве страны, и прежде всего на первом лице — И. Сталине.

С позиций сегодняшнего дня надо сказать, что Сталин и его военно-политическое окружение ответственны за: выбор неверной военно-стратегической концепции, не соответствовавшей требованиям будущей войны («война малой кровью и на чужой территории»); глобальную ошибку в оценке времени и направлений немецкого нападения; удар по командным кадрам Красной Армии в ходе чисток и репрессий 1937—1938 гг.; несбалансированную военно-техническую политику перед войной, недооценку силы и мощи вермахта.

По мнению многих авторов мемуаров и современных ученых, И. Сталин в первые дни войны совершил целый ряд управленческих ошибок[1]. Это, в частности, относится к директивам войскам № 2 и № 3, неверно ориентировавших фронты в самом начале военных действий (вождь их не подписал, но санкционировал). Ошибочным было решение послать начальника Генерального штаба РККА на Юго-Западный фронт в первый день войны. Не была оперативно налажена система связи, информирования и военно-стратегического управления войсками. Это были военно-стратегические промахи.

Политическим просчетом было то, что вождь не выступил перед своим народом по радио в первый день войны (Гитлер издал меморандум, Черчилль выступил 22 июня), что не решился стать Главно-

---

[1] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления: Т. 1. С. 283, 342; *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть : Кн. 1. С. 301, 309; *Микоян А.И.* Так было. С. 389; Великая Отечественная. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 129—131, 139; *Карпов В.В.* Генералиссимус. М., 2003. Кн.1. С. 341, 348.

командующим на второй день войны. И это было только начало военных действий. Потом вождь увидел свои просчеты, но он никогда публично не признал их.

В поражениях и больших потерях Красной Армии в 1941 г. виноват не только И. Сталин как первое лицо в государстве и партии, но все военно-политическое руководство, окружавшие вождя. Ответственность поэтому должна быть не только личной, но и коллективной. Эта ответственность для бывших членов Политбюро и высшего командования Красной Армии теперь должна быть политическая и моральная.

Вот что говорил маршал Г. Жуков в беседе с К. Симоновым по этому поводу. «У нас часто принято говорить, в особенности в связи с предвоенной обстановкой и началом войны, о вине и об ответственности Сталина. С одной стороны, это верно. Но с другой, нельзя все сводить к нему одному. Это неправильно. Как очевидец и участник событий того времени, должен сказать, что со Сталиным делят ответственность и другие люди, в том числе и его ближайшее окружение — Молотов, Маленков и Коганович... Добавлю, что часть ответственности лежит на Ворошилове, хотя он и был в 1940 году снят с поста Наркома обороны, но до самого начала войны он оставался председателем Государственного Комитета Обороны (в тексте ошибка — был Комитет обороны при СНК СССР.— *Прим. авт.*). Часть ответственности лежит на военных. Лежит она и на целом ряде других людей в партии и государстве... Большинство окружавших Сталина людей в партии и государстве... Большинство окружавших Сталина людей поддерживали его в тех политических оценках, которые сложились у него перед войной... Надо сказать, что, конечно, на военных лежит ответственность за то, что они недостаточно настойчиво требовали принятия ряда необходимых мер»[1].

В начальный период войны одной из забот И. Сталина был поиск виновных за катастрофическое развитие событий на фронте. Приказав В. Молотову выступить с обращением по радио 22 июня, он снял с себя ответственность за недальновидную предвоенную внешнюю политику. Назначив 23 июля С. Тимошенко главой Ставки Главного Командования, он тем самым возложил на него ответственность

---

[1] *Карпов В.В.* Генералиссимус. Кн. 1. С. 354—356.

за военные поражения начала войны. Но самую высокую меру ответственности вождь определил для командующих нашими западными округами (фронтами), особенно для Д.Г. Павлова, который за развал управления Западным фронтом в июле 1941 г. был предан сразу военному трибуналу и расстрелян.

Надо признать, что строго спрашивал Сталин за состояние дел на порученном участке не только с армейского командования, но и со своего ближайшего политического окружения — с Ворошилова, Кагановича, Мехлиса и других. В данном случае санкции выражались в виде отстранения от должности или снижения в должности. Не делая никому поблажек, вождь строго придерживался принципа ответственности. Ну а с него, как вождя партии и народа, никто не вправе был спросить. Поэтому вспоминаются слова Н. Макиавелли: «О действиях людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результатам, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу»[1].

При этом советский лидер опирался на страх и угрозу уголовного преследования. Это особенно почувствовал на себе простой народ — командиры и красноармейцы действующей армии, а также рабочие и колхозники в советском тылу после жестких сталинских приказов и директив, вышедших в первый военный период.

После войны вождь частично признал меру своей ответственности. И то не личную, а коллективную — советского Правительства. Это признание прозвучало 24 мая 1945 г. в тосте И. Сталина на приеме в Кремле командующих войсками Красной Армии. «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 гг., когда наша армия отступала... Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии»[2].

---

[1] *Макиавелли Н.* Государь. С. 54.

[2] Хрестоматия по отечественной истории. (1914—1945 гг.). М., 1996. С. 560.

Признав ошибки Правительства, которое он возглавлял, вождь вспоминает об объективных трудностях, породивших эти ошибки. Сталин говорит о просчетах Правительства, как коллективного органа, но ничего не говорит о своих личных просчетах, имевших тяжелые для страны последствия. Особенность коллективной ответственности заключается в том, что здесь, в отличие от персональной ответственности, первое лицо всегда может прикрыться мнением коллектива, а другие его члены спрятаться за спину руководителя.

Один из важнейших принципов перестройки государственного управления — принцип его эффективности. Он лежит в основе оценки любой политической и военной системы и особенно значим в военное время. Советское руководство, безусловно, стремилось использовать этот принцип в своей управленческой деятельности с тем, чтобы сделать процесс государственного управления максимально результативным. К сожалению, в первый период войны такой принцип срабатывал не сразу и с трудом. Итоги стратегических операций Красной Армии 1941—1942 гг. оказались для нас неэффективными — мы, потерпев ряд поражений, понесли колоссальные потери в живой силе и технике и отступили до Ленинграда, Москвы, Волги и Кавказа. Но применительно к первым полутора годам войны мы рассматриваем этот принцип не как конкретный результат, а как направление деятельности советского руководства, как целеполагание.

Эффективность в государственном управлении это, как известно, достижение социального, политического, военного, экономического результата или достижение поставленных целей при минимальных издержках. Критерием эффективности управления всегда выступает достигнутый результат. При этом важно различать эффективность деятельности самого объекта управления (армия, экономика) и эффективность управляющей системы (власти, госаппарата). Главное требование к аппарату с началом войны заключалось в том, чтобы он, как задающий генератор, обеспечил мобилизацию страны и ее переход на режим военного времени. И это И. Сталин, как главный управляющий государственного аппарата, отлично понимал.

Анализируя уровень эффективности сталинской системы государственного управления в период ее перестройки, следует обратить внимание на три важных аспекта.

Первый состоит в выяснении того, действительно ли возник результат государственного управления в 1941—1942 гг.? Иными сло-

вами, был ли какой-нибудь позитивный итог боевых действий Красной Армии в первый военный период? Если да, то являлся ли он на самом деле итогом управления советского руководства, а не действием других, независимых от Москвы факторов (пространства, мороза, ошибок Гитлера)?

Несмотря на низкую эффективность боевых действий Красной Армии на фронтах и захват противником большой части нашей территории, позитивный результат был — Советский Союз не капитулировал, не встал перед Гитлером на колени, как, например, Польша или Франция в 1939—1940 гг. И можно с уверенностью сказать, что решающим фактором упорного сопротивления советского народа была мобилизующая роль государства и деятельность его главного органа — Государственного Комитета Обороны, который планировал, прогнозировал, распоряжался, координировал, контролировал все сферы жизни общества, и прежде всего военную.

Важно было в то тяжелое, трагическое время, не впадая в панику, во что бы то ни стало сохранить и на ходу перестроить систему государственного управления как залог будущей победы. Надо отдать должное советскому руководству — это было достигнуто. Кризис государственного управления в июне—июле 1941 г. был сравнительно кратковременным. Второй кризис власти приходится на октябрь 1941 г., когда немцы прорвались к Москве, но и он был быстро преодолен.

Второй аспект связан с определения источника результата управления. Что же в рамках системы советской власти выступило действительным и наиболее важным источником достижения управляемости действующей армией и обществом в начале войны? Исследование вопроса показывает, что таких главных факторов было два: первый — это сверхцентрализм и жесткость государственного управления, второй — сверхнапряжение всех ресурсов, особенно человеческих, достигнутое путем сильного управляющего воздействия власти. Конечно, очень многое в руководстве зависело от материально-технических ресурсов, но на первом месте стоял все-таки человеческий фактор — умение управлять.

В советской историографии остановка врага и победы Красной Армии на фронтах квалифицировались, прежде всего, как результат мудрости кремлевских вождей и мобилизующей деятельности ВКП(б) и только во-вторых — как итог гигантского напряжения всех ресурсов страны, как патриотизм простого народа, прежде всего русского.

Знаменитое «мы за ценой не постоим», которым мы раньше гордились, при объективном и честном подходе оказалось самообманом. Цена победы в войне всегда существует и имеет большое значение. Об этом идут не только научные дискуссии, но и политические споры.

Поэтому эффективность государственного управления в минувшей войне определяется соотношением результата — победы и людских и материальных потерь. За победу наша страна заплатила очень дорогую цену — 27 млн жизней[1]. Этот факт говорит не в пользу советских военно-политических руководителей как управленцев-профессионалов. Разумеется, достижению эффекта управления препятствовали объективные и субъективные помехи и противодействия. Объективные — это военная мощь вермахта и экономический потенциал всей оккупированной немцами континентальной Европы. Субъективные помехи — собственные просчеты и ошибки команды Сталина в политическом, экономическом, военном управлении.

Третий аспект заключается в соотношении и взаимосвязи целей, форм, методов государственного управления и реально полученных результатов. Такая связь очень важна, иначе нет смысла говорить о социальной ценности и эффективности управления. Изучение событий первого года войны показывает, что цели и методы государственного управления были в целом адекватны ситуации. Ожидания в итоге соответствовали реальным результатам, хотя, еще раз скажем, затраты (потери) никак нас не могут удовлетворить. Но для системы государственного управления, находившейся в такой экстремальной ситуации, как война, на первом месте стояло достижение главного результата — выстоять и победить. Оценивать этот результат следует с точки зрения интересов государства и общества в исторической перспективе их развития. В этом смысле наша Победа, основы которой были заложены в 1941—1942 гг., имеет для нас историческое значение, поскольку главная цель государства — это сохранение, развитие и процветание страны.

Кроме общего критерия эффективности государственного управления, заключающегося в достижении конкретного результата, име-

---

[1] Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995; *Соколов Б.* — Цена победы. Великая Отечественная: Неизвестное об известном. М., 1996.

ются специальные критерии эффективности работы государственного аппарата. Это: целесообразность и целеориентированность системы государственного управления; сложность и слаженность организационной структуры госаппарата, его подразделений и звеньев; затраты времени и средств на решение управленческих вопросов; стиль деятельности государственных органов и должностных лиц; издержки на содержание и функционирование государственно-управляющей системы.

В целом, в первом периоде войны система власти и государственного управления — от Государственного Комитета Обороны до райкома партии, райисполкома и сельского совета —соответствовала среднеоптимальному уровню перечисленных выше критериев. Хотя просчетов и ошибок в работе государственных органов, как в центре, так и на местах, было предостаточно. Но у нас было много ресурсов и долготерпеливый народ.

Государственные и партийные органы в процессе своей деятельности опирались в военное время и на такой общий принцип, как единство и ясность цели государственного и военного управления. Выбор цели всегда является одним из наиболее ответственных моментов в процессе выработки управленческих решений и их реализации. Ведь в соответствии с выбранной целью формируется политика, стратегия государства, разрабатываются прогнозы и планы действий, которые затем претворяются в жизнь. Механизм целеполагания в государственном управлении в СССР был отработан еще в 30-х годах в ходе строительства нового общества.

Поскольку цели исходят из потребностей и интересов людей и направляются на их удовлетворение, этой целью СССР в 1941 г. был решительный отпор агрессору и достижение полной победы в навязанной нам войне. Война упрочила единство цели народа и государства. Впервые в Советском Союзе власть и общество действовали совместно, объединенные единством цели.

Стратегические цели перед страной всегда ставятся и формулируются верховной властью. Народ в сталинскую эпоху никогда не выступал субъектом формирования цели государственного управления. Он являлся объектом цели управления и ему отводилась роль послушного средства ее реализации. Главная военно-политическая цель в войне — полный разгром немецко-фашистских захватчиков — была сформулирована Политбюро ЦК в первые дни войны и оформ-

лена в речах В. Молотова и И. Сталина по радио. Эта цель была ясна и понятна народу.

Выстраивая «дерево целей» государственного управления в военное время, власть определяла не только стратегические цели, но и цели оперативно-тактические, или промежуточные, обеспечивающие. Это сложный интеллектуальный процесс, предполагавший предвидение, прогнозирование и планирование.

Ввиду отсутствия точной информации с фронтов и аналитический данных Генштаба Политбюро и Ставка в начальный период войны не смогли правильно определить направленность и иерархию целей военного управления. Например, 22 июня 1941 г. войскам западных округов в директивах № 2 и № 3 были поставлены нереальные цели и задачи. Затем имели место стратегические ошибки у самого И. Сталина как Верховного Главнокомандующего, в постановке перед страной военно-политических целей. Речь, в частности, идет о заявлении вождя в первомайских призывах и приказе НКО от 1мая 1942 г. о том, что 1942 г. будет годом окончательной победы Красной Армии над фашистской Германией[1]. Воодушевленные народ и армия поверили вождю. Но уже через месяц их ждало горькое разочарование, когда вермахт, прорвав наш Южный фронт, устремился к Волге и Кавказу.

В ходе реализации данного принципа управления советское руководство следовало определенным требованиям.

Первое требование — субординация целей, при которой они как бы «выстраивались» и «работали» друг на друга. Субординация и классификация целей (стратегические-оперативные, главные-обеспечивающие, конечные-промежуточные) усиливает механизм целеполагания в государственном управлении. С этой точки зрения система государственного управления в СССР в военное время представляла собой многоуровневую структуру: стратегические, конечные цели в войне перед обществом и армией ставили ГКО и Политбюро ЦК; оперативные, промежуточные цели формулировали Совнарком и Госплан СССР, Генеральный штаб. Прерогативой наркоматов, органов власти республик, краев и областей были оперативно-тактические цели.

---

[1] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С.

Второе требование — комплексность целеполагания. Цель, к достижению которой стремилось советское руководство в войне, охватывала многие аспекты — военный, политический, внешнеполитический, экономический, идеологический, социальный. Все их нужно было учитывать. Недооценка одной из сфер (например, сельского хозяйства, транспорта или социальной сферы) в процессе целеполагания могла бы отрицательно сказаться на ходе ведения всей военной кампании. К примеру, И. Сталин своевременно сориентировался в идеологической составляющей военно-политического управления, выдвинув целевую программу активизации национального патриотизма. Сталинская управляющая система стремилась к комплексности и сбалансированности целей управления.

Третье требование — согласованность целей управления с тем, чтобы они обусловливали друг друга и взаимно не противоречили. В целом, в войну это требование было достигнуто, хотя на хозяйственном уровне среди наркоматов конкурирующие, противоположные цели существовали. Это объяснилось прежде всего нехваткой материальных и людских ресурсов, вследствие чего цели отдельных наркоматов и даже управленческих блоков, за которые отвечали те или иные члены ГКО, не совпадали. Они конкурировали в борьбе за материальные и трудовые ресурсы. Арбитром в этих случаях выступал И. Сталин, который лично распределял стратегические ресурсы и резервы.

Четвертое требование — конкретность и достижимость целей. ГКО, Ставка ВГК стремились ставить перед государственными и военными органами не расплывчатые, а предельно четкие и конкретные цели. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать приказы наркома обороны И.В. Сталина и постановления ГКО. Но особенностью первого периода войны было то, что часто цели перед войсками, планы перед наркоматами и заводами ставились явно завышенные, нереальные. Чтобы доложить о выполнении боевой задачи, с фронтов в Ставку иногда шла не вполне достоверная информация. Чтобы доложить о выполнении планов, директорам заводов приходилось либо прибегать к сверхнапряженному режиму работы в цехах на грани человеческих возможностей, либо к приписках.

В работах ряда современных авторов утверждается о массовых приписках в оборонных отраслях промышленности в годы войны, о том, что значительный процент выпущенной боевой техники суще-

ствовал лишь на бумаге[1]. Думается, что фальсификаций таких масштабов в военной промышленности не могло быть, поскольку существовал очень жесткий госплановский, военпредовский, партийный, чекистский и прокурорский надзор за выполнением не только ежемесячных, но и ежесуточных планов производства военной продукции.

Пятое требование — гибкость целеполагания и планирования в войну. Цели государственного управления формулировались таким образом, чтобы оставалась возможность их оперативной корректировки в случае изменения внешних или внутренних условий. В самом начале войны это требование не работало. Была жесткодирективная постановка задач. Как показывают источники, Сталин редко, и то под давлением чрезвычайных обстоятельств менял свои решения и цели. Вспомним эпопею с обороной Киева летом 1941 г., когда вождь дал приказ удерживать город любой ценой. В результате в окружение попал почти весь Юго-Западный фронт — более 600 тыс. бойцов и командиров.

Опыт первых месяцев боевых действий на фронте и работы в тылу показал, что властям необходимо гибко и оперативно реагировать на постоянно менявшиеся условия войны и в соответствии с ними корректировать цели. Эта была необходимая составляющая успешной деятельности военных и гражданских властей.

Следующим принципом перестройки и деятельности системы государственного управления в войну был принцип выделения в процессе руководства приоритетных направлений. Власть понимала: поставленные цели можно достичь, определяя и реализуя главные направления в своей деятельности. Как и цели, направления деятельности органов власти и управления дифференцировались в зависимости от их значения, сферы проявления, ожидаемого результата, времени реализации. Здесь искусство политика, хозяйственника или командира заключалось в умении найти главный, иногда единственный путь к достижению успеха.

Анализ управленческих решений, принятых высшим руководством СССР в начальный и первый периоды Великой Отечественной

---

[1] *Соколов Б.* Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. С. 67.

войны, показывает приоритет определенных направлений деятельности, имевших в тот или иной момент особое значение.

Так, с 22 июня 1941 г. главным направлением в деятельности государства стало решение военных вопросов, поскольку от них зависело само существование страны и власти. В рамках оборонных вопросов приоритетными стали проблемы превращения страны в единый военный лагерь, сформулированные в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей 29 июня и в речи Сталина по радио 3 июля 1941 г.

Перечисленные меры представляли собой процесс воздействия власти на армию и общество. Но было еще одно важное направление деятельности высшего политического руководства, имевшее приоритетный характер. Это перестройка на военное положение самой государственно-управляющей системы, то есть работы госаппарата. Это направление не декларировалось публично, но такая перестройка активно шла. Государственный аппарат реформировался в соответствии с требованиями войны в правовом, организационном и кадровом отношении.

Надо отметить, что если на стратегическом уровне приоритеты не менялись (цель — победа), то на уровне обеспечения достижения этой цели приоритетные направления довольно часто трансформировались в зависимости от обстановки. Это была реакция властей на постоянно меняющуюся военную ситуацию. По сути, в первый год войны не мы управляли войной, а война нами. Сталин и его команда работали летом — осенью 1941 г. в режиме антикризисного управления. Страна находилась на грани военной катастрофы, и вождь допускал возможность сдачи Москвы.

Проследить смену приоритетов в области военно-стратегического управления действующей армией в первом периоде войны можно на примере деятельности ГКО и Ставки. В начальный период войны (до середины июля 1941 г.) приоритетным военно-стратегическим направлением было белорусское — Западный фронт, где складывалась наиболее опасная для нас ситуация. Битва за Смоленск и Ельню (июль — август 1941 г.) на месяц задержала немецкую группу армий «Центр». В это время приоритетным стратегическим направлением для Ставки ВГК стало ленинградское, где развернулись ожесточенные бои за г. Ленинград. Вступила в завершающуюся стадию Киевская оборонительная стратегическая операция. После падения Киева

и установления блокады Ленинграда (сентябрь 1941 г.) приоритетным надолго стало московское направление.

Кульминационным моментом на этом направлении был октябрь—ноябрь 1941 г., когда немцы вплотную подошли к Москве и столица оказалась на осадном положении. Все внимание ГКО и Ставки к Москве было приковано в период московской стратегической наступательной операции (5 декабря 1941 г.— 7 января 1942 г.). После стратегической паузы весны 1942 г. приоритетными стали юго-западное (Харьковская операция) и Крымское (Керченская операция) направления. Крупные неудачи Красной Армии под Керчью и особенно под Харьковом в мае 1942 г. заставили Ставку ВГК обратить все свое внимание летом — осенью 1942 г. на юго-западное направление. Теперь исход войны решался под Сталинградом и на Северном Кавказе.

Так, в течение первого периода войны (22 июля 1941 г.— 19 ноября 1942 г.), носившего для Красной Армии оборонительный характер, происходил процесс смены приоритетных военно-стратегических направлений: Минск — Смоленск — Киев — Ленинград — Москва — Харьков — Сталинград — Северный Кавказ.

Аналогичную трансформацию приоритетных направлений деятельности властей можно наблюдать в области оборонной промышленности, транспорта, в социальной, идеологической, церковной, национальной и других сферах.

В военное время особо важным в плане перестройки и деятельности системы государственного управления являлся принцип советской законности и ужесточения государственной дисциплины. Значение данного принципа определяется тем, что он регулировал правовые основы, порядок взаимоотношений воюющего государства и общества, служил основой поддержания государственной дисциплины и правопорядка. При этом государственная дисциплина означает повиновение порядкам и правилам, установленным государством, его органами и должностными лицами.

После первых дней войны особое внимание в деятельности властей было уделено укреплению законности и государственной дисциплины как на фронте, так и в тылу. Как одну из решающих мер мобилизации страны на военный лад И. Сталин видел в ужесточении уголовного законодательства и усилении карательной политики государства.

22 июня 1941 г. Политбюро был утвержден блок важных нормативно-правовых актов, регулировавших переход страны на военное положение. Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. потребовала вести беспощадную борьбу с дезорганизаторами тыла, дезертирами и паникерами[1]. Далее эта тенденция усилилась в сталинской законодательной и правоприменительной практике. Характерна закономерность — чем хуже шли у нас дела на фронте, тем более жестокой, драконовской была правоприменительная политика, тем более строгие карательные меры к армии и обществу принимало советское Правительство. Репрессии и страх репрессий являлись главным инструментом сталинской машины государственного управления в 1941—1942 гг. Видимо, вождь помнил указание Н. Макиавелли: «Государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости»[2].

Так, 6 июля 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу населения». 16 июля того же года ГКО было утверждено постановление № 169 «О борьбе с трусами, паникерами и дезертирами Красной Армии»[3]. На основании этого нормативно-правового акта по решению военного трибунала было расстреляно руководство нашего Западного фронта во главе с генералом Д. Павловым. Через день, 17 июля ГКО принял постановление «О преобразовании органов 3-го управления в особые отделы с правами ареста дезертиров, расстрела на месте, создания вооруженных отрядов из войск НКВД». Особое значение в этом плане сыграл приказ Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г. «О случаях трусости и сдачи в плен и мерах по пресечению таких действий»[4]. Всем известен знаменитый приказ И. Сталина № 227 от 28 июля 1942 г., вошедший в историю как приказ «Ни шагу назад!». Эти и другие документы явили собой жестокую правду войны.

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 6. С. 17—19.

[2] *Макиавелли Н.* Государь. С. 49.

[3] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 95.

[4] Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. М., 1998. Кн. 1. С. 503—504.

Создание атмосферы страха и уголовного преследования Сталин считал лучшим средством укрепления порядка и дисциплины в армии, государственном аппарате и обществе.

Близок к данному принципу и принцип контроля над армией со стороны политической власти. Государственный Комитет Обороны руководил действующей Красной Армией через Ставку Верховного Главнокомандования. Контроль же осуществлял через различные структуры — Главное политическое управление РККА (Л. Мехлис, с 1942 г. А. Щербаков), наркомат государственного контроля (Л. Мехлис), Комитет партийного контроля (А. Андреев), Прокуратуру СССР, Военную коллегию Верховного суда СССР и другие инстанции.

Советская система была немыслима без гипертрофированного внимания к контролю сверхувниз и информации снизувверх. Под чьим только контролем не приходилось действовать на фронте командиру Красной Армии. Это и военные советы, политические управления и отделы, военные комиссары (позднее замполиты). Он контролировался полномочными представителями Ставки ВГК и Генерального штаба и особенно военной контрразведкой «Смерш» («Смерть шпионам»).

Контрольно-карательные органы работали ежесуточно, и буквально каждый военнослужащий на фронте и в тылу подвергался контролю и проверке со стороны недремлющего ока «особых отделов». Подозревались практически все — и красноармейцы, и генералы. Контролируя военнослужащих, эти органы часто методами угроз заставляли их выполнять боевые задачи. Перед бойцом на передовой стояла дилемма: или быть убитым немцами в бою и стать героем (семья будет получать небольшое ежемесячное денежное пособие), или при бегстве с поля боя быть расстрелянным органами НКВД и слыть трусом (семья будет подвергнута репрессиям). Выбирался первый вариант.

Об атмосфере этого времени, особенно в первый период войны свидетельствует донесение И. Сталину командующего 43-й армии К. Голубцова. В документе, в частности, говорится: «Армия пере стала бежать и около 20 суток бьет морду противнику... Пришлось в гуще боя человек 30 расстрелять, кого надо — обласкать... Просьба: перестать применять ко мне, как к командующему, политику кнута, как

это имело место в первые пять дней. На второй день по приезде меня обещали расстрелять, на третий день отдать под суд, на четвертый обещали расстрелять перед строем армии»[1].

Как отдельный принцип государственного управления в военные годы можно рассматривать сочетание строгой централизации и децентрализации. При акцентировании внимания на централизации руководства в то же время начиная со второй половины войны шел как бы обратный процесс — некоторая децентрализация управления. В первый период войны данное явление проявило себя как тенденция, став принципом управления в 1943—1945 гг. Опыт показал, что было очень трудно добиться детального управления территориями и наркоматами только через центральные органы. Обстановка требовала усиления самостоятельности отраслевых и местных органов управления, расширения прав их структур и должностных лиц. Полностью лишить инициативы генералитет и директорский корпус в условиях войны было нельзя. Поэтому процесс частичной децентрализации государственного управления стал развиваться начиная с весны 1942 г. Но это сочетание централизации и децентрализации контролировалось Москвой.

Исключительно важным в процессе перестройки и деятельности системы государственной власти в период войны был принцип партийного руководства. В предвоенное время партийное руководство государством и обществом было закреплено Конституцией 1936 г. (ст. 126). И, тем не менее, руководящая деятельность таких партийных структур, как Политбюро, Секретариат и Оргбюро ЦК, носила неконституционный характер, поскольку их властные полномочия на законодательном уровне нигде не были отрегулированы.

С началом войны действие данного принципа претерпело значительные изменения. Экстремальные военные условия заставили Сталина и его окружение пересмотреть свои взгляды на роль и место партии в политической системе общества и на действие принципа руководящей роли партии. Хотя трансформация этих взглядов началась у советской партийно-хозяйственной верхушки еще в 30-е годы.

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. М., 1970. Т. 5. Кн. 1 (1938—1945 гг.).

Действовал ли принцип партийного руководства в годы минувшей войны? Однозначно ответить нельзя. В современной научной литературе существует несколько точек зрения на данную проблему.

Первая — традиционная точка зрения советской историко-партийной науки, утверждавшая, что ВКП(б) и Политбюро ЦК, в частности, в годы минувшей войны, как и прежде, являлись руководящей и направляющей силой советского государства и общества, организатором и вдохновителем победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Сторонники второй точки зрения заявляют, что перед войной после «чистки партии» и «большого террора» 1937—1938 гг. Политбюро уже не играло в политическом управлении страной прежней руководящей роли. Центр власти перешел к государственному органу — Совнаркому. Это стало особенно ясно, когда советское Правительство в мае 1941 г. возглавил И.В. Сталин[1]. Такая тенденция еще более усилилась с нападением нацистской Германии на Советский Союз. С образованием ГКО партия была оттеснена от власти окончательно, поскольку мешала Сталину управлять страной. Причем сделал это сам вождь, который давно стремился упрочить государственное начало в политической системе общества и создать сильное государство. «Восстановление государственности неизбежно означало определенное оттеснение партии, которая ранее была всеопределяющим средоточием власти»[2]. По мнению сторонников этой позиции, власть в войну была не в руках коллективного Политбюро, а в руках Сталина и возглавляемого им ГКО.

Третья точка зрения противоположна предыдущей и основывается на том, что созданный в начале войны Государственный Комитет Обороны был в известной степени ширмой, прикрывающей доминирующую роль Политбюро и ЦК правящей Коммунистической партии, которая в военные годы осуществляла свою политику через ГКО, Совнарком, Ставку и другие органы управления. Сторонники этой позиции считают, что вся деятельность ГКО, созданного по реше-

---

[1] *Хлевнюк О.В.* Политбюро и механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 266.

[2] *Кожинов В.В.* Россия. Век XX. 1939—1964. М., 2002. С. 87.

нию Политбюро, осуществлялась под влиянием Политбюро[1]. Именно ВКП(б), по их мнению, в период минувшей войны взяла на себя величайшую ответственность за судьбу Отечества[2].

Четвертый подход к проблеме — консервативный. Ряд авторов считают, что ГКО и Политбюро ЦК партии в военные годы — это один и тот же по характеру политический институт, поскольку в сущности власти ничего не изменилось. Просто ГКО стал на какое-то время сокращенным вариантом Политбюро. ГКО в отличие от Политбюро не мешал Сталину принимать решения единолично, но разделял с ним ответственность за их последствия. Не нуждаясь больше в партийной коллегиальности, вождь ввел в состав ГКО наиболее послушных ему членов и кандидатов в члены Политбюро — В. Молотова, К. Ворошилова, Г. Маленкова, Л. Берию[3].

Пятая точка зрения заключается в том, что предвоенный период и особенно в начале войны произошло полное огосударствление ВКП(б) и ее персонификация в лице вождя. Партийная и государственная власть перешла лично к Сталину, который больше позиционировал себя как руководитель ГКО и Совнаркома. Право выступать от имени партии и правительства узурпировали вождь и его команда. Подавляющее большинство членов партии стали просто статистами, никак не влияющими на ее курс[4]. Более того, считают сторонники этой позиции, в военное время не только ЦК, но и Политбюро фактически перестало существовать. За всю войну Политбюро в полном составе ни разу не собиралось, пленум ЦК состоялся всего один раз — в 1944 г., решая второстепенные вопросы. Власть сконцентрировалась, таким образом, не в Политбюро и не в ГКО, а лично в руках И. Сталина, его Секретариата и Особого сектора, т.е. «внутреннего кабинета» вождя[5].

---

[1] *Горьков Ю.А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941—1945): Цифры, документы. М., 2002. С. 47.

[2] *Кондакова Н.И.* Война, государство, общество. 1941—1945. М., 2002. С. 58.

[3] *Медведев Ж., Медведев Р.* Неизвестный Сталин. М., 2002. С. 306

[4] *Мерцалов А., Мерцалова Л.* Сталинизм и война. М., 1998. С. 319

[5] *Авторханов А.* Технология власти. М., 1991. С. 353

Существует точка зрения, согласно которой реальная власть в стране накануне и в годы войны принадлежала в большей степени не партийной и не легитимной государственной власти, а политической полиции — органам НКВД-НКГБ (ранее ГПУ), за которыми стоял Сталин. Об этом говорил видный советский ученый В. Вернадский, живший в то время и наблюдавший политическую систему СССР. В. Вернадский в своем военном дневнике пишет: «1. ...настоящая власть — Центральный Комитет и даже диктатура Сталина... 2. Государство в государстве, власть реальная — ГПУ и его долголетних превращений. Это — нарост, гангрена, разъедающая партию, но без нее не может она в реальной жизни обойтись. В результате — мильоны заключенных-рабов, в том числе... и цвет нации, и цвет партии, которые создали ее победу в междоусобной войне... 4. Истребление ГПУ и партией своей интеллигенции...» Октябрь 41-го: «ясно для всех проявляется слабость вождей нашей армии...»[1].

Анализ изложенных точек зрения показывает неоднозначность отношения к принципу партийного руководства в военное время. Налицо была тенденция «раздвоения» и «огосударствления» партийной власти и снижения роли и места ВКП(б) в политической системе обществе. Реальный центр власти с началом боевых действий переместился от Политбюро к коллективному ГКО, а от него лично к И. Сталину и его «внутреннему кабинету».

На наш взгляд, принцип партийного руководства органами государственного управления и его аппаратом с началом войны продолжал действовать, но он действовал в видоизмененной форме и в ограниченном масштабе. ВКП(б) по-прежнему занимала в политической системе общества одно из самых ведущих мест.

Принцип партийного руководства нес в себе и положительный заряд. Действие этого принципа, выражавшееся в монопольном положении в системе власти одной партии, объективно способствовало концентрации административных, политических и иных полномочий в одном руководящем центре, сохранению в руках госпартаппарата управленческих функций, что, несомненно, помогло властям обеспечить надежную управляемость армией и страной в военное время.

---

[1] История Отечества: Люди, идеи, решения. М., 1991. С. 274.

Таким образом, в начале Великой Отечественной войны проявили себя и были востребованы властью ряд важнейших принципов государственного управления. Как руководящие начала, определяющие сущность всей управляющей системы страны, эти принципы, воздействуя как на государственный аппарат, так и на общество, легли в основу успешной перестройки и функционирования власти в военное время. Крайняя централизация управления во всех сферах государственной и общественной жизни была вызвана объективными условиями.

СОЗДАНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОРГАНОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

С началом Великой Отечественной войны главной задачей органов власти и государственного управления была задача скорейшего перехода государства и общества на режим военного времени. Важнейшим путем этого перехода была перестройка системы власти и государственного управления в соответствии с требованиями войны, т.е. кардинальное изменение структуры, содержания и функций государственного и партийного аппарата. Безусловно, это был коренной и довольно неожиданный поворот в деятельности государственной власти, ее переориентация с мирной работы на военную.

Особенностью государственного управления военного времени являлось то, что если в довоенный период в СССР программные цели и задачи развития страны ставились на партийных съездах и пленумах, то теперь они стали определяться в постановлениях ГКО, директивах, приказах и речах первого лица государства и партии.

В предвоенный период система органов государственной власти и управления строилась на основе сталинской Конституции СССР, принятой в 1936 г. Основным законом утверждалось существование советского государства не как переходной фазы к коммунизму, о чем в свое время говорил В.И. Ленин, а как динамично развивающейся советской державы, вставшей на путь строительства социализма и коммунизма. Государственность и державность — это была одна из главных идей И. Сталина, заложенная в основу новой Конституции.

Согласно ст. 30 Конституции СССР высшим органом государственной власти Советского Союза являлся Верховный Совет СССР, состоявший из двух палат: Совета Союзов и Совета Национальностей,

которым по Конституции принадлежала высшая законодательная власть в стране. Верховный Совет СССР избирался тайным всенародным голосованием сроком на 4 года, т.е. внешне вполне демократическим путем. Другое дело, что все кандидаты в депутаты подбирались, отбирались и утверждались партийными комитетами по соответствующей квоте, исходившей из центра.

В период между сессиями Верховного Совета высшим органом власти являлся его Президиум, избиравшийся на совместном заседании обеих палат. Полномочия Президиума были весьма широкими. Он созывал сессии Верховного Совета, издавал указы, назначал наркомов СССР, награждал орденами, назначал и снимал высшее командование Вооруженных Сил, объявлял состояние войны, общую и частичную мобилизацию, ратифицировал международные договоры, давал толкование законов. В канун войны и в годы войны председателем Президиума Верховного Совета СССР был М.И. Калинин, председателем Совета Союзов — А.А. Андреев, председателем Совета Национальностей — Н.М. Шверник.

Исполнительная власть принадлежала Правительству страны в лице Совета Народных Комиссаров СССР. Правительство СССР, согласно Конституции (ст. 64), являлось высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти. Оно обладало большими властными полномочиями и фактически управляло государством, выступая главным административным органом. И. Сталин лично вписал в Конституцию распорядительную функцию в правовой статус Правительства. Не случайно с приходом большевиков к власти В.И. Ленин возглавил именно Совнарком, а не ВЦИК, оставаясь признанным лидером большевистской партии.

В мае 1941 г. на место В.М. Молотова, как председателя Совнаркома СССР, был назначен Политическим бюро ЦК вождь партии и народа И.В. Сталин, став председателем советского Правительства. Этим самым произошло окончательное фактическое и формальное слияние высшей партийной и государственной власти.

Аналогично высшим органам власти в стране строилась система органов власти и управления в союзных и автономных республиках. На уровне края — области функционировали краевые и областные Советы депутатов трудящихся; в районах — районные Советы. Они являлись местными органами государственной власти и управления. О местном самоуправлении в то время не могло идти и речи.

Исполнительными и распорядительными органами местных Советов были утверждаемые ими исполкомы. Но они были только формально подотчетны избравшему их Совету, а фактически подчинялись исполнительному органу вышестоящего Совета и местному партийному комитету. То есть райисполком был подотчетен своему райкому партии и вышестоящему облисполкому.

Для политической системы и структуры государственного управления СССР того времени было характерно наличие жесткой вертикали исполнительной власти. В стране существовала сильная централизованная государственная власть, характерная для любого тоталитарного государства. Без жесткой властной вертикали большевики не могли бы управлять страной. Партия авторитарного типа генерировала только адекватные методы правления.

Следует особо отметить, что Конституция СССР 1936 г., законодательно закрепив 126-й статьей руководящую роль ВКП(б) в государстве и обществе, по сути, отодвигала конституционные законодательные и исполнительные органы власти на вторые роли. Основной закон заявлял, что ВКП(б) представляет собой «...руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных».

В соответствие с этим вся деятельность законодательных, исполнительных и судебных органов власти находилась под жестким и неослабным контролем партии. В ходе законодательной и исполнительно-распорядительной деятельности Советов разных уровней именно партийные директивы были определяющими.

Монополия на власть и идеологию одной партии свидетельствовала о наличии в СССР накануне войны тоталитарного политического режима. Но официально Советский Союз декларировался как «первое в мире государство рабочих и крестьян», основанное на принципах «социалистической демократии», а именно демократии для трудящихся.

Реальный центр власти в Советском Союзе в предвоенный период находился в высшем партийном органе — Политбюро, а по сути, — в руках первого лица в партии и правительстве — И.В. Сталина и его окружения. Модель управления, зафиксированная Конституцией 1936 г., не меняла природу Советского государства и принципы его организации. Система власти обслуживала задачи управления страной в преддверии войны, что вело к усилению централизации управления, административно-директивного способа решения проблем.

Война явилась серьезным экзаменом для советской системы государственного управления и советской государственности. С нападением нацистской Германии стало ясно, что созданная И. Сталиным политическая система и ее государственный аппарат, несмотря на их военно-мобилизационный характер, оказались неготовыми к большой войне. Структура государственной власти не соответствовала требованиям современной войны. Система государственного управления сразу оказалась в кризисном состоянии. Требовалась перестройка системы и структуры власти как основного механизма превращения государства и общества в единый военный лагерь.

Сложный и непредсказуемый характер первых дней войны, а также недостаточность и неэффективность принятых Политбюро ЦК первых военно-политических решений и действий обусловили создание новых органов власти — чрезвычайных. В той экстремальный ситуации был востребован опыт «чрезвычайщины», широко применявшийся большевиками в годы Гражданской войны в России. Этот опыт был хорошо знаком И. Сталину — бывшему представителю Совета Рабоче-Крестьянской Обороны и комиссару ряда фронтов Гражданской войны.

Термин «чрезвычайный» означает исключительный, очень большой, превосходящий все; специально для чего-нибудь предназначенный, не предусмотренный обычным ходом дел[1]. В масштабе государства режим чрезвычайности, как правило, предполагает введение на основе чрезвычайного законодательства чрезвычайного положения в стране. Чрезвычайное законодательство — это блок законов, принимаемых на случай войны или военной опасности и предоставляющих главе государства особые полномочия, выходящие за конституционные рамки. Чрезвычайное положение — это режим, вводимый в стране при особых обстоятельствах (характерный пример — война) на срок их действия. При этом вводится особый правовой режим, ограничивающий права и свободы граждан и предоставляющий властным и прежде всего силовым структурам специальные, по сути, неограниченные полномочия.

В 1941 г. переход к чрезвычайной системе управления был центральным направлением и принципом перестройки всего государственного аппарата СССР. Время показало, что иного пути реорганизации

---

[1] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1978. С. 814.

системы государственного управления в начале той войны не существовало. Центральной властью было принято принципиально верное решение.

Первый и главный признак чрезвычайности государственного управления вообще, т.е. для всех стран,— это создание системы новых, особых государственных органов, функционирующих не на конституционной нормативно-правовой базе, а на чрезвычайной.

У Советского Союза в период Великой Отечественной войны проявились свои особенности чрезвычайного управления, которые заключались в следующем.

Во-первых, в Конституции и других нормативно-правовых актах СССР чрезвычайные органы государственного управления на случай войны не были предусмотрены. Это не говорит о слабости нашего Основного закона. Дело в том, что И. Сталин и советское руководство никак не ожидали такого неудачного для нас начала войны. Да и в международном конституционном праве того времени не наблюдалось подобный практики. Поэтому в довоенный период Кремль не планировал создание каких-то новых органов власти, специально предназначенных для военных условий. Война заставила приступить к формированию системы чрезвычайных органов управления армией и страной. Государственный Комитет Обороны создавался срочно и во многом спонтанно по ходу войны, так сказать, в неплановом порядке.

Во-вторых, чрезвычайность у нас вовсе не исключала конституционную основу государственного управления, а сочеталась с ней. В войну не были упразднены, а продолжали функционировать конституционные органы власти как в центре, так и, особенно, на местах. В далеком советском тылу вообще не создавались чрезвычайные органы власти. Действующие конституционные органы страны (например, Совнарком, Советы всех уровней) максимально централизованные и милитаризованные во время войны, работали в чрезвычайных условиях, выполняли чрезвычайные функции, применяли чрезвычайные методы и добивались чрезвычайных результатов.

В-третьих, чрезвычайные органы власти состояли из представителей конституционных органов, ресурсами и исполнительно-техническим аппаратом которых претворялись в жизнь решения чрезвычайных структур. Члены чрезвычайных органов управления одновременно исполняли прежние, довоенные партийно-государ-

ственные и хозяйственные должности и новые, на которые они были назначены Сталиным и ГКО в дни войны.

В-четвертых, полномочия чрезвычайных органов, созданных в начале и в ходе войны, были, как правило, выше, чем у конституционных органов власти и управления. Государственному Комитету Обороны принадлежала вся полнота государственной, партийной и военной власти в стране. Этот орган связал в единый узел все нити управления государством, подчинив их единой цели — организации борьбы с агрессором.

Пятая особенность заключалась в том, что чрезвычайный характер был придан всем ветвям и звеньям управленческой системы страны — советским, партийным, хозяйственным, профсоюзным, комсомольским органам и организациям, причем как по вертикали, так и по горизонтали властных отношений.

В целом, создание в начале войны системы чрезвычайных органов власти было широкомасштабной политико-административной реформой, направленной на повышение эффективности государственного управления в особых военных условиях. Какой-то специальной, а тем более заранее подготовленной программы реформирования государственных органов, как показывает исследование, у сталинского Правительства не существовало.

Цель и задачи административной перестройки, основные ее мероприятия, сам темп реформирования определялись одним фактором — войной. Войной определялись и ожидаемые результаты. Критерий эффективности перестройки государственной власти был также предельно ясен — растущее военное производство в советском тылу, боеспособная массовая армия на фронте, морально-политическое единство фронта и тыла и, как следствие, победы над врагом на фронтах Великой Отечественной войны.

Главным итогом перестройки системы власти и управления в СССР с началом войны стало создание над довоенной структурой власти, которая сохранялась и функционировала, полномочного чрезвычайного государственного органа — ГКО.

Анализ проблемы показывает, что конституционные органы центральной власти — Верховный Совет СССР (председатель Президиума — М.И. Калинин) и Совет Народных Комиссаров СССР (председатель И.В. Сталин), высшие партийные органы — Полит-

бюро, Секретариат и Оргбюро ЦК ВКП(б) (Генеральный секретарь И.В. Сталин) претерпели с началом войны четыре важных изменения:

во-первых, все они были политически и административно подчинены Государственному Комитету Обороны;

во-вторых, их функции и полномочия начали быстро эволюционировать в соответствии с требованиями военного времени — главными вопросами в их деятельности стали военные;

в-третьих, изменились и стали еще более административно-командными стиль и методы их работы;

в-четвертых, заметно снизилась интенсивность работы таких высших органов власти, как ЦК ВКП(б) и, особенно, Верховный Совет СССР, поскольку центр политической власти переместился в Государственный Комитет Обороны.

Первым по времени среди чрезвычайных структур СССР был образован орган стратегического военного управления. С началом военных действий перед политическим руководством остро встал вопрос о создании высшего полномочного коллективного органа стратегического руководства войсками, который обладал бы распорядительными, координационными и контрольными функциями. Это была Ставка Главного Командования, учрежденная в качестве штаб-квартиры высшего военно-политического руководства страны уже на второй день войны. Генеральный штаб стал рабочим инструментом Ставки.

Утром 23 июня, рассмотрев и скорректировав проект, привезенный Тимошенко и Жуковым, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление № 99 «О Ставке Главного Командования вооруженных сил Союза ССР»[1], которое затем было оформлено соответствующим совместным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б). Этот документ гласил: «Создать Ставку Главного Командования Вооруженных сил Союза ССР в составе тт.: Наркома обороны Маршала Тимошенко (председатель), начальника Генштаба Жукова, Сталина, Молотова, Маршала Ворошилова, Маршала Буденного и Наркома Военно-Морского Флота адмирала Кузнецова»[2].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 23.

[2] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. С. 294.

Трудно сказать, были ли в предвоенный период у Сталина намерения образовать Ставку. Отсутствие в предвоенных мобпланах этого органа говорит о военно-стратегическом просчете Сталина. До войны существовал некий ее аналог, хотя и с гораздо скромными полномочиями — Главный военный совет РККА (председатель — К.Е. Ворошилов). Такой же совет был создан при Наркомате ВМФ. В связи с образованием Ставки Главного Командования эти советы 23 июня 1941 г. были упразднены[1]. Сталину в войну нужны были не коллегиальные советы, а единоличный централизованный орган управления войсками. С началом войны вождь обратился к опыту императорской России периода Первой мировой войны, когда вполне успешно функционировала Ставка Верховного Главнокомандования во главе (с 1915 г.) с императором Николаем Вторым.

Ставку образца 1941 г. по предложению И. Сталина возглавил нарком обороны С. Тимошенко. Г. Жуков в своих воспоминаниях пишет: «Следовало бы принять наш проект, в котором предусматривалось назначение Главнокомандующим И.В. Сталина. Ведь при существовавшем тогда порядке так или иначе без И.В. Сталина нарком С.К. Тимошенко самостоятельно не мог принимать принципиальных решений. Получилось два главнокомандующих: нарком С.К. Тимошенко — юридический, в соответствии с постановлением, и И.В. Сталин — фактический. Это усложняло работу по управлению войсками и неизбежно приводило к излишней трате времени на выработку решений и отдачу распоряжений. Предлагали мы также в состав Ставки включить первого заместителя начальника Генерального штаба Н.Ф. Ватутина. Но И.В. Сталин не согласился»[2].

Почему И. Сталин не встал во главе Ставки Главного Командования и не взял на себя полномочия Главнокомандующего в самом начале войны? В исторической литературе высказываются различные версии на этот счет, из которых основных две.

Первая — уже на второй день военных действий вождь, даже в условиях отсутствия информации с фронтов, благодаря своей политической интуиции понял, что война будет развиваться по непред-

---

[1] *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения (1917—1991 гг.). М., 1995. С. 316.

[2] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 2 т. М., 2002. С. 312.

сказуемому для него сценарию. Так, 23 июня 1941 г. при обсуждении вопроса о создании Ставки ГК И. Сталин из своего кремлевского кабинета попытался связаться по телефону с командующими фронтами и выяснить, что в данный момент происходит у наших западных границ. Но его попытка оказалась безуспешной. Вождь понял: потеря связи и управления войсками грозит развалом фронта[1].

В этих условиях брать всю ответственность на себя за неудачное начало войны Сталин не хотел. Его действия были по-своему логичны: назначением Тимошенко на пост главы Ставки ГК он снимал с себя ответственность за неудачное начало войны. Молотова, как наркома иностранных дел, который в 1939 г. подписал Пакт о ненападении с Германией, вождь «назначил» ответственным за провал советской дипломатии, поручив именно ему выступить перед народом по радио в самый трудный день — день начала войны[2].

Вторая версия — И. Сталин и его политическое окружение в условиях полного отсутствия информации о событиях на фронте утром 23 июня не владели обстановкой и по-прежнему считали, что в ходе приграничных сражений враг будет остановлен, разбит и военные действия будут развиваться по плану нашего Генерального штаба и согласно сталинскому сценарию. В этих условиях, по мысли вождя, когда война будет решительной и скоротечной, нет необходимости объединять политическое и военное руководство. Вся ответственность за ведение и, главное, результаты боевых действий будет при этом лежать на военном командовании, а общее руководство, контроль и оценка военных итогов — это прерогатива Политбюро ЦК во главе со Сталиным. Думается, эта версия ближе к истине.

10 июля 1941 г., когда обстановка на фронте еще более обострилась и началось сражение за Смоленск, решением ГКО Ставка Главного Командования была упразднена и создана Ставка Верховного Командования под председательством самого И.В. Сталина[3]. Постановление ГКО № 83 сс от 10 июля 1941 г. гласило: ...«Ставку Глав-

---

[1] *Александров А.А.* Битва Ставок: Великое противостояние. 1941—1945. М., 2003. С. 24.

[2] *Залесский С.* Если бы у вождя заболел зуб // Аргументы и Факты. 2001. № 25. С. 14.

[3] РГАСПИ. Ф.644. Оп.2. Д.3. Л. 23—26.

ного Командования преобразовать в Ставку Верховного Командования и определить ее состав: Председателя Государственного Комитета Обороны т. Сталина, Заместителя Председателя Государственного Комитета Обороны т. Молотова, Маршалов Тимошенко, Буденного, Ворошилова, Шапошникова, Начальника Генштаба генерала армии Жукова. Председатель ГКО Сталин».

8 августа 1941 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) № 319, а затем постановлением ГКО Ставка Верховного Командования была преобразована в Ставку Верховного Главнокомандования[1]. С предложением о создании Ставки ВГК вышли на Политбюро Г. Маленков и Л. Берия[2]. Скорее всего, это было так, но сделали они это с согласия и по инициативе вождя. В тот же день совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О Верховном Главнокомандующем» И.В. Сталин был назначен на пост Верховного Главнокомандующего. В документе говорилось:

«1. Назначить Председателя Государственного Комитета Обороны и Народного Комиссара Обороны тов. Сталина И.В. Верховным Главнокомандующим всех войск Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота.

2. Впредь все приказы Ставки Верховного Главнокомандования должны иметь подписи: «Верховный Главнокомандующий И. Сталин, Начальник Генерального Штаба Б. Шапошников»[3].

Причины этой перемены позднее объяснил Г.К. Жуков: «Сталин ежечасно вмешивался в ход событий, по нескольку раз в день вызывал Главкома Тимошенко и меня в Кремль, страшно нервничал, бранился и всем этим дезорганизовывал и без того недостаточно организованную работу»[4]. В итоге Сталин принял решение самому быть не только фактическим, но и юридически назначенным Верховным Главнокомандующим. С этого момента вождь взял всю ответственность за ведение войны на себя и, таким образом, завершился процесс формирования чрезвычайного высшего военного органа страны. Генштаб РККА превратился в его рабочий инструмент.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 69.

[2] *Авторханов А.* Загадка смерти Сталина. М., 1992. С. 11.

[3] КПСС о Вооруженных силах Советского Союза. С. 308.

[4] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т.2 С. 72.

На протяжении войны в состав Ставки последовательно включались занимавшие пост начальника Генерального штаба Б.Шапошников, А.Василевский, А.Антонов. Последнее кадровое изменение Ставки произошло в конце войны — в феврале 1945 г., когда решением ГКО в нее были включены: И.Сталин, Г.Жуков, А.Василевский, А.Антонов, Н.Булганин, Н.Кузнецов. Политика В.Молотова и довоенных маршалов К.Ворошилова, С.Буденного и С.Тимошенко уже не было.

При Ставке был образован институт советников, который вскоре преобразовался в институт представителей Ставки на фронтах. Первыми представителями Ставки в первый день войны (когда Ставки официально еще не существовало) были назначены Сталиным маршалы Кулик и Шапошников, направленные на Западный фронт, и генерал армии Жуков, направленный на Юго-Западный фронт. Вождь вспомнил практику Гражданской войны. Ничего существенного эти поездки не дали.

Маршал авиации А. Голованов рассказывает, как осенью 1942 года Сталин послал его вместе с Маленковым и Жуковым представителями Ставки под Сталинград. «Полетели, долго искали командующего фронтом А.И.Еременко. Наконец нашли его и члена Военного совета Н.С.Хрущева в канализационной трубе. Жуков приказал доложить обстановку. «Провели артподготовку,— сказал Еременко,— начали наступление, взяли первую линию траншей, вторую...» «Где пленные?» — спросил Жуков. «Пленных расстреляли». «Где документы?» «Уничтожили».— «Врете!» — сказал Жуков»[1]. После этой поездки Сталин снял Еременко и Хрущева. Сталинградский фронт был переименован в Донской во главе с новым командующим — К.Рокоссовским.

Заняв должности наркома обороны (19 июля) и Верховного Главнокомандующего (8 августа), И. Сталин сосредоточил в своих руках абсолютную власть — и партийную, и государственную, и военную. Это был завершающий шаг на пути сверхцентрализации государственного управления страной и армией, на пути создания милитаризованной административно-командной системы.

---

[1] *Чуев Ф.И.* Солдаты империи: Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998. С. 314.

В нашей историографии существует мнение, что Ставка и ГКО — это был один и тот же властный орган. На наш взгляд, говорить о слиянии Ставки ВГК и Государственного Комитета Обороны[1] нет оснований. Это были функционально разные органы, хотя во главе их стоял один человек — И. Сталин. В Ставке была сосредоточена военная власть, в ГКО — военно-политическая. При этом ГКО руководил Ставкой и через нее — Вооруженными силами.

Таким образом, возникнув в начале войны как первый чрезвычайный государственный орган, Ставка ВГК во главе с И. Сталиным взяла на себя важнейшую функцию стратегического руководства Вооруженными силами страны. В ней была сосредоточена вся военная власть. Ставка была личным штабом Верховного Главнокомандующего, а Генеральный штаб — оперативной планирующей группой.

Спустя неделю после начала войны в условиях кризиса государственной власти советскому руководству стало окончательно ясно, что существующая система политической власти и государственного управления СССР не приспособлена для большой войны. Ее необходимо было срочно реорганизовывать, делать адекватной новым военным реалиям. Над Ставкой и другими государственными и партийными органами должна стоять какая-то новая мощная, авторитарная и авторитетная структура, которая имела бы надведомственный, интегративно-координирующий характер и обладала неограниченными полномочиями. Жизнь требовала появления «интегрального полководца».

Таким чрезвычайным центром, наделенным особыми полномочиями, стал Государственный Комитет Обороны. Его постановления и распоряжения, имевшие статус законов военного времени, были обязательны для всех. Это был главный субъект государственного управления государством, армией и обществом в военное время.

Утвердившийся в стране режим личной власти И. Сталина жестко регламентировал деятельность исполнительных органов власти, свел к простой формальности дееспособность Советов депутатов трудящихся, профсоюзных и других общественных организаций. И если в мирное время эта система, подгоняемая партийным аппара-

---

[1] *Мерцалов А., Мерцалова Л.* Сталинизм и война. М., 1998. С. 315.

том, функционировала, то с началом большой войны, по сути, наступил ее паралич. Для мобилизации всех сил и средств, превращения страны в единый военный лагерь требовались иные полномочные органы, способные действовать смело, оперативно и эффективно. В этом заключалась основная причина образования Государственного Комитета Обороны СССР.

Уже в первые дни войны политическое руководство увидело недостаточность предпринятых для отражения агрессии мер. Центральной власти необходимо было, прежде всего, решить проблему координации гражданских и военных сторон государственного управления. Очевидной становилась необходимость сосредоточения всей полноты власти в одних руках, где не было бы разделения на партийные, государственные и военные структуры, где быстро и авторитетно решались бы любые вопросы управления. Для того чтобы работа отельных ведомств и органов получила должную целенаправленность и эффективность, важным было постоянное руководство со стороны особого центра, наделенного чрезвычайными и самыми высокими полномочиями. Экстремальность обстановки требовала необычных подходов к реорганизации государственного механизма.

Существует мнение, что прообразом ГКО был созданный в годы гражданской войны Совет Рабочей и Крестьянской Обороны во главе с В.И. Лениным. Это в какой-то мере так. Большевистское руководство всегда сверяло свои действия с опытом Гражданской войны. Но чрезвычайные органы власти в двух этих войнах сильно различались, и прежде всего по правовому статусу, полномочиям и методам деятельности.

К примеру, Совет РКО тоже не был предусмотрен Конституцией РСФСР 1918 г.; он был образован постановлением ВЦИК от 30 ноября 1918 г. В Совет Обороны, состоявшего из девяти человек, входили представители высших партийно-советских органов, наркоматов и ведомств. Кстати сказать, от ВЦИКа в Совет РКО был делегирован И.В. Сталин. Членов Политбюро там было явное меньшинство. Опыт работы в Совете РКО вождь хорошо помнил и, надо полагать, он им воспользовался. Сфера полномочий Совета Обороны была достаточно строго регламентирована. Главной его особенностью было то, что он не заменял и не подменял собой партийные, правительственные и военные органы. Важнейшие вопросы обороны республики рассматривались тогда на Политбюро и пленумах ЦК, на партийных съез-

дах, которые проходили ежегодно, на заседаниях Совнаркома РСФСР. Совет РКО не являлся, таким образом, высшим органом власти в стране.

В годы Великой Отечественной войны пленумов ЦК ВКП(б) (за исключением одного — в январе 1944 г.), а тем более съездов партии не проводилось. Все кардинальные вопросы решались Государственным Комитетом Обороны.

Может создаться впечатление, что предтечей ГКО был предвоенный Комитет обороны. Это не так. В предвоенные годы постановлением ЦК ВКП(б) от 27 апреля 1937 г. вместо Совета труда и обороны «в целях объединения всех мероприятий и вопросов обороны СССР» был создан Комитет Обороны при Совете Народных Комиссаров[1]. В Комитет обороны входило семь человек: председатель Правительства В. Молотов (председатель Комитета), И. Сталин, Л. Каганович, К. Ворошилов, В. Чубарь, М. Рухимович и В. Межлаук.

Состав и структура Комитета постоянно менялись. При нем были образованы Главная инспекция, Военно-промышленная комиссия и другие органы. Комитет обороны руководил военной промышленностью — определял объем военных заказов и ведал распределением вооружений среди родов войск. Все небольшое время существования Комитета прошло в постоянных структурных реорганизациях. Бесконечное реформирование бюрократического аппарата диктовалось убежденностью Сталина в том, что ключ к решению любой проблемы — это создание оптимальной управляющей структуры. Причем, чем больше ведомств, тем надежнее. Следует согласиться с точкой зрения Л. Млечина, что в результате управляющие органы, занятые перманентной перестановкой стульев, практически вообще не работали[2].

Государственный Комитет Обороны и Комитет обороны образца 1937 г. различались по многим параметрам — и по политическому статусу и весу, и по полномочиям, и по составу, и по предназначению. Заметим, что Комитет обороны не являлся тогда самостоятельным органом государственного управления, он состоял при СНК СССР, который в конце 30-х годов возглавлял не Сталин, а Молотов.

---

[1] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. С. 268.

[2] *Млечин Л.М.* Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М., 2004. С. 323—324.

Интересны не только исторические корни, причины, но и обстоятельства возникновения в конце июня 1941 г. Государственного Комитета Обороны. Кто взял на себя инициативу создания ГКО и как он создавался? Наиболее полную информацию об истории образования этой структуры мы находим в мемуарах членов Политбюро ЦК А.И. Микояна и Н.С. Хрущева[1]. Стоит, прежде всего, воспроизвести фрагмент воспоминаний А. Микояна, как непосредственного участника тех событий.

Он вспоминал, что «через день-два» после бурной сцены в Наркомате обороны (29 июня.— *Прим. авт.*) ему позвонили от Молотова и попросили зайти. У Молотова, пишет автор, уже были Маленков, Ворошилов, Берия (Микоян пришел с Вознесенским). Берия заявил, что необходимо «создать Государственный Комитет Обороны, которому отдать всю полноту власти в стране... Договорились во главе ГКО поставить Сталина, об остальном составе ГКО при мне не говорили. Мы считали, что само имя Сталина настолько большая сила для сознания, чувств и веры народа, что это облегчит нам мобилизацию и руководство всеми военными действиями. Решили поехать к нему. Он был на ближней даче. Молотов, правда, сказал, что Сталин в последние два дня в такой прострации, что ничем не интересуется, не проявляет никакой инициативы, находится в плохом состоянии. Тогда Вознесенский, возмущенный всем услышанным, сказал: «Вячеслав, иди вперед, мы за тобой пойдем»,— т.е. в том смысле, что если Сталин будет так себя вести и дальше, то Молотов должен вести нас, и мы пойдем за ним. Другие члены Политбюро подобных высказываний не делали и на заявление Вознесенского не обратили внимания. У нас была уверенность в том, что мы сможем организовать оборону и сражаться по-настоящему. Однако это сделать будет не так легко. Никакого упаднического настроения у нас не было. Но Вознесенский был особенно возбужден.

Приехали на дачу к Сталину. Застали его в малой столовой, сидящим в кресле. Увидев нас, он как бы вжался в кресло и вопросительно посмотрел на нас. Потом спросил: «Зачем приехали?». Вид у него был настороженный, какой-то странный, не менее странным был

[1] *Микоян А.И.* Так было. С. 390—392; *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть: С. 301.

и заданный им вопрос. Ведь по сути дела он сам должен был нас созвать. У меня не было сомнений: он решил, что мы приехали его арестовать. Молотов от нашего имени сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы поставить страну на ноги. Для этого создать Государственный Комитет Обороны.

«Кто во главе?» — спросил Сталин. Когда Молотов ответил, что во главе — он, Сталин, тот посмотрел удивленно, никаких соображений не высказал. «Хорошо»,— говорит потом. Тогда Берия сказал, что нужно назначить пять членов Государственного Комитета Обороны. «Вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я» — добавил он».

В ответ на предложение Берии Сталин заметил: «Надо включить Микояна и Вознесенского. Всего семь человек утвердить». Берия снова говорит: «Товарищ Сталин, если все мы будем заниматься в ГКО, то кто же будет работать в Совнаркоме, и Госплане? Пусть Микоян и Вознесенский занимаются всей работой в правительстве и Госплане. Вознесенский поддержал предложение Сталина. Берия настаивал на своем... В конечном итоге было принято предложение Берии, которого поддержали Молотов, Ворошилов, Маленков. Впоследствии выяснилось, что до моего с Вознесенским прихода в кабинет Молотова Берия устроил так, что Молотов, Маленков, Ворошилов и он, Берия, согласовали между собой это предложение и поручили Берии внести его на рассмотрение Сталина.

Я считал спор неуместным. Зная, что и так как член Политбюро и правительства буду нести все равно большие обязанности, сказал: «Пусть в ГКО будет пять человек. Что же касается меня, то кроме тех функций, которые я исполняю, дайте мне обязанности военного времени в тех областях, в которых я сильнее других. Я прошу назначить меня особо уполномоченным ГКО со всеми правами члена ГКО в области снабжения фронта продовольствием, вещевым довольствием и горючим». Так и решили»[1]. Мемуары А. Микояна в большей степени, чем другие источники, проливают свет на процесс образования ГКО.

Н. Хрущев, говоря о создании этого органа, пишет со слов Л. Берии, поскольку в начале войны как секретарь ЦК КП(б)У находился

---

[1] *Микоян А.И.* Так было. С. 390—392.

на Украине. В целом, хронология событий и их оценки у обоих авторов совпадают. Но Хрущев заостряет оценочные моменты: «Когда Сталин увидел, что война развивается катастрофически, он отказался от руководства и, сев в машину, уехал на ближнюю дачу в Кунцево». Далее автор пишет, ссылаясь на воспоминания Л. Берии: «Мы (члены Политбюро.— *Прим. авт.*) остались. Что же делать дальше? ...Посовещались мы с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым... и решили поехать к Сталину, чтобы вернуть его к деятельности, использовать его имя и способности для организации обороны страны». Характерно, что Хрущев, как и Микоян, говорит о недееспособности вождя, о его испуге и о том, что, когда он пришел в себя, тут же был согласован состав ГКО, распределены обязанности по организации обороны[1].

Решение политической верхушки, собравшейся в Кунцево, о создании ГКО было оперативно оформлено как постановление Политбюро ЦК партии за № 163 «Об образовании Государственного Комитета Обороны»[2]. В тот же день, 30 июня 1941 г., совместным постановлением Президиума Верховного Совета, Совета Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) был официально образован чрезвычайный государственный орган — Государственный Комитет Обороны. 1 июля решение о создании ГКО во главе со Сталиным было опубликовано в открытой печати[3].

В небольшом по объему документе определялись цели, персональный состав, полномочия и функции этого органа. В советской историографии 60—80-х годов текст этого документа по идеологическим соображениям давался с купюрами[4]. В 90-е годы был обнародован оригинал[5]. Вот его содержание:

«Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора вра-

---

[1] *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Кн. 1. С. 301.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 38.

[3] Правда. 1941. 1 июля.

[4] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 6. С.20; КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. М., 1981. С. 299.

[5] Хрестоматия по отечественной истории (1914—1945 гг.). М., 1996. С. 516—517.

гу, вероломно напавшему на нашу Родину, Президиум Верховного Совета СССР, Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР признали необходимым:

1. Создать Государственный Комитет Обороны в составе:

т. Сталин И.В. (председатель)

т. Молотов В.М. (заместитель председателя)

т. Ворошилов К.Е.

т. Маленков Г.М.

т. Берия Л.П.

2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Обороны.

3. Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин

Председатель Совнаркома Союза ССР и Секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин».

Анализ мемуарной литературы и архивных источников, касающихся образования Государственного Комитета Обороны, заставляет обратить внимание, по крайней мере, на три момента: кто и почему выступил инициатором создания этого органа; какова была позиция Сталина по данному вопросу; какова оценка дискуссии, развернувшейся между Сталиным и приехавшей к нему группы по поводу персонального состава ГКО.

В исторической литературе нет сомнений в том, что инициатором создания этого чрезвычайного органа стал так называемый узкий состав Политбюро — В. Молотов, Л. Берия, Г. Маленков, К. Ворошилов. Можно сказать, что это было коллективное решение верхушки политической элиты страны. Почему эти люди пришли к такому решению — понятно. После военной катастрофы Западного фронта и падения Минска на карту была поставлена судьба советского государства. Да и терять свою личную власть в стране они не хотели. Но они не могли и не умели править без своего лидера. Сталинская политическая система была построена под вождя — Сталина. Поэтому все высшее руководство поехало к нему на дачу просить его возглавить новый полновластный орган. Временное самоотстранение Сталина от дел не позволило ему стать основателем ГКО. Но его место как председателя было законным и бесспорным.

Наиболее активную роль в формировании нового органа власти, как показывает анализ событий, сыграли Л. Берия Г. Маленков и В. Молотов. К. Ворошилова взяли в ГКО из-за его прошлых заслуг. А. Микоян и Н. Вознесенский были поставлены перед фактом. Л. Кагановича, М. Калинина и А. Андреева вообще не предупредили, хотя они были в Москве. Н. Хрущев находился на Украине, А. Жданов — в Ленинграде, но их не вызвали в столицу.

О роли, например, В. Молотова в деле организации ГКО говорит то обстоятельство, что в решающий момент узкий состав Политбюро собрался в его кабинете, где еще до прихода Микояна с Вознесенским обсудил правовой статус, функции ГКО и, главное, его кадровый состав. Когда Молотов заявил, что Сталин не проявляет никакой инициативы, Вознесенский, выражая, на наш взгляд, общее мнение собравшихся, высказал очень смелую, но политически опасную для тех времен мысль о том, что если Сталин не согласится возглавить ГКО, он может быть заменен Молотовым. И не столько потому, что Вячеслав Михайлович был безусловным авторитетом (авторитет номер один — Сталин), а ввиду того, что по чиновничьей иерархии он являлся тогда вторым лицом в партии и государстве. Эта фраза потом, уже после войны стоила головы Н. Вознесенскому.

Важно то, что по приезде делегации к Сталину именно Молотов начал с ним переговоры. Как человек и политик очень осторожный, осмотрительный и нерешительный тут Молотов проявил политическую смелость. Обстоятельства заставили его сделать этот отчаянный шаг. Он понимал, что надо что-то предпринимать, отступать дальше некуда, ибо дальше — крах.

Активнейшим участником создания Государственного Комитета Обороны был шеф НКВД Л. Берия. Неважно, что в постановлении при перечислении имен членов ГКО он назван последним. Его роль в образовании этой чрезвычайной структуры особая. Он, как нарком внутренних дел, лучше других знал истинное положение дел на фронте и в тылу. Руководитель тайной полиции как никто владел ситуацией. В условиях хаоса начала войны Л. Берия не растерялся, проявив исключительную активность по налаживанию работы государственной машины[1].

---

[1] *Топтыгин А.* Лаврентий Берия. Неизвестный маршал госбезопасности. М., 2005. С. 151.

Именно он объявил Микояну и Вознесенскому от имени собравшихся о необходимости создания чрезвычайного органа власти. Именно Берия сообщил Сталину и посмел отстоять в начавшемся споре персональный состав будущего Государственного Комитета Обороны — пять человек. Причем в его состав должна была войти и вошла вся инициативная группа по созданию этого органа. Н. Хрущев впоследствии вспоминал: «Во время войны Берия совсем обнаглел. Здесь Сталин утратил и контроль, и даже волю потерял в период нашего отступления, а Берия стал, так сказать, грозою партийных кадров»[1].

Большую роль в деле создания ГКО сыграл Г. Маленков — член «внутреннего кабинета» И. Сталина и один из его фаворитов. Как секретарь ЦК ВКП(б), он курировал работу партийного аппарата и кадровые процессы в партии. Георгий Максимилианович решительно поддержал идею создания Государственного Комитета Обороны и принял самое непосредственное участие в ее реализации в жизнь. Конечно, он своевременно доложил Сталину в Кунцево о плане создания ГКО и о подготовительной работе по образованию этого нового государственного органа.

На наш взгляд, именно эти два человека, наделенные огромной властью, проявив выдержку и решимость, в последние дни июня 1941 г. выправили, казалось бы, безнадежную ситуацию, найдя способ остановить прогрессирующий кризис государственного управления и предотвратить паралич власти.

А. Авторханов не без оснований пишет: «Когда под влиянием катастрофы на всех фронтах против немцев паника Сталина переросла в безнадежное отчаяние и он прямо признался, что гибель СССР уже предрешена, эти два человека проявили не только присутствие духа, но и колоссальные организаторские способности. Они восстановили оборону при помощи политической полиции (Берия) и партаппарата (Маленков)»[2].

Говоря о реакции И. Сталина на появление гостей и о его позиции в ходе обсуждения вопроса о создании нового властного органа, следует сказать, что его поведение в тот момент было неоднозначным. Ситуация для вождя была крайне неблагоприятной — фронты

---

[1] *Хрущев Н.* Лаврентий Берия: Конец карьеры. М., 1991. С. 247.

[2] *Авторханов А.* Загадка смерти Сталина. М., 1992. С. 11.

не сдерживали натиск противника, и приехавшее политическое окружение понимало, что его предвоенная политика потерпела фиаско. Политбюро имело право спросить со своего лидера об итогах его политической деятельности. Иосиф Виссарионович прекрасно понимал, что это кульминационный момент в его политической карьере. Речь шла о том, удержит он в своих руках государственную власть или нет. Потеря власти означала его физическую гибель.

Сталин боялся заговоров. Он опасался их на протяжении всей своей долгой политической карьеры. Эта опасность усилилась с началом войны. Вождь хорошо помнил слова Н. Макиавелли: «...единственное, чего следует опасаться,— это тайные заговоры. Главное средство против них — не навлекать на себя ненависти и презрения подданных и быть угодным народу. Из всех способов предотвратить заговор самый верный — не быть ненавистным народу. Ведь заговорщик всегда рассчитывает на то, что убийством государя угодит народу; если же он знает, что возмутит народ, у него не хватит духа пойти на такое дело...»[1]. Поэтому Сталин так заботился о своем политическом имидже в глазах народа. Усилиями массированной пропаганды значительной частью советских людей он воспринимался как вождь, как учитель, как отец нации. Это был культ личности. Но была и личность.

По воспоминаниям Н. Хрущева и А. Микояна, он якобы испугался приехавших, предполагая, что они его арестуют за бездействие власти. Вряд ли это соответствует истине. Авторы мемуаров, заинтересованные в тенденциозной подаче материала, в данном случае явно преувеличивают. У И. Сталина была хорошо налаженная система секретной агентурной информации, действовавшая через его Секретариат и Особый сектор — службу личной политической полиции вождя. Особый сектор, подчиненный Н. Власику, внимательно следил за действиями всех высших должностных лиц. Да и А. Поскребышев не дремал.

Важнейшая функция Особого сектора заключалась не столько в охране членов Политбюро и правительства, сколько в том, чтобы охранять самого Сталина от потенциального заговора с их стороны. Поэтому «руководители партии и правительства» не только были

---

[1] *Макиавелли Н.* Государь. М., 1990. С. 55.

лишены права подбирать себе личную охрану, но даже их прислуга, врачи, садовники, парикмахеры назначались Особым сектором. У этой структуры была своя сеть и на местах — спецсекторы обкомов, крайкомов и ЦК республик. Начальники спецсекторов назначались непосредственно Особым сектором ЦК и подчинялись, и то формально, только первым секретарям названных комитетов[1].

О потенциальном, а тем более реальном заговоре в любом случае стало бы известно и тут же Поскребышевым и Власиком доложено вождю. Утечка информации все равно бы произошла. Поскольку, по словам Н. Макиавелли, «...заговорщик не может действовать в одиночку и не может сговориться ни с кем, кого полагает недовольными властью. Но, открывшись недовольному, ты тотчас даешь ему возможность стать одним из довольных, так как, выдав тебя, он может обеспечить себе всяческие блага. Таким образом, когда, с одной стороны, выгода явная, а с другой — сомнительная, и к тому же множество опасностей, то не выдаст тебя только такой сообщник, который является преданнейшим твоим другом или злейшим врагом государя»[2].

В характере И. Сталина было «поощрять доносы членов Политбюро и натравливать их друг на друга. Безопасность его личной диктатуры во многом основывалась на междоусобице партийных бояр. Пока бояре соревновались в любви в Сталину методами доносов, Сталин знал, что никакой заговор на верхах против него невозможен»[3]. Поэтому в Политбюро не существовало дружбы, дружеских связей, а были временные конъюнктурные политические союзы.

В высшем партийном органе не осталось «злейших врагов государя» — Сталина, поскольку все они были «вычищены» еще до войны во времена «большого террора». На политический олимп пришла его команда, состоявшая из выдвиженцев, бесконечно преданных ему. Поэтому никто и не думал отнимать у вождя власть или арестовывать его.

По словам А. Микояна и Н. Хрущева, И. Сталин не ожидал появления в Кунцево своих соратников. Но есть другая точка зрения, которая, по нашему мнению, больше соответствует истине,— он ожидал

---

[1] *Авторханов А.* Загадка смерти Сталина. С. 16.

[2] *Макиавелли Н.* Государь. С. 55.

[3] *Авторханов А.* Загадка смерти Сталина. С. 29.

и даже спровоцировал их появление своим двухдневным отсутствием в Кремле. Характерно то, что Сталин не удивился, когда приехавшие выступили с предложением образовать новый государственный орган по управлению делами армии, государства и общества. Скорее всего, он знал о цели их визита и о намерении создать новый государственный орган.

Он не стал дискутировать по поводу названия этого органа. Вождь сразу, без вопросов согласился с предложением приехавших создать ГКО и активно включился в составление текста официального документа об образовании этого органа. Из этого следует вывод, что Сталин уже знал о намерении членов Политбюро создать новый центр управления страной и армией.

Главным для И. Сталина был другой вопрос — предложат ли соратники ему пост председателя вновь образуемого государственного органа? Иначе, не вырвут ли они, пользуясь слабостью его положения, политическую власть из его рук? Получив такое предложение со стороны Молотова, Сталин, помедлив для солидности, согласился. Он не мог поступить иначе, ибо это означало бы конец его политической карьере, а в традициях того времени и жизни. Ведь Н. Вознесенский не случайно обмолвился, что в случае отказа Сталина они пойдут за «Вячеславом» (за Молотовым). И, видимо, об этом И. Сталин тоже знал — его личный секретарь А. Поскребышев, находясь в Кремле, оперативно по «ВЧ» информировал вождя обо всем, что происходит там.

Примечательно то, что сталинское предположение об увеличении числа членов ГКО до семи человек (за счет включения туда Микояна и Вознесенского) приехавшие соратники мягко, но решительно отклонили. Впервые за последние 10 лет Политбюро выступило против воли вождя. И он, опытнейший политик, отступил. Но уже через полгода, в феврале 1942 года, укрепив свои позиции и личную власть, И. Сталин включил предлагаемых им лиц в состав Государственного Комитета Обороны.

В исторической литературе существует мнение, что когда ряд членов Политбюро без ведома Сталина решили создать ГКО, то таким образом совершили своего рода «государственный переворот». Действительно, впервые после прихода Сталина к единоличной власти Политбюро стало выше вождя. Фактом создания ГКО оно продик-

товало свою волю Сталину, заставив его принять их решение[1]. Думается, вряд ли можно назвать это событие «переворотом». На деле в экстремальных условиях войны сталинские сподвижники, которых вождь в свое время вырастил и возвысил, сделав членами и кандидатами в члены Политбюро ЦК, пришли к своему учителю и верноподданнически попросили согласиться возглавить новый полномочный государственный орган. Они действовали, как всегда, по принципу: «Вождь впереди, а мы за ним».

Со стороны партийных соратников это было рациональное решение. Без нового чрезвычайного управленческого органа, возглавляемого признанным авторитетом — И. Сталиным, невозможно было руководить обществом и Вооруженными силами в ходе войны, нельзя было навести порядок в стране и, наконец, нельзя было сохранить свою власть. Перед лицом общей опасности война объединила и сцементировала советскую политическую элиту вокруг своего вождя. На время утихла подковерная борьба в Политбюро за место «под солнцем» — рядом с вождем.

Существует небезосновательное мнение, что идею ГКО не могли или не посмели бы придумать Г. Маленков и Л. Берия. Скорее всего, что именно эту идею обдумывал И. Сталин днем 29 июня, уединившись в Кунцево, и затем «подбросил» ее своим близким соратникам. Он отнюдь не бросил бразды государственного правления и не отказался от руководства страной 29—30 июня 1941 г. Близко к истине предположение, что вождь сам инициировал приезд и заявление Молотова, Маленкова и Берии, которые были в то время его доверенными лицами и близкими друзьями. Хотя друзей в полном смысле этого слова у вождя никогда не было.

Логика вещей подсказывает, что этот орган был необходим прежде всего И. Сталину. Чего добился вождь, инициировав и создав этот орган? Образовав ГКО, он, по существу, отстранил от руля руководства большую часть своих старых партийных соратников из числа членов Политбюро (Л. Кагановича, А. Андреева, М. Калинина). В условиях войны партийная коллегиальность ему только мешала. Таким образом, война существенно укрепила единоличную власть

---

[1] *Авторханов А.* Технология власти. М., 1991. С. 353.

вождя. Создание ГКО и формирование его кадрового состава — пример борьбы за власть и ее удержание на советском политическом олимпе. Схватка за власть внутри Политбюро ЦК партии шла всегда. Главным дирижером этой борьбы в предвоенное и военное время был И. Сталин. И, чувствуется, в данный момент он держал руку «на пульсе» событий.

Безусловно, «старая гвардия» — члены Политбюро Л. Каганович, М. Калинин и А. Андреев, которых даже не оповестили о создании нового высшего органа власти, были недовольны фактическим отстранением их от первых ролей в решении государственных дел. А. Микоян и Н. Вознесенский были явно обижены тем, что их коллеги по Политбюро, взяв их на переговоры со Сталиным, не предложили им войти в состав ГКО — новый полновластный орган, фактически пришедший на смену Политбюро.

Но Анастас Иванович, как опытный политик, все-таки «выторговал» себе должность «особо уполномоченного ГКО со всеми правами члена ГКО». В мемуарах чувствуется обида А. Микояна — он старый член Политбюро, а в ГКО вошли, опередив его, молодые кандидаты в члены Политбюро Берия и Маленков. Он понимал, что эти люди сейчас ближе к «телу» вождя, поэтому надо смириться и выжидать. Эта политика, и в ней главное — достижение нового уровня власти, несмотря ни на что.

Персональный состав ГКО показывает, что в этом органе была аккумулирована высшая политическая элита страны, державшая в своих руках все нити государственного управления. Кадровый состав Комитета, равно как и распределение функций, не были стабильными. Первоначально в состав этого органа входило пять человек. Это:

— И.В. Сталин (Председатель ГКО) — Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), Председатель Совета Народных Комиссаров СССР, с 10 июля Глава Ставки Верховного Командования, с 19 июля нарком обороны, с 8 августа Верховный Главнокомандующий и Глава Ставки ВГК;

— В.М. Молотов (заместитель Председателя ГКО) — член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель председателя СНК СССР, Нарком иностранных дел, член Ставки ВГК;

— К.Е. Ворошилов — член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель председателя СНК СССР, член Ставки ВГК, Главком войсками Северо-Западного направления;

— Г.М. Маленков — кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б), курировавший организационно-кадровые вопросы, заместитель Председателя СНК СССР;

— Л.П. Берия — кандидат в члены Политбюро, заместитель председателя СНК СССР, нарком внутренних дел, отвечавший за правопорядок и государственную безопасность в стране.

В дальнейшем состав ГКО менялся, и всего членами этого органа за время войны было девять человек. В феврале 1942 г. в него по предложению И. Сталина были введены три новых члена: А.И. Микоян — член Политбюро ЦК, заместитель председателя СНК СССР, руководивший вопросами снабжения РККА, Л.М. Каганович — член Политбюро ЦК, заместитель председателя СНК СССР, нарком путей сообщения и Н.А. Вознесенский — кандидат в члены Политбюро, первый заместитель председателя СНК СССР, председатель Госплана СССР, курировавший вопросы перебазирования и работы оборонной промышленности. В ноябре 1944 г. из состава ГКО был выведен К.Е. Ворошилов и включен Н.А. Булганин — член ЦК, член Ставки ВГК, заместитель наркома обороны СССР. В состав Государственного Комитета Обороны входили только очень близкие, доверенные И. Сталину люди, на которых он мог положиться.

Исходя из сказанного, в составе ГКО с июля 1941 г. по февраль 1942 находилось пять человек, а с февраля 1942 г. до конца Второй мировой войны — восемь. Заметим — в течение трех лет войны в ГКО было четное число членов, не характерное для коллегиальных структур. Формально ГКО являлся коллективным органом, в котором решение должно было приниматься большинством голосов, но фактически им руководил И. Сталин, и все голосования проходили единогласно (часто путем опроса).

Судя по кадровому составу ГКО, в руках этого органа концентрировалась вся высшая государственная, партийная, военная, чекистская и хозяйственная власть.

Таким образом, чрезвычайная военная обстановка потребовала создания чрезвычайного военно-политического центра, в руках которого аккумулировалась бы вся государственная власть. Им стал Государственный Комитет Обороны, в состав которого входила высшая партийно-политическая элита страны и который возглавлялся признанным и авторитетным лидером страны — И. Сталиным. Постановления и распоряжения ГКО, имевшие статус законов военного

времени, подлежали обязательному исполнению всеми государственными, партийными и военными органами, всеми гражданами СССР.

СТРУКТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

С образованием Государственного Комитета Обороны кардинально изменилась система власти и государственного управления в СССР.

Организационная структура пирамиды власти в Советском Союзе после 30 июня 1941 г. выглядела следующим образом. Во главе пирамиды государственной власти в стране стоял Государственный Комитет Обороны, руководимый И.В. Сталиным. Второй уровень власти составляли подведомственные ГКО центральные органы власти: Политбюро ЦК ВКП(б) и сам Центральный Комитет; Ставка Верховного Главнокомандования; Совет Народных Комиссаров СССР; Верховный Совет СССР. На этом же уровне находилась судебная ветвь власти — Верховный суд СССР и Прокуратура СССР. Третий — региональный (местный) уровень государственной власти представляли республиканские, краевые и областные комитеты ВКП(б), Советы депутатов трудящихся, а также недавно созданные в прифронтовых областях городские комитеты обороны.

Главной особенностью структурной перестройки системы власти был уход на второй план высшего партийного органа — Политбюро ЦК (как оказалось, временный — на период войны). Следует подчеркнуть, что это не означало абсолютную отмену принципа партийного руководства в структуре государственного управления, поскольку в состав ГКО входил так называемый узкий круг Политбюро. Поэтому люди, входившие в высшее партийное и государственное руководство страны до войны, остались у власти и с началом военных действий. По сути, менялось лишь название реального центра государственной власти и количественно сузился круг вождей государства.

С созданием ГКО произошло слияние этого нового органа и узкого состава Политбюро. Но в то же время это слияние было не равнозначным — образованный Политическим бюро Государственный Комитет Обороны фактически поглотил своего создателя, став главной структурой в системе власти. Но, с другой стороны, создание ГКО

придало фактическую легитимность решениям Политбюро, которые до сих пор, по сути, являлись юридически незаконными, так как не были конституированы.

Работа вновь созданного чрезвычайного органа не была регламентирована какими-либо нормативными документами. Не существовало Положения о структуре ГКО и порядке его работы, где бы определялись его цели, задачи и функции. В тот период просто не было времени его разрабатывать. Но правовой статус этого органа власти был, на наш взгляд, вполне легитимен, поскольку он был учрежден высшим законодательным органом власти СССР — хотя и не указом Президиума Верховного Совета СССР, а совместным постановлением Президиума Верховного Совета, ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР.

В действительности, компетенция ГКО была чрезвычайно обширна. Он решал все военно-стратегические вопросы, готовил резервы для действующей Красной Армии, назначал и смещал высшее командование, налаживал работу промышленности, транспорта, сельского хозяйства, снабжение населения и армии, занимался подготовкой трудовых резервов и распределением рабочей силы по отраслям производства[1].

Структура Государственного Комитета Обороны не являлась статичной — она совершенствовалась по ходу войны. Структурным развитием этого чрезвычайного органа руководил лично И. Сталин.

ГКО практически не создавал для руководства страной структуры прямого подчинения. Работой промышленности и сельского хозяйства он руководил через Совнарком СССР и наркоматовскую систему. Действующей Красной Армией и Флотом он руководил через Ставку ВГК. Через Центральный Комитет партии ГКО управлял партийными органами страны. Но были и некоторые свои структуры, объединенные в рабочий аппарат.

Первое время Комитет не имел своего рабочего аппарата и пользовался аппаратом Совнаркома СССР, а также недавно упраздненного Комитета обороны при СНК СССР. Комитет обороны, образованный в 1937 г., имел до 50 отделов, секторов, отделений и групп. С образованием ГКО они вместе со всем штатом были целиком пе-

---

[1] Основные направления деятельности ГКО представлены в отдельной главе.

реданы ему. Из союзного Совнаркома в ведение нового органа также перешли некоторые отделы и группы[1]. Общее руководство аппаратом ГКО осуществлял управляющий делами Совнаркома СССР Я.Е. Чадаев[2]. Он же, по поручению И. Сталина, протоколировал заседания ГКО. Для этой цели был создан специальный протокольный отдел ГКО.

С самого начала в основу деятельности нового органа власти И. Сталиным были положены принцип распределения ролей и обязанностей и принцип персональной ответственности каждого члена ГКО за состоянием дел на порученном участке работы. Каждый из членов ГКО отвечал за определенный участок работы.

Поэтому одним из первых шагов на пути организации и функционирования этой структуры было распределение обязанностей и зон ответственности между членами ГКО. Этому вопросу было посвящено одно из первых заседаний Комитета, на котором рассматривался вопрос «О распределении обязанностей между членами Государственного Комитета Обороны».

Председатель ГКО И. Сталин и его заместитель В. Молотов осуществляли общее руководство делами этого государственного органа. За их подписями выходили постановления и распоряжения Государственного Комитета Обороны. При этом В.Молотов, оставаясь наркомом иностранных дел, руководил внешнеполитической деятельностью страны.

Члены ГКО Г. Маленков, К. Ворошилов и Л. Берия, наряду со своими основными обязанностями в Совнаркоме СССР, наркоматах и ЦК ВКП(б), получили новые постоянные поручения по линии ГКО. Эти поручения и новые полномочия санкционировались соответствующими решениями Государственного Комитета Обороны.

Первоначально Л. Берия постановлением ГКО № 598 от 29 августа 1941 г. был назначен ответственным за выполнение и перевыполнение промышленностью планов производства всех видов вооружения[3]. Это было очень ответственное направление работы, поскольку

---

[1] *Горьков Ю.А.* Государственный Комитет Обороны постановляет. (1941—1945). Цифры и документы. С. 44.

[2] *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным. С. 382.

[3] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 62.

широкомасштабная военная мобилизация, проводившаяся в стране, и огромные потери оружия на фронтах требовали всевозраставшего производства стрелкового и другого оружия. Кроме того, ему было поручено отвечать за добывающие отрасли — угольной, нефтяной, лесную.

Г. Маленкову постановлением ГКО № 597 от 29 августа 1941 г. вначале было поручено осуществлять руководство производством танков всех видов[1]. Летом—осенью 1941 г. это была, пожалуй, наиболее важная задача, стоявшая перед советским военно-политическим руководством. Шла «война моторов» и поэтому было важно, во что бы то ни стало в кротчайшие сроки ликвидировать немецкое превосходство в танках.

Маршалу К. Ворошилову было поручено руководить военно-мобилизационной работой — также важнейшим в условиях войны участком деятельности. Он обязан был контролировать вопросы формирования и сколачивания новых стрелковых и танковых дивизий и бригад. После того как он убыл в Ленинград в качестве главкома Северо-Западного направления, эта обязанность с него была снята. Но в декабре, согласно постановления ГКО № 1036 от 25 декабря 1941 г., возложена вновь[2].

Позднее руководство Государственного Комитета Обороны бросало членов ГКО на другие ответственные и «горящие» участки, постоянно «тасуя» и совмещая их должности и полномочия. Совершенно очевидно, что в ходе войны И. Сталин перенес свое внимание в государственной деятельности с институциональных основ (государственные структуры — институты) на кадровые, вновь, как в период индустриализации, призвав на службу лозунг: «Кадры решают все». Главное в решении актуальных государственных проблем, по мысли вождя,— это не столько специально создаваемые для этого органы, сколько люди — профессионалы своего дела. Поэтому он делал ставку на свои «железные» кадры — преданные ему, волевые, безжалостные и профессионально подготовленные. Критерием преданности и профессионализма кадров был результат.

---

[1] РГАСПИ. Ф.644. Оп. 1. Д. 8. Л.103.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 17. Л. 171.

В феврале 1942 г. после успешного контрнаступления под Москвой вождь решил реформировать Государственный Комитет Обороны. В-первых, он ввел в состав ГКО трех новых членов — А. Микояна, Н. Вознесенского и Л. Кагановича — два члена Политбюро и один кандидат. Во-вторых, он перераспределил обязанности.

Г. Маленков был назначен ответственным за состояние дел в авиационной промышленности, передав танкостроение В. Молотову. На основании постановлений ГКО № 1241 от 4 февраля 1942 г. и № 1289 от 16 февраля 1942 г. В. Молотов стал контролировать выполнение решений ГКО по производству танков. Этими же решениями ГКО Г. Маленкову поручался контроль за выполнением решений ГКО по производству самолетов и моторов и формированию авиационных полков. С этого момента и до конца войны Г. Маленков курировал авиационную промышленность.

Н. Вознесенский стал контролировать работу черной и цветной металлургии, нефтяной и химической промышленности. А. Микоян, как и прежде, отвечал за вещевое, продовольственное и иное снабжение Красной Армии. Л. Каганович был ответственен за транспорт и воинские перевозки. Л. Берии было поручено вместо Н. Вознесенского осуществлять контроль над производством вооружения и боеприпасов. Спустя некоторое время Сталин отстраняет Молотова от контроля за танкостроением и поручает это важное дело Берии. С конца 1944 г. он по личному указанию вождя курирует работу по «атомному проекту». Кроме того, с Лаврентия Павловича никто не снимал ответственность за обеспечение внутреннего порядка в стране[1].

И. Сталин перераспределяет функции членов ГКО, потому что видит — кто из его соратников справляется с возложенными на него обязанности, а кто «не тянет». А. Микоян, в этой связи, вспоминал: «В 1942 году остро стоял вопрос об увеличении производства танков. Это было очень важной проблемой. Роль танков в войне стала решающей. Наркомом танковой промышленности был В.А. Малышев — молодой, способный и хороший нарком, но ему не удавалось увеличить производство танков до нужного количества. Он жаловался на недостаточную помощь его наркомату и был прав. Курировал работу наркомата В.М. Молотов.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 25. Л. 94.

Как-то у Сталина были Маленков, Берия и я. Обсуждался вопрос увеличения производства танков. Берия и говорит: «Танками занимается Молотов». — «А как он занимается?» — спрашивает Сталин. «Он не имеет связи с заводами, оперативно не руководит, не вникает в дела производства...» Решили освободить Молотова от руководства производством танков и возложить это дело на Берия. Это круто изменило положение дел. Берия, пользуясь властью, оказал Малышеву всю необходимую помощь за счет других наркоматов»[1].

Получается, что самым загруженным членом ГКО был Л. Берия. В 1942 г. он взваливает на себя отрасли, за которые спрос был очень жесткий. По сути, вся оборонная промышленность, за исключением самолетостроения, легла на его плечи. Это был дальний прицел — концентрация в своих руках все новых и новых полномочий, а значит, власти, которую он очень любил.

На обеспечение исполнения полномочий членов ГКО в сфере их ответственности была нацелена аппаратная деятельность их рабочих групп. Рабочие группы членов ГКО стали первым структурным элементом аппарата ГКО. Они представляли собой небольшой коллектив квалифицированных специалистов и администраторов (от 20 до 50 человек) в сфере ответственности того или иного члена ГКО. Например, рабочая группа, обеспечивавшая деятельность Г. Маленкова, состояла из нескольких десятков опытных администраторов и специалистов, работавших в области самолето- и моторостроения и базовых оборонных отраслей. К. Ворошилов в реализации задачи формирования боевых резервов опирался как на свою рабочую группу, сформированную в ГКО, так и на аппарат Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии.

Руководитель рабочей группы являлся по должностному статусу заместителем члена Государственного Комитета Обороны. Наряду с этим для каждого члена ГКО с 1942 г. вводилась должность заместителя по контролю за выполнением решений ГКО в порученной отрасли работы.

Каковы были порядок и механизм работы членов ГКО? Прежде всего, члены ГКО работали в тесном контакте с наркомами тех отрас-

---

[1] *Топтыгин А.* Лаврентий Берия: Неизвестный маршал госбезопасности. С. 152—153.

лей, которые они курировали, используя для организации работы отрасли как свою рабочую группу, так и аппарат соответствующих наркоматов. Чем влиятельней в системе власти был куратор и чем ближе он располагался к вождю, тем более существенная помощь оказывалась подконтрольному наркомату, больше материальных и людских ресурсов ему передавалось.

Возьмем, к примеру, такую отрасль, как Наркомат вооружений. Его в годы войны возглавлял молодой и энергичный нарком «сталинского призыва» Д.Ф. Устинов. Шефом этой отрасли от ГКО был, как уже говорилось, Л. Берия. Наркомат вооружений отвечал за оснащение Красной Армии практически всеми видами вооружения и работал в тесной кооперации с другими оборонными наркоматами.

Заместитель наркома вооружения В.Н. Новиков оставил нам интересные воспоминания, в какой-то мере раскрывающие механизм взаимодействия ГКО и наркоматов.

Он пишет, что «в годы войны наш наркомат подчинили НКВД или, вернее, Берии как члену ГКО. Следовательно, и отвечал он за нас перед Сталиным лично... Помнится, в конце июля 1941 г. Берия проводил совещание. Мы с Д.Ф. Устиновым были приглашены по поводу резкого увеличения выпуска винтовок. Сидели от Берии сбоку шагах в семи-восьми. Производил он впечатление человека решительного... Вопрос к нам: «Товарищ Устинов, когда вы по Ижевску выйдите на выпуск пяти тысяч винтовок в сутки»? Дмитрий Федорович попросил, чтобы по этому вопросу доложил его заместитель — Новиков, который еще недавно был директором этого завода и меньше месяца, как переведен в Москву. Я встал и доложил, что для достижения такого уровня потребуется не менее семи-восьми месяцев, так как сейчас выпускают порядка двух тысяч винтовок в сутки.

Берия нахмурился: «Что же вы, товарищ Новиков, знаете, что на фронте одних убивают или ранят, а другие ждут освободившиеся винтовки, а вы — семь месяцев. Это не годится, надо уложиться в три месяца. Вы завод знаете, кто еще может нам помочь»? Я ответил, что при любых условиях уложиться в назначенный срок невозможно. Создали комиссию из двух заместителей председателя Госплана В.В. Кузнецова и П.И. Кирпичникова и меня. Срок — два дня. Дать предложения, как выйти на пять тысяч винтовок в сутки за три месяца. Сидели мы двое суток, почти не уезжая домой. Говорили с заводом, главком и так далее, придумать ничего не могли. Кузнецов и Кирпичников склонялись согласиться с трехмесячным сроком. Я от-

казался подписать бумагу, ссылаясь на нереальность такого решения. Документ ушел с пометкой «Т. Новиков от подписи отказался».

Опять мы на докладе у Берия, опять полный кабинет народа, включая наркомов не только оборонных отраслей, но и других. Дошла очередь до нашего вопроса. Берия читает бумагу. Обращаясь к Кузнецову, спрашивает, почему нет подписи Новикова? Василий Васильевич отвечает, что считает сроки нереальными. Тогда Берия ко мне довольно сердито: «Какой срок ставить, товарищ Новиков?» Я еще раз подтвердил, что минимальный срок — это семь с натяжкой месяцев. Берия сплюнул в сторону, выругался и сказал: «Принять предложение Новикова» ...Я как-то у товарищей поинтересовался: «Почему же Берия принял мое предложение при другом мнении авторитетных товарищей членов комиссии»? Мне разъяснили, что он боится обмануть Сталина, который многое прощает, но обмана — никогда[1]. Далее В. Новиков сообщает важную информацию о том, что они часто бывали на Лубянке, где сидел опекающий их аппарат ГКО во главе с П.И. Кирпичниковым. То есть рабочая группа члена ГКО Л. Берии находилась и работала в его ведомстве, была рядом с шефом.

Каждый член ГКО активно помогал своей отрасли, болел за результаты ее деятельности, опасаясь сталинского гнева и пытаясь показать вождю свои организаторские способности. В. Новиков вспоминал: «В особо острых ситуациях звонил прямо Берии. Если его не было на месте, ему сразу докладывали, и он, не ожидая повторного звонка, перезванивал сам, задавая вопрос: «Ну, в чем там дело?» Если я докладывал, что угля осталось на сутки и прошу помочь, он обычно отвечал: «Ладно, что-нибудь придумаем». Или говорил: «Вот даю трубку Вахрушеву (нарком угольной промышленности), расскажи ему, пусть принимает меры». Власть у Берии была большая, и часто маршруты из Кузбасса, направленные в Казань, где были авиационные заводы, он поворачивал в Ижевск. Известно, что через некоторое время, видимо, дело дошло до Маленкова, который опекал авиацию, и поезда с углем до Казани шли под особой военной охраной»[2].

---

[1] *Новиков В.Н.* «Шефство» Берии //Берия: Конец карьеры. М., 1991. С. 228—229.

[2] Там же. С. 233.

Шеф НКВД курировал в оборонно-промышленном блоке и другие наркоматы — Наркомат минометного вооружения, которым руководил П.И. Паршин, Наркомат боеприпасов, возглавляемый Б.Л. Ванниковым, Наркомат танкостроения во главе с В.А. Малышевым. В оборонном комплексе Наркомат вооружений играл ведущую роль, и именно ему уделял главное внимание курирующий военные отрасли Л. Берия. С 1942 г., когда Наркомат вооружений перешел под контроль НКВД, у нас ежегодно выпускалось 450 тыс. ручных и станковых пулеметов, свыше 3 млн. магазинных и самозарядных винтовок, около 2 млн пистолетов-пулеметов. Промышленность Германии в среднем ежегодно выпускала до 250 тыс. пулеметов, около 1,9 винтовок и карабинов, около 240 тыс. автоматов, что было значительно меньше ежегодных объемов выпуска стрелковой промышленностью СССР[1]. И по количеству танков, произведенных за время войны, советская промышленность значительно превзошла гитлеровскую Германию.

Вторым структурным элементом Государственного Комитета Обороны был институт уполномоченных ГКО. Он возник сразу после образования ГКО и сыграл важную роль в претворении в жизнь постановлений и распоряжений данного органа, особенно в сфере оборонной промышленности, по наращиванию производства военной продукции.

Круг обязанностей и прав уполномоченных лиц, как постоянных, так и временных, был исключительно широк и определялся в специально принятых постановлениях ГКО. Как правило, уполномоченные ГКО одновременно являлись членами ЦК ВКП(б), что обеспечивало им огромные права.

Первый документ подобного рода — постановление ГКО № 7 от 2 июля 1941 г. «Об уполномоченных Государственного Комитета Обороны на оборонных заводах». На основании этого постановления были назначены первые уполномоченные ГКО на заводы Наркомата вооружения и уполномоченный ГКО по Смоленской области[2]. 3 июля Государственный Комитет Обороны издал ряд постановлений

---

[1] *Топтыгин А.* Лаврентий Берия: Неизвестный маршал госбезопасности. С. 161.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп 1. Д. 1. Л. 67.

(№ 11—14), на основании которых назначались уполномоченные ГКО — члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК на заводы и в регионы[1].

Уполномоченные ГКО подбирались и назначались из числа видных партийных, советских, хозяйственных руководителей, а также крупных военных специалистов и ученых. Уполномоченными ГКО на местах чаще всего являлись секретари партийных комитетов крупных промышленных центров. Эта категория должностных лиц действовала в важнейших отраслях народного хозяйства, на крупных заводах, во всех союзных и автономных республиках, краях и областях. Группа постоянных уполномоченных ГКО действовала в самый трудный для страны момент — с июля по декабрь 1941 г.; временные уполномоченные ГКО выполняли свои задачи до конца войны.

Анализ деятельности данного властного института позволяет провести его уровневую классификацию. В зависимости от должностного статуса, уровня полномочий лица и сложности выполняемых задач существовал ряд категорий уполномоченных Государственного Комитета Обороны.

Прежде всего, это уполномоченные — члены ГКО. В данном случае их задачи и функции как уполномоченных совпадали со сферой их ответственности, о чем уже говорилось. То есть, Л. Берия, Г. Маленков, К. Ворошилов и другие члены Комитета, имея на руках мандаты уполномоченных ГКО, действовали каждый в сфере своей ответственности, используя рабочие группы..

Вторая категория — уполномоченные ГКО — члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК, не входившие в ГКО. Согласно постановления ГКО от 3 июля 1941 г., Л.М. Каганович назначался уполномоченным ГКО по воинским перевозкам, А.И. Микоян — по вопросам снабжения обозно-вещевым имуществом, продовольствием и горючим, Н.А. Вознесенский — по вопросам вооружения и боеприпасов. В феврале 1942 г., войдя в состав ГКО, они, по-прежнему, оставались уполномоченными этого органа. Уполномоченными ГКО были А. Андреев, А. Жданов, Н. Хрущев.

Третья категория уполномоченных ГКО — уполномоченные по особым вопросам. Как правило, это были члены и кандидаты в чле-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 74.

ны ЦК ВКП(б). Например, постановлением ГКО № 33 от 6 июля 1941 г. уполномоченным по вопросам политической работы среди военнопленных был назначен член ЦК Мануильский Д.З.[1] 13 сентября 1941 г. мандат уполномоченного ГКО был выдан заместителю наркома внутренних дел В.Н. Меркулову для выполнения спецзадания в Ленинграде по взрыву важнейших объектов города в случае вынужденного отхода наших войск[2].

Следующая категория — уполномоченные ГКО в отраслях оборонной промышленности, на отдельных военных заводах, на транспорте, а также уполномоченные по эвакуации. Наряду с этим ГКО назначал своих уполномоченных на места — в республики, края и области. Довольно частой была практика командирования уполномоченных ГКО в действующую армию. Они посылались для решения военных, мобилизационных, экономических, военно-технических, эвакуационных и иных задач государственной важности.

Например, летом 1942 г. для выполнения спецзадания уполномоченным ГКО на Северный Кавказ был направлен Н. Байбаков — молодой нарком нефтяной промышленности. Он вспоминает: «Шел июнь 42-го. Товарищ Сталин вызывает меня в Кремль. Глянул на меня и сказал: «Гитлер идет на Кавказ. Он объявил, что если он не захватит нефть Кавказа, то будет считать войну проигранной. Нам необходимо сделать так, чтобы немцам не досталась и капля нефти»[3]. Уполномоченный ГКО выполнил поставленную задачу.

Уполномоченным с мандатом ГКО все время войны был Н.С. Патоличев — первый секретарь Ярославского, а затем Челябинского обкома ВКП(б). В своих воспоминаниях он отмечал, что по заданию ГКО Ярославский обком партии строго следил за выпуском авиационных моторов. «Задание ГКО» — тогда это звучало как приказ Родины. С переходом в Челябинск он, как первый секретарь обкома и уполномоченный ГКО, лично курировал и отвечал за деятельность Танкограда[4].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 112.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 7. Л. 100.

[3] *Химич О.* Нарком Сталина //Московский комсомолец. 2005. 13 мая.

[4] *Патоличев Н.С.* Испытание на зрелость. М., 1977. С. 287.

По оценкам специалистов, за период с июля по декабрь 1941 г. уполномоченных лиц с мандатами ГКО насчитывалось около 100 человек. Примерно 40% из их числа работало в оборонной промышленности, около 15% занималось вопросами эвакуации, более 10% — на транспорте, отвечая за воинские перевозки, остальные выполняли особые поручения[1].

Третьим структурным элементом Государственного Комитета Обороны были создававшиеся при нем или в его составе так называемые вспомогательные или специальные чрезвычайные органы, наделенные большими полномочиями. По мере необходимости учреждались постоянные и временные комитеты или комиссии. Одни из них действовали длительное время, другие по мере выполнения задач сразу распускались.

Первой такой структурой был Совет по эвакуации. Уже на третий день войны — 24 июня постановлением ЦК КП(б) и СНК СССР был создан Совет по эвакуации в составе Л.М.Кагановича (председатель), А.Н. Косыгина, Н.М. Шверника (заместители), Б.М. Шапошникова (Генштаб), С.Н. Круглова (НКВД), П.С. Попкова (Ленгорисполком), Н.Ф. Дубровина (НКПС), П.И. Кирпичникова (Госплан), который немедленно приступил к работе. Перебазирование производительных сил из угрожаемых районов страны на восток было вынужденной мерой, вызванной крайне неблагоприятной обстановкой на фронте.

Однако обстановка складывалась не так, как предполагалось, и скоро стало ясно, что эвакуация принимает огромные масштабы. Приходилось буквально на ходу решать, что эвакуировать в первую очередь и в какие районы перебазировать. По воспоминаниям А. Микояна, И. Сталин 26 июня вызвал его и предложил временно заняться этим важным делом, став первым заместителем председателя Совета по эвакуации. «Много сил пришлось потратить на решение вопросов эвакуации, так, по существу, всю ответственность Сталин возложил на меня. Каждый вечер я встречался с ним и информировал о положении дел»[2].

---

[1] *Горьков Ю.А.* Государственный Комитет Обороны постановляет... С. 39.

[2] *Микоян А.И.* В Совете по эвакуации //Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 31.

В начале июля 1941 г. наркомы земледелия И. Бенедиктов, мясомолочной промышленности П.Смирнов, пищевой промышленности В. Зотов подготовили проект постановления ГКО «Об эвакуации из прифронтовых районов скота, зернофуража, принадлежащих колхозам, а также совхозам и другим государственным организациям, и имущества МТС и совхозов». После согласования проекта с А. Вышинским (юридическая комиссия), А. Андреевым (ЦК партии) и Н. Шверником (ВЦСПС) он был утвержден как постановление ГКО.

В это же время И. Сталин дал команду готовить к поэтапной эвакуации из Москвы наркоматы. Это было неожиданным — война только началась, и сразу речь зашла об эвакуации столицы. Первоначально было решено эвакуировать из столицы полностью 21 наркомат и частично 23, но уже к концу первой декады июля 1941 г. число их было увеличено соответственно на 10 и 20[1].

Объем и масштабы эвакуации все возрастали. Стало ясно, что Л. Каганович, будучи перегружен делами на транспорте, не может обеспечить работу Совета по эвакуации. Видя особую важность проблемы, 16 июля 1941 г. постановлением ГКО № 173 Совет по эвакуации реорганизуется. Высший орган страны переподчинил Совет, который ранее был при СНК СССР, в свое ведение, сделав его специальным органом при ГКО. Был назначен и новый его председатель — Н. Шверник. Это был опытный организатор, руководитель советских профсоюзов. Поскольку профсоюзная работа в войну была ненужной и человек не был загружен, вождь поставил его на этот ответственный пост. Микоян был включен туда в качестве рядового члена.

В постановлении ГКО «О составе Совета по эвакуации» указывалось: «Во изменение постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 24 июня 1941 года № 1740-748 сс ГКО постановляет:

Создать Совет по эвакуации в следующем составе:

т. Шверник Н.М.— Председатель Совета; т. Косыгин А.Н.— заместитель Председателя Совета; т. Первухин М.Г.— заместитель Председателя Совета; т. Микоян А.И; т. Каганович Л.М; т. Сабуров М.З.; т. Абакумов В.С. (НКВД).

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин»[1].

---

[1] *Микоян А.И.* В Совете по эвакуации //Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 32.

Этот Совет, обладая от имени ГКО широкими полномочиями, выполнял сложнейшую задачу по организации и проведению перебазирования промышленных предприятий, военных грузов, населения и учреждений из угрожаемых районов в восточные регионы страны.

26 сентября в рамках Совета по эвакуации было создано специальное Управление по эвакуации населения, которое возглавил заместитель председателя СНК РСФСР К. Памфилов. Получается, что о людях в начале войны забыли. В советской системе люди всегда были вторичным элементом по сравнению с материальными ценностями. Но специальная структура была создана и приступила к работе. Как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Наряду с Советом по эвакуации 25 октября 1941 г. в связи с резким увеличением объема эвакуационных работ, постановлением ГКО № 834 был образован Комитет по эвакуации продовольственных и промышленных товаров, который возглавил А.Микоян. Кроме него в состав этого органа вошли: А.Косыгин (зам. председателя), наркомы — В. Зотов (наркомпищепром), З. Шашков (наркомречфлот), П. Смирнов (наркоммясомолпром). Задача Комитета — разработка и реализация планов эвакуации оборудования, запасов сырья и продовольствия. Комитет действовал параллельно и в контакте с Советом по эвакуации.

25 декабря 1941 г. в связи с изменением военно-стратегической обстановки, Совет и Комитет по эвакуации решением ГКО были расформированы и вместо них создан Комитет по разгрузке транзитных грузов в составе: А. Микояна (председатель), А.Косыгина (заместитель), Н. Вознесенского, А. Хрулева и Л. Кагановича[2]. Вопросы надежного функционирования транспортной системы, продвижения застрявших на железных дорогах вагонов, доставки и разгрузки грузов в то время были одними из основных в Правительстве.

По поручению Сталина Микоян возглавил это направление деятельности. Позднее он вспоминал: «Чтобы решать все вопросы без промедления и волокиты, с учетом обстановки, мы распределили между членами Комитета группы наркоматов. Было установлено, что

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 100.

[2] Великая Отечественная война. 1941—1945: Энциклопедия. С. 351.

каждый из нас, имея в своем распоряжении данные НКПС о наличии на дорогах грузов соответствующих наркоматов, вызывает их представителей и готовит для утверждения Комитетом конкретные предложения по разгрузке тех или иных застрявших грузов... На первом же заседании, состоявшемся 26 декабря, Комитет поручил НКПС произвести новую перепись застрявших грузов... На следующем заседании решили заслушать заместителя председателя Совнаркома СССР М.З. Сабурова о выявлении и планировании новых грузопотоков по дорогам Урала и Волги в районы размещения эвакуированной промышленности. В работе Комитета, естественно, принимал участие нарком путей сообщения Л. Каганович»[1].

Несмотря на трудности, Комитет по разгрузке транзитных грузов принял меры, позволившие разрядить нетерпимую обстановку на железнодорожном транспорте. Выполнив возложенную на него задачу, он прекратил свое существование.

Летом 1942 г. в связи с поражением под Харьковом Красная Армия вновь была вынуждена отступать. Опять встал вопрос об эвакуации. 22 июня 1942 г. при ГКО создается Комиссия по эвакуации во главе с Н. Шверником. Членами Комиссии стали: А. Микоян, А. Косыгин, М. Сабуров, Б. Арутюнов (НКПС), П. Ермолин (заместитель Начальника тыла РККА). Выполнив свои функции, в конце 1942 г. эта Комиссия была упразднена.

Масштабы эвакуации были огромны. За период войны только по железным дорогам было перебазировано 2593 предприятия. До войны они давали 33% всей промышленной продукции страны. В восточные районы были эвакуировано более 10 млн. человек. По сути, целая индустриальная страна была перемещена на тысячи километров, что обеспечило быструю перестройку страны на военный лад.

Наряду с названными структурами при ГКО для выполнения специальных задач был создан и функционировал ряд других подразделений, имевших чрезвычайный характер:

— Трофейная комиссия — декабрь 1941 г., преобразованная в марте 1942 г. в Центральную комиссию по сбору трофейного вооружения и имущества;

---

[1] *Микоян А.И.* В Совете по эвакуации. С. 38.

— Транспортный комитет — 14 февраля 1942 г.;

— Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследований злодеяний немецко-фашистских захватчиков — 2 ноября 1942 г.

Особо следует остановиться на Транспортном комитете при ГКО. Он был образован 14 февраля 1942 г. постановлением ГКО № 1279 для усиления централизации управления транспортной системой страны, координации работы всех видов транспорта и контроля за перевозками военных и хозяйственных грузов. В состав Транспортного комитета с учетом его значения вошли: И.В. Сталин (председатель), А.А. Андреев (заместитель председателя), А.И. Микоян. Туда же были включены: нарком путей сообщения Л.М. Каганович, нарком морского флота П.П. Ширшов, нарком речного флота З.А. Шашков, Начальник тыла РККА А.В. Хрулев, Начальник управления военных сообщений Наркомата обороны И.В. Ковалев и другие.

О важности этого органа говорит тот факт, что его возглавил сам И. Сталин и в его состав вошли четыре члена Политбюро ЦК. В обязанности Комитета входили планирование, регулирование и контроль перевозок на всех видах транспорта, координация их работы[1]. Особое внимание уделялось организации движения на железных дорогах, поскольку от этого напрямую зависело обеспечение фронта всем необходимым. 11 мая 1944 г. Транспортный комитет был упразднен и его функции переданы Оперативному бюро ГКО.

Комитет сыграл важную роль в мобилизации резервов всех видов транспорта и в комплексном их использовании. Большое значение имело взаимодействие железнодорожного транспорта, на долю которого приходилось свыше $^4/_5$ суммарного грузооборота транспорта в годы войны, с другими видами транспорта. В транспортном обеспечении фронта железная дорога решала вопросы военно-стратегического характера. Автомобильный, речной, воздушный и гужевой транспорт имели важное значение в оперативно-тактической зоне в подвозе пополнения и воинских грузов фронтам, в эвакуации раненых. Особенно большую роль сыграл автомобильный транспорт в блокадном Ленинграде, и во время Сталинградской битвы.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 72. Л. 101.

Трудности военного времени, недостаточная пропускная способность ряда магистралей и железнодорожных узлов, нехватка подвижного состава, потери вследствие вражеских бомбардировок привели к сокращению грузоперевозок по сравнению с мирным временем. И тем не менее в 1945 г. грузовые перевозки железнодорожного транспорта составили 395,2 млн т, морского — 20,2 млн т, речного — 36,9 млн т, автомобильного — 420,0 млн тонн, воздушного — 0,1 млн т[1]. Транспортный комитет, в основном, решил те задачи, которые на него возлагались.

Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников была образована указом Президиума Верховного Совета СССР 2 ноября 1942 г. для сбора документальных данных, проверки и систематизации материалов о злодеяниях гитлеровских преступников и материальном ущербе, причиненном нашим гражданам, колхозам и государству в результате временной оккупации советской территории, а также для установления военных преступников.

ЧГК, проделав огромную работу, собрала большое количество документальных и вещественных доказательств, в том числе 250 тыс. протоколов допроса свидетелей и заявлений о злодеяниях нацистов, рассмотрела 54 тыс. актов о злодеяниях оккупантов[2]. В состав этой комиссии входили: Н. Шверник (председтель), секретарь ЦК ВКП(б) А. Жданов, академики Н. Бурденко, Б. Веденеев, Т. Лысенко, И. Трайнин и Е. Тарле, летчица В. Гризодубова, митрополит Киевский и Галицкий Николай, писатель А. Толстой.

Комиссия сыграла большую роль в разоблачении немецких военных преступников на Нюрнбергском процессе. Но у нее был один «прокол» — «Катынское дело». Немцы, обнаружив на оккупированной смоленщине массовые захоронения расстрелянных польских офицеров, предали этот факт публичной огласке. В ответ на заявление немецкой стороны И. Сталин приказал Чрезвычайной комиссии провести собственное расследование. После освобождения района Катыни это расследование было проведено, и ЧГК заявила, обличая

---

[1] Великая Отечественная война. 1941—1945 гг.: Энциклопедия. С. 722.

[2] Там же. С. 787.

нацистскую пропаганду, что в Катынском лесу польских офицеров расстреляли в 1941 г. немцы. Опубликованные ныне документы свидетельствуют, что эту экзекуцию провело по указанию Политбюро ЦК ВКП(б) наше НКВД в 1940 г.

В конце 1942 г. при ГКО была образована научная группа по «урановому проекту», впоследствии преобразованная в Специальный комитет по атомному оружию. Это направление возглавил вначале В. Молотов, а затем в августе 1945 г. Л. Берия. Зная его неукротимую энергию и возможности НКВД, вождь в конечном счете поставил Берию руководить этим судьбоносным для страны проектом.

Впервые в Кремле серьезно об атомной бомбе заговорили в 1942 г., когда советская разведка предоставила полную информацию об американском «Манхеттенском проекте» и об активных работах по ядерной бомбе в Германии и Англии. И. Сталин был обеспокоен таким положением дел и нашим отставанием в этой области. С того момента добывание атомных секретов стало одним из приоритетных направлений деятельности советской внешней разведки. К работе «по урану» были срочно привлечены наши ученые-ядерщики — Иоффе, Курчатов, Капица, Харитон и другие.

Обратимся к мемуарам генерал-лейтенанта НКВД П. Судоплатова, в годы войны по линии разведки и контрразведки работавшего в этом направлении: «До начала 1943 г. у нас никаких практических работ в области создания атомной бомбы не велось. Еще до нападения немцев Государственная комиссия по военно-промышленным исследованиям отклонила предложение молодых физиков-ядерщиков Института физико-технических исследований в Харькове и немецкого ученого-эмигранта Ланге начать работы по созданию сверхмощного взрывного устройства. Предложение было направлено в отдел изобретений Наркомата обороны, но там его сочли преждевременным и не поддержали. (Это был стратегический промах Наркомата обороны.— *Прим. авт.*).

В марте 1942 г. Берия предложил Сталину создать при ГКО научно-консультативную группу из видных ученых и ответственных работников для координации работ научных организаций по исследованию атомной энергии. Он также просил Сталина разрешить ознакомить наших видных ученых с информацией по атомной проблеме, полученной агентурным путем, для ее оценки. Сталин дал

согласие и предложил, чтобы независимо друг от друга несколько ученых дали заключение по этому вопросу»[1].

Сознавая важность проблемы, И. Сталин 28 сентября 1942 г. подписал постановление ГКО № 2352 сс «Об организации работ по урану», в котором говорилось: «Обязать Академию наук СССР (академика Иоффе) возобновить работы по исследованию осуществимости атомной энергии путем расщепления ядра урана и представить ГОКО к 1 апреля 1943 г. доклад о возможности создания урановой бомбы...»[2]. 27 ноября того же года ГКО принимает постановление о добыче урана, в котором приказывает Наркомату цветной металлургии «к 1 мая 1943 г. организовать добычу и переработку урановых руд и солей в количестве 4 тонн на Табашарском заводе «В» Главредмета»[3].

Практическая работа началась в феврале 1943 г., когда И. Сталин подписал постановление Правительства об организации работ по использованию атомной энергии в военных целях. Во главе этого дела был поставлен В. Молотов. Л. Берия, как его заместитель, отвечал за обеспечение ученых развединформацией и безопасность. 15 февраля 1943 г. по решению ГКО в Академии наук СССР была создана специальная Лаборатория № 2 по атомной проблеме, руководителем которой был назначен молодой физик И. Курчатов. Находясь под опекой НКВД, Лаборатория № 2 фактически замыкалась на Берию. И он оказывал ученым конкретную помощь. А. Топтыгин пишет, что «Курчатов и Иоффе поставили перед Сталиным вопрос о замене Молотова Берия в качестве руководителя всех работ по атомной проблеме»[4]. Поэтому, когда решением ГКО 20 августа 1945 г. был учрежден Специальный комитет по атомному оружию, его руководителем был назначен именно Л. Берия.

Специальные чрезвычайные государственные органы создавались в связи с чрезвычайной необходимостью военного времени. Они

---

[1] *Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М., 1999. С.286—287.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 58. Л. 40.

[3] *Топтыгин А.* Лаврентий Берия: Неизвестный маршал госбезопасности. С. 285.

[4] Там же. С. 287.

действовали и видоизменялись в меру осознанной потребности, без какого-либо предварительного довоенного плана, оформлялись соответствующим законодательным порядком (постановлением ГКО) без изменения Конституции СССР. При них учреждались соответствующие руководящие должности, исполнительные и технические аппараты, вырабатывалась в творческих поисках технология чрезвычайного управления. С их помощью оперативно решались наиболее злободневные проблемы, требовавшие своего немедленного разрешения.

Шагом вперед в структурном развитии ГКО было создание 8 декабря 1942 г. Оперативного бюро Государственного Комитета Обороны, которое стало ведущим подразделением высшего органа страны, соединявшим организационно-технические и распорядительные функции. Постановлением ГКО № 2615 «Об утверждении Оперативного бюро ГКО» от 8 декабря 1942 г. был определен его состав, куда вошли: В. Молотов, Л. Берия, Г. Маленков, А. Микоян[1]. Таким образом, эта «четверка» членов ГКО еще более укрепила свою власть. Фактически Оперативным бюро руководил Л. Берия, поскольку большинство исходящих документов подписывал именно он. Но до 1944 г. официально он не являлся руководителем этого органа.

Оперативное бюро осуществляло контроль за всем оборонным комплексом и отраслями тяжелой и добывающей промышленности. Совместно с Госпланом оно составляло месячные и квартальные планы производства оборонной продукции. Важной функцией бюро была подготовка документов, в том числе проектов решений, на основании которых принимались постановления и распоряжения ГКО.

11 мая 1944 г. Сталин реорганизовал Оперативное бюро ГКО, утвердив его новый состав: Л. Берия — председатель бюро и одновременно заместитель председателя ГКО, Г. Маленков, А. Микоян, Н. Вознесенский и К. Ворошилов. Таким образом, из состава Оперативного бюро был выведен В.Молотов и введены Н. Вознесенский и К. Ворошилов. Стало два заместителя председателя ГКО — В. Молотов и Л. Берия. Маршал Ворошилов недолго продержался в бюро — через полгода, в ноябре 1944 г. он был исключен из состава ГКО и, соответственно, из Оперативного бюро. Вместо него в состав

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп 1. Д. 72. Л. 165.

ГКО был назначен Н. Булганин, одновременно ставший заместителем наркома обороны — И. Сталина.

В годы войны, особенно в ее первый период, Государственный Комитет Обороны создал сеть местных чрезвычайных органов власти, которые можно считать территориальными структурами ГКО. Это были городские комитеты обороны. Они создавались по решению ГКО, были подведомственны только ГКО, и их наиболее важные решения утверждались в Москве, в ГКО.

Эти структуры были образованы в соответствии с постановлением ГКО № 830 от 22 октября 1941 г. «О городских комитетах обороны»[1], в самый ответственный момент войны, когда враг стоял у стен Москвы. В указанном постановлении дается перечень городов европейской части России и Кавказа, которые находились вблизи фронта или входили в радиус действий вражеской авиации. ГКО учредил такие органы почти в 60 городах Подмосковья, Центра России, Поволжья, Северного Кавказа и с 1942 г. в крупных городах Закавказья.

Отдельным пунктом центр определяет состав городских комитетов обороны: первый секретарь обкома или горкома ВКП(б) (председатель), председатель облисполкома или горисполкома, начальник областного или городского отдела НКВД, комендант города, т.е., все высшее партийное, советское, милицейско-чекистское и военное руководство.

Местные комитеты обороны выступали в качестве высших органов оперативного руководства областью или городом, организуя государственные и партийные органы, все население региона на борьбу против врага, решая военные, хозяйственные и другие проблемы. Директивные возможности городских комитетов обороны создавали условия для эффективного использования механизма их власти для решения сложного круга вопросов, связанных с перебазированием заводов, людей и сырья, с проведением военной мобилизации, с налаживанием оборонного производства и т.д. Рычаги жесткого контроля и возможности маневрирования местными ресурсами позволяли городским комитетам обороны преодолевать негибкость центральных органов управления в вопросах эвакуации, планирования производства и компенсировать недостаток полномочий местных Советов.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 180.

Местные чрезвычайные органы власти обеспечивали единство управления в условиях чрезвычайного положения, объединяли гражданскую и военную власть. Они руководствовались постановлениями ГКО, решениями местных, партийных и советских органов, военных совстов фронтов и армий. Не имея своего штатного аппарата, городские комитеты обороны опирались на местные партийные, советские, хозяйственные и общественные органы и организации и их аппараты. При них также существовал институт уполномоченных, создавались оперативные группы для срочного решения военных вопросов, широко привлекался общественный актив[1].

Приведем в качестве примера документы ряда городских комитетов обороны за 1941 г. Вызывают интерес их повестки дня и принятые решения.

Осень 1941 г.— самый отчаянный момент вооруженной борьбы на центральном, московском направлении. Какие вопросы решают прифронтовые и тыловые городские комитеты обороны?

Протокол № 1 городского комитета обороны г. Горького от 24—31 октября 1941 г. В повестке дня стоят вопросы:

О коменданте г. Горького; о выселении непрописанных граждан из г. Горького и г. Дзержинска; о районных комендатурах; о противовоздушной обороне г. Горького; о размещении детских домов; о передаче сборки ППШ на завод фрезерных станков; о временных переправах через реку Оку; о мероприятиях по обеспечению выполнения производственной программы заводом № 92; Об эвакуации музеев гг. Ленинграда, Смоленска, Сумы; о ходе строительства оборонительного рубежа в Горьковской области.

Из решений назовем лишь некоторые: комендантом города был утвержден Т.И. Прищепо; всех непрописанных граждан решено выселить в трехдневный срок. По вопросу строительства оборонительных сооружений городской комитет обороны постановил: «обязать первых секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) и председателей исполкомов городских и районных советов мобилизовать в трехдневный срок в порядке трудповинности население городов и районов области на проведение указанных работ. Установить, что каждый мобилизованный должен явиться на сборный пункт обутый и одетый

[1] Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. С. 214.

по-зимнему, имея при себе запасную смену белья, полотенце, рукавицы, котелок, кружку, ложку, матрацную наволочку и одеяло.

Обеспечить явку мобилизованных с инструментом... Разрешить мобилизовать студентов всех вузов и старших курсов техникумов и учеников 9 и 10 классов средних школ. Поручить т. Кузину совместно с секретарями горкомов и райкомов ВКП(б) выделить и назначить начальников колонн и политических руководителей из расчета по одному на 500 мобилизованных и одного агитатора на 25 человек. Обязать первых секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) и председателей исполкомов выделить и назначить десятников из расчета одного на 100 человек и бригадиров одного на 25 человек. Возложить ответственность за ход строительных работ и всей организационной и массово-политической работы на первых секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) и председателей городских и районных исполкомов... Председатель Горьковского комитета обороны М. Родионов»[1].

Обращает на себя внимание то, что государственный орган — комитет обороны в качестве механизма своей деятельности задействует городские и районные партийные комитеты и командует ими как своими структурами. Это неудивительно — председателем горьковского комитета обороны являлся первый секретарь Горьковского обкома партии М. Родионов.

2—6 ноября 1941 г. горьковский комитет обороны решал следующие вопросы: об организации автотранспортных колонн для перевозки грузов из прифронтовой полосы; о мероприятиях по выпуску танковых и авиационных моторов; вопросы ПВО; о размещении рабочих, прибывающих на Горьковский автомобильный завод; вопросы строительства оборонного рубежа; о борьбе с нарушителями общественного порядка; о разгрузке мест заключения Горьковской области.

По вопросу размещения рабочих, прибывших на ГАЗ, комитетом было решено: «Обязать председателя Автозаводского райсовета т. Пришвина расселить 2500 семей рабочих из Москвы за счет... уплотнения в коммунальном и заводском жилфонде». По вопросу борьбы с нарушителями общественного порядка: «Обязать органы милиции арестовывать спекулянтов на месте, предавая их суду как дезорганизаторов тыла и предателей родины...» Наиболее важное и интересное постановление, на наш взгляд — «О разгрузке мест

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 491. Л. 1—11.

заключения». В нем говорится: «Предложить прокурору области т. Осипову и начальнику Управления НКВД т. Рясному освободить из мест заключения применительно к Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1941 г. следующие категории заключенных:

а) осужденных по указу от 26 июня и 10 августа 1940 г.;

б) осужденных за маловажные бытовые преступления, имеющих остаток срока наказания менее года;

в) осужденных беременных женщин и женщин с малолетними детьми (кроме осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм и рецидивисток);

г) осужденных за нарушение дисциплины и самовольный уход из училищ учащихся ремесленных училищ и железнодорожных училищ и ФЗО.

Просить ГКО СССР утвердить данное решение. Председатель гор. комитета обороны М. Родионов»[1].

Итак, комитет обороны решал круг самых разнообразных задач оборонного и административно-хозяйственного характера. Интересно то, что наиболее важные решения городского комитета отсылались на утверждение в Государственный Комитет Обороны.

7—10 ноября 1941 г. в повестке этого комитета обороны стояли вопросы: о мероприятиях по обеспечению увеличения выпуска противотанковых пушек ЗИС-2 заводом № 92 имени Сталина; о размещении завода № 119 НКАП; об обращении к строителям оборонного рубежа; о вывозе женщин и детей из г. Горького в районы области; о создании дублера по сборке М-13.

Обратим внимание на то, что вопросы строительства горьковского оборонного рубежа не сходят с повесток дня. Это понятно — вермахт нацелился гигантскими «клещами» охватить Москву, а Горьковская область граничит с Московской. Значит, возможно появление немцев. Вызывает интерес обращение местного комитета обороны к строителям линии обороны: «...товарищи Горьковчане! Наш город — родина ополчения Минина во время Великой смуты. Наш город — родина великого пролетарского писателя Горького. Из наших рядов вышли великие народные герои — Чкалов и Гастелло. ...Развертывайте социалистическое соревнование за лучшее и досрочное завершение строительства!

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 491. Л. 30—34.

Комитет обороны уверен, что горьковчане, полные чувства любви к Родине, к своему городу, с честью выполнят священный долг советских патриотов. ...Нашим трудом мы приближаем нашу победу. Теснее боевые ряды вокруг большевистской партии, вокруг великого вождя и учителя тов. Сталина!

Председатель Горьковского комитета
обороны Родионов»[1].

Власти г. Горького, внимательно изучив доклад и речь вождя, произнесенные им в честь 24-й годовщины Октябрьской революции, оперативно откликнулись на новое идеологическое веяние в верхах и тоже вспомнили своего героя Кузьму Минина как славного русского патриота. В документе горьковского комитета переплетается большевистская идеология и национально-государственный патриотизм. Это было тогда характерным для местных властей. Многие секретари, боясь быть обвиненными в оппортунизме и отходе от линии партии, не знали, куда сделать крен в идеологической и массово-политической работе.

Саратовский комитет обороны своим постановлением № 1 от 29 октября 1941 г. решил:

«1. Для непосредственной обороны г. Саратова создать оборонительный рубеж в 7—9 км от черты города с примкнутыми флангами к Волге...

3. Коменданту города предоставить право привлечь для производства работ части саратовского военного гарнизона, войска НКВД и рабочие отряды в течение пяти полных суток непрерывной работы, для чего запросить санкцию командования Приволжского военного округа.

4. В помощь частям и рабочим отрядам для работы на оборонительном рубеже привлекать по выходным дням все партийные, комсомольские, советские организации и трудящихся г. Саратова с прилегающими к нему поселками.

5. Организацию выхода на работу, производство работы и снабжение инвентарем возложить на исполком горсовета, райкомы ВКП(б), исполкомы райсоветов и руководителей предприятий и учреждений...

8. Коменданту города немедленно докладывать городскому комитету обороны о руководителях. Не обеспечивающих или срывающих

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 491. Л. 50—62.

выполнение столь важного государственного задания, для привлечения к ответственности...

Председатель Саратовского городского комитета обороны И. Власов»[1].

Постановление Саратовского комитета обороны № 3 сс от 31 октября 1941 г. называлось «О дивизии народного ополчения г. Саратова». В этом документе представлен механизм создания и функционирования добровольческих формирований. В нем, в частности, говорилось:

«1. Освободить от работы на производстве и в учреждениях с содержанием за счет производства по ныне занимаемой должности на основании постановления Государственного Комитета Обороны от 4 июля № 10 и от 10 июля № 84:

По штабу дивизии:

— командира дивизии т. Рыбалко К.И.— работает зав. военной кафедрой юридического института;

— комиссара дивизии т. Петрова З.С.— работает Уполномоченным Главного управления геодезии и картографии при исполкоме Облсовета;

— начальником политотдела т. Федорова А.Н.— работает зам. директора по административной части пединститута;

— начальника связи дивизии т. Кузнецова — работает нач. охраны Облуправления связи.

По Октябрьскому полку:

— командира полка т. Королева Г.П.— работает инспектором по военной подготовке при ОблОНО;

— начальника штаба полка т. Амидинского В.И.— работает помощником заведующего учебной частью пединститута;

— начальника связи полка — т. Бурмистрова;

— писаря полка — вакантная. (Далее даны штаты по Кировскому, Волжскому и Фрунзенскому полкам).

1. Категорически запретить всякие переброски и командировки личного состава народноополченцев без ведома и согласия командования дивизии...

2. Получить исполкому Облсовета т. Петрову выделить в распоряжение дивизии народного ополчения необходимые средства на организационные расходы.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп 1. Д. 504. Л. 1—2.

3. Выделить в распоряжение дивизии народного ополчения одну легковую и одну грузовую автомашины для постоянного дежурства и связи.

4. Предоставить в распоряжение штаба дивизии народного ополчения помещение, ныне занимаемое обкомом ВЛКСМ, где разместить штаб дивизии и Волжского полка.

Председатель Саратовского комитета обороны Власов»[1].

На основании этого документа мы видим, что задача создания дивизий народного ополчения осенью 1941 г. была одной из самых приоритетных в работе местных комитетов обороны. Это была вынужденная мера, поскольку регулярных войск Красной Армии катастрофически не хватало. До войны такое направление деятельности местных властей вообще не рассматривалось в советской военной доктрине. Наскоро сформированные из добровольцев, и не только из них, эти полувоенные части и соединения без какой-либо боевой подготовки посылались рыть окопы, строить оборонительные сооружения и при прорыве немцев бросались в бой. Большинство ополченцев погибло, но они выполнили свой долг перед Родиной.

Исследование документов свидетельствует, что подобные решения имели место и в других городских комитетах обороны в октябре—ноябре первого года войны.

В целом, функционирование в военное время местных чрезвычайных органов власти придало управленческому механизму в обстановке прифронтового тыла несомненную мобильность и четкость. Скоординированность в их рамках действий военной и гражданской власти в конечном итоге способствовало более полному и оперативному исполнению в регионах ресурсов и возможностей. Это в определенной мере компенсировало пороки сложившейся политической системы и ошибки центральной власти.

Такой тип органов власти, как городские комитеты обороны, был необходим в крупных городах, находившихся недалеко от линии фронта. Тем более, что обстановка войны несла в себе возможности для результативного использования на местах административно-командных, военных методов управления.

Анализ структурного развития Государственного Комитета Обороны в годы минувшей войны показывает довольно четкую организа-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 504. Л. 3—5.

ционную структуру этого политического института. Важно отметить, что она не была статичной — она динамично развивалась, реформировалась в соответствии с условиями военного времени.

Для структурно-институционального развития и функционирования Государственного Комитета Обороны в войну было характерно:

— вынужденная необходимость и некоторая спонтанность создания этого чрезвычайного органа и его организационных структур;

— отсутствие опыта формирования и структурного развития такого органа власти;

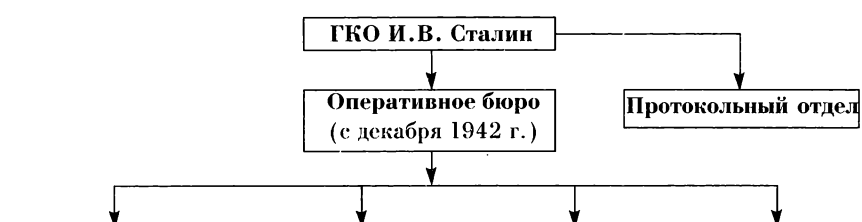
— руководство структурным развитием ГКО со стороны первого лица государства и партии — И. Сталина;

— отсутствие органов прямого подчинения, руководство действующей армией, обществом и народным хозяйством через конституционные органы власти;

— использование в своей деятельности в качестве исполнительного и технического аппаратов аналогичных структур высших органов партийной и исполнительной власти СССР;

— отсутствие официально утвержденных задач, функций и полномочий ГКО и его аппарата.

К концу 1942 г. структура ГКО устоялась, далее практически не менялась и представляла собой следующую схему:

Рабочие группы членов ГКО	Специальные комитеты и комиссии	Уполномоченные ГКО	Городские комитеты обороны
— Молотова В.М. — Берия Л.П. — Ворошилова К.Е. — Микояна А.И. — Вознесенского Н.А. — Кагановича Л.М. — Маленкова Г.М.	— Особый — По эвакуации — Транспортный — По транзитным грузам — По расследованию злодеяний нем.-фаш. захватчиков и др.	— По отраслям — По регионам — По фронтам — По специальным заданиям	Во всех прифронтовых городах и городах ближнего тыла

Анализируя эффективность работы чрезвычайных органов власти как в центре, так и на местах, можно сказать, что основная масса их решений была воплощена в жизнь. Они зарекомендовали себя авторитетными и достаточно эффективно работающими органами власти. Но были и просчеты. Не всегда руководство ГКО, рабочих групп, специальных комитетов и городских комитетов обороны подходило реально к постановке задач и к определению времени, необходимого для их выполнения, к определению размеров материальных затрат и людских ресурсов. Чрезвычайные органы совершенно не думали о цене решения проблемы, о человеческих жизнях. Чрезвычайные методы работы позволяли сосредоточиться только на очень узких, оперативных задачах. С их помощью нельзя было охватить ситуацию в полном объеме. Общество не могло долго работать в режиме «чрезвычайщины», оно уставало. Но в то время нужно было выбирать меньшее из зол.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны была проведена коренная структурная перестройка органов государственной власти и управления, направленная на превращение страны в единой военный лагерь. Изменение системы власти шло по линии создания новых, чрезвычайных структур и, прежде всего, ГКО и Ставки Верховного Главнокомандования. Особые условия войны потребовали особых властных органов.

Глава 4

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГКО В ПЕРВЫЙ ВОЕННЫЙ ПЕРИОД

С началом Великой Отечественной войны коренным образом изменилось содержание деятельности системы власти и государственного управления советского государства. Трудности и поражения начального периода войны потребовали наряду с организационной перестройкой перестройку содержательную, функциональную. С функциональной точки зрения в период войны органы государственной власти охватили три основные сферы управленческой деятельности: 1) военно-стратегическое руководство действующей армией и флотом (Ставка Главного Командования — Ставка Верховного Командования — Ставка Верховного Главнокомандования); 2) политико-административное управление делами государства и общества (Государственный Комитет Обороны; 3) военно-хозяйственное управление страной (СНК, Госплан СССР, промышленные наркоматы, различные чрезвычайные комитеты.

Центральным звеном всей системы государственной власти и управления Советского Союза явился Государственный Комитет Обороны как полновластный высший государственной орган, который в чрезвычайных условиях войны взял в свои руки право и ответственность мобилизации всех сил страны на отпор врагу.

Деятельность ГКО в первые месяцы войны проходила в крайне тяжелой и неблагоприятной обстановке. Перед чрезвычайным органом власти встали неотложные задачи, вызванные войной и нашей неподготовленностью к отпору врага. Предстояло в очень сжатые сроки, оценив обстановку, принять верные управленческие решения и целенаправленно провести в жизнь крупномасштабные мероприятия, направленные на организацию разгрома агрессора.

Но это не означало, что ГКО руководил всеми структурами и ведомствами государственного организма. Анализ работы этого органа показывает, что он прежде всего и напрямую управлял теми структурами, от которых зависел ход и исход войны. Другими ведомствами он руководил через Ставку ВГК, ЦК ВКП(б), Совнарком СССР, Госплан СССР, наркоматы, центральные административные и хозяйственные органы, местные партийные и советские органы.

Протоколы постановлений ГКО свидетельствуют, что Государственный Комитет Обороны занимался руководством: во-первых, Ставки Верховного Главнокомандования, наркоматов обороны и военно-морского флота; во-вторых, наркоматов оборонной промышленности — авиационной, вооружения, боеприпасов, танковой, судостроительной, минометной; в-третьих, базовых отраслей промышленности, обеспечивавших оборонные наркоматы — угольной промышленности, черной и цветной металлургии, нефтяной промышленности и т.д.[1]

Государственный Комитет Обороны, созданный в начале войны как мозговой центр и механизм перестройки страны на военный лад, в 1941—1942 гг. осуществлял предназначенную ему функцию по следующим основным направлениям:

— управление военной экономикой страны, прежде всего оборонными и базовыми отраслями промышленности;

— руководство военно-мобилизационной работой и формированием боевых резервов для Красной Армии;

— военно-стратегическое руководство через Ставку ВГК действующей армией и флотом;

— осуществление военно-кадровой политики;

— управление государственным аппаратом в военных условиях.

Это были общие, «классические» направления деятельности властных органов, прогнозируемые еще в мирное время на случай войны. Но ее крайне неудачное начало выявили особые, незапланированные ранее направления работы властных структур, возникшие в результате неожиданно поспешного отступления Красной Армии в глубь страны. К ним следует отнести:

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1—69.

— эвакуация и перебазирование на восток производительных сил и квалифицированной части населения;

— создание и боевое использование дивизий народного ополчения и других добровольческих формирований;

— организация партизанского движения на временно оккупированных врагом территориях;

— развертывание всенародной помощи фронту;

— организация Всесоюзного соревнования по отраслям промышленности и сельского хозяйства.

Надо отметить, что особые направления деятельности были характерны для властных структур в основном в 1941—1942 гг.

В рамках названных направлений деятельности Государственный Комитет Обороны проводил крупномасштабные мероприятия, решал огромное количество различных вопросов, касавшихся обороны страны. По подсчетам автора, всего в рамках первого периода — с 1 июля 1941 г. по 19 ноября 1942 г. состоялось 2527 заседаний Государственного Комитета Обороны[1], — это примерно по пять заседаний (или решений) в день.

Изучение документов ГКО показывает, что приоритетными вопросами, которые рассматривались на его заседаниях в 1941—1942 гг., были:

— планирование производства боевой техники, вооружения и боеприпасов для фронта и постоянное наращивание их выпуска;

— формирование и укомплектование новых дивизий и бригад, прежде всего, стрелковых и танковых;

— организация работы железнодорожного транспорта, контроль за военным графиком движения составов;

— эвакуация промышленных предприятий, стратегических грузов и запасов продовольствия и сырья на восток;

— распределение ресурсов — людских, промышленных, сырьевых, продовольственных и других;

— материально-техническое, продовольственное и иное снабжение Красной Армии;

— вопросы противовоздушной обороны;

— строительство оборонительных сооружений;

— оборона Москвы и многие другие вопросы.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1—69.

Анализ показывает, что из всего количества постановлений ГКО почти треть (28%) была посвящена перестройке военной экономики, увеличению производства боевой техники, вооружения и боеприпасов; около 20% решений касалось военно-мобилизационной работы и формирования новых частей и соединений для действующей армии; 18% постановлений решало вопросы стратегического руководства Красной Армией и военно-кадровых вопросы; 12% касалось вопросов управляемости государства, ужесточения внутренней политики, укрепления дисциплины и правопорядка в стране; 10% — вопросов эвакуации и перебазирования; 7% — всенародной помощи фронту; 5% — разным вопросам. К последним следует, в частности, отнести: вопросы железнодорожного транспорта, ПВО Москвы и Ленинграда, Можайской линии обороны, добровольческого движения, переселения советских немцев, трудовой мобилизации в промышленность, отпуска продовольственных пайков для армии.

Приоритетность и актуальность вопросов во многом зависела от складывавшейся на фронтах обстановки. Но главными, на наш взгляд, направлениями работы Государственного Комитета Обороны в первый период войны были два — перестройка военной промышленности на военные рельсы и формирование боевых резервов. Именно от них в первую очередь зависел ход и исход войны. Анализ показывает, что напрямую ГКО мало занимался действующей Красной Армией; ей руководила Ставка ВГК как высший военно-стратегический орган страны.

Первое направление — **перестройка военной промышленности в целях резкого увеличения выпуска боевой техники и вооружения для фронта** стало актуальным для власти буквально с первого дня войны. Анализ этого направления деятельности показывает, что особое внимание чрезвычайным органом власти уделялось:

во-первых, переводу наркоматов оборонной промышленности на режим военного времени, перепрофилированию мирных отраслей на производство военной продукции и быстрейшему вводу в строй эвакуированных предприятий;

во-вторых, жесткому централизованному планированию выпуска боевой продукции фронту и повышению ответственности наркоматов и заводской администрации за выполнение плановых заданий;

в-третьих, резкому увеличению производства таких видов боевой техники, как танки, боевые самолеты и реактивные установки, от которых в определяющей мере зависел исход боевых действий;

в-четвертых, запуску в серию и приоритетному производству новых образцов боевой техники — самолетов Як-1 и Ил-2, танков Т-34 и КВ, установок реактивных минометов М-8 и М-13;

в-пятых, ускоренному производству средств борьбы с танками противника — противотанковых пушек и ружей, а также бутылок с зажигательной смесью.

в-шестых, решению проблемы обеспечения действующей армии стрелковым оружием, в основном трехлинейками. Уже потом встала задача насыщения войск автоматическим оружием.

Почти все из перечисленных сфер деятельности были характерны только для начального и первого периодов войны.

Нападение Германии на СССР потребовало от страны максимального расширения военного производства. Экономика перестраивалась в условиях, когда враг быстро продвигался в глубь страны, а Красная Армия несла огромные потери в боевой технике и вооружении. Главным звеном перестройки народного хозяйства являлась коренная реорганизация военной промышленности. Чтобы ее успешно реорганизовать, необходимо было решить три задачи: во-первых, значительно повысить темпы производства собственно военных отраслей промышленности, во-вторых, перевести гражданское машиностроение на военное, в-третьих, как можно быстрее ввести в строй эвакуированные оборонные предприятия.

Решение задачи форсированного военного производства осложнялось тем, что к осени 1941 г. значительная часть европейской территории СССР была оккупирована или находилась в зоне военных действий. Страна лишилась большого количества сырья и производственных мощностей, железнодорожных узлов и линий. Нарушились традиционные хозяйственные связи, что отразилось на работе предприятий по выпуску, прежде всего, кооперированной военной продукции.

Самыми критическими месяцами для военной экономики оказались ноябрь и декабрь 1941 г. Из-за потерь и эвакуации тысяч предприятий валовая продукция промышленности с июня по ноябрь

упала в 2,1 раза[1]. При сокращении общего промышленного производства выпуск военной продукции, на котором концентрировалось внимание, во втором полугодии 1941 г. увеличивался, хотя неровно и не столь быстрыми темпами.

В решении задачи резкого увеличения производства боевой техники ГКО с первого дня войны особый упор делал на выпуск танков и боевых самолетов — основных технических средств вооруженной борьбы. Это стало центральным направлением военно-технической политики государства не только в первом военном периоде.

Уже на третий день войны, 25 июня Политбюро ЦК приняло решение об увеличении выпуска тяжелых и средних танков[2]. Логика этого решения понятна: в начале военных действий части и соединения Красной Армии, неорганизованно вступая в бой и беспорядочно отступая, потеряли большую часть своего танкового и механизированного парка. Из имевшихся на 22 июня 1941 г. 22,6 тыс. танков к концу года у Красной Армии осталось всего 2,1 тыс.[3]. К 10 июля 1941 г. в войсках Западного фронта насчитывалось лишь 145 танков, готовых к боевому применению. Мы утратили свое количественное превосходство в танках. Соотношение сил на советско-германском фронте в июле стало 7:1 в пользу немцев[4].

Вермахт, наступая по трем стратегическим направлениям, рассекал наши войска именно танковыми маневренными группами. В Кремле скоро стало окончательно ясно, что в начавшейся войне одного героизма и самопожертвования недостаточно — все решает техника. Исходя из этого, необходимо было срочно расширять танковое производство с тем, чтобы ликвидировать превосходство противника в бронетехнике.

Поэтому первые заседания и постановления ГКО за № 1 и № 2 от 1 июля 1941 г. были посвящены теме производства танков. На осно-

---

[1] Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 77.

[2] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 24.

[3] Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 75.

[4] История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2. С. 65—66.

вании этих решений горьковский завод «Красное Сормово», подведомственный Наркомсудпрому и производивший подводные лодки, срочно переводился на выпуск средних танков Т-34. Челябинский тракторный завод, подведомственный Наркомсредмашу, переходил на выпуск тяжелых танков КВ-1[1]. В скором времени практически все тракторные и автомобильные заводы, согласно мобилизационных планов, были переведены на сборку бронетанковой техники, а заводы сельхозмашиностроения передавались вновь созданному наркомату минометного вооружения.

5 июля 1941 г. вышло постановление ГКО № 29 о создании на востоке страны заводов-дублеров по производству танковых дизелей и моторов[2]. 13 октября 1941 г. ГКО постановил (постановление № 794) приступить к строительству двух заводов легких танков Т-50 в г. Барнауле и г. Кургане и завода по производству дизелей в Барнауле. Сроки строительства и сдачи объектов в эксплуатацию — к 1 июля 1942 г. Мощность заводов — по 15 танков в сутки[3]. Совершенно очевидно, что правительство стремилось во что бы то ни стало стабилизировать ситуацию с танками.

9 июля ГКО, ввиду особой важности, вновь вернулся к вопросу о работе завода «Красное Сормово», приняв постановление № 82 «Об обеспечении производства танков Т-34 на заводе «Красное Сормово». Высший орган страны обязал руководство Наркомата и администрацию предприятия выпускать в 1941 г. боевые машины по жесткому государственному графику — в августе выпуск должен составить 10 машин, в сентябре — 75, в октябре — 150, в ноябре — 225 и в декабре — 250 танков[4]. Правительство, предъявляя заводу очень напряженный график работы, требовало постоянного наращивания объемов выпуска военной продукции.

Ускоренное производство бронетанковой техники, как и другой военной продукции, осуществлялось на основе строгого государственного планирования. Перед наркоматом танковой промышленности, наркоматом среднего машиностроения, перед каждым заводом,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—4.

[2] Там же. Д. 1. Л. 92.

[3] Там же. Д. 12. Л. 140.

[4] Там же. Д. 1. Л. 272.

производившем танки и дизели, во второй половине 1941 г. Государственным Комитетом Обороны ставились декадные и месячные правительственные задания. Эти задания имели значение законов военного времени; их неисполнение влекло за собой жесткую ответственность, вплоть до уголовных репрессий.

В то же время ГКО, организуя, координируя и контролируя работу оборонных наркоматов, принимал меры по обеспечению выполнения этих заданий и планов. Так, 10 сентября 1941 г. он принял постановление № 656 «Об обеспечении плана производства танков в сентябре месяце 1941 г.» по Харьковскому, Сталинградскому, Челябинскому тракторным заводам, Кировскому заводу, Уралтурбомашу, заводам № 37, 75, 174, 183 и ряду других[1].

Исследование вопроса показывает, что буквально с самого начала войны ГКО взял курс на постоянное наращивание производства танков преимущественно новых типов. 13 ноября 1941 г. вышло жесткое постановление ГКО № 892 по Кировскому танковому заводу, который после эвакуации из Ленинграда в Челябинск практически с колес переходил на выпуск боевой техники. Подстегивая хозяйственных руководителей, Кремль обязал наркома танковой промышленности А. Малышева и директора Кировского завода И. Зальцмана «обеспечить наращение мощностей и выпуск танков КВ по следующему графику:

в декабре 1941 г.: в первой декаде — по 14
во второй — по 17
в третьей — по 17
в январе 1942 г.: в первой декаде — по 17
во второй — по 17
в третьей — по 20»[2].

На следующий день, 14 ноября И. Сталин постановлением ГКО № 899 утвердил план увеличения выпуска танков в декабре 1941 и январе 1942 г. по всем заводам страны до 140 боевых машин в сутки. При этом тяжелые танки КВ в тот период выпускал только Кировский завод, размещенный в «Танкограде» (на базе Челябинского тракторного завода). Производство среднего танка Т-34 уве-

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6, Л. 24.

[2] Там же. Д.14. Л. 79.

личивалось на Сталинградском тракторном заводе (до августа 1942 г.), на заводе № 183, эвакуированном из Харькова в Нижний Тагил, на заводе № 112. Суммарно этим заводам ставилась задача производства 42 машин в сутки. Легкие танки Т-60 и Т-50 собирались на Горьковском автозаводе, Коломенском заводе, Харьковском тракторном, заводах № 37 и 174 (всего 78 машин в сутки). Итого, 140 танков в сутки, которые должны были, по расчетам руководства, компенсировать ежедневные боевые потери Красной Армии.

Благодаря принятым ГКО мерам танковая промышленность, сконцентрированная в таких центрах, как Челябинск, Нижний Тагил, Свердловск, Сталинград, Горький, сумела во втором полугодии 1941 г. выпустить боевых машин в 2,8 раза больше, чем в первом, довоенном. Однако она не смогла в 1941 — первой половине 1942 г. полностью восполнить понесенные на фронте потери в танках. Установленные ГКО планы по выпуску танковой техники были выполнены во втором полугодии 1941 г. только на 61,7%, в первом квартале 1942 г. еще меньше — на 45%[1].

Не меньшее внимание военно-политическое руководство страны и лично И. Сталин уделяли военной авиации, понимая, что успех сухопутных сил во многом зависит от прикрытия с воздуха.

Потери советских ВВС с началом войны были огромны и несопоставимы с противником. В течение первого дня войны германские самолеты, совершив массированные налеты на 66 аэродромов приграничных округов, уничтожили 1200 самолетов Красной Армии, в том числе 800 на земле. Более половины этих потерь пришлось на Западный фронт, где врагу удалось вывести из строя за один день 528 боевых машин на земле и 210 в воздухе[2]. К началу смоленского сражения в войсках Западного фронта имелось лишь 389 исправных и 112 неисправных боевых самолетов. В целом, по всем фронтам соотношение сил по боевым самолетам в тот момент было 2:1 в пользу немецких войск[3]. О масштабах потерь говорит тот факт, что из имев-

---

[1] Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 78.

[2] История Великой Отечественной войны Советского Союза.1941—1945: В 6 т. М., 1961. Т.2. С.16.

[3] Там же. С. 65—66.

шихся у нас на 22 июня 1941 г. 20 тыс. самолетов к концу года осталось всего 2,1 тыс.[1].

Без восполнения таких потерь, причем в кротчайшие сроки, борьба с врагом была бы просто бессмысленной. Проблема заключалась в том, что, во-первых, основная производственная база Наркомата авиационной промышленности (НКАП) находилась в зоне боевых действий и подлежала эвакуации. НКАП в ходе эвакуации вывез на восток 118 авиазаводов, или 85% всех своих мощностей[2]. Во-вторых, очень сложно было переключить гражданские заводы на производство такой сложной военной техники, как боевые самолеты. Ситуация стабилизировалась в основном благодаря тому, что с августа 1940 г. Наркомату авиапромышленности было передано из других отраслей более 60 действующих заводов. В условиях начавшейся войны рост выпуска самолетов шел прежде всего за счет быстрого восстановления вывезенных и ускоренного строительства новых авиазаводов в Куйбышеве, Казани, Саратове, Омске, Новосибирске, Иркутске, Ташкенте.

Уже на четвертый день своей работы Государственный Комитет Обороны принял постановление № 22 «О плане выпуска Наркоматом авиационной промышленности самолетов и моторов в третьем квартале 1941 г.». Согласно этого документу в июле — сентябре 1941 г. все авиационные заводы страны должны были произвести и дать фронту 4098 самолетов-истребителей, 2108 бомбардировщиков и 995 штурмовиков. Причем график выпуска боевых машин давался помесячно отдельно по каждому заводу под личную ответственность директоров. Планировался заметный прирост производства авиационной техники по заводам № 1, 21, 23, 31, 153, 292, производивших истребители МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1; заводам № 22, 39, 18, 124, 126, выпускавших бомбардировщики Пе-2, ДБ-3ф, ТБ-7, Су-2; заводу № 18, собиравшего штурмовики Ил-2[3]. Это были очень напряженные плановые задания, часто не подкрепленные материальными и кадровыми ресурсами.

---

[1] Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 75.

[2] Там же.

[3] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 83.

Через два месяца, 8 сентября 1941 г., ввиду появившихся проблем с выполнением этого плана ГКО вновь обратился к вопросу работы НКАП, приняв специальное постановление № 647 о плане выпуска самолетов и моторов на 1941 г. и мобилизационной программе на 4 месяца (сентябрь—декабрь 1941 г.) по НКАП. Правительство поставило перед наркоматом и авиационными заводами новую задачу — в течение сентября—декабря 1941 г. выпустить 4785 самолетов-истребителей, 2321 бомбардировщик и 2443 штурмовика. Всего — 9399 боевых самолетов, 165 транспортных и 1148 учебных[1].

1 апреля 1942 г. ГКО, хотя и с опозданием, утвердил план выпуска самолетов и моторов на 1942 г. (постановление № 1522). Подводя итоги прошедшего года, высший орган страны отметил факт невыполнения Наркоматом авиапромышленности (А. Шахурин) государственных планов выпуска самолетов фронту. «Государственный Комитет Обороны устанавливает,— говорилось в документе,— что большинство эвакуированных авиазаводов работает не на полную мощность, в результате чего авиационная промышленность дает меньше половины продукции по сравнению с тем, что может быть снято с имеющихся производственных площадей. Полезная отдача оборудования и производительность труда неудовлетворительны. Наиболее слабо используемой, по-прежнему, является группа сибирских заводов.

С целью максимального увеличения выпуска продукции Государственный Комитет Обороны постановляет:

2. Установить по НКАП план производства в 1942 г. 25683 боевых самолетов... (далее идет ежеквартальный план выпуска самолетов по их типам и по каждому авиазаводу);

5. Обязать Наркомавиапром — т. Шахурина и директоров самолетных и моторных заводов обеспечить месячный выпуск самолетов и моторов согласно приложениям...

9. Наркомату авиационной промышленности провести решительные меры по улучшению работы заводов, 100% использованию рабсилы и оборудования и по бесперебойному снабжению авиазаводов материалом и агрегатами.

Председатель ГКО И. Сталин»[2].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 209.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 26. Л. 47—48.

В начале мая 1942 г. ГКО постановлением № 1690 «О графике выпуска самолетов и авиационных моторов в мае—месяце 1942 г.» вводит практику не только ежемесячного, но и ежедневного планирования и контроля выпуска авиационной техники по каждому авиазаводу. Характерным являлось то, что на основании этого решения власть впервые стала применять на производстве не только голое администрирование, но и метод материального стимулирования рабочих. Далее эта тенденция расширится.

Важно отметить, что советское руководство не только ставило перед авиационной промышленностью сложные задачи и определяло напряженные планы выпуска продукции, оно также принимало необходимые организационные, административные, моральные, финансовые и другие меры по обеспечению выполнения этих планов.

Например, 26 апреля 1942 г. ГКО принял постановление «О мерах помощи авиационным заводам в гг. Куйбышеве и Казани», на основании которого Управление трудовых резервов страны (начальник — П.Г. Москатов), секретари Куйбышевского, Чкаловского, Пензенского обкомов ВКП(б) обязывались в короткие сроки мобилизовать для названных авиационных заводов необходимую рабочую силу[1]. Постановлением № 1690 от 3 мая 1942 г. ГКО ввел систему премирования заводов НКАП, цехов, отдельных работников за перевыполнение производственных планов выпуска самолетов фронту. Отныне за выполнение и перевыполнение месячных заданий заводам НКАП устанавливались денежные премии. Так, в мае 1942 г. из резервного фонда СНК СССР в распоряжение Наркома авиапромышленности было выделено 35 млн. рублей для выплаты работникам наркомата, отличившимся в обеспечении выполнения плана[2].

На выполнение и перевыполнение государственных планов выпуска боевой техники фронту было нацелено Всесоюзное соревнование работников авиационной и других отраслей промышленности, развернувшееся по всей стране в мае 1942 г. Официальным документом, регламентировавшим организацию Всесоюзного соревнования, в частности в авиационной промышленности явилось постановление

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 32. Л. 38.

[2] Там же. Л. 213—215.

ЦК ВКП(б) «Об организации Всесоюзного социалистического соревнования работников авиационной промышленности» от 6 мая 1942 г.[1]

В целях обеспечения роста производства военной техники фронту властью широко применялись и меры административно-уголовной ответственности руководящего и инженерно-технического состава авиационных и других заводов за невыполнение планов или низкое качество произведенной продукции. Так, в ноябре 1941 г. постановлением ГКО № 934 «за срыв задания Правительства об организации производства минометов» директор завода «Двигатель революции» Наркомтяжмаша Суслов В.П. был снят с работы и привлечен к уголовной ответственности. Выписки из решения ГКО были направлены Наркому тяжелой промышленности Н. Казакову и Наркому внутренних дел СССР Л. Берия[2].

29 мая 1942 г. ГКО (постановление № 1827) указал соответствующим органам и должностным лицам провести на авиазаводе № 16 (г. Казань) расследование причин дефектов моторов на самолетах Пе-2, установить виновников и привлечь их к суду как нарушителей Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями»[3].

Несмотря на принятые меры, до весны 1942 г. планы выпуска самолетов фронту авиапромышленностью выполнять не удавалось. Наибольший спад производства по НКАП наблюдался в декабре 1941 г., когда месячный план был выполнен лишь на 38,8%[4].

Решая проблему увеличения производства боевой техники фронту, военно-политическое руководство страны особое внимание уделяло росту выпуска ее новых образцов, превосходивших по боевым показателям аналоги в армии противника. Анализируя военно-техническую политику И. Сталина в 1941—1942 гг., которая реализовывалась в решениях ГКО, видишь приоритеты — это производ-

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 289—291.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 144.

[3] Там же. Д. 36. Л. 169.

[4] Великая отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 78.

ство новых танков Т-34 и КВ, новых самолетов Як-1, Ил-2, Пе-2, новых установок реактивных минометов М-8 и М-13.

Уже упоминаемые первые два постановления ГКО от 1 июля 1941 г. были посвящены наращиванию производства современных танков Т-34 и КВ. Во всех государственных планах выпуска бронетанковой техники за 1941—1942 гг. отдельной строкой проходила статистика, касавшаяся производства новых тяжелых и средних танков.

Данная тенденция в военно-технической политике более отчетливо проявилась в самолетостроении. В государственном плане производства самолетов и моторов на третий квартал 1941 г., утвержденном ГКО 4 июля 1941 г., значатся исключительно самолеты новых марок — истребители МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1, пикирующие бомбардировщики Пе-2, Су-2, штурмовик Ил-2[1].

В августе 1941 г., по подсчетам автора, вышло шесть специальных постановлений ГКО, посвященных росту производства самолетов новых типов, не уступающих по своим летно-техническим данным самолетам Люфтваффе. Это постановления:

— № 482 от 14 августа «О выпуске самолетов ЛаГГ-3 и Як-1»;

— № 566 от 23 августа «О производстве упрощенного самолета Пе-2»;

— № 567 от 23 августа «Об увеличении выпуска самолетов Як-1 на заводах НКАП»;

— № 569 от 23 августа «О постройке самолетов Ил-2 на заводе № 122 НКАП в г. Куйбышеве»;

— № 291 от 27 августа «Об увеличении выпуска самолетов Ил-2 на заводе № 18 НКАП»;

— № 594 от 27 августа «О производстве самолетов Ил-2 на заводе № 1 НКАП»[2].

В начале апреля 1942 г., утверждая план выпуска самолетов и моторов для Красной Армии на 1942 г. (постановление № 1522), ГКО первым пунктом определил основные типы боевых самолетов, предназначавшихся для массового серийного производства на заводах НКАП в 1942 г. Это были новые истребители Як-1, Як-7 и ЛаГГ-3,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 83.

[2] Там же. Д. 6 — 8.

штурмовик Ил-2, ближний бомбардировщик Пе-2, дальний бомбардировщик Ил-4[1].

Важным направлением военно-технической политики советского руководства в первый и особенно в начальный период войны было создание эффективных и массовых средств борьбы с танками противника. Решению данной проблемы был посвящен ряд специальных постановлений ГКО, которые касались производства противотанковых пушек, противотанковых ружей, а также бутылок с зажигательной смесью. Последнее было ноу-хау в вооружении.

В этом плане необходимо отметить постановление ГКО № 43 «О противотанковых зажигательных гранатах (бутылках)» от 7 июля 1941 г. и аналогичное постановление № 221 от 20 июля того же года «О принятии на вооружение горючей смеси № 2 и изготовлении бутылок с указанной смесью»[2]. Эти решения обязывали Наркомпищепром и Наркомлес СССР организовать с 10 июля 1941 г. изготовление литровых бутылок с вязкой огнеметной смесью № 2 в количестве 120 тыс. штук в сутки. ГКО приказывал Главному управлению ВВС организовать снаряжение и применение авиацией зажигательных мешков с вязкой огнесмесью для поражения танков, мотомехчастей, живой силы противника и создания массовых пожаров. На вооружение была принята горючая смесь № 2, получившая на западе название «Молотов-коктейль» и имевшая состав: сосновая живица — 40%, скипидар — 30%, бензин — 25%; воспламенитель — стеклянная ампула со смесью азотной кислоты и олеума. С такими бутылками красноармейцы вставали против немецких танков. Они проявляли мужество, но почему Наркомат обороны не позаботился о противотанковых пушках и ружьях?

Форсируя производство противотанковых пушек, ГКО принимает два постановления подряд — 6 августа 1941 г. «О полковых пушках 76 мм» и 11 августа «Об изготовлении 45 мм танковых и противотанковых пушек»[3]. Правительство обязало Наркомат вооружения (нарком Д. Устинов) и руководство отраслевых предприятий увеличить производство 76 мм и вновь развернуть выпуск 45 мм противо-

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 26. Л. 47.

[2] Там же. Д. 1. Л. 134; Д. 3. Л. 191.

[3] Там же. Д. 6. Л. 18, 155.

танковых пушек образца 1937 г., постоянно наращивая производственные мощности заводов НКВ.

В августе 1942 г. вышло два специальных постановления ГКО, посвященных налаживанию выпуска противотанковых ружей — № 453 «О производстве противотанкового ружья калибра 7,92 мм» и № 597 «О противотанковом ружье Симонова»[1]. Центр приказывал Наркомату вооружения развернуть на оружейных заводах Саратова и Тулы, согласно утвержденному графику, ускоренное изготовление данного вида вооружения и своевременную сдачу его в Наркомат обороны.

Наряду с отмеченными вопросами еще одной важной военно-технической проблемой, которой вплотную занимался ГКО в начале войны, была проблема стрелкового оружия. В ходе проведения массовой мобилизации военнообязанных, формирования новых стрелковых дивизий и бригад, создания дивизий народного ополчения возникла проблема обеспечения данных боевых резервов стрелковым оружием. Речь шла о винтовках. Учитывая тот факт, что почти все стратегические склады со стрелковым вооружением в самом начале войны были захвачены противником в приграничных районах, насущной стала задача — чем вооружить красноармейцев и народных ополченцев. Из имевшихся на начало войны 7,74 млн винтовок и карабинов к концу 1941 г. в Красной Армии осталось лишь 2,24 млн.[2] Это одна винтовка на троих.

Наиболее важными в решении данного вопроса были постановления ГКО № 526 от 20 августа 1941 г. «О выпуске трехлинейных винтовок и винтовочных карабинов на заводе № 74 НКВ», № 577 от 26 августа «О создании новых оружейно-пулеметных заводов в Медногорске Чкаловской области, Куйбышеве и Златоусте»[3] и № 696 от 20 сентября «О производстве винтовок на заводах № 74 и 54 НКВ»[4].

Судя по этим постановлениям, решение проблемы шло по двум путям: по линии форсированного выпуска трехлинейных винтовок

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л.192; Д. 8. Л. 61.

[2] Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 75.

[3] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 23.

[4] Там же. Д. 7. Л. 104; Д. 10. Л. 23.

на заводах страны, причем не только в системе Наркомата вооружения, и по линии изъятия винтовок, в том числе иностранных, со складов Осоавиахима и других военизированных организаций и передачи их Наркомату обороны. К концу 1941 г. проблема снабжения действующей армии винтовками в основном была решена. Но в войсках остро не хватало автоматов ППШ.

Таковы основные вопросы перестройки оборонной промышленности, которые ставила война перед Государственным Комитетом Обороны и которые решались органами государственной власти в первый военный период. Исследование показывает, что ГКО видел и анализировал эти проблемы, выделяя главные, находил пути их решения. Сложная военная обстановка, незапланированная массовая эвакуация предприятий, ограниченность времени, управленческие ошибки начала войны не могли не повлиять отрицательно на результаты работы военной промышленности. В течение первого года войны советская экономика не смогла полностью восполнить понесенные на фронте потери в боевой технике, вооружении и боеприпасах[1].

И тем не менее, концу 1942 г., подчинив все народное хозяйство нуждам войны, советское правительство сумело решить главную задачу — перестроить оборонную промышленность и обеспечить Красную Армию техникой, вооружением и боеприпасами в количестве, необходимом для перелома хода войны. К началу 1943 г. вермахт лишился своего превосходства в основных видах вооружения и боевой техники.

Второе важное направление деятельности этой властной структуры в первый период войны — **военно-мобилизационная работа и формирование новых боевых резервов.**

Это были важнейшие элементы стратегического развертывания Вооруженных сил. Кадровая Красная Армия представляла собой лишь их ядро. С началом войны предстояло в кротчайший срок отмобилизовать и развернуть массовую армию. Мобилизация Вооруженных сил СССР —комплекс мероприятий, направленных на их перевод с мирного на военное положение, на организацию и штатный состав военного времени, началась в стране на основании постановления

---

[1] Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 78.

Политбюро ЦК ВКП(б) № 95[1], оформленного как Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных...» от 22 июня 1941 г.[2]

Характерным являлось то, что обязательный призыв на военную службу военнообязанных запаса в первые дни войны по инициативе И. Сталина проводился не по всей территории страны. Мобилизация охватила Ленинградский, Прибалтийский, Западный, Киевский, Одесский, Харьковский, Орловский, Московский, Архангельский, Уральский, Сибирский, Приволжский, Северо-Кавказский и Закавказский военные округа. Восточная часть страны (Средняя Азия, Забайкалье, Приморье) вначале, примерно в течение недели, мобилизацией охвачена не была.

Мобилизации подлежали военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 г. включительно, т.е. мужчины наиболее дееспособного возраста — от — 23 до 36 лет. Первым днем мобилизации считалось 23 июня. Исследование данного вопроса показывает, что для военной мобилизации и процесса формирования боевых резервов, развернувшихся на территории СССР, были характерны свои особенности. В первую очередь, это:

— масштабность и высокие темпы мобилизации приписного личного состава;

— ускоренные темпы и особые условия мобилизации военнообязанных запаса в зоне боевых действий и в прифронтовых областях;

— довольно быстрое исчерпание мобилизационных ресурсов и приступ к мобилизации категорий ограниченно годных к военной службе мужчин;

— мобилизация начиная с весны 1942 г. женщин в обеспечивающие тыловые части Красной Армии (связь, ПВО, военная медицина и т.д.);

— развертывание добровольческого движения на фронт в виде дивизий народного ополчения;

— партийно-комсомольские мобилизации в действующую армию;

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 23.

[2] Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне: сб. документов. М., 1970. С. 39.

— форсированное создание новых боевых формирований, в первую очередь тех, от которых зависел ход и исход войны — стрелковых и танковых дивизий и бригад, полков реактивной артиллерии;

— осуществление первых шагов по созданию национальных войсковых формирований и иностранных воинских частей на территории СССР.

Огромная работа по мобилизации военнообязанного населения в ряды Красной Армии проводилась с началом войны военными советами округов, местными военными комиссариатами, партийными и советскими органами. Действующая армия ежедневно требовала все новых резервов. Большие потери в личном составе в первые полгода войны, гибель в условиях окружения ряда армий, крах Западного фронта заставили советское военно-политическое руководство с июля 1941 г. проводить форсированную и тотальную мобилизацию личного состава и материально-технических средств.

Все мобилизационные функции в начале войны в соответствии с довоенными представлениями выполнял Генеральный штаб. С образованием Ставки Главного Командования (затем ВГК) Генштаб превратился в его рабочий механизм, в связи с чем ГКО своим решением снял с него организационные функции по формированию новых боевых резервов и проведению призывов военнообязанных запаса. Задачи организации, мобилизации, формирования и укомплектования войск ГКО возложил на вновь созданное Главное управление формирования и укомплектования войск Красной Армии (Главупраформ)[1]. Его возглавил маршал Г. Кулик, которого вскоре сменил армейский комиссар первого ранга Е. Щаденко, одновременно являвшийся заместителем Наркома обороны.

Уполномоченным от Государственного Комитета Обороны по формированию боевых резервов постановлением ГКО № 12 от 3 июля 1941 г. был назначен маршал К. Ворошилов[2]. Главупраформ, таким образом, превратился в его рабочий орган (рабочую группу). Затем Ворошилов был направлен в качестве командующего Северо-западным направлением спасать Ленинград. Как несправившийся

---

[1] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 22.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1 . Д. 1. Л. 74.

с задачей, был заменен Г. Жуковым. И в декабре 1941 г. ГКО постановлением № 1063 вновь поручил «члену ГКО т. Ворошилову контролирование дела формирования и сколачивания новых дивизий и бригад...»[1].

Последующие призывы военнообязанных осуществлялись на основании решений ГКО в соответствии с Законом СССР о всеобщей воинской обязанности 1939 г. Спустя полтора месяца после начала войны и выхода в свет указа о мобилизации появилось постановление ГКО № 452 от 10 августа, которое приказывало до 15 августа 1941 г. призвать по мобилизации военнообязанных 1890—1904 гг. рождения и призывников 1922—1923 гг. рождения на территории Кировоградской, Николаевской, Днепропетровской областей и районов западнее Людиново—Брянск—Севск Орловской области[2]. Власти изымали контингент, способный носить оружие в возрасте от 18 лет до 51 года, из угрожаемых врагом районов.

15 сентября 1941 г. ГКО своим постановлением № 675 призвал в армию в масштабе всей страны граждан 1922 г. рождения[3]. В 1941 г. это была последняя массовая волна мобилизации на фронт. В течение июля—сентября 1941 г. в Красную Армию было мобилизовано свыше 6 млн. человек. К началу Московской битвы (октябрь 1941 г.) действующая армия по своему составу с учетом потерь и пополнения ее новыми тыловыми формированиями была практически новой. Старой кадровой РККА уже не существовало.

В тяжелые июльские дни 1942 г., когда враг рвался к Волге, ГКО принял решение (постановление № 2100 от 26 июля) о призыве в Красную Армию «полностью всех граждан, родившихся в 1924 году, независимо от места работы и занимаемых должностей и направить их: в военные училища и запасные части — 450 тыс.; в Военно-Морской флот — 100 тыс.; в войска НКВД — 75 тыс.; в войска Забайкальского фронта — 25 тыс. Взамен призывников 1924 г. рождения высвободить соответственно из Военно-Морского флота 100 тыс. человек, из войск НКВД 75 тыс., с Забайкальского фронта 25 тыс., а всего 200 тыс. человек обученного рядового и младшего начсоста-

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 17. Л. 171.

[2] Там же. Д. 6. Л. 140.

[3] Там же. Д. 9. Л. 127—129.

ва, годного к строевой службе, и передать к 1 сентября 1942 г. на укомплектование Действующей армии»[1]. Таким образом, в связи с острым дефицитом личного состава в армию пошли 18-летние юноши. К осени 1942 г. призывной контингент, не считая бронированных категорий, у нас был вычерпан полностью.

В трудных условиях и спешке проходила мобилизация мужчин в прифронтовой полосе. Мобилизационные контингенты западных округов согласно мобпланов должны были из пунктов сбора направляться в воинские части по местам дислокации. Но они оказывались занятыми немцами. Поэтому значительная часть призывников западных областей не попала в намеченные части Красной Армии; она просто разбежалась. В результате войска Прибалтийского, Западного и Киевского особых округов оказались неукомплектованными личным составом.

Характерно то, что когда гитлеровские войска подошли вплотную к Москве, Сталин подписал постановление ГКО № 807 от 16 октября 1941 г., которым обязал Наркомат обороны в течение двух дней провести в Москве и Московской области срочную мобилизацию всех военнообязанных запаса до 45-летнего возраста и призывников 1922—1923 гг. рождения[2]. Это было дальновидное решение.

Ввиду быстрого исчерпания мобилизационных ресурсов, советское правительство вскоре приняло решение призывать в Вооруженные силы граждан, ранее не планировавшихся для службы в армии. Это были мужчины призывного возраста, имевшие по тем или иным причинам отсрочки от призыва (болезнь, «бронь»), женщины, заключенные и некоторые другие категории населения.

Снимать отсрочки от призыва в армию Центр стал с сентября 1941 г., когда волны общей мобилизации, прокатившись по стране, забрали в армию основную массу призывников. Согласно постановлению ГКО № 675 от 15 сентября 1941 г., власть призвала в действующую армию военнообязанных запаса, пользовавшихся до этого отсрочками. К решению ГКО был приложен расчет по наркоматам на призыв военнообязанных в Красную Армию из числа пользующихся отсрочками. «Бронь» оставалась только у руководителей предприя-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 48. Л.19.

[2] Там же. Д. 12. Л. 161.

тий и учреждений, инженерно-технических работников производства, мастеров и квалифицированных рабочих с 6 разряда и выше; у всех рабочих с 5 разряда и выше, непосредственно занятых на производстве самолетов, танков, моторов, всех видов стрелкового и артиллерийского вооружения и боеприпасов; у преподавателей вузов, НИИ и научных работников; у подземных рабочих шахт, паровозных машинистов, их помощников, кочегаров и диспетчеров служб движения и связи[1].

Летом 1942 г. вновь была проведена масштабная акция по «разбронированию» ряда категорий граждан призывного возраста и направлению их в армию. Постановление ГКО № 2100 от 26 июля 1942 г. «Вопросы НКО» обязывало Наркомат обороны (т. Щаденко):

— «за счет сокращения и реорганизации тыловых частей и замещения вспомогательных должностей негодными к строю... высвободить к 1 сентября 1942 г. для боевых частей годных к строю 400 тыс. человек;

— обязать Наркоматы к 20 августа с.г. передать в армию:

а) 100 тыс. человек забронированных военнообязанных рабочих и служащих в возрасте до 35 лет;

б) 50 тыс. чел. военнообязанных, годных к строевой службе, в возрасте до 45 лет в составе рабочих колонн;

— обязать НКВД (т. Берия) передать в армию 35 тыс. человек военнообязанных, годных к строевой службе, до 40-летнего возраста из общего числа забронированных за милицией, лагерями, исправительно-трудовыми колониями и за учреждениями НКВД»[2]. К этому документу прилагалось два расчета разбронирования и призыва по наркоматам — в армию и в рабочие колонны.

Одним из путей пополнения действующей армии мужчинами призывного возраста был возврат после проверки в воинские части окруженцев и бежавших из немецкого плена красноармейцев, а также мобилизация лиц, отбывавших наказание в лагерях НКВД. 3 апреля 1942 г. вышло постановление ГКО № 1526, в котором в одном из пунктов впервые говорилось о возможности привлечения к мобилизации на фронт бывших под следствием и заключенных лиц. Постановление гласило: «Выделить и передать Главупраформу в течение

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 9. Л. 127—129.

[2] Там же. Д. 48. Л. 19—23.

апреля месяца с.г. 500 тыс. человек, годных к строевой службе в армии, в том числе...70 тыс. человек из числа военнослужащих, вернувшихся из окружения и проверенных в спецлагерях НКВД, и 10 тыс. человек призывного возраста из числа освобождаемых из лагерей НКВД»[1].

В июле 1942 г. ГКО обязывает Наркома внутренних дел Берию и Прокурора СССР Бочкова (постановление № 2100 от 26 июля, п. 8) «пересмотреть в течение августа и сентября месяцев в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД дела заключенных мужчин в возрасте до 40 лет, осужденных за бытовые и имущественные преступления, с целью досрочного освобождения и передачи в армию 30 тыс. человек, годных к несению строевой службы. НКВД СССР (т. Берия) передать, а НКО (т.Щаденко) призвать в армию 15 тыс. человек трудпереселенцев до 35-летнего возраста, годных к строевой службе в рядах армии»[2]. Далее эта тенденция будет развиваться и в действующую армию, прежде всего, в штрафные роты пойдут колонны заключенных с любыми, в том числе политическими, статьями.

В ходе затяжной войны советское руководство вынуждено было в начале 1942 г. прибегнуть к мобилизации в армию женщин. В основном они призывались во вспомогательные тыловые части, на нестроевые должности. Но патриотизм наших женщин был так велик, что они воевали и в боевых полках различных родов войск, особенно в частях противовоздушной обороны, военной авиации, будучи летчиками, штурманами, связистами и т.д.

Одним из первых таких решений было постановление ГКО № 1488 от 25 марта 1942 г. «О мобилизации девушек-комсомолок в части ПВО». Документ, подписанный И. Сталиным, гласил: «заменить в войсках ПВО территории страны 100 тыс. красноармейцев женщинами для замещения должностей: телефонистов, радистов, прибористов... Освобождающихся красноармейцев использовать на укомплектование выводимых с фронта стрелковых дивизий и бригад по планам Главупраформа Красной Армии»[3]. В целом, в войсках ПВО за годы войны служило свыше 300 тыс. женщин[4].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 17. Л. 73.

[2] Там же. Д. 48. Л. 20.

[3] РГАСПИ. Ф. 1. Д. 25. Л. 63.

[4] Великая Отечественная война. 1941—1945: Энциклопедия. С. 269.

5 мая 1942 г. вышло постановление ГКО № 1703 о мобилизации 25 тыс. девушек в Военно-Морской флот. К правительственному документу была приложена разверстка по краям и областям РСФСР на мобилизацию девушек на флоты[1]. Заметим, девушки призывались только из России.

В первый период Великой Отечественной войны были сформированы три женских боевых авиационных полка — ночных бомбардировщиков на По-2, фронтовых бомбардировщиков на Пе-2 и истребительный полк ПВО на Як-1. Одним из них командовала Герой Советского Союза М. Раскова. Наряду с этим были созданы 1-я отдельная женская добровольческая стрелковая бригада, Центральная женская школа снайперской подготовки и ряд других подразделений и частей, которые внесли значительный вклад в дело победы над врагом.

Важнейшим направлением военно-мобилизационной работы ГКО являлась деятельность по созданию, укомплектованию и подготовке на базе проведенной мобилизации новых стратегических боевых резервов. Анализ решений этого органа свидетельствует, что советское военно-политическое руководство в первый период войны обращало первостепенное внимание на массовое формирование стрелковых и танковых дивизий, а также новых полков реактивной артиллерии.

Затяжная война заставила всерьез заниматься вопросами формирования новых частей и соединений. По всей стране под руководством органов государственной, партийной и военной власти развернулась работа по созданию боевых резервов. Государственный Комитет Обороны направлял, координировал и контролировал эту работу.

8 июля 1941 г. ГКО принял первое в данной области постановление за № 48 «О формировании дополнительных стрелковых дивизий». Высший орган страны обязывал Наркомат обороны в целях усиления действующей Красной Армии сформировать дополнительно к мобилизационному плану 56 стрелковых дивизий численностью 13600 человек каждая. Примечательно, что тогда дивизии формировались за счет людских ресурсов наших западных областей и воору-

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 33. Л. 44—46.

жались боевым оружием, взятым не только со складов Наркомата обороны, но и из Осоавиахима[1].

Через три дня Государственным Комитетом Обороны принимается новое постановление (№ 98) «О формировании особой танковой бригады из специалистов-танкистов заводов Наркомсредмаша»[2]. В сентябре 1941 г. принимаются еще два постановления о формировании танковых бригад — № 671 от 13 сентября (создать 14 бригад в сентябре) и № 695 от 20 сентября (сформировать 18 бригад в октябре)[3].

В октябре 1941 г., в самое тяжелое для столицы время, ГКО принимает три постановления о срочном комплектовании новых стрелковых бригад и дивизий. Вначале было принято решение о формировании 50 стрелковых бригад, которое было оформлено постановлением № 796 от 14 октября. Бригады комплектовались на Урале и в Сибири. 18 октября принимается постановление № 810 «О формировании отдельных стрелковых бригад» по УрВО — 5, ПриВО — 4, СибВО — 5, СаВО — 2, СКВО — 9. Бригадная структура была более мобильной и позволяла в более короткие сроки подготовить резервы. Впоследствии от таких формирований отказались и на базе бригад стали создаваться дивизии, которые являлись организационной основой сухопутных войск всех стран. 25 октября ГКО принял постановление № 833 «О стрелковой дивизии военного времени», в котором определил ее общую численность в 11618 человек, структуру и вооружение[4]. Решения о формировании новых стрелковых и танковых дивизий (реже бригад) принимались на высшем уровне и в 1942 г., но уже не в таком количестве.

ГКО и Ставка, наряду с танковыми и стрелковыми соединениями, обращали внимание на создание частей реактивных минометов М-8 и М-13, формирование новых соединений ВВС, ПВО, Воздушно-десантных войск.

Всего, по подсчетам специалистов, в 1941 г. Наркоматом обороны было сформировано 419 дивизий разных родов войск, в 1942 —

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 154.

[2] Там же Д. 2. Л. 36.

[3] Там же. Д. 9. Л. 101; Д. 10. Л. 20.

[4] Там же. Д. 12. Л. 144; Д.12. Л. 40; Д. 12. Л.191.

126 дивизий[1]. В последующие военные годы темпы этой работы заметно ослабли. Пик военно-мобилизационной работы органов государственной и военной власти пришелся на первый, наиболее трудный этап войны.

Нельзя забыть и о таком пути кадрового укрепления действующей Красной Армии, как создание в начале войны дивизий народного ополчения. Добровольческое движение на фронт было нетрадиционной формой военно-мобилизационной работы. В его основе лежали традиции Гражданской войны и патриотическое стремление советских людей встать в ряды защитников Отечества. Изучение этого вопроса показывает, что инициативное движение возникло не стихийно, а с разрешения и даже по указанию властей. В условиях, когда значительная часть кадровой Красной Армии был разбита, а второй эшелон и боевые резервы только формировались или находились в пути, Ставке необходимо было срочно закрыть образовавшиеся на фронтах бреши. Самый быстрый и ненакладный для бюджета путь, апробированный еще Гражданской войной,— это, инициировав и поддержав патриотическое движение людей, оперативно сформировать дивизии народного ополчения.

4 июля 1941 г., когда уже пал Минск и враг подходил к Смоленску, ГКО принял важный документ с пометкой «не публиковать». Это было постановление № 10 «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения»[2]. Именно тогда Сталин и его окружение решили вести борьбу с вермахтом народноополченческим и партизанским методом. Характерно, что первым это движение зародилось в Ленинграде в конце июня 1941 г. Его активно поддержал, а вернее, инициировал один из фаворитов вождя член Политбюро А.А. Жданов. Он сразу доложил об этом Сталину. Но вождь решил, что пальму первенства в этом всенародном почине надо отдать столице — Москве. После первых 10 дней войны, когда рухнул наш Западный фронт, в Кремле всерьез решили воевать с вермахтом с помощью народного ополчения. Но подобная иллюзия, навеянная романтикой революции и Гражданской войны, продолжалась недолго.

---

[1] *Горьков Ю.А.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 117.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 72—73.

В ходе развернувшейся на основании решения ГКО от 4 июля большой работы партийных и советских органов в столице в два этапа — в июле и в октябре 1941 г. было сформировано 16 дивизий народного ополчения, насчитывавших более 160 тыс. человек. Несмотря на отсутствие боевой подготовки и слабость вооружения, ополченцы храбро сражались в составе Западного фронта. Многие ополченские дивизии погибли, защищая Москву; оставшиеся вскоре были переформированы и превращены в регулярные соединения Красной Армии.

Организуя и проводя военно-мобилизационную работу по стратегическому развертыванию советских Вооруженных сил в первый период войны, Государственный Комитет Обороны применял различные формы и методы решения главной проблемы — формирования боевых резервов, достаточных для остановки врага и осуществления перелома в войне.

Наряду с названными направлениями работы, ГКО в 1941—1942 гг. уделял большое внимание вопросам мобилизации трудовых ресурсов на производство. Обращение к этой теме было вызвано оттоком рабочих кадров в связи с мобилизацией из народного хозяйства на фронт. В тылу возникла экономическая и социальная напряженность. Изучение вопроса показывает, что ГКО прибегал к комбинации способов мобилизации рабочей силы. Основными путями ликвидации дефицита людских трудовых ресурсов были: а) привлечение и мобилизация на производство ранее не работавшую часть населения — домохозяек, подростков, стариков, инвалидов; б) использование людских контингентов ГУЛАГа НКВД, т.е., бесплатного труда заключенных; в) военный призыв мужчин на альтернативную службу, не годных к строевой службе, но годных к физическому труду. В последующие периоды войны ГКО активно применял в этих целях: использование труда немецких военнопленных и бывших советских военнопленных и интернированных лиц, не прошедших «фильтрации» (спецконтингент); целевую демобилизацию из действующей Красной Армии с направлением демобилизованных в оборонные отрасли промышленности; труд интернированного в Советский Союз немецкого гражданского населения.

На основании указа Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июня 1941 г. на производстве были отменены выходные дни

и отпуска, введены сверхурочные работы[1]. 26 декабря 1941 г. с санкции ГКО вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий оборонной промышленности за самовольный уход с предприятий», который вводил уголовную репрессию за прогулы или опоздания на работу. В феврале и апреле 1942 г. по решению ГКО вышло два нормативных акта, объявлявших о трудовой мобилизации населения — указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве»[2] и постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей»[3].

На основании постановлений ГКО № 877сс от 9 ноября 1941 г. и № 1855сс от 4 июля 1942 г. в оборонную промышленность и строительство была направлена дешевая рабочая сила ГУЛАГа. Высокая и стабильная численность заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД позволяла привлекать к бесплатному труду этот контингент практически без ограничений. С осени 1941 г. в стране начался военный призыв военнообязанных запаса старших возрастов в рабочие колонны для работы на строительстве и на оборонных заводах. Постановлением ГКО № 878с от 9 ноября 1941 г. были сформированы 25 таких рабочих колонн по одной тысяче человек в каждой в Сибирском и Уральском военных округах[4]. Мобилизацией этих людей ведало Главное управление формирования и укомплектования РККА, т.е. военное ведомство. Военный призыв на производственную службу оказался более результативным, чем трудовая мобилизация населения гражданскими органами (Главное управление трудовых резервов при СНК СССР).

---

[1] Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне: сб. документов М., 1970. С. 40.

[2] Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны. М., 1044. С. 8—11.

[3] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 283—285.

[4] *Кнышевский П.Н.* Государственный Комитет Обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов //Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53—65.

Наряду с крупными проблемами высший орган страны в начале войны лично занимался, казалось бы, незначительным вопросом — продовольственным снабжением Красной Армии. На самом деле, как показывает многовековой военный опыт, это был вопрос первостепенного значения. Даже беглый анализ документов ГКО показывает, какое большое внимание ему уделялось. Ежемесячно на ГКО устанавливалась общая численность Красной Армии и в соответствие с ней утверждалось количество необходимых ей продовольственных пайков. В качестве примера:

«Постановление ГКО № 660 сс от 11 сентября 1941 г.

Об установлении численности Красной Армии на сентябрь и 4-й квартал 1941 г. и об отпуске продовольственных пайков для Наркомата Обороны.

1. Установить отпуск продовольственных пайков Красной Армии на сентябрь и 4-й квартал 1941 г. на численность в количестве 7 400 000 человек.

2. Утвердить распределение пайков по фронтам и округам.

И. Сталин

Выписки посланы: тт. Микояну, Шапошникову, Щаденко, Хрулеву».

«Постановление ГКО № 806 сс от 15 октября 1941 г.

Об установлении численности Красной Армии и об отпуске продовольственных пайков для НКО в октябре 1941 г.

1. Установить численность продовольственных пайков для Красной Армии — 8 029 000 человек, в т.ч. по фронтам — 3 465 000, по внутренним округам — 4 541 000. И. Сталин».

«Постановление ГКО № 1704 сс от 5 мая 1942 г.

Об отпуске продовольственных пайков для Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД в мае 1942 г.

1. Установить отпуск продовольственных для Красной Армии, в мае 1942 г. на 9 950 000 человек, госпитальных пайков на 950 000 человек.
...в том числе по фронтам — 5 449 898 плюс 414 400 госпитальных.

В том числе:	Карельский	— 309 939
	Ленинградский	— 438 334
	Волховский	— 325 111
	Северо-Западный	— 343 724
	Калининский	— 601 894
	Западный	— 823 101

Брянский	— 426 778
Юго-Западный	— 614 073
Южный	— 578 313
Крымский	— 331 548
Московская зона обороны	— 116 261
Московский фронт ПВО	— 63 346
Резерв Ставки	— 161 907

Для мобилизованных женщин: Главное Управление ПВО — 25 536; Главное Управление ВВС — 25 000; Главное Управление связи — 11 910.

...4. Установить отпуск продпайков для польской армии — 44 000, чехословацкой бригады — 1250.

...7. Установить отпуск продпайков для войск НКВД — 510 000.

8. Установить отпуск продпайков для ВМФ — 550 000.

И. Сталин»[1].

Любопытны, на наш взгляд, категории и нормы продовольственного

снабжения Красной Армии, которые были установлены ГКО в начале войны. Постановление ГКО № 662 сс от 12 сентября 1941 г. «О нормах продовольственного снабжения Красной Армии» гласило:

«1. Установить на военное время 4 категории красноармейского продовольственного пайка:

первая — для красноармейцев и начальствующего состава боевых частей Действующей армии;

вторая — для красноармейцев и начальствующего состава тыла Действующей армии;

третья — для красноармейцев строевых и запасных частей, не входящих в состав Действующей армии;

четвертая — для красноармейцев караульных частей и красноармейцев тыловых организаций.

2. Установить на военное время следующие 4 категории продовольственного пайка для летно-технического состава ВВС Красной Армии:

первая — для боевого расчета экипажей самолетов Действующей армии;

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 303. Л. 193; Д. 12. Л. 166; Д. 33. Л. 48.

вторая — для технического состава ВВС Действующей армии;

третья — для боевых расчетов экипажей, не входящих в состав Действующей армии и летно-технического состав, находящегося на казарменном положении;

четвертая — для технического состава ВВС, не входящего в состав Действующей армии.

3. Утвердить курсантский, госпитальный, санаторный и сухой пайки.

...6. Среднему и выше начальствующему составу Действующей армии, кроме летного и технического, получающего летный паек, отпускать бесплатно фронтовой паек с добавлением в сутки на человека:

масла сливочного или сала — 40 г., печенья — 20 г., рыбных консервов — 50 г., папирос — 25 штук, спичек (в месяц) — 10 коробок.

7. Установить на самолетах фронта на случай аварий и вынужденных посадок пищевой запас на 1 человека: молока сгущенного — 3 банки, консервов мясных — 3 банки, галет «Крекер» — 800 г., шоколада — 300 г., сахара — 400 г. И.Сталин».

К постановлению прилагались «Нормы суточного довольствия красноармейцев и начальствующего состава боевых частей Действующей армии»:

— хлеб октябрь — март	— 900 г.
апрель — сентябрь	— 800 г.
— мука пшеничная 2-й сорт	— 20 г.
— крупа разная	— 140 г.
— макароны	— 30 г.
— мясо	— 150 г.
— рыба	— 100 г.
— комбижир и сало	— 30 г.
— масло растительное	— 20 г.
— сахар	— 35 г.
— чай	— 1 г.
— соль	— 30 г.
— овощи: картофель	— 500 г.
капуста	— 170 г.
морковь	— 45 г.
свекла	— 40 г.
лук репч.	— 30 г.

— зелень — 35 г.
— томат-паста, лавровый лист, перец, уксус
— махорка — 20 г.
— спички (в месяц) — 3 коробки
— мыло (в месяц) — 200 г.

Примечание: 1. По этим нормам довольствуется рядовой и младший начсостав воинских частей первых линий Действующей армии.

2. В период декабрь — февраль дополнительно выдается сало свиное по 25 г. в сутки на человека»[1].

Это были нормы первой категории — для боевых частей действующей армии. Вторая категория полагалась небоевым частям действующей армии. Третья, самая скромная,— тыловым воинским частям, не входящим в действующую армию. Судя по этим нормам, питание бойцов на фронте было весьма калорийным. Но, говоря откровенно, воспоминания фронтовиков этого не подтверждают. Характерно, что если в Рабоче-Крестьянской Красной Армии бойцу полагалось 150 г. мяса, то в 1914 г. в царской армии солдату полагался один русский фунт мяса в день — 410 г.

По предложению И. Сталина ГКО принял решение о выдаче водки бойцам и командирам. Такое решение было принято потому, что этот опыт был уже опробован в финской войне, дав положительный результат. Во-вторых, данная мера являлась хорошим стимулятором боевой активности воинов. Любопытно проследить развитие этого вопроса в государственных документах. Постановление ГОКО № 562 с от 22 августа 1941 г. «О введении водки на снабжение в действующей Красной Армии» предписывало:

«Установить, начиная с 1 сентября 1941 г., выдачу водки 40 градусов в количестве 100 грамм в день на человека красноармейца и начальствующему составу войск передовой линии Действующей армии.

Председатель ГКО И. Сталин

Выписки посланы: тт. Микояну, Хрулеву, Зотову, Шапошникову».

Следующее решение по данному вопросу вышло весной 1942 г.— это постановление ГКО № 1727 от 11 мая 1942 г. «О порядке выдачи водки войскам Действующей армии», которое гласило:

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 9. Л. 50—58.

«1. Прекратить с 15 мая 1942 г. массовую ежедневную выдачу водки личному составу войск Действующей армии.

2. Сохранить ежедневную выдачу водки только военнослужащим частей передовой линии, имеющим успехи в боевых действиях, увеличив норму выдачи водки до 200 грамм на человека в день.

3. Всем остальным военнослужащим передовой линии выдачу водки по 100 грамм на человека производить в следующие революционные и общенародные праздники: 7—8 ноября, 5 декабря, 1 января, 23 февраля, 1—2 мая, 19 июля (Всесоюзный день физкультурника), 16 августа (день Авиации), 6 сентября (Международный юношеский день), а также в день полкового праздника (сформирования части). И. Сталин».

Вслед за этим документом появилось постановление ГКО № 1889 от 6 июня 1942 г.:

«Во изменение постановления ГКО от 11 мая с.г. Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Прекратить с 15 мая 1942 г. массовую ежедневную выдачу водки личному составу войск Действующей армии.

2. Сохранить ежедневную выдачу водки в размере 100 грамм только для тех частей передовой линии, которые ведут наступательные операции.

3. Всем остальным военнослужащим передовой линии выдачу водки по 100 грамм производить в революционные и общенародные праздники.

4. Постановление Государственного Комитета Обороны от 22 августа 1941 г. № 562 с отменить. И. Сталин»[1].

И еще одно специфическое направление работы ГКО в первый военный период, которое бросается в глаза. Это целый ряд решений по депортации советских немцев в глубь нашей территории. Сталин опасался этой потенциальной «пятой колонны» у себя в ближнем тылу.

В начале сентября 1941 г. ГКО принял решение о переселении немцев Поволжья в Казахстан. Одновременно с ликвидацией немецкой автономии и высылкой немцев из Поволжья отправляли на восток лиц немецкой национальности и из других областей — Москвы и Московской области, Тульской, Ростовской областей, Краснодар-

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 7. Л. 184; Д. 34. Л.106; Д. 43. Л. 13.

ского и Ставропольского краев, республик Северного Кавказа. Осенью 1941 г. это был глубокий советский тыл.

В развитие данного решения властью был принят ряд аналогичных документов:

— Постановление ГКО № 636 сс от 6 сентября 1941 г. «О переселении немцев из г.Москвы, Московской области и Ростовской области», гласившее: «Переселить из Москвы и Московской области — 8617 человек, Ростовской области — 21400 в Казахскую ССР. И. Сталин».

8 сентября вышел приказ наркома внутренних дел Л. Берии «О проведении операции по переселению немцев из Москвы и Московской области», в котором указывалось, что во исполнение постановления ГКО операцию начать 15 сентября и закончить 20 сентября 1941 г.[1]

— Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 2060-935 сс от 12 сентября 1941 г. «О расселении немцев Поволжья в Казахстане».

— Постановление ГКО № 698 от 21 сентября 1941 г. «О переселении немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР»:

«1. Переселить немцев из Краснодарского края 34287 человек, Орджоникидзевского края — 95489 человек, Тульской области — 3208 человек, Кабардино-Балкарской АССР — 5327 человек, Северо-Осетинской АССР — 2929 человек.

2. Руководство переселением возложить на НКВД СССР. К переселению приступить с 25 сентября и закончить к 10 октября с.г.

3. Расселение в новых местах производить путем вселения в существующие колхозы и совхозы... путем уплотнения населения. При отсутствии жилого фонда... произвести строительство домов силами переселяемых. Городских жителей расселить в районных центрах.

4. Разрешить переселяемым брать с собой личное имущество и продовольствие на путь следования до 200 кг на каждого члена семьи.

...9. Отпустить из резервов фонда Совнаркома СССР НКВД СССР на расходы по переселению 38 110 000 руб. и Совнаркома Казахской ССР 15.000.000 руб. на прием и расселение переселенцев.

---

[1] Москва военная.1941—1945. Мемуары и архивные документы. С. 78.

10. Возложить на председателя СНК Казахской ССР (т. Ундасынов) и секретаря ЦК КП(б) Казахстана (т. Скворцов) организацию приема, расселения и хозяйственного устройства переселяемых.

Выписки посланы: тт. Берия, Микояну, Чадаеву, ЦК КП(б) Кахзахстана — все; обкомы ВКП(б) — в части касающейся».

— Постановление ГКО № 702 сс от 22 сентября 1941 г. «О переселении немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей»: «1. Переселить из Запорожской области — 63 000 человек, Сталинской области — 41 000 человек, Ворошиловградской области — 5487 человек в Казахскую ССР ...»

— Постановление ГКО № 827 сс от 22 октября 1941 г. «О переселении немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР»: «1. Переселить из Дагестанской АССР 4000 человек, из Чечено-Ингушской АССР 574 человек с 25 по 30 октября 1941 г.

2. Переселение и расселение немцев в Казахскую ССР произвести в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 2060-935 сс от 12 сентября 1941 г. «О расселении немцев Поволжья в Казахстане».

После первой переселенческой акции последовала вторая — в феврале 1942 г., когда все немцы-мужчины в возрасте от 17 до 50 лет были мобилизованы в рабочие колонны, находившиеся в ведении НКВД. Таким путем Сталин реализовал две задачи: нейтрализовал потенциально враждебный контингент в своем тылу и пополнил систему лагерей НКВД рабочей силой. Не доверяя советским немцам, руководство СССР не решилось на создание немецких антифашистских войсковых формирований по аналогии, допустим, с Русской освободительной армией генерала А. Власова.

Все эти документы подписал И. Сталин — специалист в области национальных отношений, бывший нарком по делам национальностей.

Таким образом, на первом этапе войны Государственный Комитет Обороны, как высший чрезвычайный орган страны, подчинив все силы и средства государства задаче отпора врагу, сконцентрировал свои властные усилия на наиболее важных направлениях, которые определила война и от которых зависел ее ход. Главным в деятельности ГКО стала перестройка страны на режим военного времени, а в рамках этого направления — коренная реорганизация оборонной промышленности и формирование новых боевых резервов для фронта.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ ГКО В ПЕРИОД КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ВОЙНЕ

Анализ деятельности ГКО во втором периоде войны (1943год) показывает, что ее наиболее приоритетными направлениями были, как и в 1941—1942 гг., во-первых, управление военной промышленностью и, во-вторых, руководство военно-мобилизационной работой. В конечном счете, судьба войны в первую очередь зависела от военно-экономического потенциала и людских мобилизационных ресурсов страны. Как и прежде, большое внимание высший орган власти уделял вопросам поддержания правопорядка и ужесточения дисциплины в стране, военно-кадровым вопросам, мобилизации трудовых ресурсов, всенародной помощи фронту и др. Стратегическое руководство действующей армией ГКО, как и прежде, осуществлял через Ставку ВГК.

По сравнению с предыдущим военным периодом, когда государство перестраивалось на военный лад, с повестки дня заседаний ГКО исчезли, как неактуальные, такие вопросы, как эвакуация промышленных и людских ресурсов, создание дивизий народного ополчения, нормирование продовольственных пайков для населения и некоторые другие вопросы.

Новыми направлениями деятельности ГКО в этот период стали вопросы восстановления предприятий в освобожденных районах страны, создание иностранных частей и соединений на территории СССР, вопросы ленд-лиза, организации всесоюзного соревнования по отраслям промышленности и ряд других.

Всего за период с 19 ноября 1942 г. по 31 декабря 1943 г. Государственным Комитетом Обороны, по подсчетам автора, было принято 2344 постановления и распоряжения, явившихся правовой и организационной основой государственного управления в 1943 г.

Рассматривая работу ГКО по управлению военно-экономическим комплексом страны и руководству военной промышленностью, следует отметить, что самыми критическими для советской экономики периодами были осень 1941 г.— зима 1942 г. Но благодаря организаторской деятельности властных структур, усилиям советского народа с весны 1942 г. падение промышленного производства фактически прекратилось, а с середины этого же года его объем начал расти — перестройка нашей экономики на военные рельсы к этому

моменту была завершена. В этом заключалась главная особенность деятельности ГКО по управлению военно-промышленной сферой во втором военном периоде. Перебазирование и восстановление промышленных предприятий в тяжелых условиях войны, быстрый перевод всей экономики на военное положение — крупнейшее достижение советской политико-административной и экономической системы, всего нашего народа.

19 ноября 1942 г. началась стратегическая наступательная операция Красной Армии по окружению и разгрому немцев под Сталинградом. Красная Армия, наконец, вырвала у противника стратегическую инициативу и удерживала ее в своих руках до победного исхода войны. Произошел коренной перелом в Великой Отечественной войне, который обусловили многие факторы и прежде всего работа советского тыла.

По завершении Сталинградской битвы советское военно-политическое руководство прекрасно понимало, что наряду с другими факторами весь ход дальнейших боевых действий всецело будет зависеть от устойчивости работы военного производства. Функционирование военного сектора экономики было невозможно без эффективной работы базовых отраслей промышленности — черной и цветной металлургии, машиностроения, химической промышленности, топливно-энергетического комплекса. Проблем в данной сфере было очень много.

Решению данных проблем предшествовала огромная аналитическая и организаторская деятельность Государственного Комитета Обороны. Из всего перечня вопросов, рассматривавшихся на заседаниях ГКО в 1943 г., примерно 40% составляли военно-промышленные или военно-технические вопросы. Причем когда речь шла о производстве тех или иных видов боевой техники и вооружения, эти вопросы рассматривались на уровне ГКО в двух аспектах: организация ускоренного производства военной продукции и планирование ее выпуска.

Какие же военно-экономические вопросы ставил и решал этот высокий орган и, соответственно, какие принимал решения? Насколько они были адекватны сложившейся обстановке?

Одним из первых в рамках рассматриваемого периода было принято постановление «Об организации производства самоходно-артиллерийских установок», датируемое 2 декабря 1942 г. Решение выс-

шего государственного органа обязывало Наркомат танковой промышленности (нарком В. Малышев) в кратчайшие сроки организовать производство самоходных установок СУ-122 на Уралмашзаводе и СУ-76 — на заводе № 38 НКТП. Особая ответственность за выполнение этого государственного задания возлагалась ГКО на директоров заводов (директором Уралмаша был Б. Музруков, завода № 38 —А. Яковлев).

Появление такого постановления было обусловлено военно-стратегической обстановкой, сложившейся на советско-германском фронте. Шла завершающая стадия Сталинградской битвы. Было ясно, что одна из сильнейших группировок вермахта, оказавшаяся в «котле», будет уничтожена и для Красной Армии открываются перспективы мощного стратегического контрнаступления.

Важно отметить, что прежнее качественное и количественное превосходство врага в боевой технике было, наконец, ликвидировано и создались предпосылки для коренного перелома в войне в нашу пользу. Чтобы их реализовать, требовались, прежде всего, новые сокрушительные боевые машины поля боя, отличавшиеся более мощной силой огня, чем у танков, высокой проходимостью, скоростью и маневренностью. ГКО принял решение о создании самоходных штурмовых артиллерийских установок, которые должны были в будущих наступательных сражениях сопровождать наши танки и пехоту, уничтожая силой своего огня бронетехнику и оборонительные сооружения врага.

Заводы своевременно выполнили правительственное задание. Вот что вспоминал по этому поводу главный конструктор Уралмашзавода в годы войны Л. Горлицкий. «Принятому решению предшествовала большая организаторская работа. Еще в ноябре 1942 г. было создано специальное конструкторское бюро из эвакуированных кировских, ижорских, сталинградских и местных специалистов... Не будь такой подготовительной работы, нам бы никогда не справиться с реализацией постановления ГКО, в котором намечались чрезвычайно жесткие сроки изготовления САУ. Благодаря поразительному энтузиазму и самоотверженному труду всего коллектива завода мы выполнили задание ГКО даже раньше намеченного срока... В конце декабря первая партия самоходок успешно прошла государственные испытания с участием представителей Главного артиллерийского управления. В январе 1943 г. два образца СУ-122 были доставлены

в Москву в Кремль. Новые боевые машины осматривали И.В. Сталин, М.И. Калинин, К.Е. Ворошилов, Д.Ф. Устинов, Г.К. Жуков, Н.Н. Воронов, Я.Н. Федоренко... В том же месяце первая партия самоходок в составе двух полков, сформированных и обученных на Урале, была направлена на Волховский фронт, а в феврале еще два полка — на Западный фронт»[1].

6 декабря 1942 г. члены ГКО приняли три постановления, посвященных деятельности Наркомата вооружения (нарком Д. Устинов) и Наркомата минометного вооружения (нарком П. Паршин). Решения были нацелены на значительное расширение производства автоматического стрелкового оружия (автоматов) и минометов. Опыт войны показал, что именно в этих видах вооружения мы заметно отставали от немцев. В действующей Красной Армии еще с 1941 г. ощущалась острая нехватка автоматов и минометов, особенно ротных. Было очевидным, что без них нам невозможно было бы вести в 1943 г. успешные боевые действия.

Постановление ГКО № 2576 «О плане производства и поставок пулеметов-пистолетов Шпагина в декабре 1942 г.»[2] требовало увеличить выпуск этого оружия, установив план производства и поставок НКО автоматов ППШ в декабре 1942 г. в 160 тыс. штук, в том числе:

заводу № 367 НКВ — 55 000 шт., № 385 — 4000, заводу им. Сталина НКСМ — 53 000, № 828 НКМВ — 19 000, № 43 НКАП — 7000, «Искра» НКМП РСФСР — 7000, № 113 НКСС — 3000, Ярославскому автомобильному заводу — 2000, Инструментальному заводу НКМП Грузинской ССР — 3000, ПВРЗ г. Тбилиси — 3000, заводу им. Орджоникидзе г. Баку — 3000.

В постановлении ГКО № 2577 «Об изготовлении и испытании в войсках опытных партий пулеметов-пистолетов»[3] указывалось на необходимость проведения конкурсного испытания двух новых моделей автоматов — конструкторов Шпагина (ППШ-2) и Судаева (ППС).

---

[1] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 203.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 72. Л. 21.

[3] Там же. Л. 36.

«1) ГКО обязал: НКВ (т. Д. Устинова) изготовить и поставить ГАУ Красной Армии к 10 декабря 1942 г. 1000 штук пулеметов-пистолетов Шпагина, модель 2 (ППШ-2);

2) НКМВ (т. П. Паршина) изготовить на заводе № 828 и поставить ГАУ Красной Армии к 10 декабря 1942 г. 1000 штук пулеметов-пистолетов Судаева;

3) ГАУ Красной Армии (т. Н. Яковлева) в 7-дневный срок провести войсковые испытания пулеметов-пистолетов Шпагина и Судаева и представить заключение о возможности принятия на вооружение нового образца пулемета-пистолета».

Постановление ГКО № 2578 от 6 декабря «О плане производства минометов на декабрь 1942 г.»[1] утвердило программу производства и поставок данного вооружения действующей армии по каждому заводу. Причем минометы выпускали предприятия не только НКМВ, но и других ведомств. Задания на выпуск давались:

а) на производство 50 мм ротного миномета: НКМВ — заводы № 748 г. Кузнецк Пензенской области — 1 900 шт.; № 708 г. Ташкент — 400; № 763 г. Киров — 500; № 815 г. Шадринск — 550; № 798 г. Москва — 150; № 758 г. Москва — 150; НКСМ — завод «Красная Этна» г. Горький — 300; им. Буденного г. Москва — 500; НКНП — завод им. Буденного г. Баку — 100; им. Кирова г. Баку — 150; НКТМ — завод «Красный Профинтер» г. Красноярск — 150; завод им. Куйбышева г. Иркутск — 200; Авторемонтный завод г. Тбилиси — 100. Итого — 5150 шт.;

б) 82 мм батальонного миномета: НКМВ — завод № 808 г. Рыбинск — 2 000; завод № 702 г. Ташкент — 900; № 707 г. Курган — 100; № 760 г. Свердловск — 1 300; № 740 г. Пенза — 500; № 743 г. Иваново — 50; НКВ — завод № 313 г. Комсомольск — 50; НКСМ — завод им. Сталина г. Москва — 2 200; ПВРЗ г. Красноярск — 400; машзавод г. Ковров — 350; ПВРЗ г. Вологда — 75; ПВРЗ г. Тбилиси — 75 шт. Итого: 8000;

в) 107 и 120 мм полковых минометов: НКТМ — завод им. Куйбышева г. Иркутск — 45; НКМВ — завод № 718 г. Горький — 500; завод им. Калинина г. Москва — 300; № 724 г. Чирчик — 120; № 726 г. Свердловск — 60; № 746 г. Москва — 100; НКВ — завод

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 72. Л. 37.

№ 4 г. Красноярск — 150; ПВРЗ г. Улан-Уде — 150; НКТМ — завод «Коммунист» г. Маркс — 125; НКЭП — завод «Динамо» г. Москва — 400; НКВ — № 535 г. Тула — 125; завод № 106 г. Хабаровск — 300. Итого: 2330.

Безусловно, при определении плановых заданий рабочие группы членов ГКО, курировавшие данное направление (НКВ и НКМВ), старались исходить из реальных возможностей каждого отдельного завода. Но, как показывает практика, это не всегда получалось. Отчетливой была тенденция центра по завышению государственных планов, что предполагало работу заводов на пределе технических и человеческих возможностей. Сложилась ситуация, когда для директора того или иного завода лучше было быть наказанным за приписки, чем за невыполнение плана ГКО.

Высший орган страны заботился и о повышении качества выпускаемой боевой техники. 10 января 1943 г. ГКО принял постановление № 2732[1], в котором наметил меры по улучшению качества бронестекла (прозрачной брони) для наших боевых самолетов. При этом в документе особо подчеркивалась ответственность должностных лиц за выполнение правительственных заданий. В постановлении, в частности, говорилось:

«1. Отметить, что НКХимпром и НКСтроймат СССР не выполнили постановление ГОКО № 1754 от 15 мая 1942 г. «Об обеспечении производства оргстекла по качеству не хуже, чем на самолетах «Тамогаук»; не обеспечивают до настоящего времени выпуск надежного качества бронекозырьков...

2. Подтвердить к неуклонному выполнению качественные показатели на поставку оргстекла.

Предупредить НКХП т. Первухина и НКСтроймат СССР т. Соснина об их личной ответственности за обеспечение безусловного выполнения установленного настоящим постановлением задания по поставке бронекозырьков. О принятых мерах доложить к 1 февраля 1943 г. И. Сталин».

В феврале 1943 г. особое внимание ГКО уделил двум вопросам: черной металлургии и производству боеприпасов — артиллерийских снарядов и мин среднего и большого калибра.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 81. Л. 111.

Черная металлургия, как основа производства вооружений и боеприпасов, как базовая отрасль индустрии, в годы войны находилась под непосредственным управлением ГКО. Вместе с тем в начале 1943 г. темпы и результаты работы данной отрасли производства перестали удовлетворять текущие потребности фронта. Требовалась реакция правительства, направленная на резкое повышение количества и качества производимого в стране чугуна и стали. Результатом этого явилось постановление ГКО «О мерах неотложной помощи черной металлургии» от 7 февраля 1943 г.[1]

Правительство обязало наркома черной металлургии СССР И. Тевосяна исправить положение, сложившееся в отрасли, и в короткие сроки увеличить производство броневой стали. При этом ГКО предложил конкретные меры помощи металлургической промышленности. Все народные комиссары были обязаны лично следить за ходом выполнения заказов черной металлургии и два раза в месяц представлять в Совнарком и Госплан СССР отчеты о выполнении планов. Это понятно: в данный период Красная Армия, победно завершив Сталинградскую операцию, без оперативной паузы развернула стратегическое наступление в юго-западном направлении, стремясь уже весной этого года выйти к Днепру. Для огневой поддержки наступающих войск требовалось огромное количество боевой техники (в частности, новые самоходки СУ-122 и СУ-76) и боеприпасов к ней. Решению данной проблемы было посвящено специальное постановление ГКО № 2900 от 14 февраля 1943 г. «Об особых мерах по увеличению выпуска 76 мм и 122 мм снарядов, 82 мм и 120 мм мин»[2].

Высший орган страны приказал:

— установить размеры поставок НКО на март — апрель 1943 г. комплексных выстрелов в следующих количествах:

	Март	Апрель
76 мм снарядов	3000 тыс.	3200 тыс.
122 мм снарядов	450 тыс.	500 тыс.
82 мм мин	4000 тыс.	4300 тыс.
120 мм мин	900 тыс.	1000 тыс.

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 90. Л. 33.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 90. Л. 1—9.

— обязать НКО (т. Щаденко) направить к 1 марта 1943 г. на заводы НКМВ, НКПС и НКЭлектропромышленности 3500 человек военнообязанных из числа негодных к строевой службе, но годных к физическому труду, из них 1950 — из Узбекистана;

— закрепить на полгода за заводом № 460 НКБ 2000 человек рабочих из числа бывших военнопленных;

— предупредить директоров заводов, изготавливающих корпуса 76 мм и 122 мм снарядов, 82 мм и 120 мм мин, а также поставщиков металлов и материалов, что невыполнение установленного задания по производству мин и снарядов... будет рассматриваться ГКО как государственное преступление, а виновники срыва будут привлекаться к судебной ответственности.

Были предприняты также другие меры, направленные на ускоренное производство боеприпасов. При этом конкретные плановые задания на февраль—апрель 1943 г. давались отдельно по каждому наркомату и каждому заводу, выпускающими данную продукцию. В частности, по производству корпусов 120 мм мин Наркомату минометного вооружения (заводы № 708 им. Сталина, 711 им. Ухтомского, № 701 им. Колющенко, 762 г. Тюмень, 765 г. Рыбинск, 733 г. Москва, 567 г. Рязань, Очерский завод, 808 г. Рыбинск, 743 г. Иваново ставилась задача изготовить и дать фронту в феврале 1943 г. 382 корпуса, в марте — 500, в апреле — 565. Привлекались к изготовлению данной продукции и другие наркоматы — среднего машиностроения, судостроения, путей сообщения, боеприпасов. Всего по стране производство корпусов 120 мм мин должно было составить по возрастающей: февраль — 1074, март — 1232, апрель — 1334 штуки.

Корпуса мин 82 мм выпускались на заводах многих наркоматов в разных городах страны. Но основными поставщиками мин для батальонного миномета являлись НКМВ, НКВД, НКСМ и НКБ. В постановлении давались точные задания на февраль—апрель 1943 г.:

— по заводам Наркомата минометного вооружения: № 711, № 708 им. Сталина, № 702 им. Ворошилова, № 703 г. Красноярск, № 709 г. Курган, Рубцовский завод, Катайский насосный, № 802 г. Гусь-Хрустальный, № 771 г. Ярославль, № 707 г. Ярославль, им. Фрунзе г. Фрунзе, Златоустовский насосный, № 836 «Манометр», № 822 г. Сысерт, № 750 ст. Гривна, № 715 г. Болшево, № 762 г. Тюмень, № 755 г. Москва, № 849 г.Орехово-Зуево, № 766

г. Тюмень, № 725 им. Воровского. Всего по НКМВ: февраль — 3175, март — 2935, апрель — 3105 шт.;

— по исправительно-трудовым колониям НКВД : колонии гг. Биробиджан, Молотовска, Архангельска, Ташкента, Томска, Пензы, Тулы, Кирова, Омска, Молотова, Казани, Кунгура, Ярославля, Комсомольска-на-Амуре; Карлаг, Владлаг; ХОЗУ № 2 (Ховрино), Тахтамыгды; ЦРМ Известковая. Всего по НКВД: февраль — 1052, март — 1163, апрель — 1178 ед.;

— по Наркомату среднего машиностроения: завод «Красная Этна» г. Горький, завод «Поршень», НАТИ, завод им. Кирова, завод им. Кагановича. Всего: февраль — 525, март — 550, апрель — 600 мин.;

— по Наркомату боеприпасов: заводы № 613, 63, 460, 512. Всего: февраль — 550, март — 560, апрель — 560 мин.

В целом, ГКО ставил перед промышленностью задачу дать фронту в феврале 1943 г. 6500 82 мм корпусов мин, в марте — 6470, в апреле — 6759. Эта напряженная программа была выполнена.

19 апреля 1943 г. ГКО принял новое постановление — «О плане строительства и наращивания мощностей черной металлургии в 1943 г.». Правительство намечало строительство новых мартеновских печей, коксовых батарей, прокатных станов. Расширялась «малая металлургия» — литейные цехи машиностроительных заводов. Особое внимание уделялось гигантам металлургии — Кузнецкому, Челябинскому, Магнитогорскому металлургическим комбинатам, увеличению их производственных мощностей, наращиванию производства броневой стали[1]. При этом областные комитеты ВКП(б) металлопроизводящих регионов — Свердловский, Челябинский, Карагандинский обязывались оказывать ежедневную помощь предприятиям черной металлургии, особенно по обеспечению их топливом, сырьем, электроэнергией, представляя в ЦК ВКП(б) два раза в месяц соответствующий отчет.

Примерно в это же время ГКО обратил свой взгляд на состояние дел в электроэнергетике. 14 апреля вышло его постановление «О вводе новых мощностей электростанций в 1943 г.». В соответствии с ним

---

[1] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 244.

планировалось в короткие сроки ввести в строй новые электростанции, прежде всего на Урале. Сооружение этих объектов приравнивалось к первоочередным оборонным стройкам[1].

Говоря об энергетике, необходимо отметить, что сталинское руководство в конце 1942 г. обратило серьезное внимание на «работу по урану», на возможность использования атомной энергии в военных целях. По данным нашей разведки, американцы и немцы уже работали в этом направлении. Результатом этого было постановление ГКО № 2542 от 27 ноября 1942 г. «О добыче урана». В нем, в частности, говорилось:

«1. Обязать НКЦветмет (тт. Ломако, Фролов):

а) к 1 мая 1943 г. организовать добычу и переработку урановых руд и получение урановых солей в количестве 4 тыс. в год на Табошарском заводе «В» Главредмета;

...в) в месячный срок предоставить на утверждение ГОКО заявку на рабочую силу, материалы и оборудование, необходимые для выполнения работ по урану.

Заместитель Председателя ГКО В. Молотов»[2].

Впереди предстояла огромная работа по атомному проекту. И. Сталин поручил ее вначале В.Молотову, а затем передал более энергичному Л. Берия.

В 1943 г. ГКО, как и прежде, уделял первостепенное внимание вопросам планирования и производства основных видов боевой техники — танков, САУ, боевых самолетов, определяя для соответствующих отраслей и заводов месячные и квартальные планы. При этом, как правило, советское руководство в своих постановлениях не только определяло плановые задания, но и разрабатывало целый комплекс мер по обеспечению их реализации в жизнь. В решениях ГКО, в сущности, были представлены основные механизмы выполнения этих программ, меры по мобилизации всех материальных, кадровых, административных ресурсов страны, области, города, предприятия.

В качестве примера следует привести постановление ГКО № 3107 от 1 апреля 1943 г. «О плане производства танков, артил-

---

[1] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 239—241.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 70. Л. 144.

лерийских самоходных установок и танковых дизелей на II квартал 1943 г.»[1]. Система планирования заключалась в установлении государственной программы производства танков и САУ как по видам и образцам боевой техники, так и по конкретным заводам НКТП и НКСМ.

ГКО в своем постановлении, во-первых, устанавливал общий план производства на II квартал 1943 г. танков и САУ, включая ремонтируемые:

		Апрель	Май	Июнь	II квартал
а)	**КВ**	**85**	**100**	**100**	**285**
	Т-34	1545	1625	1680	4845
	Т-70	550	570	587	1705
	Т-80	25	50	75	150
	Итого:	2205	2340	2440	6985
б)	Су-152	75	85	85	245
	Су-122	100	105	110	315
	Су-76	100	160	190	450
	Су-76и	25	35	45	105
	Итого:	300	385	430	1115
Всего танков и САУ:		2505	2725	2870	8100

Во-вторых, ГКО устанавливал строго определенные планы по конкретным заводам, производящим боевые машины:

КВ	II квартал	апрель	май	июнь
		в т.ч.		
Кировский завод Т-34	285	85	100	100
№ 183	2095	680	700	715
№ 112	1025	325	345	355

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 100. Л. 24.

Кировский завод	940	300	315	325
№ 174	455	140	150	165
Уралмашзавод	330	100	110	120
	4845	1545	1620	1680
Т-70				
ГАЗ	1705	550	570	585
Т-80				
№ 40	150			
СУ-152				
Кировский завод	245	75	85	85
СУ-122				
Уралмашзавод	315	100	105	110
СУ-76				
№ 38	450			
СУ-76-и				
№ 37	105			

ГКО обязал наркома танковой промышленности (Зальцман), наркома среднего машиностроения (Акопов) и директоров заводов: Кировского (Длугач), № 183 (Максарев), № 112 (Рубинчик), № 174 (Задорожный), Уралмаш (Музруков), № 38 (Яковлев), № 40 (Мартиросов), № 37 (Зеликсон), ГАЗ (Лившиц), № 76 (Кочетков), № 77 (Толмачев) обеспечить безусловное выполнение во II квартале 1943 г. установленного постановлением ГКО плана выпуска танков, артиллерийских самоходных установок и дизелей. Народные комиссары НКЧМ, НКЦМ, НКВ, НКСМ, НКБ и т.д. были предупреждены об их личной ответственности за безусловное выполнение всех поставок заводам НКТП.

Учитывая особую важность выпуска танков, ГКО в постановлении обязал первых секретарей Челябинского (т. Патоличева), Свердловского (т. Андрианова), Горьковского (т. Родионова), Кировского (т. Лукьянова), Омского (т. Кудинова) обкомов ВКП(б) и секретаря Алтайского крайкома ВКП(б) (т. Лобкова) лично взять под особый контроль работу танковых и дизельных заводов, оказывая им всемерную помощь в обеспечении безусловного выполнения плана.

Документы подобного рода всегда подписывались лично И. Сталиным как Председателем ГКО, что придавало им особый сакральный характер и заставляло всех должностных лиц делать все возможное и невозможное для претворения их в жизнь.

6 апреля 1943 г. Госкомитет Обороны принял два планирующих постановления: № 3129 «О плане производства патронов в апреле и II квартале 1943 г.» и № 3130 «О плане производства и поставок пистолетов-пулеметов Шпагина в апреле и II квартале 1943 г.». Впечатляют масштабы производимой продукции: за апрель—май—июнь 1943 г. планировалось изготовить 900 млн. шт. винтовочных патронов 7,62 мм, 537 млн шт. пистолетных (автоматных) патронов 7, 62 мм и 440 тыс. автоматов ППШ[1].

В середине апреля 1943 г. ГКО вновь, как и в декабре 1942 г., обратился к теме самоходных артиллерийских установок. Причиной явились массовые поломки в войсках боевых машин СУ-76, производимых заводом НКТП № 38 (директор Яковлев). Постановление ГКО № 3184 от 14 апреля 1943 г. «О самоходных установках СУ-76»[2] указало на низкое качество монтажа машины, трансмиссии, электропроводки. Качество сварочных швов также находилось на низком уровне. ГКО объявил взыскание — поставил на вид конструктору НКТП Гинзбургу за допущенное им «несерьезное отношение к конструкции и доводке СУ-76» и предупредил его о строгой ответственности за подобные упущения в будущем.

7 июня этого же года высший государственный орган вынужден был снова рассмотреть данный вопрос, поскольку качество выпускаемых машин не улучшилось. В своем постановлении № 3530 «О самоходных артустановках СУ-76»[3] ГКО подчеркнул, что «СУ-76 конструктора Гинзбурга, принятые на производство 2 декабря 1942 г., оказались неудовлетворительного качества... Мероприятия по устранению недостатков СУ-76, утвержденные постановлением ГКО от 14 апреля 1943 г., не внесли серьезных улучшений...

Постановляющая часть была жесткой:

«1. Немедленно прекратить на заводе № 38 НКТП выпуск СУ-76 существующей конструкции.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д.100. Л. 207, 225.

[2] Там же. Д.103. Л. 201.

[3] Там же. Д. 125. Л. 14.

2.Указать НКТП т. Зальцману на допущенное им безответственное отношение к делу выпуска самоходных установок СУ-76 на заводе № 38.

Конструктора т. Гинзбурга отстранить от работы в НКТП и направить в распоряжение НКО для использования на менее ответственной работе в войсках Действующей Армии».

Итак, постановление ГКО по СУ-76 от 14 апреля 1943 г., подписанное В. Молотовым, было не выполнено. Для исправления ситуации понадобилось новое, гораздо более жесткое решение главного органа страны, которое подписал сам И. Сталин.

15 апреля этого же года ГКО принял постановление «О мероприятиях по усилению противотанковой обороны», которое переводило заводы Наркомата вооружений на производство усовершенствованных противотанковых и танковых пушек, а предприятия наркомата боеприпасов переводились на выпуск новой продукции — подкалиберных снарядов. По сути, это была перестройка всей нашей противотанковой артиллерии[1].

Весной 1943 г. постановлением № 3289 от 5 мая «Об усилении артиллерийского вооружения танков и самоходных установок»[2] ГКО распорядился взять на вооружение танков и САУ вместо пушки 76 мм пушку 85 мм. Накануне Курской битвы, предопределившей окончательный исход войны, это решение было очень своевременным и дальновидным. Готовясь к решающему летнему сражению, Германия запустила в производство новые танки Т-VI «Тигр», имевшие мощные 88 мм пушки. ГКО сделал ответный ход: теперь и наши тяжелые танки и бывшие СУ-76 стали обладать орудиями аналогичного калибра.

Решение ГКО о перевооружении средних танков Т-34 85 мм пушкой взамен 76 мм было принято позднее — 1 января 1944 г. (постановление № 4873)[3].

В мае 1943 г. в кругу вопросов, решаемых ГКО, усилилась авиационная тематика. В Москву стали поступать донесения с фронтов о низком качестве производства самолетов-штурмовиков ИЛ-2, вслед-

---

[1] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 241—244.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 113. Л. 49.

[3] Там же. Д. 184. Л. 282.

ствие чего на фронтовых аэродромах произошел ряд катастроф этих машин. Это были досадные небоевые потери.

Проведя силами своей рабочей группы по ВВС во главе с Г. Маленковым оперативное расследование, ГКО издал постановление № 3447 «О заводе № 30». В нем, в частности, говорилось: «В связи с тем, что на заводе № 30 НКАП, где директором является т. Шапиро, главным инженером т. Бродянский, старшим военпредом т. Фалалеев, начальником отдела технического контроля т. Маргулис за последние 3 месяца допустили поставку недоброкачественных крыльев на нескольких самолетах Ил-2, в результате чего на фронте имели место катастрофы, ГКО постановляет:

1. Отдать под суд начальника ОТК завода № 30 НКАП т. Маргулиса.

2. Объявить директору завода № 30 НКАП т. Шапиро, главному инженеру завода № 30 НКАП и старшему военпреду завода № 30 НКАП строгий выговор с предупреждением.

3. Обязать наркома авиационной промышленности т. Шахурина лично навести должный порядок на заводе, обеспечив выпуск заводом № 30 вполне доброкачественных самолетов. И. Сталин»[1].

Постановление было послано Г. Маленкову, курировавшему тогда ВВС, наркому авиапромышленности А. Шахурину, командующему ВВС А. Новикову, прокурору СССР В. Бочкову, всем директорам авиационных заводов.

Несколько ранее, 12 мая этого же года ГКО принял важное для ВВС решение «О работе главных конструкторов авиационной промышленности», в соответствии с которым правительство признало целесообразным осуществить взаимопомощь и кооперирование усилий разных конструкторских бюро в целях скорейшего создания новых типов самолетов и авиамоторов. Этим выигрывалось время в процессе разработки и запуска в серийное производство новых, более совершенных моторов и самолетов, столь необходимых фронту. Военный опыт подсказывал, что в Сталинградском сражении массированное применение авиации явилось одним из решающих факторов нашей победы. Перед летними операциями 1943 г. Красной Армии требовались скоростные, маневренные, надежные истребители. Дан-

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 120. Л. 108.

ное постановление обеспечило скорейший запуск в серию двигателя ВК-105А для истребителя Як-3. Этот самолет с новым мотором по своим летно-техническим данным являлся лучшим по скорости, скороподъемности и маневренности истребителем Второй мировой войны. В целом, можно сказать, что реализация решений данного постановления ГКО позволила нашим летчикам наряду с другими факторами с середины 1943 г. прочно завоевать стратегическое господство в воздухе[1].

Осенью 1943 г. военно-экономическая и военно-техническая проблематика в работе ГКО временно отошла на второй план. Советская военная промышленность развивалась ритмично, постоянно наращивая свой потенциал и боевой потенциал действующей Красной Армии. В 1943 г. валовая продукция СССР составила 90% от довоенной, а в оборонных отраслях возросла в 2,2 раза[2].

Пожалуй, особо следует отметить специальное постановление ГКО № 4594 «Об увеличении выпуска самолетов Ту-2 на заводе № 23 НКАП (Москва)»[3], вышедшее 17 ноября 1943 г. Советские войска уверенно шли на запад, освобождая Украину. Верховное Главнокомандование СССР нуждалось теперь во фронтовой бомбардировочной авиации, способной наносить ощутимые удары по выдвигавшимся резервам немцев и их тыловым базам боевого обеспечения. Постановление обязало наркома авиапромышленности Шахурина и директора завода № 23 Исиловича обеспечить выпуск самолетов Ту-2 на заводе № 23 к концу января 1944 г. по 1 самолету в день, в марте 1944 г.— по 2 самолета в день и в июне 1944 г.— 4 самолета в день. Для выполнения поставленной задачи ГКО разрешил НКАП в месячный срок перевести в Москву на завод № 23 с Читинского завода № 117 1000 человек рабочих и 50 человек ИТР, а также все транспортные средства и оборудование этого завода.

Таким образом, в 1943 г.— году коренного перелома в Великой Отечественной войне Государственный Комитет Обороны своей военно-экономической и технической политикой, большой администра-

---

[1] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет... — С. 258—260.

[2] *Косыгин А.Н.* В едином строю защитников Отчизны. М., 1980. С. 81.

[3] РГАСПИ. Ф.644. Оп. 1. Д. 177. Л. 1.

тивной и организаторской работой обеспечил динамичное развитие советской военной экономики. Впервые за годы войны мы превзошли противника по производству боевой техники. В 1943 г. ГКО успешно справился со стоявшими перед страной экономическими трудностями: усилил материально-техническую базу государства, ликвидировал отставание металлургии и топливно-энергетической базы от растущих потребностей военного машиностроения, улучшил производственное кооперирование и, тем самым, обеспечил постоянное наращивание производства боевой техники и вооружения для фронта. К концу 1943 г. действующая Красная Армия имела количественный и качественный перевес в боевой технике и вооружении над вермахтом.

Вторым важнейшим направлением деятельности ГКО в 1943 г. была военно-мобилизационная и кадровая работа — формирование новых боевых резервов — частей, соединений и объединений для фронта и подготовка командных кадров. Советское руководство постоянно держало в поле своего зрения эти приоритетные вопросы.

В рамках данного направления своей работы высший орган страны занимался: во-первых, военной мобилизацией в Вооруженные силы путем проведения регулярных призывов военнообязанных и других лиц (бывших военнопленных, осужденных) в армию; во-вторых, военной мобилизацией населения на «трудовой фронт»; в-третьих, формированием новых войсковых соединений и объединений; в-четвертых, созданием на территории СССР иностранных воинских частей и соединений; в-пятых, подготовкой командных, летно-технических и других военных кадров.

Касаясь вопроса военной мобилизации в действующую Красную Армию, надо отметить, что за первые полтора года тяжелейшей войны регулярные и частые военные призывы «выгребли» в стране практически весь контингент военнообязанных, подлежащих призыву. Вследствие огромных потерь в живой силе в 1943 г. в наших окопах (как, впрочем, и у немцев) сидели мобилизованные или старые, или очень молодые бойцы. Много было тех, кто возвратился в строй после ранений; были и повторно призванные. Опытный боеспособный контингент был просто выбит. Несмотря на то что в 1943 г. в рядах Красной Армии под ружьем находилось около 6 млн человек, наш Генеральн6ый штаб считал эту цифру недостаточной.

В исследуемый период состоялся один массовый общесоюзный призыв молодежи на военную службу — осенью 1943 г. Мобилизация прошла в соответствии с постановлением ГКО № 4322 от 13 октября 1943 г. «О призыве на военную службу призывников рождения 1926 г.»[1]

На войну шли 17-летние юноши. На основании этого решения ГКО обязал Наркомат обороны (генерала Смородинова) призвать до 15 ноября 1943 г. на военную службу всех граждан мужского пола, родившихся в 1926 г. (включая и находящихся на территории, освобожденной от противника), независимо от места работы и занимаемых должностей, за исключением рабочих предприятий НКБ, НКВ, НКМВ, НКАП, НКТП, НКУП, НКНП, НКУМ, НКЦМ, НКЭ, НКЭП, НКТМ, НКС, НКПС, НКМФ, НКРФ и Главсевморпути, имеющих квалификацию 3 разряда и выше.

Характерно то, что призыву не подлежали представители местных национальностей: Узбекской, Таджикской, Киргизской, Казахской, Туркменской, Грузинской, Армянской, Азербайджанской ССР, Дагестанской, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской АССР и Адыгейской, Карачаевской и Черкесской автономных областей.

Центр приказал Командующего войсками Дальневосточного военного округа (генерал Пуркаев) в течение 2 месяцев (ноябрь — декабрь 1943 г.) выделить 100 000 человек обученного рядового и сержантского состава, годного к строевой службе, и передать на пополнение частей действующей Красной Армии. Забайкальский военный округ — выделить 35 000 человек для действующей Красной Армии. Закавказский фронт — 30 000 человек.

Наряду с этим, ГКО обязал Командующего артиллерией Красной Армии (генерал Воронов) выделить из частей Западного и Восточного фронтов ПВО и Московской особой армии ПВО 30 000 человек.

В этот же день своим постановлением № 4324 «О призыве в Армию призывников 1922, 1923, 1924 и 1925 гг. рождения, пользующихся отсрочками от призыва по работе в промышленности и сельском хозяйстве», ГКО «разбронировал» значительную часть призывников в возрасте 18—21 год при условии, если они имеют

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 163. Л. 1.

рабочую квалификацию ниже 3 разряда[1]. Оба постановления подписал И. Сталин.

Тяжелые оборонительные операции 1942 г. и наступательные сражения 1943 г. обескровили Красную Армию. Фронту нужны были все новые и новые людские пополнения. Организованно проведенная мобилизационная кампания в конце 1943 г. позволила обеспечить действующую Армию минимально необходимым личным составом. Однако широких кадровых резервов не хватало. Мобилизации и разбронирования были не способны полностью решить проблему. Правительство прибегло к таким нетрадиционным источникам пополнения действующей Армии, как отправка на фронт бойцов и командиров, вышедших из окружения, бывших советских военнопленных и даже заключенных. Этот опыт был уже апробирован в 1941—1942 гг. Но это явление тогда не было массовым.

Для решения подобной задачи И. Сталин 21 января 1943 г. подписал постановление ГКО № 2779. В нем, в частности, говорилось:

«В частичное изменение постановления ГОКО от 27 декабря 1941 г. № 1069 сс ГОКО постановляет:

...Разрешить командующим фронтов использовать для пополнения действующей Армии часть бывших военнослужащих, находившихся в плену и в окружении противника, после надлежащей их фильтрации на месте в армии и фронтовых сборно-пересыльных пунктах»[2].

В начале 1943 г. в действующей Красной Армии крайне обострилась транспортная проблема. Не хватало механической тяги для артиллерии, подвоза горючего, боеприпасов, не говоря уже о моторизации пехоты. Наша автомобильная промышленность, перешедшая на сборку легких танков, не могла обеспечить потребности фронта; американских «студебеккеров» не хватало. В этих условиях Советское правительство приняло решение об очередном изъятии из народного хозяйства основной тягловой силы — лошадей. Решению данной проблемы было посвящено постановление ГКО № 2337 от 13 января 1943 г. «О мобилизации лошадей и обоза с упряжью для укомплектования частей Красной Армии»[3].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д.163. Л. 6.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.

[3] РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 81. Л. 195.

Документ предписывал:

«1. Обязать СНК союзных и автономных республик, областные и краевые исполнительные комитеты провести до 15 февраля 1943 г. мобилизацию и поставку для Красной Армии 102 600 лошадей и 5000 повозок с упряжью, в т.ч. принадлежащих колхозам — 91 000 лошадей и 5000 повозок, совхозам и конезаводам НК совхозов — 2500 лошадей, государственным и кооперативным учреждениям, хозяйствам колхозников и единоличников — 8200 лошадей с распределением по областям, краям и республикам, согласно приложению.

2. Обязать НКЗем СССР (т. Бенедиктова), НК совхозов СССР (т. Лобанова), обкомы и крайкомы ВКП(б) и ЦК Компартий союзных республик обеспечить проведение указанной в п. 1 мобилизации лошадей для Красной Армии в установленный срок. И. Сталин».

В стране в рассматриваемый период, как и в 1941—1942 гг., проводилась военная мобилизация на производство и объекты военного значения, или, как тогда говорили, на «трудовой фронт». Формировались уже не рабочие колонны, а, так называемые, трудовые армии. Они комплектовались из нестроевых мобилизованных мужчин пожилого возраста. Принимались меры по прикреплению квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников к оборонным заводам.

27 ноября 1942 г. И. Сталин подписал специальное постановление ГКО № 2549 по Наркомату боеприпасов. Оно освобождало от мобилизации и призыва в Красную Армию рабочих и ИТР всех категорий, квалификаций и профессий, работающих на заводах Наркомата боеприпасов по производству порохов, взрывчатых веществ, капсюлей и пиротехники.

Вождь запретил впредь все виды мобилизации и откомандирования рабочих и ИТР с заводов и конструкторских бюро этого наркомата. В документе был дан перечень пороховых (гг. Казань, Люберцы, Рошаль, Алексин и т.д.) и снаряжательных (гг. Электросталь, Подольск, Владимир, Саратов и т.д.) заводов[1], рабочие которых не подлежали мобилизации в армию.

В январе 1943 г. вышло распоряжение ГКО № 2733, подписанное В. Молотовым, которое разрешало Наркомату обороны (т. Щаден-

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 70. Л. 168.

ко) оставить до 20 февраля 1943 г. для работы на строительстве Туркестано-Сибирской железной дороги 500 рабочих-корейцев, подлежащих направлению для работы в Подмосковном угольном бассейне в соответствии с постановлением ГКО от 20 декабря 1942 г. № 2643с.

В целях обеспечения военного производства необходимой рабочей силой ГКО в конце 1943 г. принял решение об образовании при оборонных наркоматах сети специальных ремесленных училищ. Туда планировалось согласно квотам мобилизовывать допризывную молодежь. Первым в ряду подобных документов явилось постановление ГКО № 4845 от 27 декабря 1943 г. по НКАП «Об организации специализированных ремесленных училищ авиационной промышленности»[1].

Постановление гласило: «Обязать Главное Управление Трудовыми Ресурсами при СНК СССР (т. Москатова) организовать на базе заводов НКАП 23 специализированных ремесленных училища авиационной промышленности с контингентом учащихся 22 600 человек (в Новосибирске, Саратове, Молотове, Горьком, Омске, Казани, Уфе).

Призвать (мобилизовать) в специальные РУ 22 600 чел. из числа сельской и городской молодежи возраста 15—17 лет, включая учащихся 7—9 классов НКПроса и служащей в управлениях молодежи.

Обязать... директоров заводов: № 16 — Лукина, № 19 — Солдатова, № 22 — Окулова, № 26 — Баландина, № 29 — Борисова, № 33 — Брусникина, № 119 — Григорьева, № 153 — Лисицына, № 166 — Соколова, № 306 — Филимонова, № 466 — Лукина ...обеспечить ремесленные училища всем необходимым... В. Молотов».

Как всегда ответственным направлением военно-мобилизационной и организационной работы ГКО были создание и подготовка новых войсковых формирований.

Во втором периоде войны, в отличие от первого, когда формировались в основном сухопутные соединения — дивизии, объединявшиеся в общевойсковые армии, начали наряду с дивизиями создаваться новые формирования — бригады резерва Верховного Главнокомандования, а также танковые и воздушные армии. Ответственным от ГКО за формирование войск был назначен К. Ворош-

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 184. Л. 80.

лов, а рабочим органом — Главное управление формирования и укомплектования войск НКО, которым поочередно руководили маршал Г. Кулик, затем с 1942 г.— генерал-полковник Е. Щаденко, а к концу войны — генерал-полковник И. Смородинов.

Первыми в разгар контрнаступления под Сталинградом начали формироваться бригады резерва ВГК. 6 декабря 1942 г. вышло постановление ГКО «О сформировании в составе артиллерийских дивизий резерва ВГК истребительно-противотанковых, пушечных, гаубичных и минометных бригад». Это позволило нашей армии создать высокие артиллерийские плотности на направлениях главных ударов, облегчало маневр артиллерийскими средствами, заметно улучшило боевое применение артиллерии. Постановление обязывало командующего артиллерией Красной Армии генерал-полковника Н. Воронова к 15 декабря разработать новые штаты дивизий и перевести на них дивизии резерва ВГК. Начальнику ГАУ Красной Армии генерал-полковнику Н. Яковлеву приказывалось выделить для укомплектования соединений недостающие вооружение и личный состав[1].

Достижением ГКО и Ставки в области организационно- мобилизационной работы в 1943 г. было создание десяти танковых армий, что позволило Верховному Главнокомандующему в последующих наступательных сражениях концентрировать усилия ударных танковых группировок на решающих направлениях. Опыт формирования в мае—ноябре 1942 г. воздушных армий на базе ВВС фронтов полностью себя оправдал. Конечно, создание таких мощных группировок стало возможным благодаря эффективной работе наркоматов авиационной и танковой промышленности.

28 января 1943 г. ГКО принял постановление № 2791 «О сформировании 10-ти танковых армий», согласно которому в течение февраля — июня 1943 г. наркомату обороны поручалось сформировать 10 танковых армий. В документе определялись не только сроки комплектования, но структура и состав танковых объединений.

Каждая танковая армия состояла из 2 танковых корпусов и 1 механизированного корпуса. На вооружении каждая армия имела 430 танков Т-34 и 210 танков Т-70 — всего 640 боевых машин.

---

[1] Комаров Н.Я. Государственный Комитет Обороны постановляет... — С. 205—206.

К постановлению прилагался типовая структура танковой армии и план готовности объединений с местом дислокации.

Состав танковой армии был таким:

боевые части: танковый корпус — 2 (19 334 человек), механизированный корпус — 1 (15 740 человек), мотоциклетный полк — 1 (1485), зенитный полк — 1 (1345), истребительно-противотанковый полк — 1 (518), гаубичный артиллерийский полк — 1 (1025), гвардейский минометный полк — 1 (808), авиаполк связи на У-2 — 1 (158 человек). Итого: 40 697 человек. Всего в танковой армии — 46 121 человек.

План готовности танковых армий:

Дислокация	Срок готовности
1-я ТА г. — Костерево	20.03.43
5-я ТА г. — Тамбов	30.03.43
4-я ТА г. — Саратов	15.04.43
6-я ТА г. — Ефремов	25.04.43
7-я ТА г. — Калуга	30.04.43
8-я ТА г. — Костерево	15.05.43
9-я ТА г. — Тамбов	25.05.43
10-я ТА г. — Саратов	30.05.43
11-я ТА г. — Костерево	15.06.43
12-я ТА г. — Тамбов	25.06.43[1].

Предметом постоянной заботы ГКО являлось такое направление, как подготовка командных, технических, летных и других военных кадров для действующей Армии.

11 мая 1943 г. вышло постановление ГКО «Об упразднении института заместителей командиров рот и батарей по политической части»[2]. Постановление было принято в напряженное время — накануне летней кампании 1943 г. действующая Армия требовала в срочном порядке дополнительных обученных командных кадров. Одним из путей решения данной проблемы стал перевод политработ-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 84. Л. 63—72.

[2] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 255.

ников ротного звена на командные должности — в основном, командирами рот и батарей. Существует мнение, что инициатором данного решения ГКО выступил Г. Жуков — заместитель Верховного Главнокомандующего.

В развитие данной темы вышло постановление ГКО «О резерве начальствующего состава» от 24 июля 1943 г.[1]. Решение принималось в период сражения на Курской дуге, когда стратегическая инициатива полностью перешла в руки советского командования. Новые военные задачи требовали повышенных требований к командным кадрам, которые стали называться как в старые времена офицерскими. Военно-политическое руководство потребовало значительно увеличить резерв начальствующего состава Красной Армии при фронтах, армиях, военных округах, управлениях и отделах кадров как один из важных путей укрепления офицерского корпуса страны. В целях реализации названного постановления была расширена подготовка офицерских кадров, прежде всего через сеть военно-учебных заведений. В 1943 г. только в сухопутных войсках число военных училищ и школ было увеличено в 1,5 раза по сравнению с 1941 г.[2].

Особое внимание И. Сталин и ГКО уделяли вопросам подготовки летно-технического состава Военно-Воздушных сил. 22 декабря 1943 г. было принято специальное постановление «О подготовке летно-технических кадров в 1944 г.» № 4828[3]. Документ предписывал:

«1. Обязать командующего ВВС КА т. Новикова:

а) в 1944 г. в нормальных школах пилотов подготовить 19 000 летчиков, из них:

летчиков-истребителей — 10 000

летчиков-штурмовиков — 5800

летчиков бомбардировщиков — 3200.

Для обеспечения подготовки указанного количества летчиков разрешить ВВС КА содержать в нормальных школах пилотов 22 000 курсантов.

б) Сформировать в срок до 1 июня 1944 г. дополнительно к существующим 5 школам 7 школ первоначального обучения в городах:

---

[1] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 278.

[2] Там же. С. 279.

[3] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 184. Л. 3.

Серноводск, Майкоп, Фергана, Давлеканово, в станциях: Пролетарская Ростовской области, Невинномысская Ставропольского края и в поселке Чебеньки Чкаловской области.

2. Обязать командующего АДД т. Голованова подготовить в школах первоначального обучения ГВФ 6000 летчиков.

3. Обязать начальника ВВС ВМФ т. Жаворонкова подготовить:

летчиков-истребителей — 1100 человек.

летчиков-штурмовиков — 500 человек.

летчиков-пикировщиков бомбардировщиков — 300 человек.

летчиков-дальних бомбардировщиков и торпедоносцев — 300 человек.

Итого: 2200 человек».

В постановлении определялся налет на одного курсанта-летчика в школе пилотов. Он составлял не менее:

а) на учебном самолете:

истребителя — 73 часа

штурмовика — 68

бомбардировщика — 81

дальнего бомбардировщика и торпедоносца — 84

ночного бомбардировщика — 110

б) на боевом самолете:

истребителя — 40

штурмовика — 40

бомбардировщика — 43

дальнего бомбардировщика — 55

ночного бомбардировщика — 100 часов.

Данные нормативы были выше, чем в предыдущем году. Война показала — чем больше был налет молодого пилота в летной школе, тем больше было шансов, что его не собьют в первом же воздушном бою.

Особое направление деятельности ГКО в рамках военно-мобилизационной работы — создание на территории СССР иностранных воинских частей и соединений. Решение об их создании было продиктовано не столько военно-мобилизационными причинами, сколько политическими. По указанию И. Сталина в 1943 г. был создан специальный аппарат уполномоченного Ставки ВГК по иностранным военным формированиям на территории СССР с задачей оказания

помощи в создании и обучении этих частей и соединений и поддержания с ними постоянной связи[1].

Первым было принято решение о создании на нашей территории чехословацкой воинской части. 20 ноября 1942 г. ГКО утверждает постановление «Об укомплектовании на территории СССР чехословацких частей карпато-русскими, украинцами и словаками, состоявшими до расчленения Чехословакии в чехословацком гражданстве» (постановление № 2528)[2].

В документе говорилось:

«1. В соответствии с Указом Председателя Верховного Совета СССР от 19 ноября 1942 г. поручить НКВД СССР освободить содержащихся ныне в заключении на советской территории в качестве осужденных, подследственных, интернированных карпато-русских, украинцев и словаков...

2. Всех лиц призывного возраста, годных к несению военной службы, направить в г. Бузулук в распоряжение командира чехословацкой бригады...

3. Лицам мужского пола, негодным к военной службе, а также женщинам разрешить свободное проживание на территории СССР, за исключением республик и областей, объявленных на военном положении, погранзон и режимных местностей. Считать целесообразным в интересах лучшего трудоустройства указанных выше контингентов чехословацких граждан сконцентрировать их на территории Казахской ССР.

4. Определить для 1942 г. общую численность чехословацкой бригады на территории СССР в 3500 человек ...

5. Личный состав бригады поставить на все виды довольствия.

И. Сталин»

В связи с нехваткой личного состава вместо бригады вначале был сформирован чехословацкий пехотный батальон. В марте 1943 г. этот батальон в составе Воронежского фронта впервые вступил в бой с немцами у деревни Соколово.

---

[1] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 201.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.

Весной 1943 г. советское руководство вновь обратилось к вопросу создания чехословацкого национального соединения, издав постановление ГКО от 29 апреля 1943 г. «О формировании 1-й чехословацкой пехотной бригады»[1].

Решение ГКО по этому поводу было оформлено как ответ советского правительства на просьбу командования чехословацкого батальона. Конечно, за этим ходатайством стояли представители Компартии Чехословакии, сидевшие в Коминтерне, в Москве. В принятом постановлении констатировалось: «удовлетворить ходатайство чехословацкого командования о сформировании на территории СССР 1-й чехословацкой пехотной бригады». Местом формирования был определен г. Новохоперск Приволжского военного округа. Бригада создавалась на основе 1-го чехословацкого пехотного батальона, находившегося в резерве Воронежского фронта, и запасного чехословацкого полка, который в это время формировался в г. Бузулук Оренбургской области.

Через полгода, в сентябре 1943 г. московская комиссия, проверив боевую и политическую подготовку бригады, вручила ей Боевое знамя. 30 сентября из Новохоперска на фронт убыл первый эшелон. Всего бригада насчитывала 3517 человек, в том числе в ней было 148 военнослужащих Красной Армии[2].

Вслед за чехословацкой дивизией стала формироваться польская. 6 мая 1943 г. ГКО принял постановление № 3294 «О формировании 1-й польской пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко»[3]. Постановление принималось в соответствии с просьбой Союза польских патриотов, находившегося в Москве. Безусловно, подобные просьбы предварительно согласовывались в Кремле. Скорее всего, эта инициатива исходила от Политбюро ЦК ВКП(б), которое поручило Союзу польских патриотов выступить с такой просьбой.

Решение ГКО по данному вопросу было следующим:

«1. Удовлетворить ходатайство «Союза польских патриотов» о сформировании на территории СССР польской стрелковой дивизии им. Т. Костюшко.

---

[1] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 247.

[2] *Свобода Л.* От Бузулука до Праги. М., 1969. С. 175.

[3] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 113. Л. 161—162.

2. Стрелковую дивизию сформировать по штату № 04/500—04/512 Красной Армии с дополнительными средствами усиления: истребительного противотанкового дивизиона 45 мм пушек, танкового полка, дивизиона 120 мм минометов и роты противотанковых ружей.

3. Согласиться с предложением «Союза польских патриотов» об утверждении в качестве командира польской стрелковой дивизии полковника генерального штаба Берлинга Сигизмунда Михайловича.

4. ...Проведение практических мероприятий по формированию и обеспечению польской стрелковой дивизии возложить на комиссара государственной безопасности т. Жукова.

5. Для размещения частей формирования дивизии предоставить Селецкие лагеря МВО (50 км севернее Рязани на реке Оке).

Срок готовности лагеря — 15 мая с.г.

6. Удовлетворить ходатайство «Союза польских патриотов» о проведении средствами Красной Армии призыва людских контингентов для формируемой дивизии:

а) в период с 15 мая по 5 июня 1943 г. призвать, включая и забронированных:

— всех лиц старшего и среднего начсостава из числа бывших польских граждан, поляков по национальности, в возрасте до 50 лет включительно;

— младший начсостав — в возрасте до 45 лет;

— рядовой состав — от 18 до 40 лет, в количестве 10 тыс. человек.

В первую очередь призыв начать из стройбатальонов всех наркоматов, включая НКВД;

б) призвать для службы в вспомогательных частях 500 человек. женщин-полек в возрасте 18—30 лет;

в) направить в место формирования польской дивизии добровольцев из числа бывших польских граждан непольских национальностей, а также поляков, коренных жителей и граждан СССР;

г) провести до 15 июня с.г. количественный и качественный учет всех поляков, проживающих на территории СССР, в возрасте с 1926 г.р. до 50 лет.

7. Удовлетворить ходатайство «Союза польских патриотов» о выделении из Красной Армии необходимого количества командиров и политработников — поляков для службы в польских частях, формируемых на территории СССР. И. Сталин».

Из содержания этого документа мы видим условия создания, состав, структуру, особенности, место и сроки комплектования польской дивизии.

Дела с формированием польского соединения шли хорошо и 10 августа 1943 г. ГКО утвердил постановление № 3904 о создании на территории СССР польского армейского корпуса численностью 40 тыс. человек[1]. Для этого была социальная база — в Советском Союзе с довоенных времен проживало достаточно много поляков, плюс к тому военнопленные и интернированные граждане Польши. К этому времени еще не разразился скандал по поводу расстрела польских офицеров в Катыни.

Документ достоин того, чтобы привести полностью, поскольку в нем показан механизм формирования иностранных военных формирований. Итак, ГКО постановляло:

«1. Удовлетворить ходатайство «Союза польских патриотов» и командования польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко об организации в СССР польского армейского корпуса.

2. Польский армейский корпус сформировать в составе:

— управления корпуса штат № 04/50

— 2 стрелковых дивизий по штату № 04/500—04/512

— артиллерийской бригады (артполк, истребительно-противотанковый полк, зенитный дивизион)

— танковой бригады (2 танковых полка, 1 мотострелковый батальон)

— авиационного полка истребителей

— саперного батальона, батальона связи и т.д.

... Сформировать офицерскую школу численностью 750 человек и унтер-офицерский учебный батальон.

Поручить комиссару госбезопасности т. Жукову принять участие вместе с «Союзом Польских патриотов» в создании штата культурно-военного отдела польского армейского корпуса.

3. Утвердить:

— командиром армейского корпуса генерал-майора Берлинга З.М.;

— командиром 1-й полькой пехотной дивизии гвардии полковника Кеневич Б.А.;

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 145. Л. 3—4.

— командиром 2-й польской пехотной дивизии полковника Сивицкого А.Т.;

...5. Армейский корпус впредь до выхода на фронт дислоцировать в Селецких лагерях Московского военного округа.

6. Удовлетворить ходатайство «Союза польских патриотов» о проведении средствами Красной Армии призыва дополнительного людского контингента для вновь развертываемых формирований...

И. Сталин»

Не ожидая полной готовности всех трех дивизий корпуса, 1 сентября 1943 г. 1-я дивизия им. Т. Костюшко отбыла на фронт. Через месяц дивизия в составе нашего Западного фронта впервые приняла участие в боевых действиях в районе белорусского села Ленино.

4 октября 1943 г. ГКО принял постановление № 4227 о формировании румынской пехотной дивизии[1]. Особенность ситуации заключалась в том, что если предыдущие соединения представляли страны, подвергшиеся гитлеровской агрессии, то в данном случае речь шла о стране — сателлите Германии. Поэтому на этот раз было удовлетворено ходатайство делегатов от лагерей румынских военнопленных и дивизия формировалась из состава военнопленных румынской армии, предпочтительно добровольцев.

Заместителю начальника Управления по делам военнопленных НКВД СССР комиссару госбезопасности Мельникову поручалось организовать формирование этой дивизии численностью 9380 человек. Схема формирования оставалась прежней. Место дислокации — те же Селецкие лагеря МВО. Новым в постановлении был пункт о необходимости ведения активной контрразведывательной работы в румынской дивизии силами НКВД.

В ноябре того же года по решению ГКО № 4998 от 17 ноября 1943 г. Наркомат обороны приступил к формированию отдельной югославской воинской части.

Постановление по этому поводу гласило:

«1. Удовлетворить ходатайство югославских солдат и офицеров — военнопленных германской, венгерской и итальянской армий о сформировании на территории СССР отдельной югославской военной части.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 154. Л. 141.

2. Сформировать отдельный югославский батальон по штату стрелкового батальона № 04/331: 3 стрелковые роты, рота автоматчиков, взвод связи, разведчиков, пулеметная рота, рота противотанковых ружей, минометная рота, взвод 45 мм пушек...

3. Согласиться с предложением югославских офицеров об утверждении в качестве командира отдельного югославского батальона подполковника Месич».

В завершении второго периода войны, 30 декабря 1943 г. ГКО решил дополнительно сформировать на нашей территории ряд новых чехословацких частей. Этому вопросу было посвящено постановление № 4859[1]. В нем говорилось:

«1. Удовлетворить ходатайство чехословацкого командования о дополнительном сформировании, кроме существующих (1-я отдельная чехословацкая бригада), новых чехословацких военных формирований:

— отдельной чехословацкой воздушно-десантной бригады;

— отдельного чехословацкого танкового батальона;

— отдельной чехословацкой авиационной эскадрильи;

— запасного чехословацкого пехотного батальона.

2. На укомплектование формируемых частей обратить личный состав из существующей запасной чехословацкой части, а также состав военнопленных германской, венгерской, итальянской и румынской армий чехословацкой национальности и гражданства, содержащихся в лагерях НКВД для военнопленных.

3. Пунктом формирования воздушно-десантной бригады, отдельных танкового и запасного батальонов определить г. Ефремов (МВО). Пунктом формирования отдельной авиационной эскадрильи определить г. Иваново (МВО).

Установить, что личный состав чехословацкой воинской части на территории СССР носит форму и знаки различия, принятые в чехословацкой армии до 1938 г.».

Из сказанного видно, что в 1943 г. ГКО уделял особое внимание военно-мобилизационным вопросам и вопросам формирования новых частей, соединений и объединений. В этом направлении проводилась большая организационно-мобилизационная работа, отличавшаяся разнообразием своих форм и методов.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 184. Л. 160.

Диапазон проблем, решаемых ГКО в 1943 г., был широк. Этот орган власти оперативно реагировал на непредвиденные обстоятельства. Например, в начале лета 1943 г. немецкая авиация неожиданно совершила налет на г. Горький, который находился в далеком советском тылу, разбомбив его промышленные объекты. В ночь на 5 июня состоялся вражеский налет, а 6 июня вышло постановление ГКО № 3524 «О противовоздушной обороне г. Горького». И. Сталин приказал немедленно создать комиссию под руководством Л. Берия для расследования этого дела. Постановление было кратким: «Создать комиссию в составе: тт. Берия (председатель), Щербакова и Громадина для вскрытия недостатков противовоздушной обороны в г. Горьком в связи с налетом вражеской авиации в ночь на 5 июня и для выработки строжайших мер по ликвидации недостатков и улучшению дела противовоздушной обороны»[1]. В Горький поехали шеф НКВД, секретарь ЦК партии и «стрелочник» — командующий ПВО страны.

Комиссия работала оперативно — 8 июня 1943 г. ГКО в своем постановлении № 3534 «О противовоздушной обороне заводов Горьковского района» одобрил работу комиссии Л. Берия и проведенные ей мероприятия по усилению противовоздушной обороны г. Горького. Как ни странно, санкции были не столь строгими. Решением ГКО были сняты с должности, как несправившиеся, два человека — командующий Горьковским корпусным районом ПВО генерал-майор Осипов и директор автомобильного завода ГАЗ Лившиц. Командующего ПВО страны генерала Громадина временно оставили в Горьком для организации работы Горьковского корпусного района до назначения нового командующего. Горьковской ПВО были приданы значительные дополнительные боевые средства[2]. Немецкие налеты подобного рода больше не повторялись.

Вызывает интерес в ряду решений ГКО исследуемого периода постановление за № 3522сс, утвердившее «Мероприятия по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР»[3]. Постановление было вызвано изменившимися условиями войны и необходимостью разграничения функций между Главным разведывательным

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 124. Л.183.

[2] Там же. Д.125. Л. 24.

[3] Там же. Д. 124. Л 175—176.

управлением НКО и Разведывательным управлением НКГБ, а также конкретизацией их задач и функций. Было на государственно-правовом уровне определено, что функция ГРУ — ведение военной разведки, а функция НКГБ — ведение политической разведки.

В совсекретном документе указывалось, что основное внимание разведывательных органов СССР следует направить на работу против Германии, Японии и Италии и оккупированных ими стран. Одновременно с этим усилить разведывательную работу в Англии, США и Турции. По легальной линии необходимо шире использовать возможности советских организаций, находящихся за рубежом. Практиковать также посылку за рубеж кадровых работников разведорганов в составе различных делегаций, комиссий и привлекать к разведывательной работе отдельных советских ученых, писателей, артистов, направляя их за рубеж по линии Академии наук СССР, Союза советских писателей.

По нелегальной линии предлагалось шире практиковать создание нелегальных резидентур на территории иностранных государств, засылая нелегальных резидентов через третьи страны. Указывались формы прикрытия советских резидентов, такие, как организация торговых фирм, кинотеатров, фотографий, ресторанов, а также вхождение компаньонами в различные фирмы, предприятия и проч. В целях завязывания нужных связей и получения разведматериалов разведчикам разрешалось вступать в различные клубы, спортивные и иные организации иностранных государств. Соответствующим структурам НКГБ и ЦК ВКП(б) было поручено разработать и представить на утверждение «Инструкцию о правилах поведения советских граждан за границей», в которой должны были быть отражены интересы разведорганов страны. Безусловно, данное постановление ГКО было выполнено.

Таким образом, во втором периоде войны высший орган государственной власти наиболее активно занимался военно-экономическими и военно-мобилизационными проблемами. Наряду с этим Государственным Комитетом Обороны в 1943 г. на высшем уровне решались и другие важные вопросы, оказавшие свое решающее влияние на перелом в ходе войны. Это были разные вопросы, отличавшиеся своей актуальностью: трудовая мобилизация, противовоздушная оборона страны, разведка и контрразведка, военно-кадровые и другие вопросы.

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГКО НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ

В третьем, завершающем периоде войны наблюдается некоторое смещение акцентов в деятельности Государственного Комитета Обороны. По мере изменения военно-стратегической обстановки на советско-германском фронте корректировались и основные направления работы высшего органа власти СССР.

ГКО уверенно руководил страной и действующей армией, совершенствуя систему военного и государственного управления. За полтора исследуемых года (1944 — май 1945 гг.) им был проделан очень большой объем работы. Всего, по подсчетам автора, за исследуемый период ГКО рассмотрел и принял 5908 постановлений и распоряжений. Это значительно больше, чем в предыдущие военные периоды.

Особенностями деятельности ГКО в 1944 — первой половине 1945 гг., как показывает исследование, являлись: во-первых, усиление интенсивности работы; во-вторых, отсутствие ярко выраженных приоритетов в своей деятельности и очень широкий диапазон рассматриваемых вопросов; в-третьих, увеличение удельного веса вопросов, связанных с восстановлением освобожденных районов и пребыванием советских войск за границей.

Новым предметом заботы ГКО стали такие вопросы, как охрана тыла советских войск и наших коммуникаций, налаживание системы государственного управления в освобожденных советских районах, работа с бывшими советскими военнопленными, депортация ряда народов Северного Кавказа и Крыма в восточные районы страны, военные трофеи, помощь другим странам, финансирование советских войск за границей и т д.

1944 г. стал кульминационным в развитии нашей военной экономики за все годы войны. Объем валовой продукции промышленности СССР за 1944 г. превысил на 4% довоенный уровень, а производство средств производства возросло на 36% и военной продукции — в 3,1 раза.

И тем не менее характерным для военно-экономической деятельности ГКО в 1944 — первой половины 1945 гг. являлось определенное снижение интенсивности работы этого органа в области военной экономики. Это объяснялось тем, что в исследуемый период советская военная экономика, ритмично работая, надежно снабжала Красную Армию все возрастающим количеством боевой техники, вооружения и боеприпасов.

Изучение документов показывает заметное усиление внимания советского руководства к перспективным научно-техническим проектам и опытно-конструкторским работам — реактивной авиации, ядерному оружию, радиолокации.

В военно-экономической деятельности ГКО значительное место занимала тема скорейшего восстановления объектов промышленности и энергетики в освобожденных районах страны.

На завершающем этапе войны не ослабевало внимание к развитию тяжелой индустрии как главной материальной базы вооружения. В 1944 г. высший орган страны принял ряд постановлений, направленных на опережающие темпы развития черной металлургии. Основным путем решения этой задачи было восстановление объектов индустрии на освобожденных советских территориях. 27 января на ГКО был рассмотрен вопрос «О неотложных мерах по обеспечению восстановления предприятий Наркомчермета в Донбассе в I квартале 1944 г.» и приняты соответствующие важные решения. Примерно в это же время были приняты постановления ГКО по восстановлению наиболее крупных гигантов металлоиндустрии — «Запорожстали», «Азовстали», Макеевского и Енакиевского металлургических комбинатов[1].

В июле 1944 г. ГКО рассмотрел вопрос о мероприятиях по обеспечению строительства и восстановления предприятий черной металлургии во втором полугодии 1944 г., в сентябре — о мероприятиях по восстановлению Криворожского железорудного бассейна, в октябре — о мероприятиях по обеспечению бесперебойной работы предприятий черной металлургии[2]. Все они были нацелены на увеличение производства металла, столь необходимого для выпуска боевой техники и вооружения.

Немаловажной являлась проблема топлива и энергетики. Одной из главных причин поражений Гитлера в войне была нехватка топливно-энергетических ресурсов. Наши же ресурсы были значительны. Но важно было правильно ими распорядиться. В 1944 — начале 1945 гг. ГКО утвердил ряд постановлений, направленных на увели-

---

[1] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 303.

[2] Там же.

чение добычи угля в Кузбассе, Караганде и на Урале[1]. Так, 18 июня 1944 г. было принято постановление ГКО «О дальнейших мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донбасса для обеспечения углем черной металлургии, железнодорожного транспорта, электростанций и военной промышленности Юга»[2]. Это была задача государственной важности и она осуществлялась путем лучшего использования резервов действующих и восстановления разрушенных шахт, повышения интенсивности труда шахтеров, широкого развития открытого способа добычи угля, мобилизации в угольную отрасль новой рабочей силы, прежде всего, заключенных ГУЛАГа.

11 мая 1944 г. в свет вышло постановление ГКО «О мероприятиях по увеличению добычи нефти в 1944 г.»[3]. Согласно этому решению, наркоматом нефтяной промышленности были приняты дополнительные меры, которые позволили удовлетворить потребности фронта и тыла в нефтепродуктах.

Под пристальным вниманием ГКО была и электроэнергетика. 3 января 1944 г. принимается постановление «О частичном восстановлении энергетического хозяйства города Киева». В соответствии с ним в разрушенном городе предстояло не восстанавливать Киевскую теплоэнергоцентраль (ТЭЦ-3), а строить ее заново. Коллектив предприятий «Киевэнерго» успешно выполнил план строительных работ и ввел ТЭЦ в строй раньше срока[4].

16 апреля 1944 г. Госкомитет Обороны принимает решение «О вводе новых мощностей на электростанциях в 1944 г.», 2 июня — о восстановлении электростанций и электросетей для Криворожского железорудного бассейна и Никопольских марганцевых рудников[5]. 1 декабря 1944 г. вышло специальное постановление по Днепрогэсу — «О мерах помощи Днепрострою по восстановлению Днепровской гидроэлектростанции им. В.И. Ленина»[6].

---

[1] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 303.

[2] Там же. С. 359.

[3] Там же. С. 303.

[4] Там же. С. 312—315.

[5] Там же. С. 304.

[6] Там же. С. 385.

В этих правительственных документах была дана программа восстановления и развития топливно-энергетической базы страны на завершающем отрезке войны.

Не меньшее внимание советское правительство уделяло машиностроению. В начале 1944 г. ГКО принял решение о восстановлении ряда крупных машиностроительных заводов — Новокраматорского завода тяжелого машиностроения, харьковской группы станкостроительных заводов, Гомельского станкостроительного завода[1].

Быстрыми темпами шло возрождение машиностроительных предприятий Ростова-на-Дону и Сталинграда. 18 февраля 1944 г., например, ГКО принял специальное постановление № 5204 «О восстановлении производства тракторов СТЗ на Сталинградском тракторном заводе». Центр обязал НКСМ и руководство завода начать выпуск тракторов СТЗ с июля 1944 г. по 10 машин в сутки[2].

Отдельное решение ГКО состоялось по Ленинграду. В соответствии с постановлением от 29 марта 1944 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.» восстановлению в первую очередь подлежали: станкостроение, турбостроение, электропромышленность, приборостроение и ряд других отраслей. Ставилась задача в течение года довести объем производства ленинградской промышленности до 3,5 млрд руб., что составляло четвертую часть довоенного уровня. Восстанавливался ударными темпами и Кировский танковый завод, реэвакуированный из Челябинска[3].

Заглядывая в будущее, ГКО 1 октября 1944 г. принимает постановление «Об усилении внимания делу восстановления и развития угольной и нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии и электростанций». Постановление предлагало в ближайшие 2—3 года уделить особое внимание перечисленным отраслям народного хозяйства, их скорому переводу на режим мирного времени. Были поставлены ответственные задачи перед Госпланом СССР и соответствующими наркоматами[4].

---

[1] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 304.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 210. Л. 54.

[3] Очерки истории Ленинграда. Т. 5. С. 445—446.

[4] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 379—380.

Под непосредственным руководством ГКО отрасли военной промышленности, основываясь на мощной индустриальной базе, наращивали выпуск современной боевой техники для Красной Армии. В войска поступали танки Т-34 (85 мм пушка), ИС-2, самоходки — СУ-100, ИСУ-152, реактивные системы БМ-13 и БМ-31, боевые самолеты Як-3, Ла-5фн, Ил-2, Ту-2, превосходившие по своим тактико-техническим характеристикам технику врага.

В условиях массового производства боевых самолетов и танков ГКО в 1944 г. обращал особое внимание на качество выпускаемой военной продукции, строго спрашивая за все случаи заводского брака. Через соответствующие контрольные органы и военпредов на заводах государство внимательно следило не только за количеством, но и за качеством танков и самолетов. В связи с этим во второй половине 1944 г. был издан ряд постановлений, касавшихся качественного состояния боевой техники и вооружения. Пример — постановление ГКО № 6868 от 4 ноября 1944 г. «Об улучшении эксплуатации танков, самоходных артиллерийских установок и о повышении качества их изготовления»[1].

Большой интерес И. Сталина в области военно-технической политики на завершающем этапе войны вызвала идея развития реактивной авиации и создания еще в ходе войны отечественного скоростного реактивного истребителя. Вождь любил авиацию и своих «сталинских соколов». Его младший сын Василий был летчиком, воевал. Данный вопрос был тем более актуальным, что Германия опережала нас в области реактивного самолетостроения. Там уже шли летные испытания реактивных «мессершмидтов». Весной 1945 г. в небе Берлина наши пилоты встретились с ними.

В начале 1944 г. по указанию ГКО была проведена проверка Государственного института реактивной техники (ГИРТ) на предмет состояния его работы в этом направлении. Результаты этой проверки были отражены в постановлении ГКО № 5201 от 18 февраля 1944 г. «О работе Государственного института реактивной техники при СНК СССР и о мероприятиях по развитию реактивной авиации»[2].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 330. Л. 113.

[2] Там же. Д. 210. Л. 10.

«ГКО отмечает,— говорится в постановлении,— что Государственный институт реактивной техники, возглавляемый т. Костиковым, не справился с порученной ему задачей создания как реактивного двигателя, так и реактивного самолета ни по срокам, ни по ТТД. За 1,5 года ГИРТ не сумел приблизить задачу реактивного полета к практическому разрешению... Не справившись со своей работой, т. Костиков принимал все меры к тому, чтобы создать видимость активной и плодотворной работы, чем ввел в заблуждение правительство. ГКО постановил:

«1. Отстранить т. Костикова от работы начальника и главного конструктора института и передать его дела Прокурору СССР, а ГИРТ, как не оправдавший своего назначения, ликвидировать.

2. Обязать НКАП тт. Шахурина и Яковлева:

а) собрать все квалифицированные силы по реактивной технике в СССР и организовать НИИ реактивной авиации (НИИРА НКАП) в системе НКАП;

в)... поручить проектирование и постройку реактивных самолетов тт. Яковлеву, Лавочкину, Микояну и Сухому.

4. Назначить начальником института реактивной авиации т. Поликовского В.И. И. Сталин»[1].

Таким образом, было усилено внимание к реактивной авиации, как к вопросу государственной важности. Наряду с этим по личному указанию И. Сталина была создана обстановка творческой конкуренции различных конструкторских бюро, занимавшихся реактивной техникой, что обеспечивало эффективность работы в этом направлении.

Вновь к этому вопросу на уровне ГКО правительство вернулись в конце 1944 г. Постановлением этого органа № 7232 от 29 декабря «О постройке реактивного самолета конструкции т. Яковлева» И. Сталин продлил срок предъявления самолета Яковлева на летные испытания до 1 июля 1945 г.[2]. КБ не успевало выполнить правительственное задание в заданные временные рамки. На сей раз санкций не было.

При этом советское руководство не забывало о других видах боевой техники, особенно танках и установках реактивных минометов.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 210. Л. 10.

[2] Там же. Д. 345. Л. 167.

Например, в 1944 г. ГКО принял решение о производстве и поставке в войска новых самых мощных в мире тяжелых танков ИС-1, ИС-2 — «Иосиф Сталин», необходимых для прорыва сильно укрепленных оборонительных рубежей немцев на территории Польши и Германии.

С приближением победы советское правительство переключилось на разработку мер, направленных на конверсию промышленности, ее перевод на режим мирного времени. Специальное постановление по этому поводу ГКО издал после окончания войны в Европе — 26 мая 1945 г. Оно называлось «О мероприятиях по перестройке промышленности в связи с сокращением производства вооружения»[1].

Итак, усилия, предпринятые ГКО в промышленной и военно-технической областях в 1944—1945 гг., в определяющей мере способствовали укреплению экономической мощи страны и окончательной победе советского оружия в Великой Отечественной войне. На январь 1945 г. в составе действующих ВВС Красной Армии находилось 15,5 тыс. боевых самолетов, что было значительно больше по сравнению с «Люфтваффе». За годы войны наша танковая промышленность выпустила 102,8 тыс. танков и САУ, что более чем в 2 раза превышало объем германского производства[2].

Что касается военно-мобилизационной работы и формирования новых военных соединений в третьем военном периоде, то следует отметить как тенденцию заметное снижение интенсивности и объема работы ГКО в данном направлении. Об этом свидетельствуют результаты военно-мобилизационной деятельности. В 1944 г. Главупраформом НКО было сформировано 22 дивизии, в 1945 г.— только 2 дивизии. Для сравнения: в 1943 г. действующая Красная Армия получила 92 новые дивизии, в 1942 г.— 126, в 1941 г.— 419 дивизий[3]. Эта тенденция объяснялась, с одной стороны, нехваткой и израсходованностью призывного контингента в предыдущие военные годы (в армию и на флот было призвано 27 млн человек), с другой сторо-

---

[1] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 419.

[2] Великая Отечественная война. 1941—1945: энциклопедия. С. 148, 706.

[3] *Горьков Ю.А.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 117.

ны, социально-экономической нецелесообразностью раздувания численности Вооруженных сил на завершающем этапе войны.

Вместе с тем советские Вооруженные силы в конце войны укреплялись качественно. Как и прежде, большое внимание уделялось Сухопутным войскам. В декабре 1944 г. ГКО утвердил новый штат гвардейской стрелковой дивизии — основной организационной войсковой единицы периода минувшей войны. Увеличивалась почти на четверть численность личного состава дивизии, в 3 раза повышалась мощность ее артиллерийского огня[1].

В 1944 г. продолжали, хотя и меньшими темпами формироваться танковые армии. В Военно-Воздушных силах продолжалось создание и укомплектование авиационных корпусов РВГК. Укреплялись воздушно-десантные войска. В августе 1944 г. ГКО принял постановление «О гвардейских воздушно-десантных дивизиях», согласно которому число гвардейских воздушно-десантных дивизий возрастало до девяти, объединенных в три гвардейских воздушно-десантных корпуса[2]. Постановление предусматривало меры по укомплектованию дивизий личным составом и вооружением.

Проявляя заботу о командных кадрах, ГКО в начале 1945 г. еще раз обратился к проблеме подготовки авиационных кадров. 21 февраля он утвердил постановление «О подготовке летно-технических кадров в 1945 г.», которое обязывало командующего ВВС Красной Армии главного маршала авиации А. Новикова подготовить в течение года в летных школах ВВС определенное количество летчиков, штурманов и авиатехников[3]. Постановление ориентировало командование ВВС не только на выполнение плана выпуска пилотов, но и на повышение качества их подготовки. Особо в документе указывалось на необходимость использования в учебном процессе полученного в ходе войны боевого опыта.

Достаточно активно проводилась в данном периоде войны мобилизационная работа по призыву новобранцев в ряды Красной Армии. Этому вопросу ГКО, как и прежде, уделял первостепенное внимание.

---

[1] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 306.

[2] Там же. С. 367.

[3] Там же. С. 400.

Поскольку людские ресурсы России были исчерпаны, эта работа активизировалась в западных республиках СССР. 25 октября 1944 г. за подписью И. Сталина вышло три постановления ГКО, посвященные военной мобилизации населения.

В 1944 г., когда началось освобождение западных областей Украины и Белоруссии, а также Молдавии от оккупантов, центр поставил задачу мобилизации местного мужского населения в ряды Красной Армии. Это был один из путей укрепления кадрового состава действующей армии, увеличения ее численности. В результате 25 октября 1944 г. вышло отдельное постановление ГКО «О мобилизации военнообязанных запаса в освобожденных районах западных областей Украинской и Белорусской ССР и на территории Молдавской ССР до 45-летнего возраста»[1].

Решение предусматривало проведение мобилизации нового пополнения на общих основаниях. Особое внимание данному вопросу уделялось потому, что новобранцы из западных районов Украины, Белоруссии и из Молдавии длительное время находились в условиях немецкой оккупации, совершенно не знали советской действительности, подвергались воздействию нацистской и антироссийской пропаганды. Поэтому, прежде чем направлять их в бой, с данным призывным контингентом в запасных частях проводилась по указанию Главного политического управления РККА соответствующая идеологическая обработка.

Вышеназванное постановление обязывало НКО (начальника Главупраформа РККА генерала И. Смородинова) в ноябре 1944 г. провести мобилизацию указанного контингента призывников; требовало освободить от мобилизации ИТР, рабочих и служащих, забронированных на народнохозяйственных объектах согласно постановления ГКО и Комиссии СНК СССР по освобождению и отсрочкам. Постановление, как особо важное, было подписано И. Сталиным и разослано для исполнения Л. Берии, Г. Маленкову, И. Смородинову, А. Антонову, А. Хрулеву, Л. Кагановичу, в ЦК КП(б) Украины, Белоруссии и Молдавии.

В этот же день 25 октября ГКО рассматривает и принимает два постановления, обязывающие провести в стране очередной призыв

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 324. Л. 117.

новобранцев на военную службу. Первое — № 6786 «О призыве на военную службу призывников, родившихся в 1926 г., местных национальностей Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Туркменской, Таджикистанской, Узбекской, Казахской и Киргизской Союзных Республик»[1]. Оно гласило:

«В целях подготовки обученных резервов для Красной Армии ГКО постановляет:

1. Обязать НКО (т. Смородинова) в ноябре месяце призвать на военную службу всех граждан мужского пола, родившихся в 1926 г., местных национальностей...

2. От призыва освободить:

а) инженерно-технических работников и рабочих, имеющих квалификацию 3 разряда и работающих в промышленных предприятиях всех наркоматов;

б) работающих в сельском хозяйстве в качестве директоров, инженеров, техников, механиков МТС и МТМ, старших агрономов и агрономов, ветеринарных врачей, ветеринарных фельдшеров, зоотехников, бригадиров, комбайнеров, рабочих МТС и МТМ 5 разряда и трактористов;

в) студентов всех вузов и учащихся техникумов;

г) учащихся 10 классов и ремесленных училищ.

3. Призываемых сосредоточить в специальных западных и учебных школах, расположенных на территории соответствующих Союзных республик, установив 3-месячный срок обучения. Призываемых из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР частично обратить на укомплектование национальной дивизии Закавказского фронта».

Второе аналогичное постановление ГКО — «О призыве на военную службу призывников 1927 г. рождения» № 6784[2]. Высший государственный орган приказал призвать на военную службу всех граждан Советского Союза 1927 г. рождения, т.е. 17-летних юношей. От призыва освобождались:

а) рабочие предприятий, имеющих квалификацию 3 разряда и выше, и учащиеся РУ;

б) студенты всех вузов и техникумов;

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 324. Л. 118.

[2] Там же. Л. 106.

в) учащиеся 10 классов средней школы;

г) призывники местных национальностей: Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Туркменской, Таджикской, Узбекской, Казахской и Киргизской ССР, Дагестанской, Кабардинской, Северо-Осетинской АССР, Адыгейского и Черкесского автономных округов. Призывников 1927 г. рождения необходимо было сосредоточить в учебных частях и школах, установив 6-месячный срок обучения.

По-прежнему использовалась такая мера по укомплектованию войск, как досрочное освобождение заключенных и отправка их на фронт. Распоряжением № 709 от 8 декабря 1944 г. ГКО обязал НКВД и Прокуратуру СССР досрочно освободить до 1 января 1945 г. из лагерей и колоний НКВД 10 000 человек молодых возрастов, годных к строевой службе, осужденных за бытовые и незначительные преступления, и передать их НКО на укомплектование Красной Армии. Подписал документ И. Сталин[1].

Как и ранее, военно-мобилизационная деятельность правительства предполагала, наряду с призывом в Красную Армию, мобилизацию на «трудовой фронт», в оборонную промышленность. В 1944—1945 гг. проблема трудовых ресурсов решалась в основном методом мобилизации военнообязанных в промышленность, массового привлечения к труду в отраслях промышленности немецких военнопленных, заключенных ГУЛАГа, расширения сети ремесленных училищ, материального стимулирования труда рабочих оборонных наркоматов.

Вот примеры, подтверждающие деятельность нашего правительства в этом направлении. 28 сентября 1944 г. ГКО принял постановление № 6612, направленное на закрепление рабочих и ИТР на заводах НКПТ. Оно называлось: «Об улучшении материально-бытовых условий и мерах по закреплению рабочих и ИТР на заводах Наркомтанкпрома»[2].

ГКО за подписью И. Сталина:

1. Разрешил НКТП (Малышеву) ввести с 1 октября 1944 г. обязательные выходные дни для работающих на горячих, вредных и тяжелых работах, 4 дня в месяц, на остальных работах — не менее 3 дней в месяц в зависимости от условий производства.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 343 . Л. 134.

[2] Там же. Д. 303. Л. 204.

2. Выделил НКТП для покрытия недостатков в рабочей силе, в связи с предоставлением обязательных выходных дней рабочим наиболее тяжелых профессий, 5000 рабочих.

3. Обязал НКО СССР (Смородинова) мобилизовать и направить в октябре 1944 г. Наркомстрою целевым назначением для жилищно-бытового строительства на заводах НКТП 3000 человек, негодных к строевой службе, но годных к физическому труду.

4. Разрешил НКТП расходовать ежемесячно 50% от средств, выделенных по Всесоюзному соревнованию на культурно-бытовое обслуживание работающих, на создание заводских домов отдыха и выдачу единовременных пособий семьям фронтовиков.

5. Расширил круг профессий, связанных с тяжелыми условиями труда, по ведущим заводам НКТП для приравнивания их к повышенным нормам снабжения хлебом.

6. На IV квартал 1944 г. дополнительно выделил НКТП 35 тыс. вторых горячих обедов с отпуском к ним 100 г хлеба.

7. Обязал НаркомТорг (Любимова), НКЗаг (Двинского), НКПищепром (Зотова), НКМясопром (Смирнова) и НКРыбпром СССР (Ишкова) выделяемые заводам НКТП фонды... отоваривать полностью натуральными продуктами.

8. Обязал НКСтрой (Гинзбурга) и НКТП (Малышева) обеспечить выполнение плана жилищного строительства на заводах НКТП в IV квартале 1944 г.

9. Обязал НКВнешторг (Крутикова) передать НКТП в октябре 1944 г. 60 тыс. вещей (пальто, костюмы, обувь...) из фондов подарков, поступающих из-за границы.

10. Обязал секретарей обкомов ВКП(б): Свердловского — Андрианова, Челябинского — Патоличева и Омского — Румянцева обсудить на бюро обкомов совместно с директорами танковых заводов вопрос о максимальной помощи танковым заводам жилплощадью... Речь шла о заводах: Кировский, Ижорский, Уралмаш, СТЗ, № 50, 76, 77, 100, 112, 174, 183, 255.

8 декабря 1944 г. было принято такое же постановление ГКО за № 7101 по Наркомату боеприпасов[1].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 343. Л. 142.

Как видим, правительство в конце войны наряду с репрессивными мерами активно использовало на производстве и социальностимулирующие меры, которые приносили еще больший эффект.

Главным путем обеспечения промышленности рабочей силой по прежнему являлась мобилизация военнообязанных. Решений ГКО подобного рода в исследуемый период было несколько. Вот одно из них — распоряжение ГКО № 6863 от 4 ноября 1944 г. Оно предписывало:

«В целях выполнения плана мобилизации военнообязанных для работы в промышленности в IV квартале с.г. разрешить НКО СССР (т. Смородинову):

1. Направить для работы в промышленности военнообязанных, не призываемых в Красную Армию, проживающих на территории Молдавской ССР и Измаильской области УССР — болгар, греков и турок.

2. Произвести переброску военнообязанных, мобилизованных для работы в промышленности, из Западной Белоруссии, Измаильской области УССР и Молдавской ССР на предприятия Урала, Сибири и Дальнего Востока. И. Сталин»[1].

Текст распоряжения был разослан исполнителям: Л. Берия, Н. Вознесенскому, И. Смородинову, Г. Жукову, Н. Шверник, Я. Чадаеву.

Наше правительство на данном этапе в решении задачи обеспечения промышленности рабочей силой активно использовало труд немецких военнопленных и гражданского немецкого населения. Так, 16 декабря 1944 г. ГКО издал постановление № 7161, на основании которого потребовал от исполнительной власти мобилизовать и интернировать с направлением для работы в СССР всех трудоспособных немцев в возрасте — мужчин от 17 до 45 лет, женщин — от 18 до 30 лет, находящихся на освобожденной Красной Армией территории Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии. Условия мобилизации были следующими:

— Установить, что мобилизации подлежат немцы, как немецкого подданства, так и немцы — подданные Венгрии, Румынии, Югославии, Болгарии, Чехословакии. Руководство мобилизацией возложить на НКВД СССР (Берия).

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 330. Л. 96.

— Разрешить мобилизованным немцам взять с собой теплую одежду, запас белья, постельные принадлежности, личную посуду и продовольствие, всего весом до 200 кг на человека.

— Направить всех мобилизованных немцев на работы на восстановление угольной промышленности Донбасса и черной металлургии Юга. Из прибывающих на место работы немцев сформировать рабочие батальоны по 1000 человек в каждом.

— НКО СССР (Голикову) выделить на каждый батальон по 12 человек офицеров из числа ограниченно годных к службе в Красной Армии.

— Поручить НКВД установить режим содержания интернированных немцев и условия их использования на работах.

— Мобилизацию и интернирование немцев провести в течение декабря 1944 г — января 1945 г., закончив доставку на места работы к 15 февраля 1945 г.[1]. Это решение подписал И. Сталин.

Документ, конечно, не отличался гуманностью к гражданскому населению. Но законы войны диктовали свои условия. Противная сторона применяла те же методы. Гитлеровцы активно использовали подневольный труд и угоняли советских людей на работу в Германию в 1942—1943 гг. в гораздо большем количестве.

Надо отметить, что наше правительство, применяя принудительный труд немцев, как гражданских, так и военнопленных, строго регламентировало производственные и бытовые условия содержания этого спецконтингента.

14 октября 1944 г. вышло постановление ГКО № 6725 «Об упорядочении трудового использования и повышении производительности труда военнопленных». Документ вызывает повышенный интерес, поэтому целесообразно привести его текст.

«В целях упорядочения трудового использования и повышения производительности труда военнопленных, занятых на работах предприятий и строительства НКУгля, НКЧермета, НКЦветмета и других наркоматов, ГКО постановляет:

— Увеличить с 15 октября 1944 г. основную норму питания военнопленных, установленного постановлением СНК СССР от 24 ноября 1942 г. № 1874-874сс, по жирам с 13 до 20 г., сахару с 10 до 17 г.,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 345. Л. 8.

картофеля с 300 до 400 г. в день на 1 человека. Соответственно увеличить на 25% нормы по этим продуктам для военнопленных, ослабленных и занятых на тяжелых работах.

— ...Выдавать для военнопленных, выполняющих установленные для них нормы выработки, дополнительно второе горячее блюдо из расчета: 50 г мясных и рыбных продуктов, 50 г крупы и 10 г жиров.

— Вещевое снабжение производить за счет трофейного обмундирования и отремонтированного, вполне годного к носке красноармейского обмундирования...

— Обязать НКЗдрав СССР (т. Митерева) и начальника ГВСУ НКО СССР (т. Смирнова) развернуть в октябре—ноябре дополнительные спецгоспитали для военнопленных на 30 тыс. коек, выделить НКВД СССР для лагерей военнопленных 150 врачей.

— Обязать НКТорг СССР (т. Любимова) организовать через ОРСы наркоматов, где работают военнопленные, ларьки в лагерях для продажи военнопленным предметов личного обихода из расчета 15—20 руб. на военнопленного в месяц. И. Сталин»[1].

На заключительном этапе войны советское правительство продолжало активно заниматься военно-мобилизационными проблемами, вопросами создания, укомплектования и организационно-штатного совершенствования новых войсковых формирований, рассматривая данный участок работы основным в деле победного завершения войны.

В 1944 — первой половине 1945 гг. высший орган страны занимался и другими важными вопросами, которые война ставила на повестку дня. Среди них следует выделить такое новое направление работы, как определение и выстраивание своих отношений с восточноевропейскими странами, которые освобождала Красная Армия.

Освобождая эти государства от немецкой оккупации, мы оказывали им одновременно разнообразную помощь. Эта помощь имела, прежде всего, политическое значение и диктовалась геополитическими целями Москвы. И. Сталин и его окружение смотрели на центрально- и восточноевропейские страны как на зону своего будущего долгосрочного военно-политического присутствия и влияния. Очевидно, что это было результатом сталинской имперской внешней

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 323. Л. 48.

политики, несшей в себе черты старой российской державности. Советское военно-политическое руководство стремилось создать блок просоветских стран, назвав его «мировой системой социализма», во главе с новой империей — СССР. Вряд ли здесь можно говорить о ленинской доктрине мировой социалистической революции; Сталин давно ее отбросил как бредовую. Вторая мировая война, по мысли кремлевских политиков, была удобным средством достижения этих широкомасштабных политических целей. Если первая мировая война привела большевиков к власти в одной стране, то вторая должна была дать им власть во всей Европе.

Но и наши союзники — США и Англия, воюя с Германией на западном фронте, тоже преследовали в Европе свои геополитические послевоенные цели. В 1944 — начале 1945 гг. между СССР и союзными странами шла негласная конкурентная борьба — кто освободит от гитлеровцев, говоря проще оккупирует, большую часть территории Европы.

Как показывают документальные источники, Советский Союз, несмотря на тяжелое внутреннее положение, оказывал активную и разностороннюю помощь не только странам, пострадавшим от немецкой оккупации, таким, как Польша, Чехословакия, Югославия, но и странам — бывшим союзницам Германии — Румынии, Болгарии, Австрии, Финляндии.

8 апреля 1944 г. ГКО принимает постановление «Об оказании помощи штабу партизанского движения Польши»[1]. В данном случае содействие шло по линии поддержки просоветского крыла антифашистского движения в Польше — Армии Людовой. Начальником штаба партизанского движения Польши, созданного под контролем советского НКВД, был один из лидеров Польской рабочей партии А. Завадский. Его заместителями от советской стороны были направлены С. Притыцский — один из руководителей партизанского движения в Белоруссии и полковник госбезопасности И. Стариков. В соответствии с постановлением польскому штабу партизанского движения предоставлялось вооружение — 3 тыс. единиц стрелкового оружия, 30 тыс. гранат, минометы, противотанковые ружья, взрывчатка,

[1] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 336.

магнитные мины и специалисты по подрывному делу, т.е. то, что необходимо для диверсионной работы. Перед повстанцами А. Завадского ставилась двойная задача — диверсионная борьба против немецких оккупантов и борьба с Армией Краевой, защищавшей интересы польского эмигрантского правительства.

Через два дня, 10 апреля, вышло постановление ГКО по Румынии «О линии поведения советских войск на территории Румынии»[1]. Красная Армия вступала на территорию Румынии, которая в Великой Отечественной войне воевала на стороне Германии против нас. Учитывая эту особенность, Кремль предписывал политуправлениям 2-го и 3-го Украинских фронтов развернуть работу по разъяснению, как среди своего личного состава, так и среди мирного румынского населения того факта, что Красная Армия вошла в пределы страны не как завоевательница, а как освободительница. Характерно то, что ГКО декларировал не ломать существующую систему административного, экономического и политического управления (а Румыния была монархией). Вместе с тем на освобожденной территории Румынии повсеместно вводилась советская военная администрация, в руках которой концентрировалась реальная власть в стране.

Особые отношения у И. Сталина складывались с руководством Народно-освободительной армии Югославии (И.Б.Тито), которая еще до прихода советских войск освободила практически всю территорию своей страны от немецких оккупантов. В июне и сентябре 1944 г. ГКО неоднократно рассматривал вопросы о мерах помощи Народно-освободительной армии Югославии.

Так, 17 июня 1941 г. вышло постановление «О создании в Бари (Италия) базы и авиагруппы по транспортировке грузов в Югославию»[2]. Эта авиационная база создавалась в Италии с согласия американской военной администрации «в целях оказания помощи Народно-освободительной армии Югославии... для выполнения специальных заданий по транспортировке грузов, эвакуации раненых и обеспечению связи, подчинив ее начальнику Военной миссии в Югославии генерал-лейтенанту Корнееву». На содержание базы и авиагруппы

---

[1] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 340.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 303. Л. 238.

за рубежом предусматривались ассигнования в размере 2 млн. валютных рублей.

29 июня 1944 г. ГКО, возвращаясь к этой теме, принял новое постановление — № 6117 «О мероприятиях по транспортировке грузов для НОАЮ (Югославия)»[1]. Речь в документе шла о доставке в Югославию груза с вооружением морским путем. Отмечалось, что транспортировка специальных грузов из СССР в Югославию будет идти через порт Бендершахпур (Иран) до порта Бари (Италия). Груз в 3000 т. должен быть доставлен в месячный срок. Любопытно содержание этого груза:

Снаряжение — 565,7 т; боеприпасы — 1690 т; имущество связи — 8 т 159 кг; медико-санитарное имущество — 30 т 507 кг; продовольствие — 640 т 500 кг; вещевое имущество — 50 т.

Вооружение:

7,92 мм винтовки и карабины немецкие — 27 тыс. шт.;

7,62 мм пистолеты-пулеметы отечественные — 12 400 шт.;

7,92 мм пулеметы ручные немецкие — 1907;

7,92 мм станки пулеметные немецкие — 780;

14,5 мм ПТР отечественные — 630;

12,7 мм пулеметы ДШК — 196;

81 мм минометы немецкие — 60;

82 мм минометы отечественные — 180;

20 мм автоматические зенитные пушки отечественные — 32;

37 мм немецкие противотанковые пушки — 50 и т.д.

Наши военные поставки в Югославию были значительными и обходились они, учитывая маршрут движения, очень недешево. Судя по номенклатуре вооружения, мы поставляли нашим союзникам как отечественное, так и трофейное оружие.

В сентябре 1944 г. ГКО принял четыре постановления по вопросу усиления помощи НОАЮ[2]. Этого требовала военно-стратегическая обстановка, сложившаяся летом—осенью 1944 г. на южном крыле советско-германского фронта. После того, как королевская Румыния вышла из войны, необходимо было скоординировать действия совет-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 266. Л. 238.

[2] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 374.

ских фронтов и югославской освободительной армии, предварительно вооружив последнюю.

Принятое 5 сентября постановление «О мероприятиях по оказанию помощи НОАЮ» ставило перед НКО основную задачу — передислоцировать 5-ю гвардейскую авиационную дивизию, работавшую по доставке грузов в Югославию, на аэродромы Румынии, расположенные в непосредственной близости от границ с Югославией.

7 сентября было принято постановление, направленное на решение вопросов «улучшения практической работы по снабжению Народно-освободительной армии Югославии, лучшей организации подготовки кадров офицерского и сержантского состава, специалистов в СССР и переотправке их в Югославию». Для координации и ведения всей этой работы в Наркомате обороны СССР был создан специальный отдел.

22 сентября ГКО принял постановление, согласно которого в распоряжение Командования НОАЮ были переданы значительные авиационные силы — 10-я гвардейская штурмовая авиадивизия, 236-я истребительная авиадивизия, а также один район авиационного базирования в составе пяти батальонов аэродромного обслуживания и других специальных частей и подразделений.

24 сентября вышло постановление ГКО № 6596 «О помощи хлебом НОАЮ (Югославии)», на основании которого этой стране передавалось 3 млн. пудов зерна. Отправка производилась по реке Дунай[1]. Мы помогали коммунистическому правительству И.Тито и вооружением, и кадрами, и хлебом. Мы поддерживали освободительную армию Югославии более, чем какую-либо другую, надеясь сделать этот регион в будущем советским форпостом на Балканах. Но, как показали послевоенные события, эти надежды И. Сталина оказались тщетными, поскольку он разругался с И.Тито.

4 ноября 1944 г. ГКО, рассмотрев вопросы финансирования советских войск на территориях других стран, принял два постановления — № 6885 «О порядке финансирования частей Красной Армии на территории Чехословакии» и № 6886 «О порядке финансирования частей Красной Армии на территории Германии»[2].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 303. Л. 124.

[2] Там же. Л. 227—230.

Что касалось Чехословакии, то там, согласно постановлению, должна была использоваться при финансовых расчетах только местная валюта — крона (из расчета 18 руб. равняется 100 крон). В отношении Германии ГКО постановил:

«...Наряду с использованием местной валюты выпустить в обращение расчетные денежные знаки Командования союзных армий, выраженные в марках. Советская валюта — рубль — хождения на территории Германии не имеет... 1 военная марка равняется 1 рейхсмарке.

Военнослужащим Красной Армии за время пребывания на территории Германии установить оклады денежного содержания в двойном размере. Денежное содержание выплачивать в рейхсмарках или военных марках... 1 марка равняется 50 копеек.

Стоимость всех реквизируемых или покупаемых для нужд Красной Армии предметов потребления и промышленных товаров оплачивается в рейхсмарках или военных марках по ценам, установленных Советским Военным Командованием. И. Сталин».

29 декабря 1944 г. ГКО решил поддержать вышедшую из войны, прежде воевавшую на стороне немцев, Финляндию, приняв постановление № 7223 «О поставке товаров в Финляндию».

В документе говорилось:

«Удовлетворить просьбу правительства Финляндии о поставке ему продовольствия и обязать НКВнешторг... до 1 мая 1945 г. поставить следующие товары: 30 000 т продовольствия зерна, 1000 т сахара, 300 т кондитерских изделий»[1].

Во второй половине 1944 — начале 1945 гг. принимаются три постановления ГКО по Польше. Первое за № 6607 от 26 сентября 1944 г. «О помощи хлебом и медикаментами населению г. Праги (Польша)» безвозмездно передавало в распоряжение Польского Комитета Национального освобождения 10 тыс. т муки[2].

Второе за № 7248 от 30 декабря 1944 г.— чисто военное постановление — называлось «О прохождении службы генералами и офицерами Красной Армии, командированными в Польскую армию»[3].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 345. Л. 155.

[2] Там же. 303. Л. 185.

[3] Там же. Д. 345. Л. 264.

Оно устанавливало, что: а) генералов и офицеров Красной Армии, находящихся на службе в Польской армии, считать временно откомандированными, состоящими на действительной военной службе в кадрах Красной Армии; б) генералы и офицеры Красной Армии, как граждане Советского Союза, освобождаются от обязанности принимать польскую присягу; в) генералы и офицеры Красной Армии, командированные в Польскую армию, не владеющие польским языком, носят форму одежды знаки различия Красной Армии, а владеющие — Польской армии.

Третье постановление ГКО от 29 января 1945 г. называлось «О помощи Временному польскому правительству по восстановлению столицы Польши г. Варшавы»[1]. 17 января в ходе Висло-Одерской операции войсками 1-го Белорусского фронта была освобождена Варшава. Город лежал в руинах. По докладу Военного совета фронта ГКО принял названое постановление, на основании которого польской стороне были переданы большие материальные средства и началась работа по восстановлению городского хозяйства.

В марте 1945 г. в соответствии с постановлением ГКО «Об оказании помощи болгарской армии»[2] правительству Болгарии, повернувшему оружие против гитлеровской Германии, передавалось вооружение и военное имущество на сформирование пяти пехотных дивизий.

Уже после окончания войны в Европе — 23 мая 1945 г. ГКО утвердил постановление «Об оказании помощи в снабжении продовольствием г. Вены»[3]. Столица Австрии была освобождена советскими войсками после тяжелых боев 13 апреля 1945 г. Город был разрушен воздушными бомбардировками. Системы продовольственного снабжения его полуторамиллионного населения не существовало. ГКО своим постановлением обязал Военный совет 3-го Украинского фронта ввести начиная с 1 июня 1945 г. нормированное снабжение горожан продовольствием — в среднем по 300 г хлеба, 30 г мяса, 20 г сахара, 10 г жиров в день на человека. Это была своевременная помощь, оказанная городскому самоуправлению Вены.

---

[1] *Комаров Н.Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 398.

[2] Там же. С. 403.

[3] Там же. С. 416.

Таким образом, Советское правительство, выстраивая свои отношения с правительствами и общественно-политическими силами освобожденных Красной Армией стран, оказывало этим странам большую материальную, военную и иную помощь. При этом своя страна лежала в руинах, население, по сути, голодало.

На завершающем этапе войны ГКО пришлось заниматься специфическим вопросом — работой с советскими военнопленными, освобожденными Красной Армией в 1944—1945 гг. из фашистского плена. Контингент бывших советских военнопленных был значителен — на май 1945 г. он составлял около 1,9 млн. человек[1]. Их нужно было, проведя фильтрацию и проверив, определить к жизни в мирных условиях.

В октябре 1944 г. СНК СССР принял соответствующее постановление № 1482-456, определявшее порядок работы с военнослужащими Красной Армии, бывшими в плену. 4 ноября того же года ГКО в развитие данного постановления утвердил свое постановление № 6884[2]. «ГКО постановляет,— говорилось в нем:

1. Установить впредь следующий порядок направления бывших военнопленных — военнослужащих Красной Армии, поступающих после их освобождения советскими и союзными войсками:

а) всех военнослужащих Красной Армии, освобожденных из плена советскими и союзными войсками, направлять, до их возвращения в Советский Союз, в специальные запасные части военных округов по назначению Главупраформа НКО;

б) органами контрразведки «Смерш» и НКВД в течение 1—2 месяцев заканчивать проверку в запасных частях всех прибывших в эти части бывших военнопленных — военнослужащих Красной Армии;

в) после проверки военнослужащих, не вызывающих подозрений, направлять на пополнение войск фронтов.

Выявленных при проверке лиц, служивших в немецкой Армии, в специальных строевых немецких формированиях — «власовцев», полицейских и др., вызывающих подозрение, немедленно направлять в спецлагеря по указанию НКВД для дальнейшей их проверки органами НКВД и «Смерш».

---

[1] Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 191.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 330. Л. 225.

2. Проверку бывших военнопленных-офицеров впредь производить в специальных запасных частях НКО.

Всех офицеров, находящихся в спецлагерях НКВД СССР, а также прибывших из Финляндии, после проверки обратить на формирование штурмовых батальонов. Обязать органы «Смерш» НКО до 1 декабря 1944 г. закончить проверку этих офицеров.

3. Разрешить НКВД СССР всех бывших военнопленных и окруженцев рядового и сержантского состава, ныне находящихся в спецлагерях НКВД, а также прибывших в спецлагеря НКВД из Финляндии и 4 ноября с.г. из Англии, по окончании их проверки передать в рабочие кадры промышленности или использовать на строительствах НКВД, а также для службы в охране спецлагерей и лагерей ГУЛАГа НКВД СССР. И. Сталин».

Конечно, этот документ нельзя сравнивать с печально знаменитым августовским приказом НКО № 270 1941 г., объявившего всех советских военнопленных предателями Родины. Но и на заключительном этапе войны очень многие из бывших военнопленных, проходя проверки в специальных запасных частях и фильтрационных пунктах, прямиком без предъявления обвинения направлялись в лагеря НКВД — транзитом из немецкого концлагеря в советский.

Анализ документов ГКО 1944—1945 гг. показывает, что, наряду с вышеперечисленными приоритетными направлениями работы, высший орган власти занимался и другими вопросами. Так, в начале 1944 г. ГКО было принято окончательное решение о депортации — переселении чеченцев, ингушей и ряда других северокавказских и крымских народов, не вызывавших политического доверия у Сталина, в Казахстан и Среднюю Азию.

Как пишет А. Топтыгин, вероятно, решение о наказании кавказских народов возникло у Сталина еще в 1942 г. Во всяком случае, Берия объяснял, что его отказ использовать внутренние войска под командованием И. Масленникова, находившегося на Северном Кавказе в 1942 г. (август — сентябрь), объяснялся тем, что ГКО планировал провести депортацию чеченцев и ингушей[1].

Если депортация немцев, финнов, румын, венгров носила характер превентивной меры, то последующие депортации народов Кав-

[1] *Топтыгин А.* Лаврентий Берия. Неизвестный маршал госбезопасности. М. 2005. С. 218.

каза, калмыков, крымских татар, греков, болгар и т.д. были следствием прямой карательной политики советского государства. И. Сталин помнил слова Н. Макиавелли о том, что «государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствуют беспорядку»[1].

Северный Кавказ, и особенно Чечня, были наиболее «проблемными» для Москвы территориями с точки зрения активности бандитских или повстанческих формирований. В северокавказских национальных республиках в 1941—1943 гг. имели место многочисленные вооруженные выступления и даже восстания против советской власти, массовое дезертирство из Красной Армии.

В конце ноября 1941 г. в республике произошло крупное вооруженное выступление местного населения — восстание в Шатойском районе, которое, несмотря на меры, предпринятые НКВД, до прихода немцев летом 1942 г. подавить не удалось. Крупным вооруженным выступлением были действия отряда Майербека Шерипова — в начале августа 1942 г. он захватил административный центр Шатойского района — селение Химой. Позже, 20 августа во главе 1500 боевиков он осадил центр Итум-Каленского района — селение Итум Кале. Массовый характер носило дезертирство чеченцев и ингушей из военных частей Красной Армии. На 25 марта 1942 г. было арестовано 1,5 тыс. дезертиров, в розыске находились 1515 человек. Из 2986 человек, призванных в формировавшуюся Чечено-Ингушскую национальную кавалерийскую дивизию, дезертировали 1772 человека. Немецкое командование широко практиковало создание северокавказских легионов из военнопленных и добровольцев. Общая численность таких формирований к 22 февраля 1942 г. достигала 28 тыс. человек. Это были карательные и диверсионно-разведывательные батальоны[2].

Операции по выселению с Кавказа чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев растянулись более чем на три месяца, с конца 1943 г. до марта 1944 г. Причем большая часть этого времени ушла

---

[1] *Макиавелли Н.* Государь. М., 1990. С. 49.

[2] *Топтыгин А.* Лаврентий Берия. Неизвестный маршал госбезопасности. С. 215—216.

на подготовку операций на территориях «наказанных» республик — уточнялось количество депортированных, состояние транспорта, дорог, проводились операции локализации банд, под видом проведения учений в горной местности вводились дополнительные контингенты внутренних войск.

В октябре 1943 г. была создана комиссия во главе с заместителем наркома внутренних дел Б. Кобуловым. Результатом ее работы явился официальный документ «Докладная записка о положении в Чечено-Ингушской АССР». По материалам этого доклада была подготовлена операция, получившая кодовое название «Чечевица».

29 января 1944 г. Л. Берия утвердил «Инструкцию о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей». Ответственными за исполнение операции были назначены заместители наркома И. Серов, А. Аполлонов, С. Круглов, Б. Кобулов.

Проведению операции предшествовало постановление ГКО СССР № 5073сс «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР» от 18 февраля 1944 г. В отличие от аналогичных постановлений, например, по немецкому населению, в этом документе называлось число спецпереселенцев: 400 тыс. в Казахстан и Киргизскую ССР — до 90 тыс. человек, но не назывались народы, подлежащие депортации[1]. Информация была совершенно секретной.

Л. Берия, прибывший в Чечено-Ингушетию 15 февраля 1944 г., 17 февраля в телеграмме на имя И. Сталина сообщил об окончании подготовки к выселению чеченцев и ингушей, приведя численность переселяемых — 459 486 человек, а также сообщил о сроках и основных этапах проведения операции. При этом он подчеркнул, что Чечено-Ингушетия — самая крупная и самая криминогенная территория Кавказа. Нарком внутренних дел обратился к Председателю ГКО: «Учитывая серьезность операции, прошу разрешения остаться на месте до завершения операции, хотя бы в основном, т.е. до 26—27 февраля 1944 г.». Согласие было получено, и 22 февраля Берия докладывал Сталину, что он проинформировал руководство республики о готовящемся выселении и дал конкретные задания председателю СНК ЧИАССР Молдаеву и его сотрудникам в связи с предстоящей

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 210. Л. 211—212.

операцией. Была также проведена беседа с наиболее влиятельными духовными лицами Б. Арсановым, А.Андаровым, А. Гайсумовым.

Операция началась 23 февраля с рассветом. Селения были окружены войсками, в 5 часов утра мужчины каждого из них собирались на сход, где им объявлялось решение ГКО и разъяснялась процедура выселения. Каждый из домов, в которых проживали чеченцы и ингуши, подвергался обыску прежде всего на предмет наличия оружия. За время проведения операции было изъято свыше 20 тыс. единиц огнестрельного оружия, в том числе 479 пулеметов и автоматов, большое количество боеприпасов и гранат.

1 марта Берия доложил председателю ГКО об итогах проделанной работы. Было выселено и погружено в железнодорожные эшелоны 478 479 человек: из них чеченцев — 387 229 и ингушей — 91 250. Из 177 эшелонов, в которых было размещено почти полмиллиона человек, 154 уже находились в пути.

5 марта 1944 г. ГКО принял постановление № 5309сс о выселении балкарцев — 25 тыс. в Казахстан и 15 тыс. в Киргизию. 14 марта Л. Берия отчитался на Политбюро за операции, проведенные на Кавказе[1].

В исследуемый период высший орган государственной власти рассматривал и другие, менее значимые вопросы. Так, в марте 1944 г. ГКО принял постановление «О поставке лошадей, закупленных в Монгольской Народной Республике», согласно которому в НК Обороны передавалось 89 тыс. и в Наркомзем 22,5 тыс. голов лошадей[2]. Единственное на тот период просоветское государство помогало нам, чем могло. Фронтовики в своих воспоминаниях помнят этих неприхотливых выносливых лошадок.

Дважды — в июне и сентябре 1944 г. ГКО рассматривал вопросы материально-бытового обеспечения офицерского состава Красной Армии, ВМФ, органов НКВД и НКГБ. Такая забота правительства понятна: офицеры силовых структур — опора власти. Постановление ГКО № 6116 от 28 июня «О материально-бытовом обеспечении генералов, комиссаров госбезопасности и старшего офицерского

---

[1] *Топтыгин А.* Лаврентий Берия: Неизвестный маршал госбезопасности. С. 224—225.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 222. Л. 43.

состава Красной Армии, МВФ и органов НКВД и НКГБ»[1] заметно увеличивало данной категории должностных лиц пенсии за выслугу лет (90% должностного оклада плюс выслуга лет для генералов и 80% для старших офицеров), упрощало процедуру награждения орденами и присвоения очередных воинских званий, предоставляло различные, весьма существенные социальные льготы и привилегии (квартира, земельный участок, санаторий, бесплатное обучение детей и т.д.).

Постановлением ГКО № 6594 от 24 сентября 1944 г. «Об улучшении продовольственного снабжения оперативного состава НКВД СССР, НКГБ СССР и «Смерш» НКО СССР»[2]. Вождь наделил новыми льготами офицерский состав карательных органов.

ГКО, в этой связи, приказал:

«1. Обязать НКторг СССР с 1 октября 1944 г. производить снабжение продовольствием руководящих работников системы НКВД, НКГБ СССР и «Смерш» НКО СССР в порядке, установленном для совпартактива — всего 119 700 человек:

по I группе — 11 553

по II группе — 27 200

по III группе — 80 947.

2. Установить отпуск ужинов по норме второго горячего питания для работников милиции и военной цензуры — 20 000 человек. И. Сталин».

В данном случае вождь действовал в духе своего любимого политика Н. Макиавелли: «...необходимо быть щедрым, иначе за тобой не пойдут солдаты»[3].

Под занавес войны И. Сталин мог позволить рассматривать на заседаниях высшего органа государственной власти и невоенные вопросы. На первый взгляд они покажутся несущественными, но в действительности имели свой социально-политический и даже психологический смысл. Речь шла о возвеличивании и прославлении победителей, что было тоже в духе Макиавелли.

Например, 20 сентября 1944 г. за подписью И. Сталина вышло постановление № 6565 «Об организации производства легковых авто-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 266. Л. 233.

[2] Там же. Д. 303. Л. 118.

[3] *Макиавелли Н.* Государь. С. 48.

мобилей высшего класса на Московском автозаводе им. Сталина НаркомСредмаша»[1]. Оно утвердило образец легкового автомобиля высшего класса «ЗИС-110» — 7-местный с кузовом типа «Лимузин», с 8-цилиндровым двигателем 140 л.с., узлами шасси и мотором фирмы «Паккард» образца 1942 г.

ГКО обязал НКСМ (Акопова) и директора завода имени Сталина (Лихачева) организовать на ЗИСе производство легковых автомобилей высшего класса «ЗИС-110» — 600 автомобилей в год, в том числе 70 автомобилей в 1945 г.

В целях реализации постановления ГКО разрешило:

а) направить на ЗИС в IV квартале с.г. 500 человек, в I квартале 1945 г.— 600 человек, во II квартале 1945 г.— 600 человек рабочей силы.

б) отозвать из Красной Армии до 1 января 1945 г. 250 человек квалифицированных работников из числа офицеров, сержантского и рядового состава.

в) командировать в США с Московского автозавода для изучения производства легковых автомобилей высокого класса группу специалистов в количестве 20 человек.

Итак, советское правительство заглядывало в будущее. Победители в глазах мировой общественности и для собственного величия должны были ездить на лимузинах высшего класса, пусть даже скопированного в США.

1 октября 1944 г. советским руководством принимается постановление № 6621 «О выставке трофейного вооружения и техники в г. Киеве»[2]. Это была спланированная пропагандистская акция, призванная продемонстрировать силу и мощь Красной Армии и Советского Союза. Формально с просьбой на проведение выставки обратился в ГКО Н.С. Хрущев — в то время первый секретарь ЦК КП(б) Украины. В ответ Москва постановила:

— разрешить организовать в столице Украины г. Киеве при НКО УССР выставку образцов трофейного вооружения и техники;

— утвердить представленный ЦК КП(б)У и НКО УССР план выставки;

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 303. Л. 1.

[2] Там же. Л. 240.

— установить плату за вход на выставку — 1 рубль. Для красноармейцев, краснофлотцев и инвалидов Отечественной войны — 20 копеек. Подпись — И. Сталин.

О серьезности намерений говорит утвержденный штат выставки: 1 генерал, 68 офицеров, 51 сержант, 35 рядовых, 22 вольнонаемных. Всего 177 человек. Оклад начальника выставки очень внушительный — 2200 руб.

В исследуемый период было множество других важных постановлений и распоряжений Государственного Комитета Обороны. Но все их привести и хотя бы кратко прокомментировать в рамках данного труда не представляется возможным.

Таким образом, на завершающем этапе войны чрезвычайный высший орган власти, динамично и напряженно работая, выполнил главную миссию — своей управленческой, организаторской деятельностью обеспечил нашу победу, поставив финальную точку в Великой Отечественной войне.

Трудно переоценить роль и значение Государственного Комитета Обороны в деле организации и мобилизации нашего народа на разгром врага в годы минувшей войны. Она была определяющей. С момента своего создания ГКО держал в своих руках все нити управления армией, государством и обществом. Он синхронизировал работу всех ветвей власти, всех сфер государственной и общественной жизни, сплачивал армию и народ. Это был своего рода «интегральный полководец», военно-политическая деятельность которого в годы войны являлась не только его прямой и важнейшей обязанностью, но и величайшей ответственностью за судьбы Отечества и Российского государства.

Глава 5

ВКП (Б) В СИСТЕМЕ ВЛАСТИ

СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПАРТИИ В ПРЕДВОЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Проблема роли и места партии в организации вооруженной борьбы нашего народа против нацистской Германии не только чрезвычайно остра идеологически, но и содержательно многозначна. Тему следует рассматривать с нескольких позиций: во-первых, необходимо оценить большую военно-организаторскую работу партии и ее комитетов, во-вторых, заслуживает внимания политическая, идеологическая и воспитательная работа партии, в-третьих, рассматривая данный вопрос, не уйти от воинского и трудового героизма рядовых коммунистов, их авангардной роли в бою и труде. Наконец, целесообразно дать оценку И. Сталину как Генеральному секретарю этой партии.

В этой связи закономерны вопросы: какое место занимала Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков в политической системе советского общества в предвоенный период? Каков был механизм партийного руководства?

Ядром этой системы в 30-е годы в СССР была ВКП(б) — партия-государство. Сталинская Конституция 1936 г. впервые в советской истории зафиксировала главенствующее место Коммунистической партии в политической системе общества. Характерно, что вождь, как тонкий политик, поместил статью о руководящей роли партии не в первые главы — «Общественное устройство», «Государственное устройство» или «Высшие органы государственной власти», а в главу X «Основные права и обязанности граждан». Статья 126-я Конституции СССР констатировала, что «наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную Коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». Таким образом, партия конституировалась

как руководящее ядро государственных органов, аппарата государства. Хотя с юридической точки зрения формулировка могла иметь двойное толкование.

Сталин, как опытный политик, не в пример отцам советской Конституции 1977 г., не выпячивал эту норму в Основном законе. Он как бы специально «спрятал» ее. И тем не менее в этом документе юридически и официально была закреплена руководящая роль Коммунистической партии не только в обществе, но и в государстве.

Реально правящая партия осуществляла свои властные функции, опираясь на свою политическую и социальную базу — партийно-государственный аппарат, партийно-советские кадры. В 1939 г. на XVIII съезде партии И. Сталин, говоря о кадрах партии, заявил, что командный состав партии является одновременно командным составом государства. «Кадры партии,— говорил генеральный секретарь,— это командный состав партии, а так как наша партия стоит у власти, они являются также командным составом руководящих государственных органов». Логика достаточно проста — поскольку партия обладает властью — ее функционеры должны править государством. Поставив государственный аппарат под свой партийный контроль, большевики образовали единый партийно-государственный аппарат, управлявший страной.

В предвоенный период была реализована сталинская концепция большевистской партии как «ордена меченосцев». Вождь считал, что только строго военизированная и жестко централизованная организация способна стать политической базой радикальных большевистских преобразований. Политически она доминировала над Советами, т.е. государством, хотя это лидерство до 1936 г. конституционно не было закреплено. С помощью, как выражался вождь, «приводов» и «рычагов» (Советы депутатов трудящихся, профсоюзы, комсомол и т.д.) партия влияла на массы и манипулировала ими. В соответствии с этим Сталин справедливо отмечал, что «ни один важный политический или организационный вопрос не решается у нас нашими советскими и другими массовыми организациями без руководящих указаний партии».

Такая политическая ситуация фактически ставила в бесправное положение государственные и хозяйственные органы и общественные организации. Но их ответственность перед ЦК партии с них никто не снимал. Они могли действовать только по партийным директивам,

часто по телефонограммам и устным указаниям партийных секретарей, которые документально не фиксировались. При этом государственные и хозяйственные органы не имели права ссылаться на партийные директивы, так как существовал запрет письменных ссылок в советском и профсоюзном делопроизводстве на решения партии. Это снимало ответственность за принятые решения с партийного аппарата, делало его «священной коровой» в СССР.

Коммунистическая партия была не только правящей, но и единственной партией в стране, поскольку все остальные партии — монархические, либеральные, социалистические — были поставлены вне закона и уничтожены. Руководители ВКП(б) самонадеянно считали, что только они способны представлять интересы трудящихся страны и говорить от их имени.

Итак, к середине 30-х годов И. Сталин и его политическое окружение сформировали в Советском Союзе политическую систему, в фундаменте которой находилась большевистская партия, являвшаяся стержнем советского государства. Наряду с этим в основе сталинской политической системы были: универсальная ленинско-сталинская государственная идеология, огромная военная машина, тотальный политический сыск с карательным аппаратом и культ всесильного вождя. Обезличенный и лишенный демократических прав и свобод советский народ, находясь под жестким контролем карательных органов, был превращен в послушное орудие достижения утопических большевистских целей. Союзный ЦК управлял партией, государством и обществом, централизованно и твердо руководя из Москвы.

Чтобы понять специфику развития партии в военное время, необходимо посмотреть на особенности ее организации и функционирования в предвоенный период.

Особенным в партийном строительстве являлось то, что с приближением войны И. Сталин заметно повысил роль территориальных партийных органов — обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик — в системе государственного управления в рамках своих регионов. Были значительно усилены их административно-хозяйственные полномочия и повышена ответственность за результаты производственной деятельности вверенных им областей. В административно-командной системе страны местные партийные органы стали играть ведущую роль, неся всю полноту ответственности за рабо-

ту промышленных и сельскохозяйственных предприятий, расположенных на их территориях. С 1939 г. обкомы, горкомы и райкомы партии, а также партийные организации заводов и фабрик, колхозов и совхозов официально обязаны были контролировать деятельность своего хозяйственного комплекса и оперативно вмешиваться в его деятельность в целях обеспечения выполнения плановых заданий. После XVIII съезда партии управление экономикой фактически стало осуществляться через институт отраслевых партийных секретарей и отраслевые отделы местных партийных комитетов.

Шел дальнейший процесс огосударствления партии, что явилось существенной особенностью ее развития в предвоенный период. При этом реальной властью в стране, как уже указывалось, обладал партийно-советский аппарат, управлявший всеми сферами жизни общества. Трудящиеся массы были отчуждены от власти, хотя и в соответствии с Конституцией 1936 г. участвовали во всенародных выборах Верховного Совета. Но это были выборы без выбора, поскольку являлись безальтернативными. Большевики в действительности боялись политической активности народа. Они подменили декларируемую диктатуру пролетариата диктатурой своей партии, а на деле — диктатурой ее руководящих органов и ее вождя — Сталина.

Важной особенностью развития ВКП(б) в рассматриваемый период была бюрократизация партии и резкое ослабление принципа коллективности руководства. При Ленине обстановка в Политбюро, по общему мнению, была достаточно демократичной — в порядке вещей были внутрипартийные дискуссии, споры. Хотя и он не терпел своих оппонентов. После Ленина по мере усиления политических позиций Сталина все меньшую роль в жизни страны стали играть коллективные органы партийной власти. В 30-е годы съезды партии и пленумы ЦК созывались все реже и реже. Причем это никак не объяснялось. Политбюро ЦК, сформированное по сталинским спискам, в полном составе почти не собиралось. Его решения стали довольно часто приниматься путем сбора подписей под подготовленным по поручению вождя проектом документа. Прекращается практика стенографирования и подробного протоколирования заседаний Политбюро — оформлялись лишь повестка дня и решение. Вместе с этим прекращаются и дискуссии на Политбюро — мнение вождя становится непререкаемым. Действительность все более расходилась с декларируемыми принципами и нормами внутрипартийной демократии.

Демократический централизм превратился в жесткий и ничем не прикрытый централизм.

Отличительным в развитии партии того периода было также то, что менялись методы партийного руководства. В предвоенные годы чрезвычайно усилились административно-командные методы управления не только государством, обществом, но и партией. В основе такого стиля руководства лежали партийные директивы и указания. По мысли И. Сталина, решения партийного руководства в целях их реализации должны становиться прямой директивой, приказом, командой партии. Подобная форма управления страной была удобной и оптимальной для партийно-советской власти. Партийная директива определяла все: какие задачи решать на данный период, когда пахать и сеять, кого считать врагом народа и т.д. Вождь видел в алгоритме «партийная директива — исполнение» огромную силу партии. Упор при этом делался на претворение партийных директив в жизнь любой ценой.

Существенной особенностью партийного строительства в предвоенное время было коренное обновление кадрового состава ВКП(б), произошедшее в результате партийных чисток и репрессий 30-х годов. К началу войны в рядах партии насчитывалось 3,8 млн коммунистов. Из них осталось всего 6%, вступивших в партию при жизни В. Ленина. В 1937—1938 гг. под сталинский террор попало три четверти всех членов Центрального Комитета партии. Когорта ленинско-троцкистских старых большевиков, стоявших на пути Сталина, была почти полностью физически уничтожена. В партию пришло новое поколение, бесконечно преданное Сталину и сталинизму. Это были молодые, энергичные люди, часто не имевшие образования, но полные оптимизма и преданные делу строительства социализма, хотя среди них было немало и карьеристов, приспособленцев, конъюнктурщиков. Важно учесть, что перед войной произошла смена правящей партийной номенклатуры — на место ленинской гвардии пришли сталинские кадры.

Характерной особенностью функционирования ВКП(б) являлось то, что в предвоенный период стало наблюдаться «раздвоение» власти и появилась тенденция постепенного вытеснения партии от руля руководства страной. Отчетливо наметился переход центра власти от высших партийных к высшим государственным органам. С середины 30-х годов в СССР происходит преодоление «революционного отрицания» многовековой истории России и поворот к нацио-

нально-патриотической идеологи. Как верно заметил исследователь этой эпохи М. Горинов, «в этот период происходит болезненная, мучительная трансформация «старого большевизма» в нечто иное... В области национально-государственного строительства реабилитируется сама идея государственности — идеология сильного государства сменяет традиционные марксистские представления...»[1].

Как следствие «раздвоения» власти на политическом «олимпе» стало окончательное «огосударствление» партии, превращение ее в важный, но составной элемент механизма государства. До этого, наоборот, советское государство являлось «приложением» к партии, ее материальной основой. Как показывает опыт, такая тенденция характерна для всех тоталитарных государств. Сталин довольно продолжительное время шел к осуществлению этой политической цели. Гитлер же, придя к власти в 1933 г., сразу издал закон «О единстве партии и государства».

Восстановление идеи и принципа государственности неизбежно означало оттеснение партии от кормила власти. Специалист в данной области О. Хлевнюк пишет, что в предвоенное время нарастает «тенденция перемещения центра власти из Политбюро в Совнарком, которая была окончательно закреплена после назначения Сталина в мае 1941 г. председателем СНК... Как регулярно действующий орган политического руководства Политбюро фактически было ликвидировано, превратившись, в лучшем случае, в совещательную инстанцию при Сталине»[2]. Партия как средоточие и воплощение революционной власти утрачивала свою прежнюю роль. На наш взгляд, именно в этом заключался истинный смысл сталинского террора 1937—1938 гг., направленного в первую очередь против ленинского ядра большевистской партии, носителя марксистских интернациональных и, по сути, антигосударственных, антироссийских идей. По мысли вождя, власть должна была перейти к сильному государству, единодержавно управляемое им.

До мая 1941 г. И.Сталин управлял страной через решения Политбюро ЦК, подчиняя страну прежде всего не административной, а пар-

---

[1] История России. XX век. М., 1996. С. 393—394.

[2] *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 266.

тийной, идеологической дисциплине. На основании решений Политбюро принимались государственные нормативно-правовые акты — указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления Совета Народных Комиссаров СССР и т.д. Это была относительно медленная система принятия государственных решений, характерная для государственного управления в мирной обстановке. Сталин видел, что эта система не подходит к чрезвычайным условиям будущей войны, когда центр власти в целях оперативности руководства должен был находиться в руках высшего исполнительного органа страны.

Поэтому 4 мая 1941 г. состоялось заседание Политбюро, которое единогласно постановило:

«1. Назначить тов. Сталина И.В. Председателем Совета Народных Комиссаров СССР.

2. Тов. Молотова В.М. назначить заместителем Председателя СНК СССР и руководителем внешней политики СССР, с оставлением на посту Народного Комиссара по иностранным делам.

3. Ввиду того, что тов. Сталин, оставаясь по настоянию ПБ ЦК первым секретарем ЦК ВКП(б), не сможет уделять достаточного времени работе по Секретариату ЦК, назначить тов. Жданова А.А. заместителем тов. Сталина по Секретариату ЦК, освобождением его от обязанности наблюдения за Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

4. Назначить тов. Щербакова А.С. секретарем ЦК ВКП(б) и руководителем Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), с сохранением за ним поста первого секретаря Московского обкома и горкома ВКП(б)...»[1]

Это было закономерное решение. И не только потому, что в Германии Гитлер уже давно был одновременно вождем правящей Национал-социалистической рабочей партии и канцлером государства, но и потому, что на советском политическом «олимпе» сложился новый баланс сил. После «большого террора» Политбюро уже не играло своей прежней роли. В Политбюро вошли люди Сталина, и вся полнота власти окончательно перешла к нему. С мая 1941 г. все важнейшие решения принимались им лично. В свои планы он посвящал лишь

[1] *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. С. 254.

отдельных членов Политбюро или секретарей ЦК по своему выбору. Особое доверие у вождя тогда вызывали его молодые выдвиженцы — Г. Маленков, Л. Берия, А. Жданов.

Политбюро постепенно превращалось в лишнюю для системы управления властную инстанцию. С назначением Сталина Председателем Правительства СССР завершился процесс перемещения центра власти из высшей партийной структуры в государственную. Произошло не только фактическое, но и юридическое слияние государства и партии под эгидой первого. По сути, перед войной была оформлена та система высшей политической власти, которая сохранялась в течение всей войны и далее, вплоть до смерти вождя.

В этой системе ВКП(б) фактически больше не была руководящей и направляющей силой общества, как в 20-х — первой половине 30-х годов. Над партией теперь стояло государство. Сильнее, а значит, выше партии фактически оказался и НКВД. Сталин использовал чекистов для того, чтобы «почистить» партию, ликвидировать мешавших ему старых большевиков. Когда И. Сталин убрал из Политбюро тех, кто показывал признаки политической самостоятельности, он позволил оставшимся «доверенным людям», доказавшим лояльность вождю, работать под своим контролем. Все они понимали, что их благополучие и сама жизнь зависели от благосклонности вождя. Работа в сталинском Политбюро и ЦК была настоящей школой выживания.

В предвоенный и военный периоды И. Сталин не решился совсем убрать партию с политической арены. У ВКП(б) осталась своя функция, своя «ниша» — она занималась пропагандой и агитацией, подбором кадров, партийным контролем, награждениями. При этом в регионах, вдали от Москвы местные партийные комитеты и их руководители — первые секретари обкомов, крайкомов партии сохраняли свою власть. Это происходило при условии, если они находили общий язык с руководством местного НКВД.

ЦК и Политбюро сохранили свой престиж, но стали уже не теми авторитетными инстанциями, какими были раньше. Там прекратились дискуссии по реальным проблемам развития страны. ЦК теперь ничего самостоятельно не решал. Он стал средоточием правящих групп и кланов, куда для карьерного роста чиновнику было важно попасть. Намного весомее был Секретариат ЦК, который представлял собой исполнительный орган Центрального Комитета.

Возвышение государства перед войной закрепило поворот властей от революционного экспериментализма 20-х годов к государственному консерватизму 30—40-х годов. При этом политический режим в стране не изменился — он был и остался тоталитарным.

Почему И. Сталин накануне войны принял решение оттеснить партию от кормила политической власти?

Прежде всего потому, что партия дублировала государственную власть. Реализуя свою державную политическую программу и строя мощное советское государство, вождь, как тонкий политик, понял, что становится заложником партии, пленником партийного аппарата. Он сознавал, что в СССР медленно, но верно назревает конфликт между партией и государственной властью. Его нужно было ликвидировать или локализовать. В основе проблемы — фактическое двоевластие в стране: была власть партии и была власть советов. Имея власть, но не неся ответственности, партийный аппарат весьма скоро превратился в паразитический слой общества и стал заполняться карьеристами и приспособленцами всех мастей. Как справедливо замечает Ю. Мухин, «соблазн партноменклатурной халявы был так велик, что негодяи лезли в органы управления партии с отчаянной решимостью. Страх тяжелой руки Сталина их не останавливал...»[1]. Для спасения страны и самой партии нужно было пойти на радикальный шаг — хотя бы частично отстранить партаппарат от государственной власти.

По мнению Ю. Мухина, «только отойдя от непосредственной власти, партия коммунистов перестала бы быть халявой для негодяев — как с помощью такой партии «устроишься»? Она же власти устроить тебя писателем или послом, ученым или завбазой не имеет... Увод партии от непосредственного управления государством восстанавливал действие сталинской Конституции в полном объеме, спасал государство и партию. Партия продолжала бы контролировать, но не органы управления страной, а мораль в обществе»[2]. В принципе, авторская позиция логична. Есть только одна неточность, которая заключается в том, что статья о руководящей роли компартии впер-

---

[1] *Мухин Ю.* Кто убил Сталина. М., 2004. С. 118.

[2] Там же. С. 119.

вые появилась у нас не в брежневской Конституции 1977 г., а в сталинской 1936 г.— это, как уже говорилось, ст. 126.

На основании Конституции 1936 г. И. Сталин действительно реорганизовал систему политической власти в стране, законодательно передав власть государственным органам — Совнаркому и Президиуму Верховного Совета СССР. Но он не реформировал партию, не изменил ее управляющие структуры. В ней продолжало действовать всесильное Политбюро, которое до 1 июля 1941 г. (образования ГКО) по-прежнему, находилось над Советской властью. «А между тем,— считает Ю. Мухин,— оставление партийному аппарату государственной власти... учреждало над всеми диктатуру кучки партийной номенклатуры, а рядовых коммунистов обрекало на роль статистов». Конфликт между ВКП(б) и Советской властью не возник только потому, что в преддверии войны Сталин, как руководитель партии, стал еще и главой Правительства.

Существует мнение, что «помешала реорганизовать партию война — именно она отложила вопрос об отлучении партаппарата коммунистов от государственной власти»[1]. На самом деле война, наоборот, ускорила этот процесс. С ее началом официально, на законодательном уровне над Политбюро появился легитимный высший орган государственной власти — Государственный Комитет Обороны. Неважно, что ГКО был неконституционен — таким же было и Политбюро. С июля 1941 г. И. Сталин фактически отстраняет партийную номенклатуру от решения государственных дел, поскольку все важнейшие государственные вопросы стали теперь прерогативой ГКО. К концу войны в 1945 г. Политбюро, например, рассматривало в основном вопросы награждений.

Но с началом войны именно Политбюро ЦК возглавило перестройку страны на военный лад. Оно принимало первые политические и военно-стратегические решения, которые оформлялись как указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления СНК СССР и совместные постановления СНК и ЦК ВКП(б). Но это продолжалось недолго — только в течение первой недели войны. С образованием Государственного Комитета Обороны вся реальная власть

---

[1] *Мухин Ю.* Кто убил Сталина. С. 113.

формально и фактически перешла к этому органу. Тезис о том, что ГКО представлял собой «узкий состав» Политбюро ЦК и что высший партийный орган руководил Государственным Комитетом Обороны пользуясь его легитимными полномочиями, кажется на первый взгляд правильными, но он не раскрывают существа происходивших тогда на вершине власти процессов. Военный историк Ю. Горьков по этому поводу, например, пишет: «Не имея юридических прав на управление всем народом, всей страной, высший партийный орган использовал полномочия ГКО»[1].

Действительно, в двух созданных с началом войны чрезвычайных органах власти — ГКО и Ставке ВГК члены Политбюро и секретари ЦК занимали главенствующее место. В ГКО входили только члены и кандидаты в члены Политбюро, а в составе Ставки было трое членов высшего партийного органа — И. Сталин, В. Молотов и К. Ворошилов. Но вряд ли правильным будет полагать, что все решения ГКО были, по существу, постановлениями Политбюро ЦК партии. И вряд ли ГКО являлся орудием политики Политбюро ЦК. Исследование документов показывает, что ГКО и Политбюро — это разные властные структуры, наделенные собственными полномочиями, несмотря на то, что в них входили одни и те же люди. Практика свидетельствует, что в абсолютном большинстве случаев они собирались на заседания в кабинете Сталина в качестве именно членов ГКО и абсолютное большинство важных государственных решений оформлялось как постановления Государственного Комитета Обороны. Сталин позиционировал себя в войну чаще всего как Председатель ГКО.

Что представляли собой структура и состав высших органов партийной власти СССР накануне и в годы войны? Согласно Уставу ВКП(б), принятого на XVIII партийном съезде в 1939 г., верховным руководящим органом Коммунистической партии был партийный съезд, который избирал Центральный Комитет. Центральный Комитет, в свою очередь, избирал постоянно действующие органы — политический орган — Политбюро и исполнительные органы — Секретариат и Оргбюро ЦК[2].

---

[1] *Горьков Ю.А.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 57.

[2] Устав Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М., 1939.

По уставу партии все коммунисты на своих местных партийных конференциях раз в три года избирали делегатов на очередной съезд партии. Делегаты, собравшись на несколько дней в столице, составляли коллективный высший руководящий орган партии. Только они имели право принять или изменить программу или устав партии или принять любое другое решение, которое уже никто не мог отменить. Но съезд работал не постоянно и для текущего управления партийными делами съезд избирал Центральный Комитет из числа наиболее авторитетных деятелей партии. На последнем перед войной XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г. в состав ЦК был избран 71 член и 64 кандидата в члены ЦК. Но и члены ЦК постоянно не работали в Москве, а собирались на свои пленумы один-два раза в год. Для ежедневного управления партией ЦК избирал пять секретарей партии, из них одного — Генерального. Они возглавляли Секретариат и Оргбюро ЦК и направляли их работу.

Центральный Комитет избирал самый полномочный орган партии — Политическое бюро. В него входило несколько человек из числа наиболее выдающихся и авторитетных деятелей партии и государства. Они могли занимать различные высшие посты в государстве и партии — быть секретарями ЦК, наркомами, возглавлять наиболее крупные региональные парторганизации. Но два высших чиновника советского государства должны были входить в состав Политбюро в обязательном порядке — это председатель Совета Народных Комиссаров СССР и председатель Президиума Верховного Совета СССР. В результате этого руководители высшей исполнительной и высшей законодательной власти Советского Союза были подчинены партийной власти и партийной дисциплине. Вывод их из числа членов Политбюро означал немедленную и автоматическую отставку с высоких государственных должностей.

После Октябрьского переворота 1917 г. на заседаниях Политбюро всегда председательствовал глава советского Правительства — В. Ленин. Впоследствии И. Сталин добился того, чтобы первым лицом в Политбюро, а значит, и во всей партии стал Генеральный секретарь. Когда в мае 1941 г. он сделался, наряду с генсеком, председателем Правительства, проблема верховенства в Политбюро отпала сама собой.

Таков был механизм партийного руководства советским государством и обществом. То, что оба руководителя конституционной

законодательной и исполнительной власти СССР в обязательном порядке входили в состав Политбюро, обеспечивало власть партийного аппарата над государственным. Этот статус-кво сохранялся до 1941 г.

Политбюро являлось коллегиальным высшим органом партии — решения оно принимало путем голосования большинством голосов. Традиционно сложилось так, что тот член Политбюро, чьи предложения принимались чаще других, становился неформальным лидером Политбюро, а значит, и партии. Поскольку Политбюро принимало решения, касавшиеся развития не только партии, но и всей страны, то этот человек становился вождем всего советского народа. Этому процессу активно помогала массированная пропаганда и идеологическая обработка. В начале Советской власти таким лидером и вождем у нас был В. Ленин, после его смерти недолго оставался Л.Троцкий и с конца 20-х годов им стал И. Сталин.

Кроме того, согласно новому уставу партии Центральный Комитет партии избирал Комиссию Партийного Контроля (КПК) ЦК ВКП(б). Председателем КПК в предвоенное и военное время был верный сталинец, член Политбюро, секретарь ЦК А.А. Андреев, заместителем — член ЦК М.Ф. Шкирятов. Этот могущественный орган в руках генсека выполнял контрольно-карательные функции в партии. Фактически им управлял М. Шкирятов, работая в тесном контакте с органами НКВД и Прокуратуры.

Несмотря на вал критики в адрес партии в современной историографии, надо сказать, что с началом Великой Отечественной войны ВКП(б), как правящая партия, выступила организатором борьбы нашего народа против немецких захватчиков. Она выработала программу, призванную обеспечить нашу победу. Партийные комитеты за период 1941—1945 гг. проделали гигантскую военно-организаторскую и идеологическую работу. Члены Центрального Комитета ВКП(б) возглавили основные направления руководства вооруженной борьбой советского народа и перестройкой народного хозяйства на военное положение.

С первого дня войны И. Сталин наряду с государственными и военными рычагами включил партийные рычаги власти. 22 июня 1941 г., в условиях отсутствия объективной информации по линии Генерального штаба РККА, он энергично собирал сведения о положении на границе по своим партийным каналам. По воспоминаниям первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко, Ста-

лин позвонил ему в 7 часов утра 22 июня и, выслушав сообщение, сказал: «Сведения, которые мы получаем из штаба округа, теперь уже фронта, крайне недостаточны. Обстановку штаб знает плохо... Вы получите в ближайшее время на этот счет указания ЦК и правительства. Ваша задача заключается в том, чтобы решительно и в кротчайшие сроки перестроить всю работу на военный лад. Необходимо, чтобы парторганизация и весь народ Белоруссии осознали, что над нашей страной нависла смертельная опасность и необходимо все силы трудящихся, все материальные ресурсы мобилизовать для беспощадной борьбы с врагом... Вы лично переносите свою работу в Военный совет фронта. Оттуда руководите и направляйте работу по линии ЦК и правительства Белоруссии. В середине дня я еще позвоню вам, подготовьте к этому времени более подробную информацию о положении на фронте». Пономаренко записал все, что говорил Сталин, и поручил своим помощникам передать указания Сталина всем секретарям обкомов и райкомов партии[1]. Меры были приняты, но они, как показали последующие события, не дали положительного результата.

Изучение вопроса показывает, что как высший коллективный орган, ЦК во время войны фактически не действовал. Руководство партией и страной было сосредоточено в высших исполнительных органах ЦК — Политбюро, Секретариате и Оргбюро. Но и в них коллегиальность в войну была свернута до предела — постановления обычно принимались в опросном порядке с санкции вождя.

Персональный состав этих органов с момента избрания за время войны не менялся. Политбюро при Сталине — это группа его приближенных друзей, как «Негласный кабинет» при императоре Александре Первом. В войну в состав Политбюро ЦК входило 13 человек: члены — Сталин И.В., Андреев А.А., Ворошилов К.Е., Жданов А.А., Каганович Л.М., Калинин М.И., Микоян А.И., Хрущев Н.С., кандидаты в члены — Берия Л.П., Вознесенский Н.А., Маленков Г.М., Шверник Н.М., Щербаков А.С. Все они были избраны в Политбюро на пленуме ЦК, состоявшемся в завершение работы XVIII съезда партии 22 марта 1939 г. Исключение составляют Н. Вознесенский, Г. Маленков и А. Щербаков, введенные в этот высший орган реше-

[1] *Емельянов Ю.В.* Сталин: На вершине власти. М., 2002. С. 212.

нием пленума ЦК от 21 февраля 1941 г. То есть страну и партию вели за собой вперед вождь и 12 его «апостолов». Будучи сверхбдительным и подозрительным человеком, Сталин не исключал, что в его команде, особенно в такое тревожное время, как война, есть свой «Иуда». Член или кандидат в члены Политбюро — это в Советском Союзе была не должность, а самое статусное и привилегированное положение человека на самом высоком «олимпе» политической власти.

Неформальный или «узкий круг» Политбюро, состоявший из особо доверенных вождю лиц, в военное время составляли: В.Молотов, Г. Маленков, Л. Берия, Н. Вознесенский, К. Ворошилов (в 1944 г. был исключен из него). Близки к этому кругу были А. Жданов, Н. Хрущев, А. Микоян, Л. Каганович, А. Щербаков. Жданов и Хрущев, будучи фаворитами вождя, постоянно по его заданию находились на фронтах — один на северо-западе, другой на юго-западе. В Москве они были наездами, поэтому в работе Политбюро участия не принимали.

Секретарями ЦК в 1941 г. были пять человек: Сталин И.В., Андреев А.А., Жданов А.А., Маленков Г.М., Щербаков А.С. Они составляли Секретариат ЦК. Генеральным секретарем ЦК бессменно с 1922 г. избирался Сталин. Каждый из секретарей ЦК отвечал за определенную сферу деятельности. Так, А. Андреев ведал партийным контролем, курировал госбезопасность и правоохранительные органы, а с 1943 г. и сельское хозяйство; А. Жданов был заместителем Сталина по Секретариату и был ответствен за ленинградскую парторганизацию, а с 1944 г. дополнительно стал курировать идеологию; Г. Маленков отвечал за работу партийного аппарата и кадры; А. Щербаков отвечал за московскую парторганизацию и до 1944 г. вел идеологию, наряду с этим с 1942 г. осуществлял партийный контроль над армией. Генсек объединял и координировал их деятельность, вел заседания Секретариата и Политбюро.

Наряду с Секретариатом ЦК ВКП(б) в войну существовал специальный «Секретариат тов. Сталина» и «Особый сектор ЦК», подотчетные лично вождю и руководимые секретарем И. Сталина генерал-лейтенантом А. Поскребышевым. Эти структуры составляли «внутренний кабинет» вождя. Официально его как бы не существовало, но реально он был и масштабы его власти были безграничны. Ни одно решение Политбюро, Секретариата, Оргбюро, пленума ЦК, ни одно постановление Совнаркома не принимались без того, чтобы они не

были обсуждены в «Секретариате тов. Сталина», куда вождь приглашал преданных ему советников и помощников.

Очевидно, что Сталин позаимствовал опыт николаевской эпохи. «Секретариат тов. Сталина» был аналогом Первого отделения Канцелярии Его Императорского Величества. «Особый сектор» — это система служб личной политической полиции вождя, своего рода Третье жандармское отделение Канцелярии Его Императорского Величества. Функциями «Особого сектора» были организация службы личной безопасности Сталина (охрана Кремля, дач вождя и путей к ним, медико-санитарный контроль за пищей, контроль над медицинским обслуживанием), организация охраны членов Политбюро и Правительства, агентурная служба, служба перлюстрации писем, управление спецсекторами обкомов, крайкомов и ЦК союзных республик. Во главе этого сектора бессменно стоял генерал-лейтенант Н. Власик. Никто не мог иметь доступ к вождю, минуя Поскребышева и Власика. Исключения бывали, когда Сталин сам вызывал кого-нибудь.

Теоретически будучи техническим органом ЦК, фактически «Секретариат тов. Сталина» был поставлен над ЦК. Это был тайный элемент в механизме не только партийного, но и государственного управления.

Членами Оргбюро являлись девять человек: Сталин И.В., Андреев А.А., Жданов А.А., Каганович Л.М., Маленков Г.М., Мехлис Л.З., Михайлов Н.А., Шверник Н.М., Щербаков А.С. Они руководили различными сферами организационно-партийной работы.

Политбюро, Секретариат и Оргбюро представляли собой партийно-политическую элиту советского общества. Это были вожди партии и народа, определявшие политическую программу и основные направления развития советского государства в рассматриваемый период. Это была политическая «команда» Сталина, сформированная им.

В годы войны система партийной власти заметно изменилась. Партия эволюционировала в своем развитии под влиянием объективной военной обстановки. В течение первого года войны она перестраивала свою работу. Анализ проблемы высветил основные направления перестройки ВКП(б) в условиях военного времени. К ним следует отнести:

во-первых, трансформацию задач, функций и содержания работы партийных комитетов в соответствии с требованиями военного времени;

во-вторых, переход партии к чрезвычайным формам организационного управления;

в-третьих, мобилизацию партийных кадров в действующую Красную Армию;

в-четвертых, изменение стиля и методов партийного руководства.

Комментируя первое направление перестройки ВКП(б) в военное время, следует сказать, что с самого начала военных действий главной функцией партии, как и всей страны, стала оборонная. Новые военные задачи партийных комитетов были определены в директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г., содержание которой раскрыто выше. Главными функциями всех партийных органов и организаций в войну стали: организационно-партийная, военно-мобилизационная, военно-хозяйственная, кадровая, агитационно-пропагандистская, контрольная и ряд других. Основным видом деятельности стала военно-организационная и массово-политическая работа. На первый план также вышли идеологическая, политико-воспитательная работа в армии и обществе и организация всенародной помощи фронту.

Одним из самых значимых путей перестройки деятельности ВКП(б) с началом войны был переход партии к чрезвычайным формам руководства и управления. Он осуществлялся путем создания специальных партийных органов управления, имевших чрезвычайные полномочия. Это была вынужденная мера, направленная на решение в чрезвычайных условиях задач особой государственной важности.

Чрезвычайные — неуставные органы партийного руководства возникли у нас еще в довоенные годы, когда нарастала угроза войны. Они создавались в сфере управления экономикой страны и в Вооруженных силах. Большое значение в этом плане имел XVIII съезд ВКП(б), предоставивший первичным партийным организациям производственных предприятий, в том числе совхозов, колхозов и МТС право контроля деятельности администрации предприятий. XVIII партийная конференция (февраль 1941 г.) еще более актуализировала этот вопрос, указав, «чтобы партийные организации систематически влезали в дела промышленных предприятий, железных дорог, пароходств и портов». Было решено в центрах с развитой промышленностью иметь «не одного, а несколько секретарей горкомов, обко-

мов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик по промышленности, соответственно основным отраслям промышленности, имеющимся в городе, области, крае, республике, а также там, где это нужно, секретаря по железнодорожному транспорту и секретаря по водному транспорту»[1].

С началом военных действий такая тенденция усилилась. Секретари партийных комитетов по отраслям промышленности возглавили вновь созданные отраслевые отделы — в частности, по отраслям тяжелой и военной промышленности (танковой, авиационной, минометной, боеприпасов, вооружения). В Челябинском обкоме партии, например, в 1942 г. насчитывалось 25 секретарей по различным отраслям оборонной промышленности. Так было и в других промышленных центрах.

Наряду с институтом отраслевых секретарей в ходе войны был создан институт парторгов ЦК. Не ограничиваясь своим влиянием через местные партийные организации, ЦК ВКП(б) применил централизованную систему контроля «сверху» через своих специальных представителей. На все важнейшие предприятия СССР были направлены с широкими полномочиями парторги ЦК, число которых к концу войны выросло до 1377[2]. Методом двойного контроля (вместе с уполномоченными ГКО) они контролировали выпуск военной продукции.

Систему чрезвычайных органов партийного руководства экономикой дополняли созданные в ноябре 1941 г. по постановлению ЦК партии политотделы машинно-тракторных станций (МТС) и совхозов. С довоенной поры продолжали действовать политотделы на железнодорожном и водном транспорте.

Созданные в самом начале войны, когда сеть сельских парторганизаций резко сократилась, они многое сделали для мобилизации сельского хозяйства на нужды фронта. Когда же с их помощью число парторганизаций на селе увеличилось, а новые кадры руководителей приобрели опыт, дальнейшее существование политотделов стало нецелесообразным.

Чрезвычайные органы партийной власти были образованы и в Красной Армии. Причем первая попытка их создания была предпри-

---

[1] ВКП(б). Конференция. XVIII-я. М., 1941.

[2] Политическая история России. М., 1998. С. 546.

нята советским руководством еще до войны, в период массовых репрессий в армии. И. Сталин был всегда обеспокоен не только боевой готовностью Красной Армии, но и ее политико-моральным состоянием. Он не доверял высшему командному составу РККА, считая, что в конечном счете вся его внешняя и внутренняя политика зависит от лояльности и надежности армии.

В начале 30-х годов после проведения насильственной коллективизации и начавшегося затем в стране голода у Сталина не было уверенности в том, как поведет себя Красная Армия, состоявшая в основном из крестьян. Имелась и другая причина тревоги за армию: в Кремле готовилась кампания по ликвидации командного и политического состава Красной Армии (судебные процессы над Тухачевским, Егоровым, Блюхером и другими военачальниками), заподозренного Сталиным в политической неблагонадежности и измене. Не было уверенности в том, как отнесется армия к погрому в своих рядах.

В мае 1937 г., за две недели до начала массовых репрессий в армии и на флоте, был учрежден институт военных комиссаров. На комиссарские должности ЦК мобилизовал большую группу коммунистов, главным образом гражданских партийных работников. Через три года, в августе 1940 г. после того, как волна массовых репрессий, в основном, стихла и армия не возмутилась, институт военных комиссаров упразднили. В указе Президиума Верховного Совета СССР по этому поводу говорилось, что «институт комиссаров уже выполнил свои основные задачи», что «командные кадры Красной Армии и Военно-Морского флота за эти годы серьезно окрепли»[1].

И. Сталин вернулся к этому опыту, когда возникла реальная опасность от внешнего врага — Германии. После сокрушительных поражений Красной Армии в начале войны вождь окончательно перестал доверять руководству армии. Сразу после расстрела командующего Западным фронтом генерала Д. Павлова произошел возврат к институту военных комиссаров. Это было признаком недоверия политической верхушки к вооруженным силам. Тем не менее, письменно опрошенные в июле 1941 г. командующие фронтами высказались в пользу его восстановления. Видимо, они сделали это из нежелания в одиночку нести ответственность за военные поражения.

---

[1] Наше Отечество. Опыт политической истории. Ч. 2. С. 411.

На основе постановления Политбюро ЦК и указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 г. армейские и флотские органы политической пропаганды реорганизовывались в политические отделы. В полках, дивизиях, на кораблях вместо заместителя командира по политической части вводилась должность военного комиссара, а в ротах, батареях и эскадронах — политического руководителя — политрука, подотчетного вышестоящему комиссару.

Военному комиссару предоставлялись широкие полномочия. Согласно утвержденному положению, военные комиссары всех уровней действовали независимо от военного командования. Как «представителю партии и правительства» комиссару поручалось «своевременно сигнализировать Верховному командованию и правительству о командирах и политработниках, недостойных звания командира и политработника и порочащих своим поведением честь Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Он был обязан «строго контролировать проведение в жизнь всех приказов высшего командования». Без подписи комиссара приказы по полку или дивизии были недействительны. От комиссара требовалось также «вести беспощадную борьбу с трусами, паникерами и дезертирами, насаждая твердой рукой революционный порядок и воинскую дисциплину». В целях пресечения всякой измены он был обязан свои действия координировать с особыми отделами НКВД в армии.

Безусловно, введение института военных комиссаров принижало роль командиров в руководстве войсками, отражало недоверие к ним. Парадоксально, но факт — на те 15 месяцев, пока действовала система военных комиссаров, приходятся самые тяжелые поражения Красной Армии и ее самые большие потери. То есть институт военных комиссаров не оправдал надежд сталинского руководства?

Осенью 1942 г. в ходе Сталинградской битвы вождь сделал окончательный выбор: он решил упразднить комиссаров, введя в армии единоначалие и возложив всю ответственность за результаты боевой деятельности на командный состав. Командование частями и подразделениями было возвращено военным специалистам — командирам. Бывшие комиссары и политруки стали заместителями командиров по политической части.

9 октября 1942 г. указом Президиума Верховного Совета СССР институт военных комиссаров был упразднен. В документе отмечалось, что «полностью отпала почва для существования системы воен-

ных комиссаров. Больше того, дальнейшее существование института военных комиссаров может явиться тормозом в улучшении управления войсками, а для самих комиссаров создает ложное положение».

Но это не означало ослабления партийного контроля над вооруженными силами. Партия и армия в 1943—1945 гг. еще более слились. Главное политическое управление Красной Армии работало на правах военного отдела ЦК ВКП(б). Офицерский состав Красной Армии, особенно генеральский, был поголовно партийный.

Важным направлением перестройки ВКП(б) в военное время были массовая мобилизация и направление в ряды действующей Красной Армии коммунистов, прежде всего руководящих партийных кадров. Партийное укрепление Вооруженных сил кадрами осуществлялось различными путями: направлением членов ЦК партии на руководящие политические должности в армию и на флот — членами военных советов армий, фронтов; мобилизацией секретарей партийных комитетов и работников партийных аппаратов в армию для замещения должностей военных комиссаров полков, дивизий, штабов; отправкой в действующую армию рядовых коммунистов в качестве красноармейцев — политбойцов. Основным путем пополнения действующей армии коммунистами были регулярные партийные мобилизации на фронт.

За первые шесть месяцев войны в армию и на флот было направлено около 8,8 тыс. членов ЦК ВКП(б), секретарей ЦК компартий союзных республик, краевых, областных, городских и районных комитетов, ответственных работников партаппарата, слушателей высших партийных учебных заведений. Членами военных советов фронтов и армий стали около 500 секретарей ЦК компартий республик, крайкомов и обкомов. 270 ответственных сотрудников аппарата ЦК ВКП(б) со Старой площади были также отправлены на фронт.

Вооруженные силы получили большой отряд коммунистов и комсомольцев в качестве политбойцов — рядовых красноармейцев. 27 июня 1941 г. Политбюро приняло постановление «Об отборе коммунистов для усиления партийно-политического влияния в полках»[1]. После ускоренной военной подготовки они направлялись в действу-

[1] РГАСПИ. ф. 17. оп. 3. д. 1041. л. 31.

ющую армию — их «рассеивали» по несколько человек в каждое подразделение.

За первое полугодие военных действий в действующую армию прибыло 1,1 млн коммунистов, что составляло примерно треть всех членов ВКП(б). Всего за время войны на фронт ушло около 40% довоенного состава территориальных партийных организаций. Несмотря на огромные потери (в войну погибло около 3 млн коммунистов, или каждый второй), партия не сократилась. В 1945 г. в ней состояло 5,7 млн человек, из которых 3 млн были в армии и на флоте[1]. Такого огромного роста партия не знала.

В тылу и на фронте не существовало разницы между рядовым коммунистом и беспартийным. Все одинаково трудились и сражались во имя победы. Смерть в бою не выбирала между ними. Но звание члена партии налагало особые обязанности — быть впереди, увлекать за собой беспартийных. Абсолютное большинство партийцев — это были честные люди, искренне исполнявшие свой гражданский и партийный долг. Их деятельность укрепляла авторитет партии в глазах народа. Миллионы рядовых членов партии являлись лучшими воинами и лучшими производственниками. Этим обеспечивалась их авангардная роль. «Коммунисты — вперед!» — этот призыв звучал в годы войны на самых трудных участках фронта и тыла.

Хотя война показала и другое — были далеко не единичные факты, когда ответственные партийные работники первыми бежали из прифронтовых районов, когда, оказавшись в окружении, военнослужащие-коммунисты сжигали свои партийные билеты. Карьеристов и «шкурников» в партии было достаточно много.

Еще одним путем перестройки деятельности партии в военное время было изменение стиля и методов партийной работы, их адаптация к военным условиям. ЦК сразу обратил внимание всех тыловых партийных органов и организаций на необходимость перестройки стиля и методов своей работы. Впервые об этом было отчетливо заявлено в партийно-государственной директиве от 29 июня 1941 г.[2] Прежде всего, в ходе войны в партийной работе изменилось соотношение вну-

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. С. 370—375.

[2] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. С. 297—299.

трипартийной демократии и централизма. Принцип демократического централизма был скорректирован в сторону жесткого централизма.

В условиях, когда необходимо было в кротчайшие сроки перестроить экономику, перебазировать сотни предприятий и миллионы людей, когда были нарушены экономические связи, партийные органы вынуждены были выполнять непосредственные административные и хозяйственные функции, командовать обществом и производством. Поэтому резко усилился централизм, произошло свертывание внутрипартийной демократии, коллективных методов руководства, резко ужесточилась партийная и государственная дисциплина. Второй причиной отказа от демократических форм партийного руководства было «обескровливание» тыловых парторганизаций, уход значительной части опытных партийных кадров на фронт.

Поэтому в партийных органах не только на фронте, но и в тылу многие важные решения стали приниматься без коллективного обсуждения, путем опроса членов комитета или бюро. Участилось назначение секретарей вышестоящим комитетом вместо их избрания, согласно уставу. Широко практиковалась кооптация новых членов комитетов и бюро. Был введен институт назначаемых парторгов центрального и других партийных комитетов, обладавших большими властными полномочиями.

Конечно, это являлось нарушением уставных норм партийной жизни. Но таковы были требования военного времени. Из элементов демократического централизма соблюдался лишь один — безусловная обязательность решений высших партийных органов для низших. В этой обстановке партийные комитеты в краях, областях, городах, районах перешли на чрезвычайные, административные методы управления, взяв на себя административно-хозяйственные функции.

Подмена методов коллективного руководства администрированием привела в ходе войны ряд партийных комитетов к серьезным практическим ошибкам — некомпетентным решениям, митинговщине, компанейщине и штурмовщине в процессе выполнения принятых решений и к очковтирательству. При принятии управленческих и хозяйственных решений игнорировались реальные возможности предприятий и людей. Это порождало стремление выполнить план любой ценой, не считаясь с затратами ресурсов, физических и моральных сил. Наряду с приказом выполнить государственный план действовала массированная пропаганда, требовавшая от трудящихся

самопожертвования, которое не всегда вызывалось объективной необходимостью. В войну особенно проявилось пренебрежение к человеку со стороны партийно-советской системы.

Более того, такое положение неправильно ориентировало партийные кадры — зазнавшись, многие партийные руководители на местах не считались с коллективным мнением. Это снижало авторитет руководства. Его боялись, но это не значит, что уважали. С другой стороны, вся ответственность перед центром лежала на плечах первых лиц, поскольку именно они, а не члены бюро, в случае невыполнения государственных заданий лишались должностей и отдавались под суд. Поэтому они и принимали самостоятельные командирские решения.

Понимая это, Центральный Комитет партии в начале 1943 г. серьезно скорректировал свою внутрипартийную политику, пытаясь возвратиться к уставным нормам партийной жизни. Стремясь оживить партийную работу и реанимировать внутрипартийную демократию, в январе этого года принимается постановление «Об отчетах и выборах партийных органов в первичных организациях». ЦК потребовал от партийных руководителей «перестать поучать массы, учиться у них»; «главная задача партийной работы — не план, а те, кто его выполняет»; «не замазывать опасность, не преуменьшать трудностей, не скрывать неизбежности серьезных лишений и жертв»; «нам нельзя преуменьшать силу немцев, они сильны и организованны»[1].

Однако ситуация мало в чем изменилась — война диктовала свои законы и правила игры. Но, на наш взгляд, бесконечно оправдывать централизацию партии и драконовские методы партийного руководства чрезвычайными условиями войны нельзя. Большевистская партия и созданный ей политический режим были тоталитарны по своей природе. Война усилила эту тенденцию. Но тоталитаризм, то есть всеобъемлющий контроль власти над всеми сферами жизни общества, невозможно оправдать никакими экстремальными условиями.

В течение первого года военных действий ВКП(б) полностью перестроилась на военный лад и стала «воюющей» партией.

Анализ истории Коммунистической партии в годы минувшей войны показал особенности и тенденции ее развития.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 78.

Одной из главных особенностей и тенденций развития партии в годы войны было изменение ее количественного и качественного состава. Говоря о развитии ВКП(б) в военные годы, бросается в глаза довольно быстрая количественно-качественная трансформация состава партийных кадров.

Прежде всего, наблюдался форсированный рост ее рядов, изменение количественного состава партии. Это был не стихийный, а контролируемый процесс, и высшее партийное руководство вынужденно пошло на этот шаг. В начале войны огромные людские потери на фронте и утрата больших территорий привели к резкому падению численности рядов ВКП(б). Если в июне 1941 г. она приближалась к 4 млн человек, то к концу этого же года она составляла чуть больше 3-х млн. Подсчеты показывают, что к осени 1942 г. партия потеряла 1430 тыс. человек, частью павших на полях сражений, частью оставшихся на оккупированной территории. Для восполнения убыли решением Политбюро ЦК в августе и декабре 1941 г. было осуществлено упрощение правил приема в партию для военнослужащих, отличившихся в боях[1]. Вступление в партию в условиях, когда Красная Армия отступала, было знаком преданности Родине.

Приток в партию новых сил стал заметно нарастать с начала 1943 г.: за его первую половину прием утроился по сравнению с первым военным полугодием. Это объяснялось изменением военно-стратегической обстановки на фронте в нашу пользу. Рост продолжался и далее и достиг своего апогея в период Курской битвы. На протяжении 1943 г. двери партии были открыты как никогда широко. В 1943 г. партийные организации армии и флота приняли 803 тыс. человек в члены партии и 1372 тыс. в кандидаты — это составляло четыре пятых всех принятых в партию. Но в 1944 г. произошло довольно резкое замедление роста партийных рядов, так как по решению Политбюро были вновь введены строгие нормы отбора. Подсчитано, что в течение 1942—1944 гг. в партию ежемесячно вступало в среднем 125 тыс. человек. За время войны кандидатами в члены партии было принято 5320 тыс. человек, из которых 3614 тыс. были приняты в члены партии[2].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 3, 69.

[2] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. С. 370—375.

Таким способом партия влила в свои ряды свежую кровь. В войну она претерпела самое массовое обновление своего состава. Партия стремительно выросла. Причем насильно в партию никто никого не тянул. Люди шли туда добровольно и сознательно. Открытые двери для вступления в партию и заметный рост ее рядов свидетельствовал и о вынужденном отступлении партийного руководства от своих строгих довоенных требований в партийном строительстве, основанных на классовых принципах. Прием в партию стал гораздо более либеральным.

Что побуждало советских солдат и офицеров вступать в Коммунистическую партию? Прежде всего, это произошло благодаря высокому чувству патриотизма наших воинов. Не карьерные побуждения, а преданность Родине и стремление защитить ее служили основной причиной вступления в партию. Отождествляя партию и Родину, бойцы руководствовались не идеологическими, а прежде всего государственно-патриотическими мотивами. Стремление вступить в партию тогда носило, так сказать, «предполитический» характер, т.е. в большей степени государственно-социальный, чем политический.

Другой причиной стремительного роста партии и наплыва в нее желающих было то, что в период войны при приеме не учитывались больше прежние различия по социальному происхождению. Был введен новый принцип — отличился в бою или на производстве — вступай в партию. В партию вступали те, кто был действительно впереди. Прием в партию теперь стал не столько политическим делом, сколько одним из видов отличия за боевые и трудовые заслуги.

Третьей причиной роста партийных рядов являлось, как уже говорилось, смягчение условий приема в партию — это касалось кандидатского стажа, рекомендаций в партию и т.д. В целом, авторитет партии в народе еще с довоенных времен был достаточно высок. И людям казалось почетным и престижным состоять в рядах организации, которая декларировала, что стоит на страже интересов народа. К тому же, что немаловажно, партийный билет давал неплохие перспективы служебного роста.

Таким образом, во время этой войны зародился прообраз массовой «всенародной партии». Она перестала быть партией советской военной и административно-хозяйственной элиты и «стахановцев». В то же время ВКП(б) в войну и после нее оставалась сталинским «орденом меченосцев» со всеми присущими ему чертами.

Как тенденцию и особенность в развитии партии военного времени следует рассматривать и определенную демократизацию кадрового состава ВКП(б). Партия менялась качественно. Она становилась более демократичной по своему составу, хотя и более милитаризованной. Ввиду некоторой либерализации условий приема партия по своему социальному составу за время войны стала более народной, а значит, более демократичной.

К концу 1944 г. в Вооруженных силах служило 3 млн. коммунистов, или половина всех членов партии. Из них 57% были рядовыми, сержантами и старшинами, в то время как до войны их было всего 28%. Даже в тылу прием в партию стал более демократичным — среди поступавших в партию значительно повысилась доля низших слоев населения. Так, 27% новых членов партии были рабочими и 31% крестьянами, в 1939—1941 г. их соответственно было 20% и 10%[1]. Особенно удивителен большой приток в партию в годы войны колхозников.

Второй отличительной чертой развития партии в военное время была милитаризация ее организационных основ, кадрового состава и стиля партийного руководства.

С началом боевых действий ВКП(б) достаточно быстро перестроила содержание, формы и методы своей деятельности на военный лад. Это понятно — она и до войны была полувоенной организацией с жесткой военной дисциплиной. С первых же дней войны мобилизация переместила большое число коммунистов из гражданской сферы в Вооруженные силы: в общей сложности 1640 тыс. человек, из которых больше миллиона — в первые месяцы. Несколько десятков тысяч кадровых партийных работников были направлены в армию в роли политических руководителей. С конца 1942 г. свыше половины численного состава партии находилось под боевыми знаменами, так что к моменту завершения войны из каждых четырех военнослужащих один был коммунистом.

Но распределение членов партии в Вооруженных силах не было равномерным. Более высоким был их удельный вес среди офицеров, которые составляли 41% всех военных-коммунистов. Относительно больше партийная прослойка была в технических родах войск: в пар-

[1] *Боффа Дж.* История Советского Союза. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 168.

тии состояло 50% личного состава авиации и 45% — бронетанковых войск, между тем как в артиллерии соответствующий показатель равнялся 18%, а в пехоте — лишь 8—9%[1].

Война явилась периодом новой сильной милитаризации партии, причем не только на фронте, но и в тылу, так как была военизирована вся жизнь страны. На всех уровнях партийные органы отличались жесткой военной субординацией. Партийные верхи инициировали и ускоряли данный процесс. «Аппарат партийного органа — обкома, крайкома, горкома, райкома — должен работать как аппарат военного штаба», — писала тогда «Правда» — центральный печатный орган партии.

Осуществляя единение с армией и НКВД, ВКП(б) в то же время не сливалась с ними и не создавала специальные партийные вооруженные формирования, как это было, например, в нацистской Германии. РККА и войска НКВД в минувшей войне были орудием власти партийно-государственной верхушки, но не самой партии. Красная Армия воевала под знаменем Советского государства, которое большинство населения отождествляло с Отечеством, Родиной.

Итак, партия военизировалась, но шел ли обратный процесс «партизировалась» ли армия? Все сказанное не позволяет сделать вывод о Красной Армии как «партийной армии», о чем заявлял в свое время бывший начальник Главного управления политической пропаганды РККА Л. Мехлис. Он говорил, что «Центральный Комитет поставил перед Политуправлением задачу большевизировать... всю Красную Армию»[2]. Оставался неясным вопрос — что значит «всю армию»? Чтобы каждый воин стал членом партии? В минувшую войну этого не произошло. Но в 1945 г. из 12 млн советских военнослужащих 3 млн были партийными.

Существенной особенностью развития ВКП(б) в тот период были сверхцентрализация и сверхконцентрация всей полноты власти в руках высшего партийного органа в лице первого его руководителя (в центре — у генсека, на местном уровне — в руках первого секретаря обкома, горкома, райкома партии). В условиях войны, в целом, это было положительным явлением, поскольку позволяла оперативно и из одного центра решать все вопросы.

---

[1] *Боффа Дж.* История советского Союза. Т. 2. С. 168.

[2] *Мерцалов А., Мерцалова Л.* Сталинизм и война. С. 322.

Но в то же время сверхконцентрация власти несла с собой и негативные последствия — довольно часто препятствовала принятию компетентных решений. Дело усугублялось тем, что свыше 60% членов партии были малограмотными. В советском тылу за неимением грамотных товарищей они нередко выдвигались на руководящую партийную работу. В тыловых областях, например, малообразованные работники составляли свыше трети всей номенклатуры обкома. В райкомах это было нормой. Такие люди были хорошими и преданными работниками, но они не в состоянии были охватить проблему в целом, проанализировать ее, вычленив из всего круга задач главное. Своими волюнтаристскими решениями они сковывали инициативу специалистов.

Часто бюро даже областных комитетов партии рассматривали второстепенные вопросы, утопая в текущих делах. К примеру, они выносили решения о разгрузке отдельных поездов, барж, перемещении станков, выделении помещений и т.д. Областное или городское партийное руководство, размениваясь на мелочи и не замечая главного, теряло нити управленческого процесса.

Особенностью функционирования партии в войну было усиление роли и влияния в делах ВКП(б) и общества партийного аппарата, еще большая бюрократизация партии и всей системы партийного управления. Сверхконцентрация власти порождала бюрократизм — ситуацию, когда аппарат работал только на себя. История свидетельствует, что в военное время небывалую власть над ЦК и исполнительными органами партии получил ее аппарат, который занимался всей организационно-технической работой. Власть партийного аппарата в войну стала, по сути, абсолютной. Аппарат в союзе с первым лицом в партии становился главным звеном в системе партийного и государственного управления. Многие важные вопросы в военное время решались аппаратом ЦК ВКП(б), без привлечения членов Политбюро, а тем более ЦК.

Аппарат ЦК был сердцевиной правящего класса. Он организационно и технологически обеспечивал политическую деятельность членов Политбюро и секретарей ЦК. Принятие решения на Политбюро представлял лишь заключительный акт в работе сложного аппаратного механизма. Аппарат играл важную роль не только в подготовке текстов проектов решений, докладов и речей, но и в информировании партийных верхов. Вся полученная ими информация

по вопросам внутренней и внешней политики была отобрана и препарирована аппаратом. То есть аппаратчики формировали в какой-то степени и мысли своих руководителей. Наряду с этим партийному аппарату было предоставлено право давать указания, выполнение которых считалось обязательным. Это были как запротоколированные решения бюро и секретариата партийных комитетов (от ЦК до райкома), так и устные телефонные указания. Неучтенных телефонных и личных распоряжений из аппарата партийных комитетов было гораздо больше.

Центральный партийный аппарат разрастался и делался все более громоздким. Прежде всего, приобрело исключительное влияние Управление кадров ЦК, которым руководил секретарь ЦК Г. Маленков. Эта структура подбирала, отбирала и расставляла согласно номенклатуре должностей по перечням 1 и 2 кадры руководителей во всех областях и сферах жизни страны. В Управление кадров ЦК входило более полусотни отделов, которые дублировали структуру центральных государственных органов и хозяйственных учреждений.

Усложнялся и расширялся аппарат Управления пропаганды и агитации ЦК, руководимый кандидатом в члены ЦК доктором философских наук Г. Александровым. В 1942 г. в рамках этого Управления были созданы отделы науки, печати, издательств, преподавания марксизма-ленинизма в вузах; в 1943 г.— художественной литературы, кинематографии; в 1944 г.— радиовещания и радиофикации, группа консультантов для оценки рукописей по теоретическим вопросам; в 1945 г.— отделы искусств, полиграфической промышленности, бумажной промышленности, местных газет.

Итак, управления и отделы Центрального Комитета партии представляли собой настоящие министерства, регулировавшие буквально все стороны своей отрасли. Аналогичные государственные структуры — наркоматы — имелись в Правительстве, которые тоже занимались этими вопросами и несли всю ответственность за состояние дел в своей сфере деятельности. Было налицо бюрократическое дублирование функций властных структур. Сталин считал это дополнительной гарантией надлежащего исполнения государственных функций и задач.

Коллективные партийные органы — в частности, ЦК, по сути, оказались в приниженном положении, поскольку партийные съезды, пленумы и конференции в годы войны не созывались, члены ЦК

совместно в Москву не приглашались. Все в партии и государстве решали две инстанции: вождь партии-государства и партийный аппарат. При этом они были органично взаимосвязаны и не могли существовать друг без друга.

Но в то же время наряду с увеличением бюрократических инстанций и усилением волокиты в войну, когда было надо, упрощались процедура и время принятия решений, хотя по-прежнему много времени уходило на всевозможные согласования. Особенно характерно это было для работы сталинского ГКО, где решения принимались весьма оперативно. Война диктовала свой, гораздо более напряженный темп работы властных структур.

Заметной особенностью в жизни партии в военную пору было усиление контроля и ужесточение ответственности руководящих партийных кадров за порученный им участок работы. Стилем работы высших партийных органов стало непрерывное «подхлестывание» непосредственных исполнителей методами командования, угроз и строжайшего контроля.

В войну весьма распространенной была практика невыполнения, «заволокичивания» решений и указаний партийного центра на местах. Неисполнительность, порождаемая принципом «не спеши выполнять указание, ибо оно будет отменено», была довольно распространена. ЦК резко осудил подобное поведение местного начальства и усилил партийную ответственность. Политбюро жестко спрашивало с секретарей обкомов и крайкомов за просчеты и допущенные недостатки в работе. Те, в свою очередь, строго спрашивали со своих подчиненных — работников горкомов и райкомов. Например, в июле—августе 1942 г., когда немцы подошли к Воронежу, местный обком партии привлек за допущенное паникерство, самовольное оставление своих постов и плохую работу к партийной и уголовной ответственности 29 человек, в том числе 13 секретарей райкомов и горкомов[1].

Характерной особенностью деятельности партии в военные годы была заметная активизация всей системы идеологической работы. Причем упор в партийной пропаганде, как уже говорилось, делался на государственно-патриотическую идеологию. Сталин и его окружение осознали, что партийная, классовая идеология давно исчерпала

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 487. Л. 106.

свой ресурс. Налицо был кризис официальной ленинско-сталинской идеологии. Простым народом она не воспринималась и не воспринимается, а революционных фанатиков уже не стало. Сталинская опора — партийно-государственная номенклатура, будучи исключительно прагматичной, только декларировала большевистские лозунги. Вождь понимал, что без единой государственной идеологии невозможно сплотить народ на войну. Он сделал выбор и заявил о нем в своей речи 3 июля 1941 г. Причем этот выбор был сделан не тогда, когда немцы напали на Советский Союз, а значительно раньше, еще в середине 30-х годов.

Военные поражения Красной Армии тяжело отражались на морально-политическом состоянии личного состава армии и населения страны. Они порождали растерянность людей, подрывали доверие к руководителям государства. Каждый день войны в 1941 г. приносил убедительные доказательства большого обмана, лежавшего в основе советской пропаганды о силе социализма и мощи Красной Армии, ее способности держать советскую границу «на замке», разгромить любого врага «малой кровью» и на «чужой территории». На памяти всех была «дружба» Сталина и Гитлера, скрепленная Пактом о ненападении 1939 г. Речь И. Сталина по радио 3 июля лишь на некоторое время вселила надежду на благополучный исход войны.

В целях мобилизации сил и средств страны на отпор врагу партия в первую очередь приступила к перестройке всей системы идеологической работы. Главной задачей официальной пропаганды стало сплочение фронта и тыла, партии и народа, всех советских людей перед лицом смертельной опасности.

Еще Наполеон заметил, что несколько газет могут сделать в ходе войны куда больше, чем хорошо вооруженная армия. Надо подчеркнуть, что в годы Второй мировой войны все воюющие страны отводили пропаганде огромную роль. Никогда прежде она так глубоко не воздействовала на массовое сознание людей как на фронте, так и в тылу.

За годы Советской власти правящая Коммунистическая партия создала систему тотальной пропаганды. Наряду с репрессивной политикой она составляла основу большевистской власти. Агитпропом на вооружение были взяты все средства духовного воздействия на армию и население — устная агитация, печать, кино, радио, литература и искусство. Полностью сосредоточив в своих руках руководство идеологической работой, ЦК ВКП(б), местные партийные орга-

ны в военные годы сумели мобилизовать и вдохновить на борьбу с врагом большинство советских людей.

Большое внимание уделялось своевременной и целенаправленной информации и контрпропаганде. Уже 24 июня 1941 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) было создано Советское информационное бюро во главе с секретарем ЦК А.С. Щербаковым.

Важным направлением партийной пропаганды в советском тылу стала демонстрация патриотической активности трудящихся, направленной на оказание дополнительной помощи фронту. Поощрялись различные «движения», «инициативы», «почины». Особое предпочтение отдавалось «социалистическому соревнованию» трудящихся, которое было направлено на интенсификацию труда рабочих.

В целом, идеологическая работа партии как на фронте, так и в советском тылу дала свои положительные результаты — в ходе военных действий было достигнуто сплочение фронта и тыла, был востребован, разбужен и использован властями патриотизм нашего народа.

На наш взгляд, главной особенностью эволюции ВКП(б) в военный период было дальнейшее огосударствление партии и изменение политического статуса партийных органов в системе власти и государственного управления. Эта довоенная тенденция, проявившаяся сразу после XVIII съезда партии в 1939 г., в войну усилилась.

Огосударствление партии осуществлялось путем сращивания партийных, государственных и хозяйственных органов и переплетения их функций. Надо признать, что с началом войны в государственной структуре единственными организмами, наделенными властью, достаточной для организации обороны, были партия и армия. Поэтому в начальный период войны, как это бывало и ранее (во время индустриализации и коллективизации), партия взяла на себя непосредственные административные функции.

Ярким свидетельством сращивания деятельности партийных и государственных органов стала практика их совместных постановлений. На высшем уровне постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) подписывались, как правило, одним лицом — И. Сталиным, который в тот период являлся руководителем и государственной, и партийной власти. Причем это были решения Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б), а не наоборот. То есть даже в названии субъекта власти государственный орган стоял на первом месте. Характерный пример тому — директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. Это вело

не только и не столько к дублированию партийных и государственных функций, сколько к фактическому сращиванию их. Вождь это видел и, видимо, уже тогда у него возникла мысль выстроить такую систему управления в государстве, в которой не существовало бы дублирующих и параллельных структур власти. Дублирующей властью в годы войны стала именно партия. Партия, создавшая в 1917 г. советское государство, теперь становилась его жертвой.

Наряду с этим особенность в развитии ВКП(б) заключалась в том, что в ходе войны достиг своей высшей точки противоречивый процесс, с одной стороны, ослабление партийной власти «наверху», с другой стороны, усиление этой власти «внизу», на местах. Это диалектическое противоречие характеризовало суть эволюции сталинской политической системы 40-х годов. Таким образом, в ходе сращивания ветвей власти в Советском Союзе шел процесс отдаления высших партийных структур (Политбюро, ЦК) от руля государственного руководства. В то же время имело место усиление партийной власти и партийного влияния на государственную власть на местном, территориальном уровне.

И в мирное время парткомы концентрировали в своих руках руководство всей жизнью на подведомственной территории. Но в условиях войны произошло заметное усиление роли местных партийных органов в системе власти и государственного управления. Об этом свидетельствуют мемуары бывшего первого секретаря Ярославского, затем Челябинского обкомов партии Н. Патоличева, наркома авиапромышленности А. Шахурина, замнаркома вооружений В. Новикова[1]. С началом войны партийная жизнь в провинции не только не замерла, а напротив, активизировалась. В отличие от ЦК партии в республиках, краях и областях достаточно регулярно проводились пленумы, конференции, собрания партийно-хозяйственного актива, действовали партийные комитеты, бюро и первичные организации. С объявлением войны центр передал на места еще большие властные функции и полномочия. Это произошло потому, что в огромной стране в условиях войны Москва не могла одинаково эффективно управлять, надежно контролируя все регионы.

---

[1] *Патоличев Н.С.* Испытание на зрелость. М., 1977; *Шахурин А.И.* Крылья победы. М., 1984; *Новиков В.Н.* «Шефство» Берии // Берия: Конец карьеры. 1991.

Характерной чертой деятельности местных партийных органов было то, что они фактически взяли на себя все функции исполнительной ветви государственной власти. В составе краевых и областных комитетов партии были созданы производственно-отраслевые отделы, учреждены должности секретарей парткомов, курировавших отдельные отрасли экономики. Первые секретари партийных органов действовали, кроме того, в качестве уполномоченных ГКО, председателей городских комитетов обороны в прифронтовых областях. Изучение руководящих документов военной поры показывает, что И. Сталин, как председатель Государственного Комитета Обороны, руководил страной в первую очередь через ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы ВКП(б), через первых лиц, возглавлявших эти органы.

Таким образом, в годы войны 1941—1945 гг. ВКП(б) вынуждена была уступить свои властные позиции государственным органам. Политбюро ЦК превратилось, по сути, в высшую совещательную инстанцию при главе государства и партии — И. Сталине. Секретариат и Оргбюро ЦК, как и, в целом, аппарат Центрального Комитета партии, активно работали, концентрируя свое внимание, главным образом, кроме внутрипартийной работы, на пропаганде, кадрах и контроле. Налицо была тенденция огосударствления, милитаризации и сверхцентрализации партийной работы, а также применения чрезвычайных форм и методов партийного руководства.

Опыт войны наглядно свидетельствовал, что для эффективного государственного управления необходима не столько «воюющая» партия, сколько сильная государственная власть — централизованная и оптимально сбалансированная, с надежно работающими структурами в политической, экономической, духовной и других областях. Более того, стало очевидным, что большевистская партия исчерпала свой политический ресурс, превратившись, говоря словами классика, «в пятое колесо» механизма государственного управления. Как последовательный государственник, И. Сталин не мог не видеть этого.

Логика политической деятельности И. Сталина показывает, что в годы войны и после нее вождь проводил политику постепенного выжимания партии с политической арены, вытеснения ее из системы государственной власти как политического института, который уже сыграл свою историческую роль, превратившись в малоэффективную дублирующую структуру. В этом заключался прагматизм

Сталина как политика. Но этому упорно и молчаливо противилось его партийное окружение — Политбюро и номенклатурный партаппарат. В марте 1953 г. аппарат победил.

Как особенность и тенденцию развития ВКП(б) в военные годы можно назвать и то, что политика, задачи и основные направления ее деятельности в 1941—1945 гг. формулировались и утверждались не на партийных съездах, конференциях и пленумах, как было положено по уставу и делалось до войны, а в закрытых постановлениях Политбюро, Секретариата и Оргбюро ЦК ВКП(б), в директивах, речах и докладах первого лица партии и государства.

Особенным в войну был и стиль партийного руководства, поскольку военные условия накладывали свой отпечаток на управленческие отношения и процессы. Изучение вопроса показывает, что чертами партийного руководства в 1941—1945 гг. были такие, как:

во-первых, чрезвычайность и милитаризация управления партийными органами, а через них — советскими и хозяйственными;

во-вторых, сверхцентрализация, администрирование и жесткость партийного руководства;

в-третьих, разноплановость, многообъектность и комплексность партийного управления;

в-четвертых, бюрократизация управляющей партийной системы;

в-пятых, усиление партийного контроля и ответственности партийных функционеров.

Особенности развития и функционирования ВКП(б) в военные годы показывают, что партия, слившись с Государственным Комитетом Обороны, возглавила борьбу нашего народа против гитлеровской Германии. В то же время эти особенности свидетельствовали, что она медленно, но неуклонно превращалась в государственную структуру.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны правящая Коммунистическая партия сумела перестроить и организовать свою работу в соответствии с экстремальными условиями военного времени. Война наложила большой отпечаток на партийное строительство и развитие партии, изменив ее количественно и качественно. В военное время партия по решению вождя заняла свое новое место в системе власти и государственного управления, отойдя от прямого руководства страной и передав бразды правления Государственному Комитету Обороны.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫСШИХ ОРГАНОВ ПАРТИИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

В современной историографии не сложилось единого мнения о порядке, содержании, интенсивности и направлениях работы высших органов партийной власти — Политбюро, Секретариата и Оргбюро в военное время. Одни авторы говорят об активизации в их деятельности, другие, наоборот, о спаде их работы. Военный историк Ю. Горьков приводит такие данные: «В период Великой Отечественной войны ЦК партии и его органы — Политбюро, Оргбюро, Секретариат — решали важнейшие вопросы руководства страны и ведения войны. За время войны было проведено более 200 заседаний Политбюро, Оргбюро и Секретариата»[1]. По сравнению с почти 10 тыс. постановлений и распоряжений Государственного Комитета Обороны это совсем немного.

Порядок работы этих органов был своеобразным — на практике сложилось так, что большая часть протоколов заседаний Политбюро, Секретариата и Оргбюро оформлялись задним числом после встреч у Сталина, иногда за обедом или ужином при ограниченном круге членов Политбюро, секретарей ЦК и приглашенных лиц. Официальных заседаний Политбюро по четвергам каждой недели с 11.00 до 14.00, как это было до войны, не проводилось. Принципиальные решения, принятые узким составом лиц, приближенных к вождю, оформлялись как протоколы заседаний Политбюро, Секретариата или Оргбюро. Каким протоколом оформлять, указывал Поскребышеву Сталин.

А. Микоян, член Политбюро в годы войны, позднее вспоминал: «И.В. Сталин за время войны не участвовал ни в заседаниях Оргбюро, ни Секретариата. Он редко кого принимал из областей, кроме Багирова (Азербайджан), Юсупова (Таджикистан), Чарквиани (Грузия), Пономаренко (Белоруссия)»[2]. То, что Генеральный секретарь партии не принимал участия в работе Секретариата и Оргбюро, отнюдь не говорит о недооценке им организационно-партийной работы. На наш взгляд, это свидетельствует о чрезвычайной загру-

[1] *Горьков Ю.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 58.
[2] Там же.

женности И. Сталина, замещавшего огромное количество постов. В войну он сконцентрировал все свое внимание на центральном направлении — деятельности ГКО и Ставки. Работой Секретариата и Оргбюро руководил по поручению вождя секретарь ЦК Г. Маленков.

Говоря о работе высшего органа — Политбюро ЦК ВКП(б), необходимо различать в его деятельности два основных этапа: первый, непродолжительный, но политически очень важный — с 22 июня по 2 июля 1941 г., когда Политбюро являлось высшим органом не только партийной, но и государственной власти, второй — с 3 июля 1941 г. и до конца войны. На втором, гораздо более продолжительном этапе войны Политбюро (по решению «узкого круга» Политбюро) передало властные функции новому органу — Государственному Комитету Обороны. До момента образования ГКО Политбюро ЦК обладало неограниченными властными полномочиями в стране и его решения были основополагающими. С начала июля 1941 г. вождь и его ближайшее окружение, передав всю власть Государственному Комитету Обороны и войдя в него, изменили модель и систему власти и государственного управления в СССР. Был серьезно скорректирован и механизм государства. Анализ вопроса показывает, что Политбюро восседало на политическом «олимпе» Советского Союза до момента выступления И. Сталина по радио 3 июля 1941 г., когда вождь публично объявил о передаче всей власти в стране в руки Государственного Комитета Обороны.

Вначале, в первые 10 дней войны Политбюро рассматривало и решало самый широкий круг вопросов — начиная от мобилизации военнообязанных и объявления военного положения в первый день войны до награждений, присвоения высших воинских и различных почетных званий. В этот период практически все важнейшие партийные и государственные дела и кадровые перемещения проходили через Политбюро и решения скреплялись подписью И. Сталина. Значительная их часть имела форму указов Президиума Верховного Совета СССР и постановлений СНК СССР. Большое место в протоколах Политбюро занимало утверждение особо важных решений Оргбюро и Секретариата ЦК.

В этой связи представляется актуальным выяснить, какие вопросы рассматривал этот высший властный орган во главе со Сталиным с 22 июня по 2 июля 1941 г., когда власть находилась в его руках.

Первым решением Политбюро с началом войны было постановление № 95 от 22 июня 1941 г.[1] «О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Киевскому особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северо-Кавказскому и Закавказскому военным округам».

Политбюро постановило — утвердить проект указа Президиума Верховного Совета СССР с аналогичным названием.

Далее, в порядке хронологии в первый день войны Политбюро приняло следующие решения:

Протокол № 96 «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения». Решение — утвердить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР.

№ 97 «О военном положении». Решение — утвердить проект указа Президиума Верховного Совета СССР.

№ 98 «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении и в районах военных действий». Решение — утвердить и оформить Указом Президиума Верховного Совета СССР.

Протокол заседаний Политбюро от 23 июня 1941 г.:

№ 99 «О Ставке Главного Командования вооруженных сил Союза ССР». Решение — утвердить проект постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) (особая папка).

№ 100 «О порядке обеспечения всеми видами довольствия войск НКВД, поступающих в оперативное подчинение командования Красной Армии».

№ 101 «Вопрос НаркомФина СССР».

№ 102 «О проведении выборов в Верховный Совет СССР и Верховный Совет РСФСР по отдельным избирательным округам». Решение — ввиду военного положения отложить проведение выборов в Верховный Совет РСФСР по отдельным избирательным округам.

№ 103—107 — военно-кадровые вопросы.

№ 109 «О работе Гражданского Воздушного Флота в военное время». Решение — особая папка.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 23.

№ 110 «О вводе в действие мобилизационного плана по боеприпасам». Решение — особая папка.

Протокол заседаний Политбюро от 24 июня 1941 г.:

№ 111 «Об увеличении выпуска грузовых автомобилей».

№ 112 «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». Решение — утвердить постановление СНК СССР.

№ 113 «О Советском Информационном Бюро». Решение — утвердить постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

№ 114 «О выделении муки и кукурузы для УССР».

№ 115 «О создании Совета по эвакуации». Решение — особая папка.

№ 119 «О сдаче населением радиоприемных и передающих устройств». Решение — утвердить постановление СНК СССР.

№ 122 «О создании Советского бюро военно-политической пропаганды». Решение — особая папка.

№ 123 Телеграммы тт. Попова, Никишова и Жданова.

№ 125 «О производстве брони и танков «КВ».

№ 127 «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». Решение — утвердить постановление СНК СССР.

№ 129 «О порядке выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». Решение — утвердить проект указа Президиума Верховного Совета СССР.

№ 131 «О Совете по эвакуации». Решение — утвердить проект постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

№ 132 Телеграмма тт. Калнберзина и Лациса.

То есть в первые два дня войны Политбюро работало очень напряженно, рассмотрев и приняв в первоочередном порядке более трех десятков важнейших для страны решений, в том числе формально необходимых при объявлении войны.

В последующие дни этот высший партийный орган рассматривал и утверждал различные государственные документы военно-политического, военно-стратегического и военно-хозяйственного характера. О их направленности документов говорят наименования документов. В подтверждение данного тезиса приведем повестки дня заседаний Политбюро за 27 июня — 2 июля 1941 г.

Протокол от 27 июня 1941 г.:

№ 136 «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества».

№ 142 «Об отборе коммунистов для усиления партийно-политического влияния в полках».

№ 144 «О вывозе из Москвы государственных запасов драгоценных металлов, драгоценных камней, алмазного фонда СССР и ценностей оружейной палаты Кремля».

Протокол от 28 июня 1941 г.:

№ 147 «О местных газетах и журналах».

№ 148 «Об увеличении тиража газеты «Красная Звезда».

№ 150 «Об увеличении тиража газеты «Правда».

Протокол от 29 июня 1941 г.:

№ 151 «Об отборе коммунистов для усиления партийно-политического влияния в полках и дивизиях».

№ 152 «О переводе из Москвы наркоматов и Главных управлений».

№ 153 «Об эвакуации авиазаводов».

Протокол от 30 июня 1941 г.:

№ 154 «О создании при Бюро СНК СССР Комитета по распределению рабочей силы». Решение — создать при Бюро СНК СССР Комитет по распределению рабочей силы (председатель т. Москатов).

№ 155 «Об автотракторном и гужевом транспорте, поставленном для Красной Армии».

№ 156 «О выдаче личному составу Военно-Морского Флота СССР дополнительных видов довольствия».

№ 163 «Об образовании Государственного Комитета Обороны».

№ 164 «Об утверждении мобилизационного народно-хозяйственного плана на III квартал 1941 г.»

Протокол от 1 июля 1941 г.:

№ 169 «Об образовании при СНК СССР Комитета продовольственного и вещевого снабжения Красной Армии» (председатель — т. Микоян).

№ 176 «О сохранении тела В.И. Ленина».

Протокол от 2 июля 1941 г.:

№ 177 «Об установлении на военное время временной надбавки к сельскохозяйственному налогу и подоходному налогу с населения».

№ 187 «О порядке эвакуации семей руководящих партийных, советских работников и семей начальствующего состава Красной Армии, Флота и войск НКВД из прифронтовой полосы».

№ 189 «Об эвакуации рабочих и служащих эвакуированных предприятий».

Формулировки решаемых на Политбюро вопросов свидетельствуют о многогранности и исключительной напряженности работы этого органа в начале войны.

В дальнейшем, в ходе долгих военных лет Политбюро, как показывает анализ источников, занималось, главным образом, тем, что предварительно рассматривало и утверждало проекты постановлений ЦК ВКП(б) и совместных постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б). Периодически члены Политбюро утверждали те или иные решения Секретариата и Оргбюро ЦК партии. Имелись и специальные постановления Политбюро ЦК — те, которые затем не облекались в форму соответствующего решения ЦК ВКП(б) или СНК СССР или их совместного постановления. Но Политбюро никогда предварительно не рассматривало и тем более не утверждало решения Государственного Комитета Обороны. Это было не в его компетенции. Данное обстоятельство еще раз подтверждает тот факт, что на вершине политической власти в стране в военные годы стоял именно Государственный Комитет Обороны. Подчеркнем, что и тем, и другим органом руководил один человек — И. Сталин.

Рассматривая работу Политбюро, следует различать две стороны его деятельности, которые органично переплетались: во-первых, внешняя — по отношению к государству и обществу (военно-организаторская, военно-хозяйственная, кадровая и идеологическая деятельность партии) и, во-вторых, внутрипартийная работа (организационно-партийная и политико-воспитательная).

После появления ГКО и передачи ему всех властных полномочий Политбюро ЦК сконцентрировало свое внимание в большей степени на организационно-партийной работе и стало выполнять собственно партийные функции. Анализ решений Политбюро ЦК ВКП(б) в военное время показывает определенную приоритетность основных направлений работы этого высшего органа партийной власти.

Одним из ведущих направлений работы Политбюро было партийное строительство, и его сердцевина — организационная внутрипартийная работа. В обычных условиях она является основной, базовой

функцией партийных органов. С июля 1941 г. после отхода Политбюро от руля власти эта функция стала ведущей.

В рамках внутрипартийной оргработы особый упор делался, во-первых, на вопросы укрепления партийных рядов и форсированный рост численности партии, во-вторых, на создание и функционирование чрезвычайных партийных органов в стране, в-третьих, на оживление внутрипартийной работы и возобновление проведения пленумов, конференций, отчетов и выборов в парторганизациях, в-четвертых, на совершенствование оргструктуры партийных органов и организаций.

В годы войны, прежде всего в первый ее период (июнь 1941 — ноябрь 1942 гг.) Политбюро ЦК главным образом, было озабочено вопросами укрепления партийных рядов, роста численности парторганизаций. В первую очередь это касалось действующей армии.

Уже на пятый день войны — 27 июня 1941 г.— члены Политбюро приняли постановление № 142 «Об отборе коммунистов для усиления партийно-политического влияния в полках». Ввиду резкого осложнения военно-стратегической обстановки на западных фронтах центр в первую очередь принял меры по организационно-партийному укреплению рядов действующей армии, рассчитывая на то, что это спасет положение. К сожалению, эти экстренные меры не смогли выправить ситуацию.

В постановлении, в частности, говорилось:

« 1. В целях усиления партийно-политического влияния в полках обязать обкомы ВКП(б) отобрать коммунистов и лучших комсомольцев из следующего расчета:

— Московский обком — 10 групп по 500 человек
— Ленинградский — 8 групп — // —
— Горьковский — 3 группы — // —
— Ивановский — 2 группы — // —
— Калининский — 1 группа — // —
— Тульский — 2 группы — // —
— Харьковский — 2 группы — // —
— Киевский — 3 группы — // —
— Ростовский — 2 группы — // —
— Свердловский — 2 группы — // —
— Сталинградский — 1 группа — // —
— Куйбышевский — 1 группа — // —

2. Отбор произвести в трехдневный срок и передать в распоряжение НКО.

3. Обязать НКО провести с отобранными военные сборы, после чего направить в наиболее нуждающиеся дивизии по 500 человек в каждую»[1].

В соответствии с этим постановлением была проведена массовая мобилизация коммунистов и комсомольцев на фронт в качестве политбойцов — рядовых красноармейцев.

29 августа Политбюро вновь обратилось к этой теме, издав постановление № 151 «Об отборе коммунистов для усиления партийно-политического влияния в полках и дивизиях»[2]. Всего за первые полгода войны политбойцами в войска было послано около 60 тыс. коммунистов и 40 тыс. комсомольцев, которые сыграли положительную роль в усилении стойкости и боеспособности подразделений и частей Красной Армии[3].

Одновременно Политбюро обратило свое внимание на необходимость количественного роста рядов партии в действующей армии, рассчитывая путем «большевизации армии» остановить откатывавшиеся на восток войска. 19 августа 1941 г. вышло постановление Политбюро, затем оформленное как постановление ЦК ВКП(б) «О порядке приема в партию особо отличившихся в боях красноармейцев и начальствующего состава Красной Армии». В нем говорилось: «Установить, что красноармейцы и начальствующий состав действующей Красной Армии, особо отличившиеся в боях, показавшие образцы героизма и изъявившие желание вступить в партию, могут представлять рекомендации трех членов партии с годичным партийным стажем, знающих их по совместной работе и менее одного года. В этом случае вступающие в партию представляют боевую характеристику политического руководителя подразделения или комиссара части».

Комментируя этот документ, следует сказать, что, несмотря на огромный приток партийных сил из территориальных парторганизаций, из-за больших боевых потерь партийные организации армии

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 31.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 33.

[3] КПСС в резолюциях и решениях... М., 1985. Т. 7. С. 220.

и флота осенью 1941 г. количественно стали заметно уменьшаться. Пополнение партийных рядов в войсках в определенной мере сдерживалось существовавшими тогда довоенными условиями приема в партию. Принятое постановление облегчило прием в ВКП(б) отличившихся в боях воинов. Но дело заключалось в том, что в первом периоде войны особого наплыва желающих вступить в партию не было. Массово люди стали вступать в партию с начала 1943 г.

В ноябре 1941 г., когда решалась судьба Москвы, Политбюро вновь обратился к вопросу укрепления партийных рядов действующей армии. 10 ноября было утверждено постановление «Об отборе членов ВКП(б) на руководящую политработу в РККА»[1]. Высший партийный орган обязывал обкомы, крайкомы ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик:

«Отобрать и командировать в распоряжение Главного политического управления РККА 2600 членов ВКП(б) на должности политсостава РККА. Отбор произвести из числа руководящих работников партийных, комсомольских, советских, профсоюзных и хозяйственных организаций в возрасте не старше 45 лет, по состоянию здоровья годных к службе в РККА, имеющих опыт партийно-политической работы и прошедших школу военной подготовки. Работу по отбору провести с 15 по 25 ноября 1941 г. Отобранных кандидатов утвердить на бюро обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик и командировать их к 30 ноября 1941 г. на военные курсы в пункты, которые будут указаны Главным политическим управлением РККА».

Политбюро обязало Главное политическое управление РККА провести с отобранными на политработу в армию членами ВКП(б) военную подготовку на курсах в течение 1—2 месяцев.

Надо отметить, что партия уже в начальный период войны направила на руководящую политическую работу в войска 500 секретарей ЦК компартий республик, краевых, областных, городских и районных комитетов, 270 работников аппарата ЦК ВКП(б), около 1300 ответственных работников областного и районного звена, до 2500 слушателей Ленинских курсов, Высшей школы партийных организаторов и Высшей партийной школы.

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 254.

Однако развертывание новых войсковых формирований потребовало крупного пополнения руководящих кадров политработников. В связи с этим Политбюро ЦК по просьбе Главного политического управления Красной Армии приняло приведенное выше постановление. Всего за первые шесть месяцев войны на руководящую политическую работу было направлено около 9 тыс. ответственных партийных работников. Они значительно укрепили войска. Но, как говорится, «в семье не без урода». Постановлением ГКО № 183 от 17 июля 1941 г. за подписью И. Сталина членом военного совета 32 армии Можайской линии обороны был назначен Г. Жиленков — первый секретарь одного из райкомов партии г. Москвы[1]. Сдавшись в плен немцам осенью 1941 г., он впоследствии стал одним из руководителей власовского движения, идеологом Русской Освободительной армии.

9 декабря 1941 г. Политбюро ЦК вновь обратилось к теме приема в партию, приняв постановление «О приеме в члены ВКП(б) кандидатов, отличившихся в боях с немецкими захватчиками», которое разрешало политорганам Красной Армии принимать в члены ВКП(б) отличившихся в боях военнослужащих после 3-месячного кандидатского стажа[2]. Это решение было тесно связано с предыдущим постановлением Политбюро от 19 августа 1941 г. и облегчало фронтовикам — кандидатам в члены ВКП(б) условия поступления в партию. Постановления Политбюро от 19 августа и 9 декабря обеспечили рост армейских и флотских организаций. Новый порядок приема в партию давал возможность партийным организациям армии в какой-то мере восполнять боевые потери.

Летом 1942 г. в войска в массовом количестве стала поступать новая боевая техника, в том числе реактивные минометные установки БМ-8, БМ-13, которые Сталин назвал «гвардейскими», а народ именовал «катюшами». С целью усиления партийного контроля в этих частях 31 июля 1942 г. было принято постановление Политбюро о призыве в гвардейские минометные полки 2 тыс. коммунистов из местных парторганизаций. Оно было оформлено как постановление ЦК и называлось «О наборе членов и кандидатов в члены ВКП(б)

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л.111.

[2] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 276.

в гвардейские минометные части Красной Армии»[1]. Оно обязывало обкомы, крайкомы ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик отобрать для призыва в гвардейские минометные части Красной Армии в качестве рядовых бойцов 2 тыс. человек членов и кандидатов в члены ВКП(б) согласно прилагаемой разверстке.

Центр потребовал произвести отбор из числа коммунистов, подлежащих призыву и имеющих отсрочку от призыва в Красную Армию, по состоянию здоровья годных к службе в РККА. Работу по отбору необходимо было провести до 10 августа 1942 г. Отобранных коммунистов командировали в распоряжение Главного политического управления РККА.

Особое внимание осенью первого года войны Политбюро ЦК уделило такому направлению организационно-партийной работы, как создание и деятельность чрезвычайных органов партийной власти. В экономике они были образованы, прежде всего, на селе и на транспорте.

Потеря хлебопроизводящих районов, мобилизация на фронт из деревни значительной части трудоспособной квалифицированной рабочей силы, резкое ухудшение материально-технического обеспечения колхозов и совхозов поставили наше сельское хозяйство в катастрофическое положение. Несмотря на это, задача снабжения армии и страны продовольствием и сельскохозяйственным сырьем должна была быть решена любой ценой. Политбюро обратилось к уже испытанным средствам решения этой задачи.

Главной мерой в этом отношении явилась создание в машинно-тракторных станциях и в совхозах политотделов. Опыт создания политотделов на селе как чрезвычайных партийно-политических органов был опробован большевиками еще в 30-е годы. В условиях войны соответствующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б) за № 235 вышло 17 ноября 1941 г. и оно называлось «Об организации политотделов в МТС и совхозах»[2]. В нем, в частности, говорилось:

«Учитывая серьезные задачи, стоящие перед МТС и совхозами в деле обеспечения современного выполнения планов сельскохозяйственных работ, а следовательно, обеспечения страны продовольстви-

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 316.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 71—72.

ем и сельскохозяйственным сырьем, что особенно важно в обстановке Отечественной войны с фашизмом, а также учитывая то обстоятельство, что в машинно-тракторные станции и совхозы взамен ушедших в армию приходят новые кадры, требующие серьезной помощи по повышению их квалификации и политическому восприятию, ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Создать в МТС и совхозах Наркомсовхозов, Наркоммясомолпрома и Наркомпищепрома СССР политические отделы.

2. В качестве основной задачи политотделов МТС и совхозов считать повышение политической работы как среди рабочих и служащих МТС и совхозов, так и среди членов колхозов, обслуживаемых МТС, внедрение дисциплины и порядка во всей работе МТС, совхозов и колхозов для обеспечения своевременного выполнения ими планов сельскохозяйственных работ.

3. Начальник политотдела МТС и совхоза одновременно является заместителем директора МТС и совхоза по политработе и по выполнению хозяйственных планов. Начальник политотдела осуществляет полностью руководство партийными и комсомольскими организациями МТС и совхозов и несет ответственность за партийно-политическую работу в МТС или совхозе. Начальник политотдела помогает директору МТС и совхоза во всей его работе и несет наряду с директором МТС и совхоза ответственность за выполнение планов работ МТС и совхоза.

4. Политотделы МТС в районе действия машинно-тракторных станций оказывают повседневную помощь колхозным партийным и комсомольским организациям, инструктируют их, проверяют их работу, проводя эту свою деятельность в контексте с райкомом партии.

5. Начальники политотдела МТС и совхозов подчиняются непосредственно политсектору МТС краевого (областного) земельного отдела наркомземов республик и совхозных трестов и несут ответственность перед ними в своей работе. Вместе с тем они увязывают свою работу с райкомами партии путем периодической информации райкома о работе политотдела.

Начальники политотделов МТС и совхозов назначаются и смещаются Центральным Комитетом ВКП(б) по представлению первых секретарей крайкомов, обкомов, ЦК компартий союзных республик и начальников политуправлений соответствующих наркоматов».

Из этого следовало, что на селе воцарилось партийное двоевластие — функционировали и райкомы партии, и политотделы. Причем полномочия и функции их не были четко разделены и регламентированы, что создавало почву для будущей конкурентной борьбы.

Во второй половине 1942 г., когда шли ожесточенные бои на Волге, Северном Кавказе и фронт требовал все новых и новых материально-технических и продовольственных ресурсов, Политбюро ЦК рассмотрело вопросы улучшения организаторской работы партийных комитетов и политотделов в советском тылу, в том числе в сельском хозяйстве.

Так, 28 июня 1942 г. Политическим бюро было принято и разослано от имени ЦК секретарям райкомов партии, начальникам политотделов МТС и совхозов и редакторам краевых, областных и районных газет специальное письмо об улучшении организации уборки урожая 1942 г.[1] ЦК ВКП(б) потребовал от райкомов партии, политотделов МТС и совхозов:

«1) Сосредоточить на ближайшее время всю работу сельских партийных и комсомольских организаций на деле своевременной уборки урожая и ликвидации потерь хлеба и других сельскохозяйственных продуктов.

2) Помочь колхозам и совхозам организовать строгий учет и охрану хлеба, особенно на открытых токах в полях. Привлечь к охране хлеба молодежь, организуя комсомольские посты по охране урожая. Хлеб из-под молотилок и хлеб, сдаваемый на заготовительные пункты или склады колхозов и совхозов, должен быть взвешен. Председатели колхозов, директора совхозов и работники политотделов обязаны постоянно проверять правильность взвешивания, выписки документов и не допускать бесконтрольного хранения зерна где бы то ни было. Всякий случай хищения, потравы и порчи урожая должен строго расследоваться, а виновные должны привлекаться к ответственности по суду.

3) Работникам райкомов партии и политотделов необходимо лично проверять убираемые поля в колхозах и совхозах и при обнаружении плохой уборки немедленно принимать меры к исправлению замеченных недостатков»...

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 312—315.

То есть, применялись жестокие меры властей по изъятию и перераспределению продуктов питания у производителей — крестьян. Хлеб под предлогом военной необходимости до последнего зернышка изымался у крестьян. При этом местные партийно-политические органы выполняли роль своеобразного «кнута», заставляя полуголодных людей интенсивнее работать и сдавать все собранное зерно государству.

Осенью 1942 г. Политбюро ЦК обратило особое внимание на работу политотделов железных дорог. В годы войны железнодорожный транспорт как основное средство связи между фронтом и тылом, а также между отдельными экономическими районами страны приобрел военно-стратегическое значение. От его четкой и бесперебойной работы зависело снабжение фронта. В 1942 г. железнодорожный транспорт, возглавляемый членом Политбюро Л. Кагановичем, не справлялся с поставленными задачами. Одной из причин этого являлась плохая работа политотделов железных дорог, призванных обеспечивать организованность и дисциплину труда железнодорожников.

Проверив деятельность политотделов двух крупных железных дорог — имени Куйбышева и Южно-Уральской, Политбюро 1 ноября 1942 г. приняло постановление «О работе политотделов железных дорог имени Куйбышева и Южно-Уральской»[1], оформив его как постановление ЦК ВКП(б). Деятельность указанных политорганов была подвергнута жесткой критике.

Союзный ЦК установил наличие крупных недостатков в партийно-политической работе на транспорте. «Политотделы дорог и отделений забросили и не ведут партийно-политической работы, а большую часть своего времени затрачивают на хозяйственные и административные вопросы, часто без всякой необходимости занимаясь ими параллельно с начальниками дорог, отделений, начальниками депо, станций. Политотделы подменяют партийно-политическую работу хозяйственно-административной, вследствие этого работа партийных организаций на дорогах крайне слаба, коммунисты не организованы и часто не только не являются образцом дисциплинированности, но сами первые нарушают дисциплину на железных дорогах.

[1] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 341—344.

...Политотделы дорог и отделений работают канцелярско-бюрократическими методами. Вместо того, чтобы работникам политотделов постоянно бывать на станциях, узлах, в депо, в путейских дистанциях, особенно, на самых трудных из них, быть всегда первыми для оказания помощи на зашивающихся станциях, в плохо работающих депо, работники политотделов отсиживаются в канцеляриях и на всякого рода совещаниях».

ЦК ВКП(б) постановил:

«Обязать начальников политотделов дорог имени Куйбышева т. Губарева, Южно-Уральской т. Ястребова и Политуправления НКПС покончить с перечисленными выше недостатками в работе политотделов дорог и отделений и перестроить всю работу политотделов в соответствии с решениями ЦК ВКП(б) о задачах и работе политотделов».

Политотделы на селе и транспорте просуществовали полтора года войны. 31 мая 1943 г. Политбюро ЦК утвердило два постановления, на основании которых в народном хозяйстве чрезвычайные партийные органы власти были упразднены: «О ликвидации политотделов в МТС и совхозах» и «О ликвидации политотделов на железнодорожном, морском и речном транспорте»[1].

Образованные осенью 1941 г. политотделы МТС, совхозов, речного, морского и железнодорожного транспорта сыграли свою роль в перестройке народного хозяйства на военный лад. Партийным «кнутом» они подгоняли хозяйственных руководителей, которые, в свою очередь, заставляли работать подчиненных. С их помощью на транспорте и селе выдвинулись и приобрели опыт новые кадры хозяйственников и партийных организаторов. В этих условиях дальнейшее существование политотделов было признано нецелесообразным. Непосредственной причиной ликвидации политотделов была необходимость устранения партийного двоевластия. В условиях, когда партийно-политические функции не были четко разделены, политотделы и местные партийные органы постоянно соперничали друг с другом. Чтобы пресечь это ненормальное явление, Политбюро упразднило политотделы, вновь передав всю власть райкомам.

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 412—417.

В первом принятом постановлении откровенно говорилось:

«ЦК ВКП(б) считает, что в настоящее время наличие политотделов приводит к серьезным недостаткам в руководстве МТС и совхозами. Главный из этих недостатков заключается в том, что политотделы дублируют работу директоров МТС и совхозов и тем самым снижают их ответственность за состояние дел в МТС и совхозах. С другой стороны, политотделы, занимаясь параллельно с директорами МТС и совхозов хозяйственными и административными делами, совершенно неудовлетворительно ведут политическую работу среди колхозников и рабочих совхозов и особенно плохо используют такой важнейший рычаг массовой работы, каким являются газеты. Райкомы же, обкомы, крайкомы и ЦК компартий союзных республик, полагаясь на политотделы и передоверив им работу в МТС и совхозах, сами по-настоящему не вникают в нужды МТС и совхозов, своевременно не оказывают им необходимой помощи и мало уделяют внимания партийно-политической работе в колхозах, МТС и совхозах.

В целях повышения ответственности директоров МТС и совхозов, а также для решительного улучшения массовой работы в колхозах, МТС и совхозах ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Ликвидировать политотделы в МТС и совхозах Наркомсовхозов, Наркомпищепрома, Наркоммясомолпрома, Наркомвнешторга и возложить ответственность за состояние дел в МТС и совхозах целиком на директоров МТС и совхозов.

2. В связи с ликвидацией политотделов МТС и совхозов упразднить:

а) политуправления Наркомзема, Наркомсовхозов, Наркомпищепрома, Наркоммясомолпрома СССР и политуправления наркоматов союзных республик;

б) политсектора областных (краевых) земельных отделов, наркоземов автономных республик и совхозных трестов.

3. Обязать райкомы, обкомы, крайкомы ЦК компартий союзных республик усилить руководство работой МТС и совхозов, оказывать директорам МТС и совхозов повседневную практическую помощь...

4. Обязать Наркомзем, Наркомсовхозов, Наркоммясомолпром, Наркомпищепром и Наркомвнешторг выдать двухмесячную зарплату каждому из работников политотделов, политсекторов и полит-

управлений, мобилизуемых в Красную Армию, и месячную зарплату работникам, не мобилизуемым в армию».

Упразднив политотделы, ЦК возложил полную ответственность за организационно-партийную и массово-политическую работу в деревне на местные партийные органы. Одновременно были ликвидированы созданные до войны политотделы на транспорте.

Через несколько месяцев Политбюро упраздняет институт отраслевых секретарей в промышленности. В августе 1943 г. Политбюро утверждает решение ЦК ВКП(б) «Об организационном упорядочении работы горкомов, обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик», на основании которого был ликвидирован созданный в 1939 г. институт отраслевых секретарей. Он тоже сыграл свою мобилизующую и подстегивающую роль. Теперь в партийных комитетах учреждались заместители секретарей, которые руководили соответствующими отраслевыми отделами. Принимая решение об изменении структуры партийных органов, ЦК подчеркивал, что теперь главное в их деятельности — не непосредственное решение административных и хозяйственных вопросов, а проведение в жизнь директив партии и правительства путем улучшения партийной работы[1]. Но сложность заключалась в том, что большинство руководящих кадров в советском тылу смутно представляло себе сущность и особенности партийной работы.

Жизнь показала паллиативность решений XVIII партконференции ВКП(б) 1941 г. С одной стороны, усиление партийного руководства экономикой путем ее «подстегивания» сыграло немалую роль в том, что наше народное хозяйство преодолело трудности военной перестройки, увеличило производство военной продукции до необходимого минимума. С другой стороны, параллельное существование рядом с наркоматами и местными органами власти чрезвычайных партийных структур, занимавшихся управлением экономикой, не избавляло от ошибок. Более того, политотделы на селе и транспорте, парторги ЦК на производстве часто вмешивались в производственный процесс, руководствуясь административными, а не экономическими рассчетами, командовали, не просчитывая конечный результат. Таким путем в войну обретала новое дыхание административно-командная система.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп 1. Д. 1041. Л. 103.

Итак, власть в итоге отказалась в своей партийной работе от практики «чрезвычайщины» и вернулась к опробованным до войны методам партийного руководства. Самый трудный отрезок войны был позади. Оправдало ли себя создание политотделов? Трудно оценить однозначно деятельность политотделов по перестройке экономики страны. Безусловно, они сыграли свою положительную стимулирующую роль в управлении транспортом и сельским хозяйством. Но партийное двоевластие, довольно частые некомпетентные приказные хозяйственные решения негативно сказывались на работе народного хозяйства.

Важным направлением организационно-партийной деятельности Политбюро в военное время была внутрипартийная работа — проведение партийных пленумов и конференций, отчетов и выборов партийных органов. Устав партии и нормы внутрипартийной демократии требовали их регулярного проведения, но условия войны вносили свои коррективы.

Характерным для партийной работы военного периода было то, что требования и задачи по руководству партией и страной ставились перед партийными организациями теперь не на партийных съездах и пленумах, как это требовалось уставом ВКП(б), а в постановлениях Политбюро, Секретариата и Оргбюро ЦК партии, носивших закрытый характер. Дело усугублялось тем, что в военное время пленумы, а тем более съезды вообще не проводились. Сталин считал, что в войну этими формальными процедурами можно пренебречь. Партийная коллегиальность, допустимая и терпимая в мирное время, в войну ему просто мешала.

За годы войны состоялся всего один пленум ЦК ВКП(б). Но он прошел уже на завершающем этапе войны и не решал принципиально важных для страны вопросов. Характерно, что при Ленине в годы Гражданской войны пленумы ЦК и съезды партии собирались регулярно, и именно они решали все важнейшие вопросы военной политики.

Попытка созвать пленум ЦК делалась в начале Великой Отечественной войны. Большинство партийных функционеров высказывало пожелание собраться на пленум в Москве, чтобы в новых военных условиях коллективно обсудить создавшееся положение и услышать руководящие установки своего вождя. Прошло три с лишним месяца тяжелейшей войны и Сталин как Генеральный секретарь партии

согласился назначить на 10 октября 1941 г. пленум ЦК ВКП(б), чтобы в кругу партийной элиты страны обсудить сложившуюся военную ситуацию.

2 октября 1941 г. с санкции И. Сталина было принято решение Политбюро о созыве Пленума ЦК. Предполагалось рассмотреть военное положение страны, вопросы партийной и государственной работы в условиях войны и сформулировать задачи, вытекающие из текущего момента. Со всех концов страны, даже с фронта, в Москву прибыли члены Центрального Комитета. Однако через неделю по настоянию И. Сталина пленум отменили.

Что же произошло после 2 октября 1941 г.? Произошло то, что немцы в очередной раз прорвали наш Западный фронт и вышли на ближние подступы к столице, охватив ее гигантскими «клещами» и создав непосредственную угрозу городу. 10 октября командовать Западным фронтом был назначен Г. Жуков — последняя надежда Сталина. Отказ от проведения пленума в тот момент, когда разрабатывались планы ведения боевых действий в самой Москве, можно понять и оправдать. Пленум был отменен специальным решением Политбюро, «ввиду создавшегося тревожного положения на фронтах и нецелесообразности отвлечения с фронтов руководящих товарищей».

Существует мнение, что октябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1941 г. все-таки состоялся. Но в его работе, ввиду чрезвычайности ситуации, сложившейся под Москвой, И. Сталин не принимал участия, хотя членам ЦК очень хотелось, чтобы он выступил перед ними с докладом о создавшемся положении. Ближайшие соратники, как пишет Ю. Горьков[1], тоже просили его об этом, но он поручил выступить Г.М. Маленкову, Н.А. Булганину и Л.П. Берии. Бывший член Политбюро и ГКО А.И. Микоян в своих воспоминаниях по этому поводу сообщал: «Пленум ЦК до войны собирался регулярно. Надо было собрать пленум ЦК, как подсказывали соратники Сталина в сентябре — октябре 1941 г. Собрали членов ЦК на пленум, но И.В. Сталин сказал «я не буду» и предложил Берии, Булганину и Маленкову проинформировать о военном положении и отпустить по домам. Мы возражали, но он настоял на своем, а Маленков и Берия выполнили его поручения».

---

[1] *Горьков Ю.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 57

После пленума член ЦК А. Багиров обратился к А. Микояну с вопросом, почему Сталин не поговорил с членами ЦК. Анастас Иванович, пытаясь его успокоить, сказал: «Возможно, будет другой случай и соберут пленум».

Изучение вопроса показывает, что в октябре 1941 г. пленума ЦК партии, как такового, не было. Отсутствуют какие-либо документы, которые подтвердили бы факт работы пленума. В лучшем случае это мероприятие можно квалифицировать как собрание партийного актива. Причина отмены пленума очевидна — вождю, как и 22 июня, нечего было сказать собравшимся. Со своей стороны И. Сталин считал, что когда враг стоит у ворот столицы и судьба страны висит на волоске, надо не совещаться, не рассуждать, а действовать. В данном случае вольно или невольно он был солидарен с адмиралом А. Колчаком, который еще в годы Гражданской войны любил говорить: «Я не верю в съезды и совещания, я верю в снаряды и пушки».

Факты свидетельствуют, что 14 октября 1941 г. Сталин все-таки собрал в Кремле первых секретарей обкомов и горкомов партии и выступил перед ними. Но это были партийные руководители пограничных с Москвой восточных областей, причем многие из них не были членами ЦК. Обратимся к воспоминаниям Н.С. Патоличева, тогда первому секретарю Ярославского обкома партии: «Утро 14 октября 1941 года. Звонок из Москвы. Первому секретарю областного комитета необходимо вместе с секретарями Ярославского горкома, Рыбинского горкома и Костромского горкома явиться к вечеру того же дня в Центральный Комитет. Быстро собрались и к вечеру были в Москве. Как потом выяснилось, на это же время в Центральный Комитет были приглашены: Пальцев — первый секретарь Ивановского обкома партии, Родионов — первый секретарь Горьковского обкома, также с группой секретарей городских комитетов.

Известно, сколь тревожно было положение в те дни. Враг рвался к Москве. А Ярославская, Ивановская и Горьковская области непосредственно примыкали к столичной. Когда мы собрались в Центральном Комитете, нам сказали, что нас приглашает в Кремль товарищ Сталин. Это было между 10 и 11 часами вечера. Мы вошли в кабинет Сталина... И.В. Сталин с каждым из нас поздоровался за руку и тут же подозвал всех к столу. На большом столе его рабочего кабинета лежала карта. Сталин подробно разъяснил, что это схема оборонительных рубежей. Они проходили вокруг Углича, Рыбинска, Яро-

славля, Костромы, городов Ивановской и Горьковской областей»[1]. То есть, вождю в октябре 1941 г. было не до пленумов. Он вызывал в Кремль необходимых ему первых секретарей партийных комитетов и ставил перед ними боевые задачи.

Но пленумы ЦК не проводились и позже, за исключением единственного — 27 января 1944 г., хотя по уставу полагалось «не менее одного заседания в 4 месяца». На январском (1944 г.) пленуме ЦК ВКП(б), который объявили «очередным», были одобрены проекты законов о расширении прав союзных республик в области внешних сношений и создании национальных воинских формирований; вместо «Интернационала» был утвержден новый государственный гимн СССР «Союз нерушимый республик свободных», одобрено постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 февраля 1942 г. об исключении маршала Г.И. Кулика из членов ЦК партии и снятии его с поста заместителя Наркома обороны СССР; Н.М. Шверник был утвержден первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Стенограмма пленума не велась. Краткое сообщение о нем было опубликовано в газете «Правда» за 28 января 1944 г.[2]. На пленуме ЦК решались вопросы второстепенного государственного значения. Это еще раз свидетельствовало о падении роли партии в системе государственного руководства и управления.

Между тем внутрипартийная жизнь местных партийных органов и организацией в войну продолжалась. После паузы 1941—1942 гг. партийная работа на местах активизировалась. Парткомы как бы очнулись ото сна. Большое значение в деле активизации проведения отчетно-выборных кампаний имело одно решение Политбюро. Как только окончательно стабилизировался фронт, 14 января 1943 г. Политбюро санкционировало постановление ЦК «Об отчетах и выборах партийных органов в первичных парторганизациях»[3]. В нем отмечалось: «В связи с запросами местных парторганизаций ЦК ВКП(б) разъясняет, что отчеты и выборы партийных органов в первичных парторганизациях следует проводить в каждом отдельном случае с разрешения райкома, горкома партии в соответствии

---

[1] *Патоличев Н.С.* Испытание на зрелость. С. 126—127.

[2] КПСС в резолюциях и решениях... М., 1985. Т. 7. С. 490.

[3] Там же. С. 354.

со сроками, предусмотренными Уставом ВКП(б)»[1]. ЦК потребовал проводить отчеты и выборы в соответствии со сроками, предусмотренными Уставом ВКП(б).

Однако, как показывает опыт, далеко не везде в 1943 г. демократические нормы партийной жизни легализовались. Райкомы и горкомы партии в целях обеспечения спокойствия и кадровой стабильности на местах не санкционировали проведение отчетов и выборов в первичных парторганизациях. Текучка и исполнительная деятельность парткомов отодвигали на задний план демократические партийные процедуры.

И тем не менее меры, принятые ЦК, способствовали повышению уровня работы местных партийных органов и организаций. В регионах стали чаще созываться пленумы, конференции, собрания партийного актива. «После решения ЦК... — сообщал в докладной записке в Москву Новосибирский обком,— более регулярно стали проводиться пленумы обкома, горкомов, райкомов, собрания городских и районных партактивов. Райкомы стали больше заниматься первичными парторганизациями, конкретнее руководить внутрипартийной работой»[2].

Статистика подтверждает данную мысль. Если во втором полугодии 1941 г. состоялось 78 пленумов ЦК компартий союзных республик, краевых и областных комитетов, то в 1942 г.— 181; в 1943 г. было проведено 195 пленумов, а в 1944 г.— 264. Налицо была тенденция — чем лучше шли у нас дела на фронте, тем активнее была партийная жизнь.

Активизировалась жизнь в первичных партийных организациях. Это было особенно важно, ибо внутрипартийная работа во многих из них оказалась ослабленной, отчеты и выборы в установленные сроки в «первичках» не проводились. Тыловые первичные организации были обескровлены. И тем не менее Оргинструкторский отдел ЦК в начале 1943 г. отмечал: «Никаких оснований не проводить отчеты и выборы в первичных парторганизациях в соответствии с Уставом нет...

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 354.

[2] История Коммунистической партии Советского Союза: Т. 5. Кн. 1.- С. 367.

Обновление партбюро за счет отличившихся во время войны положительно скажется на партийной работе»[1].

Весной 1943 г. Политбюро ЦК в рамках своей организационно-партийной работы обратилось к вопросам структурного развития парторганизаций в армии, утвердив 24 мая постановление ЦК «О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет»[2].

К этому моменту в военных парторганизациях произошли перемены: во-первых, был отменен институт замполитов рот, во-вторых, несмотря на боевые потери, выросла численность первичных парторганизаций. Жизнь требовала дальнейшего совершенствования их организационной структуры. В этой связи ЦК ВКП(б) постановил:

«1. Во изменение существующей структуры армейских партийных организаций установить в стрелковых частях Красной Армии следующую структуру партийных организаций: в стрелковом полку — партийное бюро полка во главе с парторгом; в батальоне — первичная партийная организация батальона во главе с парторгом; в роте — ротная партийная организация во главе с парторгом...

3. Установить, что парторг роты назначается парторгом полка, парторг батальона назначается начальником политотдела дивизии, парторг полка подбирается начальником политотдела и утверждается начальником политотдела армии...

Комсомольские организации в Красной Армии построить в соответствии со структурой партийных организаций».

Усиливалась тенденция администрирования в партии, которая проявлялась в «назначенчестве» парторгов, а не в их выборности.

После образования ГКО организационно-партийная работа Политбюро стала центральным направлением деятельности этого высшего партийного органа. Используя различные формы и методы, Политбюро в непростых военных условиях целенаправленно управляло партийным строительством, количественно-качественным составом и структурным развитием партии. Изучение деятельности

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза: Т. 5. Кн. 1. С. 367.

[2] Там же. С. 410—411.

Политбюро показывает, что и после создания высшего органа государственной власти — ГКО, Политбюро ЦК продолжало играть заметную роль в политической жизни страны. Это неудивительно: в ГКО вместе с И. Сталиным находился весь «узкий состав» Политбюро. Одни и те же лица решали в ГКО и в Политбюро проблемы государственной важности, и затем вождь в зависимости от характера вопроса указывал Поскребышеву или Чадаеву, как оформить данное решение — постановлением ГКО, Политбюро, Центрального Комитета или Совнаркома СССР. Все зависело от характера документа.

Особый интерес в рамках рассматриваемой темы вызывает деятельность в военное время других высших постоянно действовавших органов партии — Секретариата и Организационного бюро, имевших свой исполнительный аппарат. Разграничить их компетенцию можно весьма условно. Персональный состав их, как уже отмечалось, в значительной мере совпадал. Отдельные решения по специальным вопросам оформлялись протоколами обоих органов. Изучение вопроса показывает, что с началом войны заседания Секретариата и Оргбюро собирались крайне нерегулярно. Постановления принимались в основном путем опроса членов Секретариата и Оргбюро.

Секретариат ЦК ВКП(б) принимал постановления почти ежедневно по чрезвычайно широкому кругу вопросов, прежде всего кадровых. Этот орган формировал и расставлял «номенклатуру» — правящий класс советского общества. Наряду с этим решения Секретариата касались промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения, высшей и средней школы, социальных вопросов, литературы и искусства, отношений с церковью. По представлению местных партийных органов Секретариат решал вопросы, относящиеся к компетенции Президиумов Верховных Советов СССР и РСФСР,— утверждал административно-территориальные изменения, перенос сроков выборов. Рассматривались и некоторые идеологические вопросы.

В Секретариат поступали письма, жалобы и предложения от населения, в которых сообщалось о проблемах и недостатках в работе партийных и советских органов на местах, о тяжелой жизни и быте трудящихся, о положении раненых в госпиталях, инвалидов войны, семей фронтовиков, воспитанников детских домов. Приходила информация о злоупотреблениях, чинимых отдельными руководителями на местах.

На подобные сигналы Секретариат, как правило, оперативно реагировал. В серьезных случаях организовывались проверки, создавались комиссии ЦК, которые выезжали на места. Но чаще всего местным партийным органам поручалось самим разобраться в ситуации, исправить ее и наказать виновных. В отдельных резонансных случаях принимались развернутые решения комиссии ЦК с анализом ситуации и строгими санкциями к виновным. Как правило, по итогам работы выездной группы ЦК выходило соответствующее постановление ЦК ВКП(б). Реакция центра была жесткой и неотвратимой. Это была положительная черта организационно-партийной работы ЦК.

Оргбюро в годы войны, прежде всего, заслушивало отчеты местных комитетов партии с привлечением широкого круга лиц, которых касались обсуждавшиеся вопросы,— ответственных работников аппарата ЦК, местных партийных органов, различных наркоматов и ведомств. Но прежде чем заслушать отчет первого секретаря того или иного обкома партии в Москве, в регион посылалась группа ответственных партийных работников из ЦК ВКП(б) для работы и изучения вопроса на месте — проверочная комиссия ЦК.

Секретариат и Оргбюро ЦК были исполнительными, постоянно работающими органами партии. Известно, что И. Сталин, как Генеральный секретарь ЦК, в годы войны не присутствовал на их заседаниях. У вождя была масса других забот. Секретариатом и Оргбюро ЦК непосредственно руководил Г. Маленков — доверенное лицо И. Сталина в партии.

Функции аппарата Секретариата ЦК выполнял Организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б), руководителем которого был М. Шемберг. Этот отдел существовал до войны, в ее начале, но в сентябре 1943 г. ЦК ВКП(б) своим специальным постановлением реорганизовал работу и структуру Оргинструкторского отдела ЦК партии[1].

Задачами отдела теперь являлись:

«1. Организационно-инструкторский отдел, являясь аппаратом Секретариата ЦК ВКП(б), систематически проверяет исполнение местными парторганизациями директив ЦК ВКП(б). С этой целью

[1] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 475—476.

отдел проводит по поручению Секретариата ЦК ВКП(б) обследование местных парторганизаций. Отдел контролирует своевременность принятия мер местными парторганизациями по исполнению директив ЦК ВКП(б) и вносит на рассмотрение Секретариата ЦК ВКП(б) предложения, вытекающие из результатов проверки исполнения директив ЦК ВКП(б).

2. Организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б) повседневно наблюдает за практикой руководства обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, своевременно реагирует на недостатки в их работе, внося соответствующие предложения на рассмотрение Секретариата ЦК ВКП(б). Отдел инструктирует местные парторганы по вопросам организационно-партийной работы.

3. Организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б) систематически информирует Секретариат ЦК ВКП(б) о важнейших фактах из жизни местных парторганизаций, в особенности о фактах, требующих вмешательства ЦК ВКП(б). Отдел обеспечивает своевременное получение протоколов и других информационных материалов обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, разрабатывает эти информационные материалы, обобщает опыт работы местных парторганизаций, подготовляет к рассмотрению в ЦК ВКП(б) проекты решений по вопросам организационно-партийного строительства».

Структура отдела:

«Организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б) в своем составе имеет:

а) ответственных организаторов — на каждую область, край, республику по одному ответственному организатору для обеспечения своевременной организационной помощи областным, краевым и республиканским парторганизациям и своевременного реагирования на недостатки в их работе;

б) сектор информации;

в) сектор учета состава ВКП(б) и партийной статистики;

г) сектор единого партбилета».

Отмечая многообъектность и разноплановость работы Секретариата и Оргбюро в военные годы, следует отметить в их деятельности три наиболее приоритетных направления: контроль работы и заслушивание отчетов местных партийных комитетов; вопросы внутрипартийной работы и партийной дисциплины; реакция на жалобы насе-

ления, решение социально-бытовых проблем, особенно среди эвакуированного населения. В ходе войны одним из главных направлений деятельности этих органов ЦК стала проверка работы местных партийных организаций.

Первое постановление Секретариата ЦК, касавшееся деятельности местной партийной организации, вышло 17 сентября 1941 г. и называлось «О фактах плохой организации торговли продовольственными товарами на некоторых фабриках Ивановской области» (№ 13г)[1]. В документе Ивановский обком партии (первый секретарь Пальцев) был подвергнут жесткой критике.

В нем говорилось: «ЦК ВКП(б) стали известны совершенно нетерпимые факты по Ивановской области, когда рабочие и служащие некоторых фабрик (№ 2 им. Фрунзе, Красный Маяк, Комбинат «Большевик», «Красный Профинтерн») не обеспечивались хлебом в течение суток и более, в то время как на местных складах запасы муки имелись. Особенно нетерпимым был факт на фабрике № 2 им. Фрунзе, где группа рабочих на этой почве отказались приступить к работе. ЦК ВКП(б) считает, что эти факты имели место потому, что руководители Ивановского областного комитета ВКП(б) и райкома, а также директора и секретари парторганизаций фабрик беспечно отнеслись к вопросам торговли продовольственными и промышленными товарами и обеспечения элементарных нужд трудящихся. ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Указать Ивановскому обкому ВКП(б), что он несет прямую ответственность за перечисленные недопустимые факты перебоев в торговле хлебом на некоторых ивановских фабриках... Обязать Ивановский обком немедленно исправить серьезные недостатки в работе торговых организаций.

2. За преступно-беспечное отношение к вопросам снабжения рабочих и служащих хлебом снять с работы первого секретаря Савинского райкома ВКП(б) т. Арахменова и секретаря парторганизации фабрики № 2 т. Судакова.

ЦК ВКП(б) осуждает подобное пренебрежительное отношение к вопросам материально-бытового обслуживания населения и требует, чтобы обкомы, крайкомы и ЦК союзных республик, гор-

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 116. Л. 3.

комы и райкомы партии немедленно исправили недостатки в этом направлении».

Надо отметить, что в первом периоде войны (1941—1942 гг.) в проведении проверок ЦК не существовало какой-то системы. Проверки на местах и заслушивания секретарей территориальных партийных организаций проходили нерегулярно и по каким-то конкретным вопросам. Комплексного подхода к изучению и контролю работы областных комитетов партии еще не практиковалось.

Эффект от работы цековских комиссий (они еще назывались «бригады ЦК»), безусловно, был. Но не всегда. Так, процитированное выше решение ЦК партии по ивановской парторганизации не пошло ей впрок. Буквально через месяц, в октябре 1941 г. по текстильным фабрикам г. Иваново и области прокатилась мощная волна забастовок рабочих и работниц[1]. И это происходило на родине первых Советов.

13 декабря 1941 г. вышло постановление Оргбюро «О плохом руководстве Златоустовского горкома ВКП(б) делом материально-бытового обслуживания трудящихся» (№ 31г)[2]. В нем, в частности, указывалось:

«Проверкой положения дел на заводах г. Златоуста, проведенной на месте т. Шкирятовым, установлены факты позорного поведения бюро Златоустовского горкома ВКП(б) и его первого секретаря Устинова А.И. в отношении к нуждам трудящихся города. Златоустовский горком ВКП(б) при наличии всех возможностей принять и расселить рабочих эвакуированного Тульского завода № 66 ничего не сделал, чтобы создать нормальные бытовые условия и обеспечить общественное питание. В результате многие из приехавших рабочих с жильем не устроены, вынуждены ежедневно ходить пешком по 18 км. В общежитиях рабочие спят на голых нарах, полтора месяца не мылись в бане. Рабочие в заводских столовых тратят на обед 3—4 часа...

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. За плохое руководство и неправильное отношение к нуждам трудящихся бюро Златоустовского горкома ВКП(б) объявить выговор.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 45. Л. 37—48.

[2] Там же. Оп. 119. Д. 116. Л. 11.

2. Первого секретаря Златоустовского горкома ВКП(б) т. Устинова А.И. с работы снять и исключить из рядов ВКП(б), как обюрократившегося и не оправдавшего звания члена партии.

3. Указать бюро Челябинского обкома ВКП(б) на то, что оно прошло мимо фактов плохого руководства Златоустовского горкома партии...

4. Предложить бюро Златоустовского горкома и бюро Челябинского обкома ВКП(б) устранить указанные в постановлении недостатки и о результатах доложить в ЦК ВКП(б).

5. Утвердить т. Смирнова Д.Г. первым секретарем Златоустовского горкома ВКП(б)».

В марте 1942 г. работники Оргинструкторского отдела ЦК проверили деятельность Тамбовского областного комитета ВКП(б). В итоге 17 апреля 1942 г. вышло большое постановление Оргбюро № 320г «О серьезных ошибках Тамбовского областного комитета ВКП(б) по руководству сельским хозяйством»[1].

«ЦК ВКП(б) устанавливает,— говорилось в нем,— что Тамбовский областной комитет ВКП(б) и его первый секретарь т. Логинов допустили серьезные ошибки в руководстве сельским хозяйством области, вследствие чего плохо были проведены работы по уборке урожая 1941 г.: в колхозах и совхозах остались неубранными более 115 тыс. га посевов, до сих пор не обмолочен хлеб с площади 100 тыс. га. Обком ВКП(б) своим плохим руководством провалил выполнение плана хлебозаготовок... ЦК ВКП(б) считает ответственным за указанные выше серьезные недостатки в руководстве сельским хозяйстве первого секретаря Тамбовского областного комитета ВКП(б) т. Логинова.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Указать бюро Тамбовского обкома ВКП(б) на неудовлетворительность его руководства сельским хозяйством области.

2. Строго предупредить первого секретаря Тамбовского обкома ВКП(б) т. Логинова, что если он не исправит своих ошибок в руководстве сельским хозяйством и не устранит недостатков в подготовке к весеннему севу, он будет строго наказан...

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 116. Л. 59.

4. Обязать обком партии каждые 5 дней сообщать в ЦК ВКП(б) как о мерах, так и о их результатах по подготовке и проведению весеннего сева.

5. Командировать в Тамбовскую область для оказания помощи на месте заместителя заведующего сельхозотделом ЦК ВКП(б) т. Грищенко с группой работников сельхозотдела ЦК ВКП(б) и Наркомзема СССР».

В октябре 1942 г. комиссия ЦК работала в Чкаловской (Оренбургской) области. По итогам работы в Оргинструкторский отдел ЦК был направлен отчет — «Справка о работе бригады ЦК ВКП(б) по хлебозаготовкам в Чкаловской области»[1]. В ней, в частности, говорилось: «Бригада ЦК прибыла в Чкаловскую область 21 октября 1942 г. План хлебозаготовок, установленный для Чкаловской области, и его выполнение...» И далее дается полная картина выполнения плана. На момент приезда бригады план хлебосдачи был выполнен лишь на 19%. На момент отъезда — 20 декабря — на 35%. Из 2048 колхозов области выполнили план хлебозаготовок 142 и один район. Интересен анализ причин срыва хлебозаготовок по этой области. Главная, по мнению бригады ЦК,— обком и облисполком недооценили в условиях нынешнего года указания И. Сталина и А. Андреева, касавшиеся уборки урожая в 1942 г. Была нарушена очередность сельхозработ. Власти не приступили к вывозу зерна из колхозов на элеваторы с первого дня уборки, поэтому зерно скапливалось в поле и на токах. Обком не знал действительного положения дел с выполнением плана хлебозаготовок.

После этой аналитической части авторы справки сообщают, какие меры были приняты бригадой ЦК для выправления положения. Бригада ЦК ознакомилась с положением дел, выехав по районам для проверки на местах. Проверка показала, что пятидневные задания не выполняются, работа актива в колхозах не контролируется, хлеб скрывается в отходах и разворовывается. Всем этим фактам обком и райкомы не дают политической оценки, когда они ясно говорят о явном саботаже хлебозаготовок. Виновники срыва плана хлебозаготовок не были наказаны. Пользуясь таким попустительством, антиколл-

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 576. Л. 1—8.

хозные и антигосударственные элементы продолжали свои гнусные дела, разворовывая хлеб.

По предложению бригады ЦК был установлен строгий контроль за работой всех уполномоченных обкома и облисполкома за ежедневным выполнением графика хлебозаготовок. Дополнительно было мобилизовано 750 человек областного партийно-советского актива и посланы в колхозы. По настоянию бригады ЦК был снят с работы, исключен из партии и отдан под суд за саботаж в хлебозаготовках секретарь Мустаевского райкома партии Крюков. Московская бригада приказала: «Запретить колхозам засыпать семенные и другие какие-либо фонды впредь до выполнения государственного плана хлебозаготовок». Таковы были методы партийного руководства.

7 ноября 1942 г. в очередную годовщину Октябрьской революции ЦК ВКП(б) по итогам работы комиссии Оргбюро приняло первое адресное постановление по союзной республике — «О работе ЦК и обкомов КП(б) Таджикистана»[1] (первый секретарь ЦК Протопопов). Этот регион принципиально не отличался от других среднеазиатских республик. В Москве его выбрали в качестве подотчетного, чтобы показать всем ЦК национальных республик, что рука союзного центра не ослабевает и надо гораздо лучше работать в военных условиях.

Центр обратил внимание партийных органов Таджикской ССР на имевшиеся недостатки в сельском хозяйстве и промышленности республики. «ЦК ВКП(б) считает,— говорилось в документе,— что главной причиной отмеченных недостатков в работе парторганизации Таджикистана является то, что ЦК, обкомы и райкомы КП(б) Таджикистана до сих пор еще не перестроили свою работу в соответствии с требованиями военной обстановки (прошло уже полтора года войны.— *Прим. авт.*). Некоторые руководители партийных и советских органов еще не отрешились от благодушия, беспечности и настроений мирного строительства. Руководящие партийные и советские работники много говорят об успехах республики, в то же время не вскрывают серьезных недостатков в работе партийных, советских и хозяйственных организаций.

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 333—335.

ЦК ВКП(б) обязывает ЦК КП(б) Таджикистана покончить с проявлением беспечности, благодушия в среде партийных и советских работников республики, поднять большевистскую бдительность партийной организации и перестроить работу всех партийных, советских и хозяйственных организаций на военный лад...».

ЦК обязал первого секретаря ЦК КП(б) Таджикистана т. Протопопова через месяц сообщить ЦК ВКП(б) о мерах, принятых ЦК КП(б) Таджикистана по выполнению процитированного постановления

Начиная с 1943 г., заседания Секретариата и Оргбюро ЦК стали проводиться регулярнее. Гораздо чаще стали создаваться и выезжать на места комиссии ЦК ВКП(б) для плановых и неплановых проверок. В состав комиссий наряду с ответственными партийными работниками входили в качестве специалистов советские и хозяйственные работники.

После принятия в сентябре 1943 г. постановления ЦК «Задачи и структура Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б)» в практику работы Секретариата и Оргбюро вошли регулярные заслушивания отчетов (докладов) первых секретарей обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик[1].

С сентября 1943 по июнь 1945 г. после всесторонней проверки работникам ЦК состояния партийной работы на местах Оргбюро и Секретариат заслушали отчеты первых секретарей 56 областных, краевых и республиканских организаций. Некоторые партийные органы докладывали ЦК дважды. По каждому отчету принималось решение, которое содержало анализ состояния партийной работы и рекомендации по устранению вскрытых недостатков. В решениях учитывались конкретные условия, в которых приходилось работать партийным органам. Вместе с тем их объединяла единая направленность — забота о совершенствовании стиля деятельности партийных органов, усилении контроля за выполнением партийных постановлений[2].

Позднее, в апреле 1945 г. было принято специальное постановление ЦК «О проверке исполнения решений ЦК ВКП(б) по отчетным

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. С. 365.

[2] Там же. С. 366.

докладам обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик»[1]. На все отделы ЦК возлагалась обязанность регулярно сообщать Оргбюро и Секретариату о том, как местные партийные органы обеспечивают выполнение решений партии и правительства. Эти постановления определяли задачи не только отделов ЦК, но и всех партийных органов; они обязывали улучшить контроль за исполнением принятых решений во всех звеньях партии.

Наиболее характерными решениями Секретариата и Оргбюро ЦК в 1943 г. были постановления по Кировской и Пензенской областям.

Так, 3 мая 1943 г. Оргбюро ЦК рассмотрел и принял постановление № 18г «О недисциплинированности Кировского обкома ВКП(б) по выполнению постановления ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г. «О мерах улучшения работы советских органов и местных парторганизаций по оказанию помощи семьям военнослужащим»[2]. ЦК отметил, что Кировский областной комитет ВКП(б) проявил недисциплинированность и не обеспечил выполнение постановления ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г. «О мерах улучшения работы советских органов и местных парторганизаций по оказанию помощи семьям военнослужащих», не создал в установленные сроки отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. ЦК обязал Кировский обком ВКП(б) укомплектовать отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и отделы социального обеспечения и к 15 мая 1943 г. о результатах доложить в ЦК ВКП(б).

В конце 1943 г. Оргбюро приняло объемное постановление «О работе Пензенского областного комитета ВКП(б)», которое едва ли не первое носило комплексный характер (протокол № 141 от 29 декабря 1943 г.). В нем говорилось: «Центральный Комитет, заслушав отчетный доклад первого секретаря Пензенского обкома ВКП(б) т. Морщинина К.А. и содоклад ответственного организатора Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) т. Горбунова М.А. о результатах проверки работы областного комитета ВКП(б), при-

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. С. 365.

[2] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 119. Д. 116. Л. 10.

знает работу Пензенского обкома партии неудовлетворительной, в особенности в области сельского хозяйства... Посевные площади сократились за последние два года на 719 тыс. га или на 36%... В 1940 г. Пензенская область сдала государству 34,5 млн пудов, в 1941 г.— 19,3 млн пудов и в 1942 г.— 11,1 млн пудов. Вместе с этим большинство колхозов не обеспечивает себя семенами и выдает очень мало зерна колхозникам на трудодни...

Пензенский обком ВКП(б) проявил беззаботность в деле руководства работой МТС... До 50% тракторов, имеющихся в МТС, вообще не используются, нуждаясь в капитальном и восстановительном ремонте. Общее поголовье скота в колхозах области сократилось с 1 января 1941 г. по 1 января 1943 г. по лошадям на 59,9 тыс. голов, или на 52%, свиньям — на 28,5 тыс. голов, или на 52,6%, а поголовье крупного рогатого скота в колхозах области только за 10 месяцев 1943 г. уменьшилось на 15,4%...

ЦК ВКП(б) обязал Пензенский обком партии ликвидировать недостатки, отмеченные в постановлении, и «решительно покончить с антигосударственной практикой задержки хлебосдачи, хищением и разбазариванием хлеба». Но такое положение было во всех сельскохозяйственных регионах страны.

В 1944—1945 гг. наиболее показательными были отчеты в ЦК и постановления Оргбюро по Красноярскому краю, Ивановской, Ярославской, Ульяновской и Курганской областям.

13 июля 1944 г. вышло два одноименных постановления Оргбюро ЦК по Ивановской (№ 218г) и Ярославской (№ 219г) областям — «О недостатках в обслуживании раненых-больных в госпиталях».

ЦК ВКП(б) установил, что в Ивановской и Ярославской областях раненые содержатся в антисанитарных условиях, не обеспечены необходимыми документами, кухонной и столовой посудой. Партийно-политическая и культурно-массовая работа в госпиталях поставлена слабо. Шефские организации ограничивают свою работу по оказанию помощи госпиталям выделением денежных средств. Делался вывод, что Ивановский и Ярославский обкомы партии ослабили свое внимание к работе госпиталей.

Оргбюро ЦК рекомендовал бюро Комиссии Партийного Контроля ЦК издать по этому вопросу свое строгое постановление. Аналогичные меры было предписано осуществить Наркомздравам СССР и РСФСР.

В постановлении Оргбюро ЦК от 19 июля 1944 г. «О работе Красноярского крайкома ВКП(б)» говорилось (протокол № 159):

«Заслушав отчетный доклад первого секретаря краевого комитета т. Голубцова И.Г..., ЦК ВКП(б) признает работу Красноярского крайкома неудовлетворительной. ...За последние два года посевные площади сократились на 32,7%. Урожайность снизилась с 11,8 ц с га в 1940 г. до 6,9 ц с га в 1943 г. В 1943 г. край сдал хлеба государству всего 16 млн. пудов против 44,2 в 1940 г. Колхозы края не обеспечивают себя семенами и уменьшили более чем в два раза выдачу колхозникам на трудодни зерна. ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Снять т. Голубцова И.Г. с поста первого секретаря Красноярского краевого комитета ВКП(б), как несправившегося со своими обязанностями.

2. Утвердить первым секретарем Красноярского краевого комитета ВКП(б) т. Аристова А.Б., освободив его от работы второго секретаря Кемеровского областного комитета ВКП(б).

3. Обязать Красноярский крайком ВКП(б) исправить крупные недостатки, отмеченные в настоящем постановлении...

Пункты 1 и 2 внести на утверждение Политбюро[1]».

Приведенный документ примечателен, по крайней мере, с двух точек зрения. Во-первых, поражают упадок и деградация сибирской деревни — за последние два года войны посевные площади сократились на 1 треть, урожайность снизилась в 2 раза, сдача зерна государству — в 3 раза. Эти цифры объективны, поскольку перед нами секретная административная статистика, а не пропагандистская риторика. Во-вторых, впечатляют суровые меры ответственности — снятие первого секретаря крайкома партии с должности. Это характерный пример сталинской кадровой политики.

2 августа 1944 г. Оргбюро ЦК принимает постановление (протокол № 164) «О руководстве Ульяновского областного комитета ВКП(б) сельским хозяйством», установив «крайнюю запущенность сельского хозяйства в области и неудовлетворительное руководство им со стороны Ульяновского обкома партии». В 1943 г. колхозниками было выработано на 830 тыс. трудодней меньше, чем в 1942[2]. Это

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 117. Л. 1—2.

[2] Там же. Л. 19.

Оргбюро ЦК назвало «падением трудовой дисциплины в колхозах». Хотя на самом деле там просто некому было работать — все люди были мобилизованы на фронт, на стройки и в оборонную промышленность.

В начале 1945 г. Секретариат и Оргбюро ЦК провели ряд проверок областных комитетов партии, находившихся в далеком советском тылу, в том числе новых областях, образованных два года назад. По результатам работы комиссии ЦК, например, было принято постановление Оргбюро, а затем постановление ЦК ВКП(б) «О работе Курганского обкома ВКП(б)» (первый секретарь В. Шарапов) от 10 февраля 1945 г. В нем указывалось, как на главный недостаток в работе Курганского бюро обкома — критическое отставание сельского хозяйства[1].

Через два месяца — в апреле 1945 г. первый секретарь Курганского обкома ВКП(б) В. Шарапов докладывал в ЦК о ходе выполнения постановления ЦК от 10 февраля 1945 г. В отчете Курганского обкома партии констатировалось, что «после постановления ЦК ВКП(б) все силы парторганизации Курганской области были мобилизованы на то, чтобы преодолеть отставание сельского хозяйства. Однако с этой задачей мы не справились... Обязательство, данное областной партийной организацией об окончании плана сдачи хлеба государству к 7 ноября было не выполнено (на 74%)... Много зерна ушло под снег»[2].

Обращает на себя внимание смелая самокритика бюро Курганского обкома партии, что в общем-то было нехарактерным для отчетов партийных комитетов военных лет. В. Шарапов, как опытный партийный функционер, занимавший ответственные посты в ряде сибирских регионов, принимает «огонь» на себя, понимая, что его вряд ли снимут с высокой должности, как, например, красноярского коллегу, поскольку он сравнительно недавно возглавляет вновь образованную область. Областной партийный лидер клятвенно заверил Москву, что он исправит недостатки и ликвидирует отставание области в сельском хозяйстве. Шел победный 1945-й год и центр уже многое прощал местным руководителям.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 409. Л. 51.

[2] Там же. Л. 5.

В целом, работа комиссий ЦК ВКП(б) в регионах с последующими отчетами первых секретарей на ЦК и принятием соответствующих постановлений Секретариата, Оргбюро или Центрального Комитета полностью себя оправдала. Это была, как показал опыт войны, одна из самых эффективных форм работы ЦК ВКП(б).

Наряду с контролем местных партийных организаций, Секретариат и Оргбюро ЦК в военные годы занимались различными аспектами внутрипартийной работы. Конечно, они решали более частные, по сравнению с Политбюро, вопросы. Так, уже на второй день войны, 23 июня Оргбюро ЦК приняло решение «О порядке снятия с учета в РК и ГК ВКП(б) коммунистов, мобилизованных в Красную Армию, и о принятии их на учет в органах политпропаганды Красной Армии» (протокол № 94)[1].

8 августа 1941 г., заботясь о комплектовании только что образованных по решению Политбюро политотделов МТС и совхозов, Оргбюро утвердило постановление «О штатах и заработной плате работников политотделов МТС и совхозов». В нем предписывалось:

«1. Установить штат политотделов МТС: начальник политотдела, заместитель начальника политотдела, помощник начальника политотдела по комсомольской работе.

2. Установить ставки заработной платы:

Начальник политотдела 1100 руб.

Зам. нач. политотдела 900 руб.

Пом. нач. политотдела 600 руб.

...

5. Обязать выделить в распоряжение политотделов МТС и совхозов по 2 лошади с упряжью и по 1 конюху»[2]. Оклады выше, чем у рабочих-станочников в городе.

Оргбюро ЦК занималось и организацией партийной пропаганды и агитации. После выступлений И. Сталина 6—7 ноября 1941 г. по случаю празднования 24-й годовщины Октябрьской революции Оргбюро ЦК 12 ноября 1941 г. приняло постановление № 164г «О проведении пленумов и активов в связи с выступлением т. Сталина»[3].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 116. Л. 36.

[2] Там же. Л. 10.

[3] Там же. Л. 15.

ЦК ВКП(б) признавал целесообразным, т.е. обязывал парторганизации:

«1. Провести пленумы ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов партии, а также партийные активы для обсуждения конкретных мероприятий по району, городу, области, краю, республике на основе задач, поставленных т. Сталиным в докладе от 6 ноября 1941 г.

2. На предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах и МТС провести партийные собрания, а также собрания рабочих, служащих, интеллигенции и колхозников для обсуждения конкретных мер по мобилизации всех сил для обеспечения нужд армии и флота и для проверки того, что делается на данном предприятии, в учреждении, колхозе, совхозе, МТС для помощи фронту».

Предметом особой заботы Оргбюро ЦК было состояние партийной дисциплины, особенно ответственных руководителей. Так, 21 августа 1941 г. Оргбюро ЦК утвердило постановление бюро Комиссии Партийного Контроля при ЦК ВКП(б) «О т. Фадееве А.А.». В нем отмечалось:

«КПК рассмотрела дело о секретаре Союза Советских писателей и члене ЦК ВКП(б) т. Фадееве А.А. и установила, что т. Фадеев, приехав из командировки с фронта, не выполнил задания и в течение 7 дней пьянствовал, скрывая свое местонахождение. Попойка происходила на квартире артистки Булгаковой. Как оказалось, это не единственный факт, когда т. Фадеев по нескольку дней пьянствовал. Бюро КПК при ЦК ВКП(б) постановляет: объявить т. Фадееву А.А. выговор.

2. Внести на утверждение Политбюро».

Получается, что за дезертирство с фронта члена ЦК партии, известного советского писателя ему полагался всего лишь «выговор». Такая лояльность власти проявилась потому, что А. Фадеев, как руководитель Союза Советских писателей, еще с довоенных времен был рупором партийной пропаганды в советской литературе.

Еще один пример — 12 апреля 1943 г. Оргбюро заслушало сообщение уполномоченного Комиссии Партийного Контроля ЦК Миронова о недостойном поведении секретарей Удмуртского обкома ВКП(б) и попустительстве с их стороны устройству разного рода банкетов. По информации уполномоченного ЦК «в Удмуртском обкоме ВКП(б) проводились банкеты и попойки по случаю Нового 1943 г.,

пуска железной дороги, вручения переходящих Красных знамен. Пьяный шум стал достоянием разговоров граждан. Международный женский день работники аппарата обкома ВКП(б) отмечали выпивкой в служебных кабинетах до утра».

ЦК постановил:

«1. Объявить строгий выговор первому секретарю Удмуртского обкома ВКП(б) т. Чекину А.П. и второму секретарю т. Караваеву А.В. за недостойное их поведение.

2. Предложить Удмуртскому обкому ВКП(б) прекратить практику устройства банкетов и вечеров. Настоящее постановление разослать всем обкомам, крайкомам, ЦК компартий союзных республик»[1].

Итак, в военные годы высшие партийные органы довольно оперативно реагировали на факты компрометирующего поведения коммунистов-руководителей. Интересный момент этого решения — ЦК не так обеспокоен самими пьянками обкомовских работников, как тем, что «пьяный шум стал достоянием разговоров граждан».

Таким образом, в годы минувшей войны Политбюро, Секретариат и Оргбюро ЦК ВКП(б), как постоянно действовавшие партийные органы, имея свою компетенцию в системе власти, работали достаточно активно и напряженно, решая важные вопросы как внутрипартийного, так и общегосударственного характера. Характерно, что до 1943 г. партийные органы активно вторгались в компетенцию государственных органов, а с начала 1943 г. заметна тенденция «партизации» повесток дня Политбюро, Секретариата и Оргбюро. По решению вождя эти структуры постепенно переключились на рассмотрение своих организационно-партийных проблем.

Наряду с организационно-партийной работой в годы минувшей войны Политбюро, Секретариат и Оргбюро решали и важные общегосударственные вопросы, которые ставились на повестку дня войной. Анализ протоколов этих органов показывает, что и после образования ГКО, как бы по инерции, высшие партийные органы страны еще продолжали рассматривать важные государственные дела. Чаще всего эти решения выходили под заглавием «постановление ЦК ВКП(б)» или «постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)».

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 116. Л. 3.

В годы войны Центральный Комитет как коллективный руководящий орган не функционировал, так как его члены (71 член и 64 кандидата в члены ЦК) практически никогда вместе не собирались и пленумы ЦК не проводились (за исключением одного случая в январе 1944 г.). За фасадом ЦК стояли его постоянно действовавшие политические и исполнительные органы — Политбюро, Секретариат и Оргбюро, которые, как правило, даже в своих постановлениях выступали от имени Центрального Комитета. Были и собственные постановления Центрального Комитета, подготовленные аппаратом ЦК. Но в любом случае они утверждались либо Политбюро, либо Секретариатом ЦК.

Итак, рассмотрим наиболее характерные общегосударственные решения высших органов партийной власти, которые были направлены не на партию, а на государство и общество. 1 июля 1941 г., когда еще не просохли чернила на документе об образовании ГКО, Политбюро приняло постановление № 169 «Об образовании при СНК СССР Комитета продовольственного и вещевого снабжения Красной Армии, утвердив в качестве его председателя А.И. Микояна[1]. 3 июля в повестке дня Политбюро стояли вопросы: «Об установлении на военное время временной надбавки к сельскохозяйственному налогу и к подоходному налогу с населения» (№ 177), «О порядке эвакуации семей руководящих партийных, советских работников и семей начальствующего состава Красной Армии, Флота и войск НКВД из прифронтовой полосы» (№ 187), «Об эвакуации рабочих и служащих эвакуированных предприятий» (№ 189)[2]. 7 июля 1941 г. члены Политбюро рассматривали такие проблемы, как: «О дополнительном формировании госпиталей» (№ 194), «Об эвакуации членов семей рабочих и служащих г. Москвы» (№ 196), то же самое по Ленинграду (№ 197), «О присвоении звания Героя Советского Союза летчикам ВВС Красной Армии» (№ 205)[3]. В июле решались государственные вопросы как глобального, так и локального характера.

В августе 1941 г. на Политбюро рассматривались такие разноплановые, но важные государственные проблемы, как: «О Верховном

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 39.

[2] Там же. Л. 42.

[3] Там же. Л. 43.

Главнокомандующем всех войск Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота» (№ 319), «О Военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии» (№ 355), «О введении карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия в отдельных городах, рабочих поселках и поселках городского типа» (№ 374)[1].

Далее, в сентябре — октябре 1941 г. состоялся цикл постановлений Политбюро ЦК о введении нормированного продовольственного снабжения в стране, о переселении советских немцев из Республики немцев Поволжья и ряда областей на восток страны. В апреле 1942 г. Политбюро обратило внимание на сельское хозяйство, издав два соответствующих постановления: «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» (№ 411) и «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» (№ 412)[2].

Изучение постановлений ЦК ВКП(б), вышедших в военное время, позволяет выделить основные направления такой деятельности. Это: идеологическая работа в массах; подготовка кадров — советских, партийных и хозяйственных; организация всенародной помощи фронту; хозяйственная политика и ряд других вопросов. То есть, в ходе военных действий партии были поручены специфические задачи, решением которых практически не занимались государственные органы.

Важнейшим направлением деятельности ЦК партии в годы войны была идеологическая, политико-воспитательная работа. Большевистская партия всегда уделяла первостепенное внимание пропаганде и агитации, видя в идеологической обработке населения верное средство манипулирования массовым сознанием и мобилизации масс.

Первым шагом на этом пути было принятие уже на третий день войны — 24 июня 1941 г.— двух постановлений Политбюро ЦК — № 112 «О Советском Информационном бюро» и № 122 «О создании Советского бюро военно-политической пропаганды»[3]. Первое реше-

---

1 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 69, 78, 83.

2 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 104. Л. 112.

3 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 26, 29.

ние Политбюро было оформлено как постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР с аналогичным названием. В нем определялись цели, функции и состав этого органа:

«1. В целях сосредоточения руководства всей работой по освещению международных событий, внутренней жизни страны, а также освещения военных событий образовать Советское Информационное Бюро.

2. Утвердить Советское Информационное Бюро в составе товарищей: 1) Щербаков (начальник), 2) Лозовский, 3) Хавинсон, 4) Поликарпов, 5) Саксин, 6) Голиков...»

На Совинформбюро возлагались следующие задачи: а) руководство отражением международных событий и внутренней жизни Советского Союза в печати и по радио; б) организация контрпропаганды против немецкой и другой вражеской агитации; в) освещение военных действий на фронтах, составление и опубликование сводок по материалам Главного Командования.

Постановление Политбюро № 119 от этого же числа «О сдаче населением радиоприемных и передающих устройств»[1], оформленное как постановление СНК СССР, также следует расценивать как документ, прежде всего, идеологического характера.

28 июня 1941 г. Политбюро было принято три постановления — № 147, 148 и 150, посвященных печатным средствам массовой информации[2].

Постановление № 147 от 28 июня 1941 г. «О местных газетах и журналах» предписывало временно до особого указания прекратить издание: а) областных, краевых и республиканских пионерских газет; б) всех областных, краевых и республиканских пионерских газет; в) сократить вдвое издание многотиражных газет предприятий, учреждений и т.д.

Постановление № 148 от 28 июня 1941 г. «Об увеличении тиража газеты «Красная Звезда» увеличивало тираж этой газеты на 100 тыс. экземпляров.

Постановление № 150 от 28 июня 1941 г. «Об увеличении тиража газеты «Правда» увеличивало тираж «Правды» с 2 до 3 млн экземпляров.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 27.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 32.

4 октября 1941 г. Политбюро принял собственное постановление № 151 «О мерах ускорения доставки писем на фронт»[1]. Руководство прекрасно понимали, что в условиях тяжелых оборонительных боев своевременная доставка писем на фронт имеет большое морально-политическое значение, поскольку она непосредственно влияет на настроения бойцов.

В канун 24-й годовщины Октябрьской революции 2 ноября 1941 г. Политбюро ЦК утвердило специальное постановление «О праздновании XXIV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции»[2]. Враг находился на ближних подступах к столице и было политически очень важным, как в мирные годы, торжественно отметить это событие.

Политбюро постановило 6 и 7 ноября провести повсюду на предприятиях, в учреждениях, в колхозах и совхозах, учебных заведениях собрания и митинги трудящихся, посвященные XXIV годовщине Октябрьской революции и мобилизации сил на разгром врага. Особо было отмечено, что в тех городах и населенных пунктах, где до этого имеются условия, провести 7 ноября демонстрации трудящихся. Политбюро в обстановке строгой секретности по инициативе вождя постановило провести в прифронтовой Москве военный парад.

Несмотря на серьезность военного положения, 16 ноября 1941 г. принимается постановление ЦК ВКП(б) «О работе агитпунктов на станциях и вокзалах железных дорог»[3]. Казалось бы, при чем здесь агитпункты железных дорог, когда судьба страны висит на волоске? И тем не менее ЦК озабочено состоянием агитмассовой работы.

12 января 1942 г. в свет вышло постановление ЦК ВКП(б) «О партийно-политической работе в госпиталях Наркомздрава СССР»[4], в котором обобщался опыт идеологической работы среди раненых и больных воинов. В нем определялись ее основные задачи, направления, формы и методы. ЦК партии обязал ЦК компартий союзных республик, краевые, областные, городские и районные комитеты партии оказывать повседневную помощь первичным партийным орга-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 40.

[2] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 249—250.

[3] Там же. С. 258—259.

[4] Там же. С. 278.

низациям и военным комиссарам госпиталей в проведении идейно-воспитательной работы среди раненых и обслуживающего персонала.

Изложенные документы показывают, что партийные органы уделяли значительное внимание вопросам пропаганды и агитации, применяя самые различные и максимально возможные формы агитпропработы.

В конце 1942 г. внимание к идеологической тематике со стороны ЦК заметно усиливается. Начался наступательный период войны. Это можно судить не только по увеличению числа постановлений по данному вопросу, но и по характеру принимаемых решений.

В деле пропаганды и политического воспитания населения ЦК партии, наряду с периодической печатью, придавал большое значение радиовещанию. В годы войны в условиях нехватки газет особенно возросла роль местного районного радиовещания. Поэтому 3 июня 1943 г. ЦК принял постановление «О районном местном радиовещании»[1].

ЦК ВКП(б) предложил всем райкомам, обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик организовать передачу по радио, по телефонным проводам в сельсоветы и колхозы каждого очередного номера районной газеты не менее 2—3 раз.

На завершающем этапе войны тенденция усиления идеологической работы в массах еще более окрепла. Шло освобождение советской территории от длительной немецкой оккупации и массированная коммунистическая пропаганда среди населения приобретала первостепенное значение.

Одно из первых постановлений в этом плане ЦК ВКП(б) издал по Молдавии. Это было постановление «О мероприятиях по улучшению массово-политической и культурной работы и восстановлению учреждений народного просвещения и здравоохранения в районах Молдавской ССР, освобожденных от фашистских оккупантов»[2] от 14 июня 1944 г.

В августе 1944 г. вышло аналогичное решение по Белоруссии. Постановление ЦК, изданное 9 августа, называлось «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 418—419.

[2] Там же. С. 501—504.

массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения»[1].

В постановлении, в частности, отмечалось, «что в районах Белорусской ССР, освобожденных от немецкой оккупации, медленно развертывается массово-политическая и культурно-просветительная работа среди населения, а также работа по повышению идейно-политического уровня партийных кадров и интеллигенции. Считая, что правильная и своевременная политическая информация населения освобожденных районов является важнейшим условием успешной мобилизации трудящихся на восстановление хозяйства, разрушенного немцами, и быстрейшей ликвидации последствий фашистской оккупации».

Учитывая, что население Белорусской ССР в течение трех лет было лишено правдивой советской информации и испытывало воздействие лживой фашистской пропаганды, партийные организации КП(б) Белоруссии должны широко использовать в агитационно-пропагандистской работе факты кровавых преступлений немецко-фашистских захватчиков против белорусского народа, сделать их известными всему населению, разоблачать немецкую разбойничью политику закрепощения и истребления народов СССР, разжигать в массах ненависть к врагу.

В этот же день, 9 августа 1944 г. ЦК партии принял идеологическое постановление по Татарии — «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации»[2].

Особенным было то, что в период активных наступательных боевых действий Красной Армии на подступах к Польше Москва вдруг обратила внимание на состояние идеологической работы в глубоком советском тылу, в национальной республике.

В частности, ЦК указал на два крупных просчета в идеологической работе в Татарии. Во-первых, «республиканская газета «Красная Татария» допустила серьезные ошибки в оценке военно-политического и международного положения нашей страны, принижая роль Красной Армии в борьбе за разгром немецко-фашистских захватчи-

[1] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 506—510.

[2] Там же. С. 513—517.

ков и преклоняясь перед военной мощью, техникой и культурой буржуазных стран». Во-вторых, Татарский обком партии передоверил идеологическую работу в области истории Татарии Татарскому институту языка, литературы и истории. ЦК ВКП(б) обязал Татарский обком ВКП(б) сосредоточить усилия руководящих партийных органов на устранении недостатков в массово-политической и идеологической работе, отмеченных в настоящем постановлении.

Через полгода — 27 января 1945 г. ЦК ВКП(б) рассмотрел и принял аналогичное постановление по Башкирии — «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации»[1].

Проверив состояние идеологической работы в этой республике, ЦК партии установил такие же недостатки, как и в соседней Татарии.

Обращение Кремля к теме идеологии в национальных республиках не случайно. Война разбудила патриотическое самосознание людей. Причем был разбужен не только советский патриотизм, но и национальный — русский, татарский, башкирской, украинской и т.д. Патриотизм малых народов — «младших братьев» русского народа был опасен для Сталина сепаратизмом, центробежной тенденцией. Поэтому ЦК ВКП(б), внимательно отслеживая национальную политику в республиках, акцентировал свои усилия на пресечении возрождения национального патриотизма. Говоря об идеологической работе, речь шла не столько о верности марксистско-ленинской доктрине, сколько о советской державной национальной политике.

Таким образом, в годы минувшей войны ЦК ВКП(б) уделял большое внимание вопросам идеологической работы, как одним из приоритетных в военной политике партии. Победа над нацизмом на идеологическом фронте была также нами одержана.

Достаточно большое внимание Секретариат и Оргбюро уделяли в 1941—1945 гг. вопросам эвакуации и размещения населения в советском тылу. Так, касаясь эвакуационной темы, Оргбюро ЦК 22 июля 1941 г. приняло постановление «О детях, эвакуированных из Москвы и Ленинграда», в котором заявило, что в Тульской, Ярославской, Рязанской и других областях не созданы нормальные бытовые условия для эвакуированных детей. ЦК обязало все обко-

[1] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 539—543.

мы партии организовать нормальные условия и питание для детей и поручило отделу школ ЦК ВКП(б) (т. Пивоваровой) проследить за выполнением данного решения[1].

Через год — 14 июля 1942 г. вышло жесткое постановление Оргбюро ЦК «Об эвакуированных семьях начальствующего состава Красной Армии». В нем говорилось:

«ЦК ВКП(б) располагает данными о том, что в ряде районов Киргизской ССР, Омской и других областей имеют место факты бездушно-бюрократического отношения к эвакуированным семьям начальствующего состава Красной Армии. В целом ряде случаев семьям эвакуированных не предоставляют жилплощади, снимают с продовольственного снабжения, отказывают взрослым и детям в медицинской помощи...

ЦК ВКП(б) обязывает обкомы, крайкомы, ЦК компартий союзных республик принять все необходимые меры к улучшению материально-бытового положения эвакуированных семей начальствующего состава Красной Армии, а также к устройству работоспособных членов семей на работу в промышленность и сельское хозяйство. О принятых мерах сообщить ЦК ВКП(б) через две недели. Секретарь ЦК Маленков».

Весной 1944 г. Оргбюро утвердило аналогичное постановление по Казахстану «О жалобах семей военнослужащих из Казахстана». Но ситуация оставалась крайне сложной. Призывы ЦК «обязать», «усилить» и «улучшить», как правило, давали минимальный эффект. Всю войну большим потоком в ЦК, лично И. Сталину, М. Калинину, В. Молотову шли письма от людей с жалобами на местные власти и мольбой о помощи.

Новым и важным направлением деятельности Центрального Комитета партии в годы войны явилась организация всенародной помощи фронту. Всенародная помощь фронту — движение и понятие, появившиеся в период войны 1941—1945 гг., в содержательном отношении многопланово и емко. Оно включало в себя весь комплекс патриотической народной поддержки действующей Красной Армии: трудовую, финансовую, материальную, военно-мобилизационную,

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп.119. Д. 116. Л. 7.

социальную, культурную, моральную помощь. Формы проявления этой помощи, как свидетельствует опыт минувшей войны, были самыми разнообразными. Изучение данного вопроса показывает, что всенародная помощь фронту вбирала в себя преимущественно инициативные виды и формы народной помощи действующей армии, направленные на оказание ей дополнительной, наряду с государственно-административными мерами, поддержки. Безусловно, в основе инициативных движений советских людей лежал патриотизм, но нельзя сбрасывать со счетов и административное начало. В действительности, как свидетельствуют документы военной поры, инициатором почти всех патриотических народных движений и починов выступали партийные и советские органы.

Первым было организовано и развернуто движение за создание дивизий народного ополчения. Его инициатором в первые дни войны выступил Ленинградский городской комитет ВКП(б), который тогда возглавлял А.А. Жданов. Учитывая напряженную обстановку на фронте, А.А. Жданов, как член Политбюро, обратился 27 июня 1941 г. к И.В. Сталину с предложением сформировать, как в годы Гражданской войны, из трудящихся города несколько добровольческих стрелковых дивизий.

ЦК партии одобрил инициативу ленинградцев и рекомендовал распространить ее на другие города[1]. Но инициатором этого движения Сталин определил партийную организацию Москвы. На совещании в ЦК ВКП(б) в ночь на 2 июля 1941 г. А. Щербакову было поручено возглавить создание народного ополчения в столице. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло соответствующее постановление, которое 4 июля было оформлено как решение ГКО № 10сс «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения» с пометкой «не публиковать»[2]. Уже к 7 июля 1941 г. в Москве и области были сформированы 12 дивизий общей численностью около 120 тыс. человек. Вслед за Ленинградом и Москвой народное ополчение стало создаваться и в других городах, особенно прифронтовых.

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 225.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 72—73.

В постановлении, в частности, отмечалось, что в дивизии народного ополчения по г. Москве необходимо мобилизовать 200 тыс. человек и по Московской области — 70 тыс. человек (всего 25 дивизий).

Руководство мобилизацией и формированием соединений возлагалось на командующего Московским военным округом генерал-лейтенанта Артемьева. В постановлении определялся и механизм мобилизации — для проведения мобилизации была создана чрезвычайная комиссия в составе Соколова — секретаря МГК ВКП(б), Яковлева — секретаря МК ВКП(б), Пегова — секретаря МК и МГК ВЛКСМ, Филиппова — начальника Управления продовольственных товаров Горторготдела, комбрига Онуприенко и подполковника Простова. В постановлении указывалось, что «для руководства работой по мобилизации трудящихся в дивизии народного ополчения и их материального обеспечения в каждом районе создается чрезвычайная тройка во главе с первым секретарем РК ВКП(б) в составе членов: райвоенкома и начальника райотдела НКВД. Чрезвычайная тройка проводит мобилизацию под руководством штаба МВО с последующим оформлением мобилизации через райвоенкоматы».

Практически без боевой подготовки они вначале были брошены на строительство оборонительных сооружений под Москвой, а затем на фронт, закрывая бреши, под немецкие танки. Большинство дивизий народного ополчения геройски погибло. Как показал опыт военных действий, несмотря на высокий моральный дух, боеспособность этих соединений была весьма низкой и, на наш взгляд, они не оправдали надежд партийного руководства. Оставшиеся народноополченские дивизии вскоре были переформированы в регулярные стрелковые соединения. Больше подобные дивизии не создавались.

5 сентября 1941 г. Политбюро ЦК принимает постановление № 43, инициирующее другой вид народной помощи фронту — «О сборе среди населения теплых вещей и белья для Красной Армии»[1]. Появление данного документа было обусловлено тем, что в условиях массовой мобилизации и приближения зимы Красной Армии катастрофически не хватало теплой военной одежды. Наркомат обороны, видимо, не думал, что придется воевать зимой. Не думали об этом и немцы.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 12—13.

В постановлении говорилось, что «идя навстречу многочисленным предложениям трудящихся, обязать обкомы, крайкомы и ЦК компартий союзных республик начать сбор среди населения теплых вещей и белья для Красной Армии... Для практической работы по сбору теплых вещей и белья создать при обкомах, крайкомах и ЦК компартий союзных республик комиссии под председательством партийных секретарей в составе заместителей председателя облисполкома, военкомата, секретаря обкома ВЛКСМ и представителя профсоюзов». На основании этого решения была создана Центральная комиссия в составе Андреева (председатель), Косыгина, Николаевой, Хрулева, Михайлова, Горкина, Крупина. Принятые меры ЦК позволили в основном решить проблему теплой одежды для воинов Красной Армии. И тем не менее, в контрнаступлении под Москвой зимой 1941—1942 гг. Красная Армия испытывала острый недостаток в теплом обмундировании.

Важной формой всенародной поддержки фронту являлась помощь раненым и больным воинам Красной Армии. Развивая это движение, по инициативе Политбюро был принят нормативный документ, который положил начало этому начинанию. Вначале — 22 сентября 1941 г. вышло краткое постановление ГКО № 701сс «Об организации Всесоюзного комитета помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии», решившее данный вопрос в принципе. Затем, 6 октября 1941 г. появилось подробное постановление Секретариата ЦК № 73г с таким же наименованием. Характерно, что решение Секретариата ЦК ВКП(б) состоялось «в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны» и последний пункт гласил: «Внести на утверждение Политбюро»[1]. Через день Политбюро ЦК утвердило представленный документ (постановление № 165)[2]. Примечательно то, что всеми тремя партийно-государственными органами руководил И. Сталин.

Персональный состав Всесоюзного комитета был определен в постановлении Политбюро ЦК № 165[3]: «В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны от 22 сентября 1941 г.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 116. Л. 15.

[2] Там же. Оп. 3. Д. 1042. Л. 46.

[3] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. С. 313.

№ 701сс утвердить Всесоюзный комитет помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии в составе тт.: Андреева А.А. (председатель), Абрамовой А.Г., Горкина А.Ф., Гуртового И.В., Колесникова С.А., Крыкова П.С., Мишаковой О.И., Николаевой К.И., Редькина М.И., Симаховой А.Н., Смирнова Е.Н., Третьякова А.Ф. и Хрулева А.Ю. ...»

Большое значение в деле повышения боеспособности Красной Армии в годы войны имела финансовая помощь нашего народа фронту. Эту форму патриотического движения также поддержал, организовал и развил Центральный Комитет партии. 29 июля 1941 г. в передовице официального органа ЦК ВКП(б) газете «Правда» был опубликован обзор писем граждан под заголовком «Трудящиеся предлагают создать фонд обороны». 1 августа того же года «Правда» напечатала передовую статью «Фонд обороны — новое проявление советского патриотизма»[1], в которой призвала население и обязала все партийные организации страны активно включиться в это движение.

С декабря 1942 г., в период контрнаступления под Сталинградом, данное патриотическое начинание стало всенародным. Началось настоящее соревнование колхозов, заводов, городов, областей за то, кто внесет больше денежных средств в фонд строительства танков, самолетов, бронекатеров и другой боевой техники. Инициатором сбора средств на строительство боевых самолетов стал саратовский колхозник-пчеловод Ферапонт Головатый, который в декабре 1942 г. передал на постройку истребителя Як-1 более 100 тыс. рублей. Эти деньги он выручил от продажи меда, заработанного в колхозе, на саратовском рынке в 1941—1942 гг. Об этом в середине 80-х гг. сообщила в личной беседе автору данного труда младшая дочь Ферапонта Головатого, которая вместе с отцом торговала на рынке. Данный факт подтвердил и генерал-лейтенант Б.Н.Еремин, летавший в 1942—1943 гг. на подаренном Головатым самолете Як-1. Конечно, рыночные цены в войну на порядок превышали государственные. Но важно, на наш взгляд, не столько то, как человек заработал деньги, сколько то, на что он их потратил. А потратил он их (чемодан, в других источниках мешок) на благое дело — дело нашей победы. При этом у него на иждивении находилась большая семья — дочери, внуки. Это было проявление настоящего национального патриотизма, срав-

[1] Правда. 1941. 29 июля, 1 авг.

нимого со сбором народных денег на создание в начале XVII века нижегородского ополчения для спасения Москвы. Не случайно Верховный Главнокомандующий И.Сталин выразил Ф.Головатому, первому из подобных патриотов, письменную благодарность.

Формы проявления этого движения были различны: создание из денежных средств граждан фонда обороны страны; сбор денежных средств в фонд Красной Армии на строительство боевой техники; реализация государственных военных займов и денежно-вещевых лотерей. Всего, по подсчетам специалистов, за годы Великой Отечественной войны в фонд обороны и на строительство боевой техники для фронта от наших граждан поступило около 24 млрд. рублей. Это среднегодовой военный бюджет СССР. На собранные деньги для фронта, например, было приобретено 30 522 танка и САУ, то есть почти каждая третья произведенная в СССР боевая машина[1].

Истинный смысл этой кампании, по признанию бывшего члена ГКО, Председателя Госплана СССР Вознесенского Н.А., заключался в том, что мобилизация денежных средств у населения — как добровольная (фонд обороны и т.д.), так и принудительная (налоги), сохранила, несмотря на значительную эмиссию денег, стабильность финансовой системы и, соответственно, устойчивость экономики страны в годы войны[2].

В 1942—1943 гг. внимание ЦК ВКП(б) было обращено на создание новых фондов Красной Армии — хлебного и мясного. Работники аппарата Центрального Комитета, курировавшие этот участок работы, были неистощимы на идеи. Этому вопросу были посвящены ряд специальных решений Политбюро ЦК: постановление Политбюро ЦК «О создании мясного фонда Красной Армии в 1943 г. от 23 ноября 1942 г.; постановление Политбюро ЦК «О разрешении приема хлеба в фонд Красной Армии из личных запасов колхозников» от 7 декабря 1942 г.; постановление ЦК ВКП(б) «Об обращении колхозников и колхозниц колхоза «Горшиха» Ярославского района Ярославской области» от 21 апреля 1943 г.[3].

---

[1] *Синицын А.И.* Всенародная помощь фронту. М., 1975. С. 174.

[2] *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 64, 137.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 59. Д. 436. Л. 79; Ф. 17. Оп. 3. Д. 1046. Л. 8; Ф. 17. Оп. 3. Д. 1046. Л. 17; Ф. 17. Оп. 59. Д. 436. Л. 132.

Характерным являлось то, что эти свои решения Политбюро для печати оформляло как документы советской власти — постановления СНК СССР или совместные постановления СНК и ЦК ВКП(б). И. Сталин не без оснований считал, что государственные решения в этом вопросе для народа будут важнее и авторитетнее партийных.

В последующие годы войны, как показывает исследование, высший партийный орган весьма редко обращался к теме развертывания патриотических движений народа в помощь фронту. Советское государство, преодолев военный кризис и перестроившись на военный лад, совершила коренной перелом в ходе войны и дополнительная инициативная помощь народа действующей Красной Армии стала не столь актуальной. Главное заключалось в том, чтобы народ хорошо выполнял обязанности по месту своей работы и давал план.

Одновременно с названными проблемами ЦК партии рассматривал и отдельные, наиболее важные хозяйственные вопросы. Конечно, партия вторгалась в компетенцию Совнаркома. Но в данном случае, на наш взгляд, это было оправданным, поскольку и партийная, и советская ветви власти делали одно общее дело. И перед войной, и в ходе ее они постоянно дублировали друг друга. ЦК через свои отраслевые отделы анализировал ситуацию и ставил соответствующие задачи перед партийно-хозяйственным активом того или иного наркомата или региона.

Например, летом — осенью 1942 г. наиболее «узким» местом нашей экономики стали топливо и энергетика. В условиях резкого сужения топливно-энергетической базы страны главная тяжесть в обеспечении военного хозяйства топливом легла на угольные бассейны Востока, прежде всего на Кузнецкий и Карагандинский. Однако добыча угля в этих районах в войну, несмотря на принимаемые меры, не только не повысилась, но значительно снизилась. Это беспокоило центр. Сталин принимает решение издать постановление не СНК, а ЦК партии, чтобы подключить к решению проблемы партийный ресурс.

24 сентября 1942 г. утверждается специальное постановление ЦК ВКП(б) «О мерах улучшения партийной работы в угольных районах Кузбасса в связи с задачей увеличения добычи угля»[1]. ЦК резко

[1] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 324—329.

заявил, что Новосибирский обком партии и Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевский, Анжеро-Судженский, Осинниковский, Кемеровский, Сталинский и Киселевский горкомы партии перестали заниматься углем. Центральный Комитет ВКП(б) потребовал от партийных организаций Кузбасса немедленно принять решительные меры к устранению недостатков и обеспечить безусловное выполнение государственного плана угледобычи. При этом ЦК ВКП(б) указал на необходимость правильного распределения партийных сил, укрепления партийных организаций шахт, повышения уровня партийного руководства, умелого сочетания хозяйственной и партийно-политической работы.

Итак, Москва держала на контроле такой важнейший вопрос, как состояние топливно-энергетической базы и строго спрашивала с нерадивых руководителей. Дело не доходило до военного трибунала, но многие партийные чиновники лишались своих должностей. Выполнение указаний ЦК позволило исправить положение в угольной промышленности и обеспечить увеличение добычи угля в регионе.

В начале 1943 г. ЦК ВКП(б) обратил свое внимание на железнодорожный транспорт, работа которого опять явно «пробуксовывала». Широкие наступательные операции советских Вооруженных сил и дальнейшее развитие военной экономики обусловили новые, более высокие требования к работе железных дорог. В связи с этим 20 января 1943 г ЦК ВКП(б) и СНК СССР обратились с письмом к «Секретарям обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик, председателям облисполкомов, крайисполкомов и совнаркомов республик об оказании помощи железным дорогам»[1].

ЦК рассматривал и другие животрепещущие вопросы экономической политики, которые ставились в повестку дня войной.

Таким образом, в годы минувшей войны Центральный Комитет партии, воздействуя на советское общество, акцентировал свое внимание на важнейших вопросах партийной и государственной жизни — идеологической работе, кадровой политике, организации всенародной помощи фронту, хозяйственных проблемах. Партия в войну заняла свое место в решении насущных военных проблем.

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 355—357.

Глава 6

СТАЛИНСКАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА И СТИЛЬ УПРАВЛЕНИЯ

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА СТАЛИНА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Одним из главных путей повышения эффективности государственного управления в военное время была государственная кадровая политика и кадровая деятельность. Советское руководство прекрасно понимало, что профессионально подготовленные кадры — важнейший национальный ресурс, по своему значению не уступающий материально-техническому или сырьевому ресурсам.

Государственная кадровая политика всегда являлась и является в руках политического руководства стратегией формирования, развития и рационального использования трудовых ресурсов страны, деятельностью государства и его органов по подбору, отбору, расстановке, профессиональному использованию и развитию кадров и кадрового потенциала страны. В военное время приоритетными направлениями государственной кадровой политики являлись:

— формирование и укрепление политической «команды» вождя, обеспечивавшей политическое руководство страной;

— военно-кадровая политика, заключавшаяся в подборе, расстановке и использовании высших военных кадров;

— кадровая политика в хозяйственно-экономической сфере;

— укрепление и развитие партийно-советского аппарата, т.е. старшей и средней номенклатурной категории кадров.

И. Сталин, как опытный политик и основатель партийно-советской кадровой политики, умело использовать кадровый метод в реализации задач и функций государственного управления. В 20—30-е годы, возглавляя Учраспредотдел и Секретариат ЦК ВКП(б) и курируя кадровые вопросы в партии, И. Сталин сумел в борьбе со своими политическими конкурентами устранить старую «ленинскую гвардию» и сформировать свою кадровую «команду» в лице управляемого Политбюро. С этой «командой», не считая единичных потерь, он всту-

пил в войну и дошел до ее конца. В данном случае речь идет о руководящих партийно-политических, военных, административных и хозяйственных работниках, от работы которых зависела в те годы судьба сталинского режима и советского государства. Кадровая политика была, по общему мнению, одной из самых сильных сторон И. Сталина как государственного деятеля.

Выдвинутый в 30-е годы сталинский лозунг «Кадры решают все» заключал в себе одну из главных основ партийно-советской модели государства и идей кадровой политики, служил неотъемлемым атрибутом административно-командной системы управления.

Сталин и его окружение прекрасно понимали, что от умения подобрать и расставить руководящие кадры на ключевых участках деятельности зависят результаты проводимой ими государственной политики. При этом наряду с кадровым не забывался и институциональный механизм государственного управления. Сказав, что «кадры решают все», вождь для решения возникавших проблем, тем не менее, постоянно создавал и реорганизовывал новые организационные структуры, упраздняя старые.

Пристальное внимание партии к кадрам было не случайным. Непосредственно управляя обществом, они воздействовали на него как разработкой нормативно-правовых актов, так и содержанием, и стилем своей работы. Поэтому подбор кадров был, наверное, самым главным направлением работы партийных комитетов, их организационных отделов.

Внутри самой большевистской партии всегда на первом месте стоял кадровый вопрос — борьба за лидерство и «чистоту партийных рядов». Не случайно еще в 1921 г. по инициативе В. Ленина в ней были запрещены все фракции, уничтожено всякое инакомыслие. И, тем не менее, борьба за власть в советском государстве в 20—30 годы всегда была борьбой партийных лидеров и их группировок.

Поскольку ВКП(б) была военизированным «орденом», то и кадровая политика внутри ее носила ярко выраженный милитаризованный характер. Выступая на Пленуме ЦК партии в 1937 г. и говоря о руководящих кадрах партии, вождь заявил: «В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется 3—4 тысячи высших руководителей. Это, я бы сказал, генералитет нашей партии. Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей. Это наше партийное офицерство. Дальше идут около 100—150 тысяч низшего

командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство»[1]. Не только организационно, психологически, но даже внешне партийные кадры были военизированы — все они носили полувоенные «сталинские» френчи.

Поэтому возглавляемый Сталиным Секретариат ЦК внимательно следил за подбором руководящих партийных кадров, поскольку те, в свою очередь, должны были подбирать кадры государственных и хозяйственных органов, работников духовно-культурной сферы.

Почему большевики сразу же после взятия в стране власти заявили о своей монополии на кадры государственного аппарата? Эта ситуация сложилась не случайно. Большевики, взяв власть в свои руки, сразу же столкнулись с проблемой — государственный аппарат императорской России полностью саботировал их решения, а своего аппарата у них, естественно, не было. Ленинский тезис о том, что «каждая кухарка может управлять государством», оказался популистским и несостоятельным. Поэтому, для того чтобы заставить старых специалистов в области государственного и муниципального управления хорошо работать, необходимо было их либо купить, дав им большие зарплаты и пайки, либо поставить под жесткий карающий контроль большевистских комиссаров. Новая власть использовала оба эти пути. Но акцент был сделан на второй — контрольно-карательный. В конце концов, коммунисты поставили государственный аппарат под свой строгий контроль, образовав единый советский партийно-государственный аппарат, скрепленный идеологией, корпоративными интересами, льготами и страхом.

Как И. Сталин относился к кадрам и вообще к людям? Нельзя однозначно сказать, что вождь относился к людям с любовью, безразлично или с определенной долей ненависти. Он относился к ним сугубо прагматично, деля всех людей на три категории: люди полезные, бесполезные и вредные. Полезных он эксплуатировал, бесполезных гнал в шею, а вредных ликвидировал без малейшего проявления личной ненависти[2]. Кадры, заклейменные как «враг народа», подлежали безжалостному уничтожению. Так было до последних дней жизни вождя.

---

[1] ВКП(б). Пленум Центрального Комитета. 1937 г.— М., 1937.

[2] *Авторханов А.* Загадка смерти Сталина. С. 7.

Но публично он всегда заявлял о ценности человеческого ресурса. Выступая в мае 1935 г. в Кремле на выпуске слушателей военных академий, он сказал, что «у нас не научились еще ценить людей, ценить работников, ценить кадры». Он вспомнил случай из своей сибирской ссылки, когда для местного населения гораздо ценнее была скотина, чем человек. Приведенный пример дал Сталину повод заявить: «Из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решительным капиталом являются люди»[1]. Сталин вроде бы забыл, что только что закончилась коллективизация, «раскрестьянившая» страну и изломавшая судьбы десятков миллионов людей. «Ценный капитал», не менее девяти миллионов наиболее умелых и зажиточных работников, были отправлены на поселение в тундру и Сибирь. Многие из них погибли.

В 1936—1937 гг. началась новая волна массовых репрессий в отношении кадров. Первый удар был нанесен по партийным кадрам. Тотальные репрессии привели к уничтожению почти всей старой партийной гвардии, с одной стороны, и с другой — к изменению облика всей правящей элиты в целом. Из имевшихся к 1937 г. 2,8 млн членов партии было арестовано свыше миллиона и две трети из них расстреляно[2].

В чем причины кадрового террора, если учесть, что к тому времени уже сформировался режим личной власти Сталина и большевистская элита, потеряв самостоятельность, попала в полную зависимость от воли вождя?

Дело в том, что XVII съезд ВКП(б) показал, что часть партийной верхушки не смирилась и лелеет надежды на смену Сталина на посту Генерального секретаря. Сталин, видимо, обоснованно боялся разрастания оппозиционных взглядов и перехода определенных политических сил от инакомыслия к инакодействию. Была и другая причина — приближалась Вторая мировая война. Недавний опыт войны в Испании показал опасность для власти наличия в стране «пятой колонны» — внутренних оппозиционных сил, готовых взяться за оружие. Кроме того, значительная часть большевистской элиты погрязла в привилегиях, моральном разложении, дискредитируя

---

[1] *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. Кн. 1. С. 194.

[2] Российская историческая политология. Ростов на Дону, 1998. С. 152.

партию в глазах народа. Для такого авторитарного режима, как сталинский, важно было поддерживать в обществе определенный уровень напряжения, позволявший обеспечить готовность народа к самопожертвованию, трудовому и боевому героизму в борьбе с многочисленными врагами. Тем самым оправдывались скудость жизни советских людей и отсутствие демократии, что никак не увязывалось с идеалами провозглашенного вождем социализма.

Советскому государству, как периодически и всякому другому, необходимо было произвести ротацию своей партийно-советской элиты, но демократический механизм обновления руководящих кадров в СССР не был отработан даже теоретически. Все это вместе взятое в сочетании с растущей паталогической подозрительностью Сталина обусловило раскрутку маховика массовых кадровых репрессий в стране.

Своеобразна точка зрения писателя и публициста Ю. Мухина, который утверждает, что инициатором кадровых репрессий в предвоенные годы выступил не Сталин, а местные партийные функционеры. Именно они потребовали от ЦК весной 1937 г. предупреждающих репрессий, но не против себя, а против своих политических конкурентов. «То есть,— пишет автор — они потребовали отправкой в лагеря и расстрелами очистить свои области от тех, кто мог вмешаться в выборы следующего года и помешать местным партбоссам провести в Советы тех депутатов, которых они хотели».

Мог ли Сталин, спрашивает Ю. Мухин, воспрепятствовать проведению репрессий, ведь он имел в ЦК всего один голос из семи десятков голосов? Вопрос спорный и лукавый. Но далее автор справедливо замечает, что «Сталин, без сомнения, считал эти репрессии крайне необходимыми, но совершенно по другим причинам. Если местные функционеры требовали репрессии из боязни за свои теплые места.., то Сталина это не касалось — у него за 20 лет работы уже никаких конкурентов не было... У Сталина была другая причина для проведения репрессий, и она была общепризнанной во всем мире»[1]. Автор называет эту причину — необходимость устранения «пятой колонны» в Советском Союзе накануне войны. В принципе, можно согласиться с авторской позицией, но это была не главная причина репрессий и она отнюдь не была «общепризнана во всем мире».

---

[1] *Мухин Ю.* За что убит Сталин? М., 2004. С. 43.

Главным результатом репрессий было почти полное уничтожение старой ленинской партийной верхушки, партийной интеллигенции и бюрократии, партийной технократии и части чиновников-фанатиков. То есть перед войной в СССР произошла полная ротация, смена партийно-государственной элиты. К 1940 г. из ближайшего окружения Ленина в живых остался один Сталин. В составе партии людей с дореволюционным стажем осталось всего полпроцента. Можно согласиться с Р. Медведевым, что это был настоящий политический террор, геноцид[1]. Раскрутив карательный механизм ротации кадров, вождь не смог или не захотел его остановить, уничтожив лучшую часть не только партии, но и государства и армии, в том числе ведущие военные кадры накануне большой войны.

Удивляет не только самоедство старой большевистской элиты (ведь Сталин тоже к ней принадлежал), но, прежде всего, ее капитулянтское поведение. Старые большевики не только не смогли противостоять сталинскому террору, но и в ряде случаев приветствовали его. Их беспомощность и неспособность к борьбе со сталинизмом свидетельствовали о политической и моральной деградации «ленинской гвардии». Ее гибель была закономерным финалом эволюции старого интернационального большевизма, зазнавшегося, «заевшегося» и не удержавшегося у власти. Устранение от власти старых большевиков-космополитов, для которых Россия была не более чем костер для мировой революции,— это был решительный и смелый шаг Сталина как вождя-государственника. Но вместе с ними были «стерты в лагерную пыль» многие перспективные кадры военных и хозяйственных руководителей страны. На это вождь отвечал: «Лес рубят — щепки летят».

В военные годы волна кадровых репрессий в какой-то мере стихла. Массовые расстрелы политически неблагонадежных лиц и проштрафившихся генералов были проведены в июле, октябре 1941 г. и в феврале 1942 г., т.е. в начале войны. Далее обозначился поворот в карательной политике. Он начался стихийно, но затем был узаконен сверху лично Сталиным. Наблюдая за военными поражениями Красной Армии, он понял, что во время войны путь репрессий — кротчайший путь к краху системы. Вооруженный народ, несмотря на его

---

[1] *Медведев Ж., Медведев Р.* Неизвестный Сталин. М., 2002. С. 359.

долготерпение, может повернуть винтовки. Вразрез с логикой карательной политики в начале войны власть стала освобождать людей из лагерей. Но это делалось по минимуму и лишь в той мере, в какой это требовалось самой системе для ее спасения. Указами Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 г. прокуратурой и НКВД было освобождено из мест заключения свыше 600 тыс. человек, из которых 175 тыс. направлены в действующую армию, в том числе 22 тыс. командиров[1]. И эта практика продолжалась.

У власти рядом со Сталиным в военное время оказалась наиболее властолюбивая и жестокая часть партийных вождей и партбюрократии, не брезговавшая сознательным уничтожением своих соперников. В 1941 г. многие из них были еще молоды, едва образованны и почти не имели опыта практической работы. Война дала им опыт тяжкого труда, опыт власти, которого они раньше не имели. Они выдержали проверку «на зрелость» во всех перепитиях военного времени, любой ценой решая поставленные административно-хозяйственные задачи, часто не располагая достаточными ресурсами. Привычка мыслить и действовать по-военному благодаря войне у них окончательно укрепилась.

В предвоенные годы сформировался, а в войну окреп и прошел испытание высший и средний партийно-государственной аппарат — кадровая опора сталинской власти. Послушный и политически благонадежный партийный аппарат был создан И. Сталиным и Г. Маленковым в 30-е годы. Старый партаппарат был просто уничтожен. Новый аппарат был нужен Сталину как инструмент властвования. Точную оценку созданному Сталиным аппарату дал в свое время А. Рыбаков: «Аппарат, созданный в борьбе за власть, еще не инструмент вождя, он считает себя соучастником победы... Аппарат истинного вождя — это аппарат, созданный им самим после прихода к власти. Этот аппарат не должен быть вечным, постоянным, иначе он сцементирует взаимные связи, приобретет монолитность и силу... Создание такого аппарата — задача более сложная, чем устранение соперников...»[2] Наряду с политической элитой (члены Политбюро, Централь-

---

[1] История Отечества: Люди, идеи, свершения. С. 263.

[2] *Белади Л., Краус Т.* Сталин. М., 1989. С. 233.

ного Комитета партии), это была административная элита страны — мощная управленческая сила.

Партийный аппарат, играя ведущую роль в жизни страны, все более бюрократизировался, работая в большей степени не на государство и общество, а только на вождя и на себя. Бюрократический аппарат, созданный Сталиным, был ему жизненно необходим для достижения и осуществления абсолютной власти. В то же время и аппарату нужен был вождь, поскольку он являлся гарантом стабильности власти аппарата, обеспечивал его привилегии, являлся его идеологическим воплощением. Аппарату был жизненно необходим вождь, чтобы, владея административной частью власти, сполна получать материальные блага и социальный почет.

В соответствии с этим на всех этажах власти партийные аппаратчики беспрекословно выполняли волю вождя. Идея вождизма являлась оправданием деятельности бюрократического аппарата в СССР. Партийные чиновники, спаянные единством корпоративных интересов и вознесенные Сталиным на вершину власти, это хорошо понимали и служили вождю верой и правдой. Надо отметить, что с началом войны внутриэлитные противоречия отошли на задний план. Военные действия и наличие общей смертельной опасности потребовали ее консолидации.

Оценивая новую плеяду партийно-хозяйственных кадров, сталинских выдвиженцев, следует отметить их характерные качества и черты.

Прежде всего, это авторитарный, командный, волевой стиль управления. Твердость, безжалостность, решимость, жесткость, доходившая до жестокости, были характерными чертами сталинских кадров. В своей управленческой деятельности они во всем брали пример с вождя.

Во-вторых, преданность партии, советской системе и ее вождю — И. Сталину. Эта преданность соединялась с уважением и страхом перед высшим начальством. При этом следует подчеркнуть не столько верность номенклатуры коммунистическим идеям, сколько преданность Сталину как личности, как вождю. Культ вождя был уже обожествлен и непререкаем.

Третья черта — малообразованность, довольно низкий культурный уровень и догматизм мышления кадров. В совокупности с отсутствием опыта следует их недостаточная компетентность и не-

профессионализм. Эта некомпетентность — результат упадка общей культуры нашего народа в 20—30-х годах. Это обстоятельство заметил и отразил в своих дневниках военного времени видный советский ученый Вернадский: «2 ноября 1941 г.: Крупные неудачи нашей власти — результат ослабления ее культурности: средний уровень коммунистов — и морально, и интеллектуально — ниже среднего уровня беспартийных. Он сильно понизился в последние годы — арестованы, сосланы, казнены лучшие люди партии, делавшие революцию, и лучшие люди страны... Это оказалось очень ярко уже в первых столкновениях — и в финляндской войне, и сейчас сказывается катастрофически»[1].

Культурная деградация советского правящего слоя началась не сразу, а с момента прихода к власти Сталина, Кагановича, Ворошилова и их окружения. Ленин и Троцкий, делавшие революцию, были образованными людьми. Пренебрежение к интеллигентам, умственному труду станет одной из черт кадровой политики вождя. Стоит согласиться с мнением А. Мерцалова, что перед войной в СССР сформировался новый слой общества, которому был присущ воинствующий дилетантизм.

С началом войны Сталин и его военное окружение (Ворошилов, Кулик, Тимошенко, Буденный), находясь в плену догм Гражданской войны, пытались строить регулярную Красную Армию как народно-освободительную, ополченскую, партизанскую. Жизнь очень скоро показала бесперспективность этой идеи. То же самое проявилось в области военной техники. Перед войной на Политбюро решалась судьба новейших образцов вооружения, даже винтовок и автоматов.

По свидетельству конструктора В. Грабина, в январе 1942 г. ему с большим трудом удалось отстоять перед Сталиным решение о запуске в производство новой более совершенной пушки ЗИС-3. «Он схватил за спинку стул и грохнул ножками об пол. В его голосе были раздражение и гнев. «У вас конструкторский зуд, вы все хотите менять и менять!— резко бросил он мне.— Работайте, как работали раньше!»[2] Показательна позиция Сталина в военно-морском строительстве. Со свойственной ему гигантоманией он хотел строить крей-

---

[1] *Мерцалов А., Мерцалова Л.* Сталинизм и война. С. 285.

[2] *Грабин В.Г.* Оружие победы. С. 537.

серы и линкоры, а не эсминцы, торпедные катера и подводные лодки. Но в отличие от других вождь умел учиться на своих ошибках. Поэтому были утверждены и вошли в строй такие новые образцы боевой техники, как средний танк Т-34, реактивные установки БМ, самолеты Яковлева и Лавочкина, замечательно зарекомендовавшие себя на полях сражений.

Война предъявила новые требования к руководящим кадрам. Главным критерием профессиональной пригодности руководителя стал результат — состояние дел на порученном участке работы.

Центральным звеном кадровой политики того времени была номенклатурная система, дававшая ВКП(б) монопольное право подбора и расстановки кадров в любой сфере деятельности. Списки номенклатуры ЦК появились еще при Ленине, и затем они ежегодно пересматривались. В 1925 г. ЦК утвердил Положение о порядке и назначении партсовработников, согласно которому номенклатура ЦК делилась на два основных списка. К первому списку относились должности, на которые люди назначались постановлением ЦК. Во второй список входили должности, назначение на которые проводилось с согласия Орграспредотдела ЦК, которым руководил Сталин. Расстановка кадров, не входивших в эти списки, осуществлялась самими ведомствами, но с обязательным информированием Орграспредотдела ЦК. Это была так называемая ведомственная номенклатура или третий список[1]. В военное время функции упраздненного Орграспредотдела выполняли Секретариат ЦК во главе с генсеком Сталиным и Управление кадров ЦК, которым руководил Г. Маленков.

Все назначения на руководящие посты на уровне Советского Союза и РСФСР, на высшие военные и правоохранительные посты производились через ЦК ВКП(б). ЦК компартий союзных республик, обкомы, горкомы и райкомы партии имели свои номенклатуры.

Номенклатура представляла собой перечень руководящих должностей, при замещении которых требовалась санкция соответствующего партийного комитета. В номенклатуру ЦК, обкомов, горко-

---

[1] *Мельников В.П., Нечипоренко В.С.* Государственная служба в России: Отечественный опыт организации и современность. В 2 кн. М., 2000. Кн. 2. С. 50.

мов и райкомов партии входил соответствующий реестр руководящих должностей не только работников партийных органов, но и всех государственных органов и организаций — управленческого аппарата, правоохранительных органов, судов, ведомства иностранных дел, учреждений социокультурной сферы, средств массовой информации и пропаганды. В номенклатуру были включены руководящие работники общественных организаций — комсомола и профсоюза как кадрового резерва партии. В нее входили руководящие кадры всех отраслей народного хозяйства вплоть до директоров и главных инженеров даже небольших предприятий, ректоры вузов, директоры НИИ, академических театров и т.д. Все они в зависимости от должностного уровня проходили утверждение через секретариат или бюро соответствующих комитетов партии.

В предвоенные и военные годы источником формирования кадрового состава административно-политических органов и их аппарата была, прежде всего, правящая партия. На все высокие посты в Совнарком, наркоматы, Верховный Совет, в военные и правоохранительные органы ВКП(б) делегировала видных большевиков сталинской школы. Другим источником комплектования органов власти и их аппарата были проверенные выдвиженцы из рабочих и колхозных крестьян. Малограмотные, не имевшие управленческого опыта, они составляли социальную базу формирования местного (районного) государственного аппарата. Партийные комитеты стремились ускоренно обучить их навыкам управления. Третий источник — старые чиновники дореволюционной России — к 1941 г. практически исчерпал себя. Но те, кто ранее зарекомендовал себя, остались при должности. Наглядный пример тому — начальник генерального штаба РККА в 1941—1942 гг. маршал Б. Шапошников.

Корпус советских работников в предвоенное и военное время ранжировался на три категории. В первую категорию входили все ответственные руководители советских органов, в том числе народные комиссары, их заместители, члены коллегий Народных комиссариатов, члены Президиума Верховного Совета СССР и исполкомов Советов, начальники главных управлений, управлений, заведующие отделами. Ко второй категории были отнесены советские служащие со специальными знаниями и опытом, занимавшие соответствующие должности в подразделениях Наркоматов или Советов. В третью груп-

пу вошли служащие без специальных знаний, в основном работники обслуживающего персонала[1]. Аналогичная классификация должностного статуса была и в партийных, комсомольских, профсоюзных органах. Это и был партийно-советский аппарат.

Кадровые отношения в Советском Союзе 30—40-х годах представляли собой не только отношения административно-политической зависимости, но и экономической зависимости, материального подкупа. За преданную службу власти необходимо было платить своему аппарату, удовлетворять потребности бюрократии. Официально в Советском Союзе действовали социалистические распределительные отношения, строившиеся на уравнительном принципе. Политика «уравниловки» была выгодна для малоквалифицированного класса «трудящихся». «Класс-гегемон» и маргинальные слои общества одобрительно относились к этой политике, воспринимая ее как выражение своих интересов.

И тем не менее к началу войны у нас сформировалась и была узаконена система привилегий и льгот для особой социальной категории — номенклатурных работников. Эти привилегии и льготы были засекречены от общества и распределялись не в зависимости от количества и качества труда, а строго в зависимости от замещаемой должности, от значимости исполняемых функций для политического режима. Естественно, на первом месте стояли интересы и потребности высшего и старшего партийно-советского и хозяйственного слоя государственного аппарата.

В этой стране, которую М. Восленский назвал «Номенклатурией», было все свое, специальное: специальные жилые дома, возводимые специальными строительно-монтажными управлениями; специальные дачи и пансионаты; специальные санатории, больницы и поликлиники; спецпродукты, продаваемые в спецмагазинах; спецстоловые, спецбуфеты и спецпарикмахерские; спецавтобазы, бензоколонки и номера на автомашинах; разветвленная система специнформации; специальная телефонная сеть; специальные детские учреждения, спецшколы и интернаты; специальные клубы, где показывают особые кинофильмы; специальные залы ожидания на вокза-

[1] *Мельников В.П., Нечипоренко В.С.* Государственная служба в России: Отечественный опыт организации и современность. Кн. 2. С. 38—39.

лах и в аэропортах и даже специальное кладбище. Номенклатурное семейство может пройти весь жизненный путь — от родильного дома до могилы, не соприкасаясь с советским народом, на службе которого якобы находится номенклатура. Это социальный апартеид, он ничем не лучше расового[1].

Открыл эту спецстрану Ленин. 25 октября 1918 г. он вместе с Крупской и своей сестрой Марией впервые явился в подготовленное для него загородное поместье Горки. Усадьба была отобрана у богатого помещика Рейнбота и сделалась первой в истории номенклатуры «государственной дачей». В письмах он ее называл «нашей дачей».

Несмотря на провозглашенный «партмаксимум» (требование, чтобы зарплата партийного работника не превышала зарплату квалифицированного рабочего), в действительности денежное обеспечение номенклатуры было значительно больше. По указанию Сталина партийно-советским работникам, кроме официальной зарплаты, ежемесячно выдавались деньги «в конвертах». Причем с них не только не брался подоходный налог, но даже не взимались партийные взносы. Но этот привилегированный социальный слой также не обошли репрессии. В сталинской системе власти аппарат постоянно ощущал тревогу и страх. «Кнут и пряник» были главными стимулами в кадровой деятельности вождя.

С началом войны на основании секретного постановления Правительства СССР, подписанного Сталиным, для номенклатурных работников были установлены «литерные» нормы питания. Высший партийно-советский актив на уровне ЦК партии — наркомы и их заместители — питался по месту службы в кремлевских столовых сверх всяких норм, получая к тому же хороший продуктовый паек на семью. Для партийно-советского аппарата (ответственных работников) постановлением Правительства было утверждено две нормы питания — по литеру «А» и по литеру «Б».

По нормам литеры «А» питались: начальники главных управлений и отделов наркоматов и их заместители, а также работники, занимающие равнозначные должности; по нормам литеры «Б»: начальники секторов наркоматов, начальники отделов главных управлений,

---

[1] *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 317—318.

а также высококвалифицированные специалисты наркоматов и ведомств.

Например, на декабрь 1942 г. нормы литерного питания («А») в спецстоловых г. Москвы составляли в месяц на человека: мясо — 6 кг, масло и жиры — около 1 кг, крупы-макароны — 1,5 кг, картофель — 7 кг, яйцо — 15 шт. и т.д.[1] Для сравнения — рабочим на производстве выдавался паек в 800 г мокрого хлеба и миска супа.

В условиях войны партия стала контролировать все кадровые перемещения в государстве. Особое внимание Управление кадров ЦК (Г. Маленков) уделяло кадровым перестановкам в военной и правоохранительной сферах, рассматривая и принимая решения о назначениях на должности от наркома обороны до командира полка, от наркома внутренних дел до начальника райотдела милиции.

Основными принципами кадровой политики и формирования партийно-государственного аппарата в исследуемый период являлись:

— принцип партийного руководства советскими и хозяйственными органами и их кадрами. Партийный билет был своего рода рекомендательным письмом или пропуском для выдвижения на руководящие государственные должности;

— принцип подбора кадров по политическому признаку, иначе принцип «классового подхода» при формировании кадров государственного и партийного аппарата;

— принцип «политической зрелости» выдвигаемых и работающих кадров, трактуемый как верность марксизму-ленинизму, верность партии и ее вождям;

— «командный» принцип формирования руководящих кадров партийно-государственного управления;

— принцип подбора и расстановки кадров по профессиональным и деловым качествам.

Что касается первого принципа — «коммунизирования» государственного аппарата, то этот принцип сохранял свое значение во все годы войны. Ленинский завет «овладеть аппаратом государства» Сталин претворял в жизнь. А вот меры по «орабочению» госаппарата не принесли правящей партии ожидаемого результата. Еще до войны Секретариат ЦК, по сути, отказался от классового принципа под-

[1] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 25. Д. 704. Л. 29.

бора кадров. Хотя он и декларировался, но фактически подбор и расстановка кадров шли по принципу преданности делу партии и лично вождю. Социальное происхождение было важно только для анкеты. В сталинском Политбюро настоящим бывшим рабочим был только М.И. Калинин. Сам Сталин, недоучившись в духовной семинарии и став профессиональным революционером, до революции ни дня нигде не работал и не служил в армии.

Принцип «политической зрелости» предполагал, прежде всего, верность и преданность Сталину и другим партийным вождям, начиная от первого секретаря райкома партии и выше. Принцип формирования кадровой команды и работы в команде также свято соблюдался Сталиным и его окружением. В командной системе был очень силен элемент бюрократического карьеризма, слепого подчинения начальству ради продвижения по служебной лестнице. В ней складывался особый тип руководителя, совершенного не считавшегося с интересами людей и думавшего только о том, как угодить вождю. У Сталина в войну была близкая команда — «узкий круг» Политбюро (5 человек) и общая команда — это практически все наркомы и все члены Центрального Комитета партии (71 человек). На уровне республик, областей, районов у первых лиц имелись свои «команды».

Нельзя представлять, что только карьерные и сервильные, угоднические соображения превалировали в советской кадровой политике. Она была исключительно прагматичной, и поэтому претворялся в жизнь принцип подбора кадров по профессиональным и деловым качествам. Война усилила действие этого принципа, сделав его чуть ли не основным.

Главным методом воздействия на кадры партийно-государственного аппарата был, как уже говорилось, изобретенный и апробированный Сталиным номенклатурный метод.

Механизм и принципы подбора и расстановки кадров были достаточно четко отработаны сталинским Секретариатом ЦК еще с начала 30-х годов.

Основными принципами подбора кадров на руководящие должности были: преданность «делу Сталина», «классовое чутье», революционные заслуги, умение выполнять приказы любой ценой, личные связи, родство, землячество. Профессиональные качества учитывались далеко не всегда. Доказательством этого является длительное пребывание на высших воинских должностях таких людей, как

Ворошилов, Кулик и Тимошенко, не понимавших природы современной войны. Какие военные кадры они могли себе подобрать? Такие же, малограмотные и некомптентные. Война заставила Сталина отказаться от таких кадров.

Наиболее сильным качеством И. Сталина было умение подобрать и расставить кадры, а также готовность сместить человека с должности в случае его бесполезности, невзирая на ранги, заслуги и даже бывшую дружбу и личную преданность. Это произошло, например, с маршалами К. Ворошиловым, Г. Куликом, С. Буденным, показавшими свою несостоятельность в условиях «войны моторов» и замененными новыми, молодыми и способными людьми. Сталина не смущало даже то, что порой этих людей приходилось искать в лагерях. Так случилось с генералами К.Рокоссовским, К. Мерецковым, А. Горбатовым.

Вождь действительно придавал кадровому вопросу первостепенное значение. Сталин сам находил, подбирал и расставлял руководящие кадры. Он знал своих подчиненных и знал, кому и что можно поручить. Например, в армии он знал по фамилии, имени и отчеству каждого военачальника вплоть до командира дивизии.

Характерной чертой государственной кадровой политики вождя было то, что в ходе ее реализации он смело выдвигал новые кадры — «выдвиженцев». Именно «сталинские выдвиженцы» совершали рывки от провалов и поражений к победам. Наблюдался стремительный взлет кадров, но было и стремительное падение. Кадровая технология была такова: Сталин брал человека и назначал его на высокий пост, ставя перед ним сложную, фактически невыполнимую задачу. Его прошлое роли не играло, ибо человек проверялся в деле. Если задача не выполнялась, то человека без разговоров снимали с должности, порой даже сажали. На его место назначался новый выдвиженец. И эта «кадровая чехарда» продолжалось до тех пор, пока не находился человек, который мог решать, казалось бы, невыполнимые задачи.

Вспомним, сколько в 1941 г. сменилось командующих Западным фронтом, пока в октябре, когда немцы стояли у стен Москвы, его не возглавил генерал армии Г. Жуков. Вначале был генерал армии Д. Павлов, затем с июля по сентябрь маршал С. Тимошенко, затем до октября 1941 г. генерал-полковник И. Конев. Аналогичная ситуа-

ция была и на других фронтах. Или взять 13-ю армию Западного фронта. В июне 1941 г. ей командовал генерал-лейтенант П. Филатов, в июле его сменил генерал-лейтенант Ф. Ремезов, затем генерал-майор К. Голубев, в августе на его место был назначен А. Городнянский. В январе 1942 г. армию возглавил генерал-майор Н. Пухов, который успешно командовал ею до конца войны, став генерал-полковником.

В промышленности практиковались аналогичные методы. Например, с началом войны наркомом путей сообщения был Л.Каганович. В марте 1942 г. он был снят с этой должности и его место занял А.Хрулев, который выправил положение на железной дороге. В феврале 1943 г. наркомом вновь стал Л. Каганович, которого в декабре 1944 г. сменил И. Ковалев. В годы войны поменялись наркомы в наркоматах обороны, нефтяной промышленности, наркомате боеприпасов, наркомате электростанций и электропромышленности. Наиболее характерный пример — наркомат танковой промышленности, который с момента его образования возглавил В. Малышев.

Интересна его карьера. В 1930 г. в возрасте 28 лет он всего лишь машинист паровоза. А далее взлет: в 1934 г. он молодой инженер, в 1939 г.— народный комиссар тяжелой промышленности! В сентябре 1941 г. Сталин поручает ему возглавить только что созданный наркомат танковой промышленности и ставит задачу: удвоить производство танков. Для выполнения этой задачи не было ни броневой стали, ни людей, ни оборудования. Фронт требовал все большего количества боевых машин. В июле 1942 г. Малышев был снят с поста наркома и заменен директором Кировского танкового завода в Челябинске И. Зальцманом. Но и он не справился и в июне 1943 г. был вновь заменен В. Малышевым, который далее с успехом руководил отраслью.

Всех маршалов, генералов, адмиралов, всех членов Политбюро и ЦК, всех членов правительства и их заместителей, секретарей союзных компартий, краев и областей, всех центровых чекистов, всех директоров крупных предприятий и строек Сталин выбирал и назначал лично и лично следил за успехами и провалами каждого. Расстрелянные генералы, чекисты, наркомы, местные правители — это тупиковые направления развития, это срезанные ветви, которые, по сталинскому разумению, не могли принести плодов. А выжив-

шие — это плоды сталинской селекции, в самом прямом значении этого слова[1].

Весьма интересным представляется вопрос технологии назначения и снятия людей с государственных должностей в военное время. И. Сталин, как человек подозрительный, всегда хотел иметь максимальный объем информации о людях. Если намечался кандидат на тот или иной ответственный пост, то вождь запрашивал «досье» на него в НКВД. Для Сталина личная преданность работника была намного важнее его нравственных качеств. Более того, наличие у работников моральных недостатков всегда бралось Сталиным на заметку, поскольку это позволяло ему манипулировать человеком. Сбор «компромата» и последующий шантаж им были излюбленными приемами кадровой политики вождя.

Троцкий утверждал, что у Сталина был особый архив, в котором были собраны документы, улики, порочащие слухи против всех без исключения видных советских деятелей[2]. У Сталина была своя осведомительная сеть, работавшая через Особый сектор ЦК, которым с 1930 по 1952 гг. бессменно руководил А. Поскребышев. Свою роль в политическом сыске и сборе «компромата» для Сталина играли Комиссия партийного контроля ЦК ВКП(б) (М. Шкирятов) и Наркомат государственного контроля (Л. Мехлис).

Классический пример отстранения от должности приводит в своих мемуарах А. Микоян. Причем был снят с одной из своих должностей не рядовой сотрудник, а кандидат в члены Политбюро Н. Вознесенский. Микоян описал технологию этого кадрового процесса. «Я помню, как-то в январе 1942 г. сидели у Сталина Берия, я и Маленков. Берия — хитрый человек, умел так поставить вопрос, чтобы не выдать свои тайные цели. Речь шла о том, что плохо с вооружением, винтовок не хватает, пушек не хватает. Сталин возмутился: «Как же так, в чем дело?»

Берия, заранее подготовившись к этому вопросу, показал диаграммы по месяцам. Это был утвержденный Вознесенским план по производству винтовок, пулеметов, пушек, боеприпасов и также там указывалось фактическое исполнение этого плана. Была поразитель-

---

[1] *Суворов В.* Самоубийство. М., 2005. С. 130.

[2] *Медведев Ж., Медведев Р.* Неизвестный Сталин. М., 2002. С. 97.

ная картина: план растет из месяца в месяц, это успокаивает правительство, а фактическое производство уменьшается. «До чего же мы дойдем? Когда будет этому конец? Когда начнется подъем производства?» — возмущался Берия. Он говорил, что методы руководства Вознесенского канцелярские: вызывает своих работников, устраивает совещания, навязывает план, но не может обеспечить его выполнения. А ведь любой план без обеспечения его выполнения абсурден.

Это, естественно, вызвало тревогу у Сталина. «А как быть?» — спросил он. «Не знаю, товарищ Сталин», — говорит Берия. Тогда Сталин предложил Берия взять на себя руководство этим делом. «Товарищ Сталин, не знаю, справлюсь ли с этим делом,— ответил Берия.— Я неопытный в этих делах». «Здесь не опыт нужен,— твердо сказал Сталин,— нужна решительная организаторская рука...» Берия, конечно, этого и хотел, для этого и диаграмму подготовил. Было решено Вознесенского отстранить от руководства, возложив это дело на Берия. К Берия в подчинение перешел нарком вооружения СССР Устинов, который прекрасно знал дело,— ему нужна была только помощь со стороны правительства в обеспечении рабочей силой и материалами, а Берия мог это сделать. Производством боеприпасами ведал Ванников.

Ванников был арестован еще Ежовым и находился в тюрьме, когда началась война. Ванников и Берия вместе учились в Бакинском техническом училище и были друзьями в юношестве... Берия при моей поддержке уговорил Сталина освободить Ванникова из тюрьмы и назначить наркомом боеприпасов... Ванников очень способный организатор. Его тогда привели в кабинет Сталина, где все мы находились, прямо из тюремной камеры.

Опираясь на таких людей, Берия быстро поправил дело. Надо подчеркнуть, что Берия поднял этот вопрос в тот момент, когда эвакуированные заводы стали налаживать свое производство... Из месяца в месяц было видно, что действительно производство растет, между планом и исполнением почти нет разницы. Планы, составленные Берия, выполняются и перевыполняются. Берия добился своего и до 1946 г. оставался зам. Председателя СНК СССР по экономическим вопросам. Поэтому после войны и атомные дела Сталин поручил ему»[1].

---

[1] *Микоян А.И.* Так было. С. 424—425.

Комментируя данный сюжет, надо отметить, что инициатором кадровых перестановок явился Берия. Цель очевидна — взяв на себя новые полномочия, расширить свою власть. При этом он спасал от тюрьмы своего друга юности. Опираясь на таких своих людей, как Ванников и Устинов — опытных организаторов производства, он выправил положение дел в области вооружений и боеприпасов, укрепив свой авторитет непревзойденного организатора в глазах вождя. Но Берия брал на себя и тяжелый груз ответственности. Он рисковал, но не побоялся этого сделать, и кадровая «многоходовка» ему удалась.

Сталин снимал с высоких должностей и своих любимчиков, фаворитов, если они явно не справлялись с возложенными на них обязанностями. Так было, например, с Мехлисом, Ворошиловым, Куликом.

Член Оргбюро ЦК ВКП(б), нарком госконтроля Л. Мехлис в мае 1942 г. был послан Сталиным в Крым, как представитель Ставки ВГК, для того, чтобы организовать боевые действия Крымского фронта (командующий Д. Козлов), сохранить Керчь и спасти Севастополь. Однако в результате его «организаторской» деятельности и воинствующего дилетантизма Крымский фронт был сброшен в море и потерпел полное поражение от немецкой группировки, вдвое уступавшей нашим войскам по численности. Сталин тут же вызвал Мехлиса в Москву для разбирательств.

Вот как вспоминает этот эпизод очевидец тех событий управделами СНК Я. Чадаев. «Днем 3 июня я зашел в приемную Сталина, где встретил Мехлиса. Передо мной стоял усталый, осунувшийся, ничем, казалось, не выделяющийся человек. Сталина в кабинете еще не было. Поскребышев сидел, склонившись над бумагами, подбирая их для доклада Верховному. «Сегодня у «хозяина» очень занятый день,— сказал он.— Сколько неприятных донесений, черт бы их побрал!» Мехлис заинтересованно устремил взгляд в сторону Поскребышева, но Александр Николаевич молчал. «Вероятно, что-нибудь неприятное произошло на фронте?» — спросил Мехлис. «Вам больше знать, ведь Вы только что с фронта прибыли»...

Поскребышев сердито добавил: «Видимо, руководство операцией было не на высоте. Товарищ Сталин очень недоволен, что Керчь прошляпили. Ведь сил и техники там хватало, чтобы дать немцам по зубам»... Но в это время в дверях появился Сталин. Мехлис соско-

чил с места. «Здравствуйте, товарищ Сталин! Разрешите Вам доложить». Сталин чуть приостановился, на мгновение взглянув на Мехлиса сверху вниз, и с волнением в голосе произнес: «Будьте Вы прокляты!» И тут же вошел в кабинет, захлопнув за собой дверь. Мехлис медленно опустил руки по швам и отвернулся к окну... Как потом я узнал от Поскребышева, Мехлис, какое-то время спустя, был все же принят в тот день Сталиным. Виновник крымской катастрофы буквально валялся в ногах у вождя. И представьте — смог избежать вполне заслуженной суровой кары. Он был снят со всех постов и понижен в воинском звании, но уже через месяц стал членом Военного совета 6-й армии, затем членом Военного совета Воронежского фронта и ряда других фронтов. А в 1944 г. Мехлис снова получил повышение в воинском звании, став генерал-полковником»[1].

В подтверждение сказанному следует привести документы — постановление ГКО № 1934 от 26 июня 1942 г. «О тов. Мехлисе Л.З.»: «Назначить корпусного комиссара т. Мехлиса Л.З. Членом Военного Совета 6-й армии Северо-Западного фронта. И. Сталин».

Постановление ГКО № 2344 от 25 сентября 1942 г. «О тов. Мехлисе Л.З.»: «Назначить Членом Военного Совета Воронежского фронта корпусного комиссара т. Мехлиса Л.З., освободив его от обязанностей Члена Военного Совета 6-й армии. И. Сталин»[2].

То есть, своих близких людей (Мехлис работал у Сталина в «святая святых» — Особом секторе ЦК) вождь «не сдавал», но держал их в состоянии перманентного страха.

Таким образом, кадровые технологии военного периода, будучи прагматичными и целенаправленными по своему характеру, в полной мере соответствовали сталинским принципам государственной кадровой политики, главным из которых, наряду с личной преданностью, было достижение результата любой ценой.

Анализ вопроса показывает, что сталинская кадровая политика имела в период войны ряд характерных особенностей.

Главной особенностью кадровой политики в СССР в исследуемые годы являлось то, что, по существу, она была не государственной, а партийно-государственной. Разработка и основные рычаги ее реа-

---

[1] *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным. С. 437—438.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 34. Л. 100; Д. 40. Л. 81.

лизации являлись монополией одной партии — ВКП(б), которая активно использовала кадровую политику для сохранения и упрочения своей власти, для внедрения в общество коммунистических идей и методов хозяйствования. В сталинском представлении подбор и расстановка персонала государственных органов являлись исключительной прерогативой партии.

Анализ проблемы показывает такую особенность сталинской кадровой политики, как расстановку на всех ключевых постах своих преданных людей. Наиболее проверенные и политически надежные силы были сосредоточены на решающих участках жизни государства. В ходе государственного строительства на руководящие должности в ключевых отраслях экономики и общественной жизни ставились члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК, лично преданные вождю лица. Так, военной сферой руководил сам И. Сталин, внешняя политика была поручена тогда второму лицу в государстве — В. Молотову, транспортная система была вверена Л. Кагановичу, сельское хозяйство — А. Андрееву, госбезопасность и правопорядок в стране — Л. Берия, снабжение и торговля — А. Микояну, государственное планирование — Н. Вознесенскому, государственный контроль — Л. Мехлису.

Как особенность следует отметить и то обстоятельство, что кадровая деятельность советского руководства не ограничивалась законом, и у нее не было никаких социальных противовесов. В условиях тоталитарного государства она тоже была всеохватывающей, тоталитарной. Но при всех недостатках — монополия одной партии на подбор кадров, абсолютизации классового подхода, отсутствие гласности и закрытости кадровых процессов — советская кадровая политика была активной и высокоорганизованной, эффективно обслуживавшей в 40-е годы потребности сталинского режима. Тогда сложилась довольно стройная система работы с кадрами (подбор, расстановка, ротация), система их профессионального обучения и воспитания, система определенного партийно-гражданского контроля за ними.

Существенная особенность — если до войны для И. Сталина в оценке военных кадров главным была политическая благонадежность, то с началом военных действий основным критерием при назначениях на командные посты стали профессионализм, способности, проявленные не в штабах, а на поле боя. Эту особенность можно охарактеризовать как прагматизм кадровой политики.

Наиболее характерна в этом отношении судьба и служебная карьера маршала Г.И. Кулика. В августе 1941 г. герой Гражданской войны постановлением ГКО № 411 «О Начальнике Главупроформа» был снят с должности. Документ гласил:

«1. Освободить т. Кулика от должности начальника Главупраформа ввиду неудовлетворительности его работы на этом посту.

2. Назначить начальником Главупраформа заместителя Наркома Обороны т. Щаденко. И.Сталин.

Выписки посланы: тт. Кулику, Щаденко, заместителям НКО, Маленкову».

Но до февраля 1942 г. он оставался заместителем наркома обороны и представителем Ставки ВГК. 6 февраля 1942 г. ГКО принял постановление № 1247 «О товарище Кулике», на основании которого за новый проступок он снимался со всех постов и отдавался под суд военного трибунала[1].

Так закатилась военная карьера героя Гражданской войны Г. Кулика, воевавшего когда-то вместе со Сталиным. Хотя его вскоре восстановили на ответственных должностях, но он уже никогда не был в первом эшелоне военной власти. Сталин ему больше не доверял.

Важная особенность сталинской кадровой политики в период войны — смелое омоложение руководящих кадров, особенно военных и хозяйственных, и их стремительный карьерный рост. Накануне войны 4 февраля 1941 г. в Кремле отмечалось 60-летие Ворошилова. Сталин несколько раз произносил тосты. Один из них прозвучал весьма неприятно для юбиляра. «Старики,— сказал он,— должны понять, что если молодых не допускать до руководства, то это — гибель. Мы, большевики, тем и сильны, что смело идем на выдвижение молодых. Старики должны охотно уступать место молодым»[2]. Думается, что Сталин говорил искренне, но он ни в коем случае не имел в виду себя.

Перед войной и в войну выдвинулась целая плеяда молодых кадров — хозяйственники Н. Вознесенский (на 1941 год ему было

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 21. Л. 8.

[2] *Млечин Л.М.* Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М., 2004. С. 331.

38 лет), А. Косыгин (37 лет), Д. Устинов (33 года), военачальники — генерал К. Мерецков (43 года), нарком ВМФ адмирал Н. Кузнецов (39 лет). Молодыми выдвиженцами Сталина были П. Ломако, Н. Байбаков, И. Пересыпкин, К. Мазуров, А. Громыко и многие другие. В 1941 г. средний возраст командиров полков Красной Армии был 29—33 года, командиров дивизий — 35—37 лет, командующих армиями — 40—43 года[1]. Сравнение возрастов высшего и старшего командования показывает, что наши военачальники были на 8—10 лет моложе своих визави.

В годы войны наиболее стремительную военную карьеру сделал сам Сталин — от гражданского человека до генералиссимуса. Заметно усилили свои политические позиции Г.Маленков, Л.Берия, Н. Вознесенский, А. Щербаков. Два человека — генерал-лейтенанты А. Поскребышев (50 лет) — личный секретарь Сталина и Н. Власик (45 лет) — начальник охраны вождя, не являясь членами Политбюро или Правительства, сделали стремительную карьеру, приобретя огромный вес в системе власти. Вероятно, это единственный случай, когда Власик, бывший землекоп, младший унтер-офицер царской армии, не имея никакого образования, благодаря природной хитрости и везению, добрался до столь высокого поста. Ему была поручена личная безопасность вождя. А безопасность вождя — это безопасность партии и советского государства. Поскребышев — сын сапожника, по профессии фельдшер, с 1931 г. стал личным секретарем Сталина.

Следующая особенность кадровой политики заключалась в том, что нормальным явлением в жизни номенклатурных кадров было их постоянное перемещение с партийной работы на государственную или военную и обратно. Такое же слияние партийных кадров происходило с комсомолом и профсоюзом. Активно использовалась так называемая челночная кадровая практика. Происходил своего рода «лизинг кадров». Таким путем сливался воедино номенклатурный партийный и государственный аппарат. Объединенный общностью корпоративных интересов, он воплощал в жизнь волю Политбюро ЦК и вождя.

---

[1] История государственного управления России.— Ростов-на-Дону, 2003. С. 400.

Существенная особенность кадровой политики военного времени — постоянное совмещение должностей и постов. Пример подавал сам вождь, который был един в трех лицах — государственном, партийном и военном. Все члены Политбюро имели разные должности и нагрузки. А. Микоян, например, был заместителем Председателя СНК СССР, наркомом внешней торговли, уполномоченным ГКО, с февраля 1942 г. членом ГКО, председателем Комитета по эвакуации запасов продовольствия и сырья, Комитета по разгрузке транзитных грузов. В двух местах — Совнаркоме СССР и РСФСР работал А. Косыгин. Л. Мехлис в 1941—1942 гг. был одновременно наркомом Государственного контроля, начальником Главного политического управления РККА и заместителем наркома обороны.

Еще одна особенность военного времени — перманентная организационная перестройка государственных органов и изменение их штатно-должностной структуры. А. Василевский вспоминал, что в те дни «одни фронты расформировывались, другие создавались. Одни армии переставали существовать, другие возникали. Должен сказать, что одной из особенностей войны является то, что она требует скорых решений. Но в непрестанно меняющемся ходе боевых действий, разумеется, принимались не только правильные, но не совсем удачные решения»[1]. Вместе с организационными изменениями менялись и кадры.

Обращает на себя внимание довольно частая кадровая «перетряска» руководства наркоматов и ведомств в период войны, особенно в 1941 и 1942 гг. Вождь постоянно «тасовал кадровую колоду». Видя, что у очередного выдвиженца ничего не получается, он заменял его. Некоторые назначения были удачными, но большинство молодых выдвиженцев не справлялось с темпом работы и поставленными сверхзадачами. Сталин без сожаления снимал с должностей не справившихся наркомов и генералов.

В июле 1941 г. как не справившийся со своими обязанностями, был отстранен от должности нарком обороны С. Тимошенко, хотя он был любимцем вождя. В начале 1942 г., когда Красная Армия атаковала вермахт на московском направлении, не оправдались надежды вождя на быстрый рост производства военной продукции со сто-

[1] *Василевский А.М.* Дело всей жизни: В 2 кн. М., 1988. Кн. 1. С. 141.

роны перебазированных на восток и введенных в строй предприятий. Оборонная промышленность «пробуксовывала». В этот момент Сталин предпринял ряд кадровых перемещений с целью укрепления наркомовского корпуса. Так, в январе — феврале 1942 г. были сняты со своих должностей нарком боеприпасов П. Горемыкин, нарком электростанций А. Летков, нарком химической промышленности М. Денисов, нарком морского флота С. Декульский.

В марте 1942 г. из-за наступившего паралича железнодорожного транспорта был отстранен от руководства Наркоматом путей сообщения сталинский «ястреб» Л. Каганович. Правда, в феврале 1943 г. он был прощен вождем и восстановлен в должности наркома. Приводим текст этого документа — «Постановление ГКО № 1486 от 25 марта 1942 г. «О тов. Кагановиче Л.М.»

I. Ввиду того, что т. Каганович Л.М., несмотря на удовлетворительную работу в НКПС в мирное время, не сумел справиться с работой в условиях военной обстановки, Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Освободить т. Кагановича Л.М. согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от обязанностей Наркома путей сообщения.

2. Назначить т. Кагановича Л.М. заместителем председателя Транспортного комитета при Государственном Комитете Обороны.

II. В целях улучшения работы НКПС Государственный Комитет Обороны постановляет назначить: 1) Наркомом путей сообщения согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР, заместителя НКО генерал-лейтенанта Хрулева А.В.

И.Сталин»[1]

Аналогичная ситуация произошла с наркомом танковой промышленности В. Малышевым, который в июле 1942 г. за невыполнение его ведомством государственного плана выпуска танков был снят с работы, но уже через год восстановлен. В декабре 1943 г. был отстранен от руководства наркоматом земледелия И. Бенедиктов и управление этой важной отраслью экономики возглавил член Политбюро А. Андреев. В ноябре 1944 г. наркомат нефтяной промышленности вместо И. Седина возглавил сталинский выдвиженец

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 25. Л. 53.

Н. Байбаков. Сталин смело менял слабых руководителей, выдвигая новые молодые кадры.

Особенностью сталинской кадровой политики в военные годы было также то, что начиная с 1942 г. фактически прекратились репрессии по отношению к руководящим хозяйственным и военным кадрам. После первых трагических месяцев войны он понял, что одними репрессиями и расстрелами победы не завоевываются, и поэтому мерой наказания за упущения в руководстве со второго года войны стали отстранение от руководства, командования, перемещение, понижение в должности. Хотя были исключения — 13 февраля 1942 г. по приговору Особого совещания НКВД был расстрелян бывший нарком боеприпасов И. Сергеев. В начале войны у нашей артиллерии расчет боеприпасов был только по шесть снарядов на орудие в день, у немцев же — практически неограниченно.

Но многое зависело от того, кто курировал то или иное оборонное ведомство. По воспоминаниям замнаркома вооружений В.Н.Новикова, в отрасли, где он работал в предвоенную и особенно в военную пору органы госбезопасности вели себя относительно смирно. «Почему репрессии в годы войны в меньшей мере коснулись оборонной промышленности, по крайней мере, на тех участках, где довелось работать? И волей-неволей приходил к выводу, что все упиралось в одного человека — в Л.П. Берию. Дело в том, что наш наркомат в начале войны подчинили НКВД или, вернее, как члену ГКО, Берии. Следовательно, и отвечал он за нас перед Сталиным лично»[1].

С 1942 г. Сталин решительно отстранял проштрафившихся лиц с занимаемой государственной или военной должности и назначал их с понижением. Опытные кадры в войну были очень нужны власти, ибо квалифицированный кадровый ресурс всегда являлся самым ценным и трудновосполняемым ресурсом.

Наибольшее внимание в первой период войны с точки зрения кадрового воздействия Сталин уделил личности Г.И.Кулика — до февраля 1942 г. заместителя наркома обороны, маршала и Героя Советского Союза. Опубликованные ниже документы по Кулику,

---

[1] Новиков В.Н. «Шефство» Берии //Берия: Конец карьеры.— М. 1991.— С.228.

в том числе полный текст постановления Политбюро ЦК № 172 от 19 февраля 1942 г., в котором изложено существо предъявленного маршалу обвинения, подтверждают данный тезис.

«Постановление ГКО № 1247 сс от 6 февраля 1942 г. «О тов. Кулике»

1. ... т. Кулик в нарушение приказа Ставки и своего воинского долга санкционировал сдачу Керчи противнику и своим паникерским поведением в Керчи только усилил пораженческие настроения и деморализацию в среде командования Крымских войск.

4. Государственный Комитет Обороны считает, что такое поведение т. Кулика не случайно, так как такое пораженческое поведение имело место также при самовольной сдаче Ростова без санкции Ставки...

5. На основании всего сказанного, ГКО постановляет привлечь к суду маршала Кулика и передать его дело на рассмотрение прокурора СССР. Состав суда определить особо.

И. Сталин

Выписки посланы: тт. Андрееву, Ворошилову, Жданову, Кагановичу, Калинину, Микояну, Молотову, Хрущеву, Берия, Шверник, Вознесенскому, Щербакову, Маленкову, Бочкову, Кулику»[1].

«Постановление ГКО № 1276 с от 13 февраля 1942 г.

«О составе суда для рассмотрения дела по обвинению маршала Советского Союза Кулика Г.И.

1. Председатель суда — заместитель председателя Верховного Суда Союза армвоенюрист Ульрих В.В.

2. Член суда — генерал-полковник Артемьев П.А.

3. Член суда — армейский комиссар 1 ранга Щаденко Е.А.

Дело рассмотреть в закрытом заседании суда.

И. Сталин»[2]

«Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) № 172

от 19 февраля 1942 г. «О Кулике Г.И.»

Член ЦК ВКП(б) Маршал Советского Союза и заместитель Народного Комиссара Обороны Кулик Г.И., являясь уполномоченным Ставки Верховного Главного Командования по Керченскому

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 21. Л. 8.

[2] Там же. Л. 45.

направлению вместо честного и безусловного выполнения приказа Ставки от 7 ноября 1941 года «удержать Керчь во что бы то ни стало» самовольно, в нарушение приказов Ставки и своего воинского долга, отдал 12 ноября 1941 г. преступное распоряжение об эвакуации из Керчи в течение двух суток всех войск и оставлении Керченского района противнику, в результате чего и была сдана Керчь 15 ноября 1941 г.

Кулик, по прибытии 10 ноября 1941 г. не только не принял на месте решительных мер против пораженческих настроений и пораженческого поведения Командования Крымских войск, но своим пораженческим поведением в Керчи только усилил пораженческие настроения и деморализацию в среде Командования Крымских войск.

Такое поведение Кулика не случайно, так как аналогичное его пораженческое поведение имело место также при самовольной сдаче в ноябре 1941 года г. Ростова, без санкции Ставки и вопреки приказу Ставки.

За все эти преступные действия Государственный Комитет Обороны отдал Кулика Г.И. под суд. Специальное присутствие Верховного Суда СССР установило виновность Кулика Г.И. в самовольной сдаче Керчи в ноябре 1941 года вопреки приказов Ставки, в преступном нарушении им своего воинского долга, во внесении деморализации в войска Керченского направления.

Кулик Г.И. признал себя виновным в предъявленном ему судом обвинении. Суд приговорил лишить Кулика Г.И. званий Маршала и Героя Советского Союза, а также лишить его орденов Союза ССР и медали «XX лет РККА». Кулик Г.И. обратился в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой об отмене приговора. Президиум отклонил просьбу Кулика Г.И.

Кроме того, ЦК ВКП(б) стали известны также факты, что Кулик во время пребывания на фронте систематически пьянствовал, вел развратный образ жизни и, злоупотребляя званием Маршала Советского Союза и заместителя Наркома обороны, занимался самоснабжением и расхищением государственной собственности, растрачивая сотни тысяч рублей из средств государства.

В силу всего этого Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Исключить Кулика Г.И. из состава членов ЦК ВКП(б).

2. Снять Кулика Г.И. с поста заместителя Наркома обороны Союза ССР.

3. Настоящее решение Политбюро ЦК ВКП(б) передать на голосование членов и кандидатов ЦК ВКП(б).

И. Сталин»[1]

Представленные документы носили явно выраженный обвинительный характер. Состав суда-тройки, рассматривавший дело Г. Кулика, во главе с армвоенюристом В.Ульрихом не дал подсудимому шансов на оправдательный приговор. Г.Кулика разжаловали, лишили звания Маршала, Героя Советского Союза и орденов.

Наказание, постигшее бывшего Маршала Кулика, было суровым. Но его не расстреляли, как генерала армии Павлова. Более того, уже через месяц ему присвоили воинское звание генерал-майор и отправили искупать вину на фронт командующим армии (сказался дефицит высших командных кадров).

«Постановление СНК СССР № 358 от 17 марта 1942 г.

СНК СССР постановляет: присвоить Кулику Григорию Ивановичу звание генерал-майор. И. Сталин»[2].

Через год и один месяц ему присвоили звание генерал-лейтенант. «Постановление СНК СССР № 391 от 14 апреля 1943 г. «О присвоении воинского звания генерал-лейтенант Кулику Григорию Ивановичу». СНК СССР постановляет: Присвоить воинское звание генерал-лейтенанта Кулику Григорию Ивановичу. И. Сталин»[3]. Заметим — документы подписывал Сталин.

Но это были не маршальские звезды. Кулик в кругу близких друзей высказывал свое недовольство кадровой политикой вождя. Сталинское возмездие настигло его уже после войны — в 1950 г. Г.И. Кулик был осужден и расстрелян.

По-другому отнесся Сталин к К.Е. Ворошилову. Это подтверждают документы. Это еще раз доказывает избирательность кадровой политики вождя. Ворошилов был давним членом Политбюро, политиком, назначенным Сталиным после внезапной кончины Фрунзе руководить Красной Армией. Он — соратник Сталина с Гражданской войны, легендарная личность, воспетая в советских песнях. Его имя было синонимом могущества Красной Армии. Поэтому Сталин

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 48.

[2] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 199. Л. 24.

[3] Там же. Д. 213. Л. 72.

пощадил своего друга. Политбюро ЦК ВКП(б), рассмотрев его работу 1 апреля 1942 г., не приняло к К. Ворошилову открытых репрессивных мер, хотя ошибки К. Ворошилова, особенно в финскую войну и под Ленинградом в августе 1941 г., были не менее катастрофичны, чем у Г. Кулика. Высший партийный орган признал, что товарищ Ворошилов не оправдал себя на фронтовой работе и направил его на тыловую военную — курировать военно-мобилизационные вопросы. При этом он остался членом ГКО и Ставки ВГК.

Ввиду важности документа приведем его полностью. «Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) № 356 от 1 апреля 1942 г. «О работе т. Ворошилова»

1. Война с Финляндией в 1939-40 гг. вскрыла большое неблагополучие и отсталость в руководстве Наркомата обороны. В ходе этой войны выяснилась неподготовленность НКО к обеспечению успешного развития военных операций. В Красной Армии отсутствовали минометы и автоматы, не было правильного учета самолетов и танков, не оказалось нужной зимней одежды для войск. Вскрылась большая запущенность в работе таких важных Управлений НКО, как Главное Артиллерийское Управление, Управление Боевой подготовки, Управление ВВС, низкий уровень организации дела в военно-учебных заведениях и др.

Все это отразилось на затяжке войны и привело к излишним жертвам. Тов. Ворошилов, будучи в то время Народным Комиссаром Обороны, вынужден был признать на Пленуме ЦК ВКП(б) в конце марта 1940 г. обнаружившуюся несостоятельность своего руководства НКО.

Учтя положение дел в НКО и видя, что т. Ворошилову трудно охватить такое большое дело, как НКО, ЦК ВКП(б) счел необходимым освободить т. Ворошилова от поста Наркома обороны.

2. В начале войны с Германией тов. Ворошилов был назначен Главнокомандующим Северо-Западного направления, имеющего своей главною задачей защиту Ленинграда. Как выяснилось потом, тов. Ворошилов не справился с порученным делом и не сумел организовать оборону Ленинграда. В своей работе в Ленинграде т. Ворошилов допустил серьезные ошибки: издал приказ о выборности батальонных командиров в частях народного ополчения — этот приказ был отменен по указанию Ставки как неправильный и вредный, так как рабочие Ленинграда могли понять, что т. Ворошилов не вошел в Совет

Обороны потому, что не верит в оборону Ленинграда; увлекся созданием рабочих батальонов со слабым вооружением (ружьями, пиками, кинжалами и т.д.), но упустил организацию артиллерийской обороны Ленинграда, к чему имелись особенно благоприятные возможности и т.д.

Ввиду всего этого Государственный Комитет Обороны отозвал т. Ворошилова из Ленинграда и дал ему работу по новым воинским формированиям в тылу.

3. Ввиду просьбы т. Ворошилова он был откомандирован в феврале месяце на Волховский фронт в качестве представителя Ставки для помощи командованию фронта и пробыл там около месяца. Однако пребывание т. Ворошилова на Волховском фронте не дало желаемых результатов.

Желая еще раз дать возможность т. Ворошилову использовать свой опыт на фронтовой работе, ЦК ВКП(б) предложил т.Ворошилову взять на себя непосредственное командование Волховским фронтом. Но т. Ворошилов отнесся к этому предложению отрицательно и не захотел взять на себя ответственность за Волховский фронт, несмотря на то, что этот фронт имеет сейчас решающее значение для обороны Ленинграда, сославшись на то, что Волховский фронт является трудным фронтом и не хочет провалиться на этом деле.

Ввиду всего изложенного ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Признать, что т. Ворошилов не оправдал себя на порученной ему работе на фронте.

2. Направить т. Ворошилова на тыловую военную работу.

И. Сталин»[1]

Особым был национальный аспект в сталинской кадровой политике предвоенного и военного времени. В нем явственно выделялось две тенденции. Во-первых, русификация руководящих кадров национальных республик. Во-вторых, заметное уменьшение доли евреев в центральном аппарате государственной власти.

При Сталине стало правилом — в каждой союзной республике вторым секретарем ЦК компартии ставился верный вождю человек из центра, русский по национальности. Это не относилось к двум славянским республикам — Украине и Белоруссии, где партийными

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1043, 93—94.

лидерами были сталинские выдвиженцы Н. Хрущев и П.Пономаренко. Поскольку эти республики были сразу оккупированы, то Хрущев по указанию Сталина всю войну был членом военного совета ряда фронтов украинского направления, а Пономаренко руководил партизанским движением.

Формально первым лицом в каждой союзной республике считался первый секретарь — человек титульной нации, фактически же им был второй секретарь, который являлся в данном регионе «оком государевым». Наверное, единственный из руководителей союзных республик человек, кому Сталин доверял, был первый секретарь ЦК компартии Азербайджана М. Багиров (расстрелян в 1956 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР). В автономных республиках и первые секретари обкомов ВКП(б) были, как правило, русские.

Что касается еврейского вопроса, то здесь прослеживался скрытый антисемитизм Сталина. Репрессировав и выгнав из центрального госпартаппарата в предвоенное время почти всех представителей еврейской национальности, вождь в войну оставил около себя лишь троих — Л.Кагановича в Политбюро ЦК, Л.Мехлиса в Правительстве и Е.Ярославского (Губельмана) в пропаганде.

По словам О.Платонова, в конце 30-х гг. Сталин начал самую решительную борьбу с еврейским большевизмом. «Продуманными и безжалостными действиями Сталин вогнал осиновый кол в могилу кровожадного интернационала и вместе с тем заложил основы нового национального государства. Сталин, по-видимому, одним из первых понял, насколько важно освободить государство в условиях, требующих созидания, от балласта бывшего революционного актива, не способного на нормальную творческую работу»[1]. Масштабы кадровой чистки определялись составом и численностью государственного и партийного аппарата, подавляющую массу которого составляли нерусские, и прежде всего евреи. Перед тем, как Сталин открыто бросил вызов еврейскому интернационалу, (1936—1937 гг.) положение в госаппарате было таково: среди советских дипломатов (полпредов) русских было 6, армян — 2, латышей — 1, евреев — 13; в Правительстве СССР из 18 наркомов 9 наркомов и 12 замести-

[1] *Платонов О.А.* Бич Божий: Эпоха Сталина. М., 2005. С. 20.

телей были евреи. Особенно большой процент лиц данной национальности наблюдался в высших органах НКВД и госбезопасности[1].

В годы войны, как среди дипломатов, так и среди членов Правительства (около 10 заместителей Председателя и 42 наркома) мы видим практически одни русские фамилии, за исключением Розалии Самойловны Землячки (Залкинд), Льва Захаровича Мехлиса, Исаака Моисеевича Зальцмана, Лазаря Моисеевича Кагановича, Семена Захаровича Гинзбурга. То есть, кадровая ситуация в этом отношении резко изменилась.

О. Платонов считает, что «вина старых большевиков (в основном, это лица еврейской национальности — *прим. авт.*) перед Русским народом была столь огромна, что этого не требовалось доказывать. Большинство русских людей в самом деле восприняло эти процессы как должный порядок вещей, как справедливое возмездие... Уничтожив в высшем руководстве большую часть еврейских большевиков, Сталин тем не менее, в силу двойственного своего положения, продолжал держать возле себя некоторое число «пламенных революционеров», старательно выполнявших все указания вождя. Конечно, больше других старался Каганович, бывший законченным садистом и ненавистником всего русского»[2].

Наряду с особенностями следует отметить и отличительные черты кадровой политики военного времени. Прежде всего, это ее прагматизм, жесткость, милитаризация, динамизм.

Чертой кадровой политики была концентрация власти в руках небольшой группы людей — «узкого круга» Политбюро. Во всех высших органах управления страной мы видим одни и те же лица — кроме Сталина, это Маленков, Берия, Вознесенский, Микоян и некоторые другие. Они и решали все ответственные кадровые назначения. Следует согласиться с мнением Н.И. Кондаковой, что приметой времени было сохранение представительства в «кадровой обойме» привычных, уважаемых в народе людей типа К. Ворошилова, С. Буденного, И. Папанина, М. Громова, В. Гризодубовой, даже если кто-то из них перестал соответствовать новым требованиям. Это, думается,

---

[1] *Платонов О.А.* Бич Божий: Эпоха Сталина. С. 22—27.

[2] Там же. С. 34, 76—77.

делалось в интересах спокойствия общества, а также для преемственности руководства[1].

Важной чертой было то, что главным критерием оценки деятельности руководящих кадров были результаты работы. Кроме того, для сталинской кадровой политики было характерно полное отсутствие у нее демократических начал, абсолютная прикрепленность человека к государству и отсутствие у него права выбора рода и места работы. Его направляли туда, куда «пошлет партия».

Процедура выдвижения людей на ответственные посты и их снятия была окутана завесой секретности. Как учил Н. Макиавелли, механизм властвования должен быть скрыт от народа. Но внезапность выдвижения того или иного человека не означала отсутствия внимания к этому вопросу и поспешности. Секретариат, Управление кадров ЦК ВКП(б) и лично Сталин внимательно изучали каждого потенциального выдвиженца с точки зрения его политических, профессиональных, деловых и нравственных качеств.

Важной чертой кадровой деятельности была постоянная вертикальная и горизонтальная ротация кадров, формирование кадрового резерва и работа с ним.

Как отдельную черту следует рассматривать повышение требований к служебной дисциплине, политическому и моральному облику руководящих кадров. Строго преследовались случаи их «морального разложения», такие, как пьянство, обман, коррупция, уход из семьи и т.д. В качестве примера можно привести уже называвшееся постановление заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) от 21 августа 1941 г. «О тов. Фадееве А.А.».

Политбюро объявило А.Фадееву выговор за «моральную распущенность». Но оно почему-то не учло тот факт, что секретарь Союза Советских писателей фактически дезертировал с фронта. Такая снисходительность объясняется тем, что А. Фадеев был знаменитым советским писателем и важной номенклатурной персоной.

Наконец, важнейшей чертой кадровой политики той поры были формирование и работа военно-политической верхушки в сталинской

---

[1] *Кондакова Н.И.* Война, государство, общество. 1941—1945 гг. М., 2002. С. 65.

кадровой «команде». Эта команда была еще в предвоенные годы подобрана Сталиным и объединена единством целей и корпоративных интересов. Во главе ее стоял вождь, указания и распоряжения которого выполнялись беспрекословно. С началом войны состав сталинской «команды» видоизменился. В узком смысле слова «командой» вождя в войну был весь состав Государственного Комитета Обороны, который он сам подбирал.

В широком смысле слова кадровой «командой» Сталина являлся состав ЦК партии, включая всех наркомов и руководителей республиканских, краевых и областных парторганизаций. Наиболее близко к вождю в военное время, как показывает анализ проблемы, приблизились: Г. Маленков, Л. Берия, А. Жданов, Н. Вознесенский, А. Щербаков, Н. Булганин, А. Вышинский, т.е. сравнительно молодые политики. Их отношения и сотрудничество нельзя назвать бесконфликтными. Но верность вождю сводила их в единую группу. Способствуя разжиганию споров, он получал пользу от дискуссий между членами Политбюро и взаимной вражды. Каких-то дружеских связей и группировок в Политбюро он не терпел.

Таким образом, в годы минувшей войны сталинская кадровая политика, имея сугубо прагматическую направленность, явилась важным механизмом государственного и военного управления. Наряду с негативными моментами, связанными с монополией ВКП(б) на кадры, она отличалась динамизмом, продуманностью, целеустремленностью и действенностью.

СТАЛИНСКИЙ СТИЛЬ РУКОВОДСТВА

Государственная кадровая политика неотделима от стиля и методов государственного руководства, которые выступают важным составным элементом всей системы государственного управления и деятельности государственного аппарата. От них зависит конечный результат любого вида управления — выполнение принятого управленческого решения. Особое значение это имеет для политического руководства — высшего уровня процесса государственного управления. Политическое руководство в любой стране конституировано, законодательно формализованно и выступает важнейшей управленческой функцией политической системы общества.

Стиль в работе — это совокупность приемов какой-нибудь деятельности, поведения; совокупность использования средств деятель-

ности[1]. Под стилем руководства следует понимать реально используемую систему способов, средств и форм повседневной деятельности руководящих органов и должностных лиц, наделенных властью.

Стиль политического руководства рассматривается с различных позиций и зависит прежде всего от личностных, деловых, моральных качеств руководителя. Стиль политического руководства вариативен и имеет тенденцию к сменяемости в зависимости от изменения политической среды или смены лидера. Стиль политического руководства всегда персонифицирован и во многом зависит от типа личности и темперамента руководителя. Практика показывает, что существует три основных (классических) стиля руководства: авторитарный, демократический и либеральный (популистский). Замечено, что для достижения эффективности государственного управления требуется динамика стиля руководства. Поведение руководителя должно быть разным в разных ситуациях.

Сталинский стиль политического руководства, сформировавшийся в политических схватках 20—30-х годов, был авторитарным, жесткодирективным, командно-административным. В условиях Великой Отечественной войны жесткость стиля руководства еще более усилилась. У войны был свой стиль и ритм руководства армией и обществом. Изменилась военно-политическая ситуация — скорректировался и стиль руководства армией, государством и обществом.

Стиль политического руководства включает в себя: стиль лидерства, стиль принятия политических решений, стиль межличностного общения. В Сталине доминировал ярко выраженный стиль «лидера-знаменосца» и «лидера-пожарного», ведущего за собой людей и отвечающего за все в стране. Эти характеристики ассоциировали его с вождем. Сталинский стиль принятия политических решений — жесткий со склонностью к осторожности. Вождь принимал решения сам. При этом он не любил рисковать и редко играл в демократию. Стиль межличностных отношений Сталина определялся его статусом и социально-психологической характеристикой. Поэтому к окружающим он относился с высоким доминированием и экстраверсией. Он подавлял людей своей властью и авторитетом. По свидетельству

[1] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1978. С. 706.

очевидцев, только два человека в стране — В. Молотов и Г. Жуков могли ему робко возражать.

Стиль политического руководства реализуется, прежде всего, через методы государственного управления. Под методами государственного управления понимается совокупность средств, способов и приемов осуществления в масштабе государства управленческой деятельности и реализации государственных функций. Методы управления — это средства приведения в действие механизма государственного управления. От того, какими методами управления в конкретной обстановке пользуется государственная власть, зависит в конечном счете эффективность всей системы государственного управления.

В практике государственного управления различают методы: административные (распорядительные), экономические, политико-правовые, социально-психологические и морально-этические. По характеру воздействия методы управления традиционно делятся на методы убеждения, поощрения и принуждения.

Сложная военная обстановка потребовала максимальной адекватности стиля и методов руководства тем событиям, которые происходили на фронте и в тылу. Опыт минувшей войны свидетельствует о том, что в Государственном Комитете Обороны использовались самые разные методы управления. Доминирующим методом деятельности государственных органов и должностных лиц в то время стал административно-командный метод, который весьма скоро по ходу военных действий трансформировался в метод приказа, принуждения и открытых репрессий. Такая тенденция была, на наш взгляд, оправданной в экстремальной военной обстановке. В любой стране, находящейся в состоянии войны, превалировали подобные методы руководства, поскольку демократические способы управления в военных условиях не срабатывали. Чрезвычайные условия войны требовали чрезвычайных методов регулирования обществом.

Переход к открытым административно-принудительным методам и жесткодирективному стилю руководства был одной из главных особенностей перестройки системы государственного управления СССР в условиях начавшейся войны. Хотя, объективно говоря, резкого перехода к административно-принудительным методам руководства с началом войны не было, поскольку в СССР еще с 30-х годов сложилась и действовала административно-командная система. Война

абсолютизировала административно-командную систему, ужесточив стиль и механизм административного управления.

Суть административного стиля управления заключается в том, что он содержит в себе способы, приемы и действия прямого и обязательного определения поведения людей или деятельности учреждений со стороны государства и его органов.

Основными признаками административного стиля руководства являются:

во-первых, прямое влияние государственного органа или должностного лица на волю исполнителей путем установления их обязанностей, правоограничений, норм поведения и дачи конкретных команд и распоряжений;

во-вторых, односторонний выбор способа решения стоящей задачи, варианта поведения, однозначное решение проблемы, подлежащее обязательному исполнению и контролю;

в-третьих, безусловная обязательность распоряжений и указаний властей, невыполнение которых влечет за собой различные виды юридической ответственности, вплоть до уголовной.

Способы и приемы административного воздействия основываются на власти руководителя и представляют, таким образом, методы властной мотивации, опирающейся на принуждение или на угрозу принуждения.

Методы государственного управления, которые применяла политическая, военная и хозяйственная элита страны в период Великой Отечественной войны, в полной мере соответствовали перечисленным признакам. Главными принципами руководства тогда были: «приказ-исполнение», «команда-принуждение», «директива-контроль за ее исполнением». Жесткоадминистративное воздействие на объект управления (армия, народ) основывалось на применении власти со стороны партийно-советского руководства.

Изучение опыта административного управления в СССР в 1941—1945 гг. показывает, что ему были присущи определенные черты и особенности, которые можно рассматривать как самостоятельные методы управления. Стиль сталинского политического руководства в войну включал в себя следующие методы управления:

— директивно-приказной метод;

— метод милитаризации управления;

— метод максимального централизма и единоначалия;

— метод репрессий, физического и психологического принуждения;

— метод материального стимулирования;

— метод планового государственного управления.

Рассмотрим наиболее характерные методы государственного управления, т.е. способы и приемы деятельности государственного аппарата СССР в исследуемый период.

Директивно-приказной метод в войну стал основным способом прямого воздействия властей на госаппарат и массы. Главным средством реализации принятых исполнительной властью решений были директива, приказ, отданные вышестоящим государственным органом. Рассматривая понятие «директива» в широком смысле, мы имеем в виду прежде всего все формализованные нормативно-правовые акты государства и партии, а также устные указания партийного и советского начальства, данные подчиненным.

Директива — это метод административного и психологического воздействия на поведение и деятельность людей в целях выполнения принятых властями решений. Она под страхом репрессий подлежала незамедлительному и беспрекословному исполнению всеми государственными и общественными структурами, должностными лицами и гражданами. Это особенно было актуальным в условиях войны, когда все директивы должны были исполняться любой ценой, зачастую под страхом смерти.

Сказанное можно проиллюстрировать на примере принятия и проведения в жизнь сталинской директивы партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г.[1] Это был первый документ высшего уровня, объективно оценивавший сложившуюся ситуацию и ставивший реальную цель.

Директива впервые обнародовала правительственную программу перестройки страны на военный лад и жестко потребовала от партийных и советских органов и их руководителей отказаться от благодушно-мирных настроений, осознать смысл угрозы, нависшей над Отечеством, и мобилизовать все силы народа для разгрома врага. Наряду с этим центр своей распорядительной деятельностью сумел органи-

---

[1] Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн. 1. С.500—501.

зовать на местах исполнение требований названного документа, координацию усилий и строжайший контроль за ее реализацией в жизнь.

Метод милитаризации государственного управления рассматривается как совокупность специальных военизированных способов и приемов управления делами государства, общества и действующей армии в условиях войны.

Этот метод руководства означал, что с 22 июня 1941 г. оборона Советского Союза стала главный и важнейшей функцией государства, которой подчинялась вся его деятельность. Государственный аппарат стал частью военного организма страны. Война потребовала управлять по-военному не только в собственно военной сфере (действующая армия, оборонная промышленность), но и во всех других областях жизни и деятельности государства и общества. Для работы по-военному от каждого государственного органа, должностного лица, учреждения, всех граждан требовались высокая четкость и организованность, строгая субординация и исполнительность, высокий уровень порядка, ответственности и дисциплины.

Милитаризация управления проявлялась также в том, что многие гражданские ответственные работники, служащие партсоваппарата, будучи призванными в Красную Армию, перешли на военную работу, в основном на военно-политические должности в действующую армию. 29 июля 1941 г. ГКО своим постановлением № 318 направил в действующую армию целый ряд членов ЦК ВКП(б), назначив их членами военных советов армий и фронтов[1]. На основании постановления ГКО № 463 от 16 августа 1941 г. «О введении института комиссаров в танковых батальонах, танковых ротах, батареях и артдивизионах» в войска было мобилизовано большое число партийных и советских работников среднего звена[2].

С другой стороны, многие кадровые военные, главным образом по ранению, переводились в тыл на руководящую и административную работу в районные, городские и областные исполкомы Советов депутатов трудящихся, в райкомы, горкомы и обкомы ВКП(б).

Наконец, с началом боевых действий в государственных органах, организациях и учреждениях, на транспорте и в промышлен-

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 78.

[2] Там же. Д. 6. Л. 160.

ности был законодательно установлен и введен режим военного времени — без отпусков и выходных дней, со сверхурочными работами, с уголовной ответственностью за опоздания и прогулы[1].

Итак, в военное время методы государственного управления не только Красной Армией, не только оборонной промышленностью и транспортом, но и всем народным хозяйством страны, всем советским обществом стали военными, милитаризованными. Нельзя сказать, что подобных методов руководства не было раньше, но с вступлением страны в войну они получили новый импульс, став всеобъемлющими.

Централизм и единоначалие, как метод государственного управления, предполагал полную и безусловную власть центра над регионами, власть руководителя над подчиненными. Жесткая централизация в условиях войны диктовалась объективной необходимостью сосредоточить все силы, ресурсы и полномочия в едином центре — в Москве, в Кремле, в Государственном Комитете Обороны, в руках, так сказать, «интегрального полководца». Это был важнейший и необходимый элемент государственного управления в военное время.

Но у централизма был и серьезный недостаток, который давал о себе знать. Замкнутость управленческих решений на узком круге лиц в Кремле подчас лишала систему государственной власти в такой огромной стране, как СССР, необходимой гибкости, оперативности и инициативы. Централизм порождал боязнь принятия самостоятельных решений.

Все политические, военные, экономические и социальные вопросы с началом боевых действий решала исполнительная власть, возглавляемая лично И. Сталиным, который являлся, таким образом, главным единоначальником в стране. Законодательные органы были фактически отстранены от решения государственных проблем.

Административная вертикаль: приказ — исполнение действовала на всех этажах централизованной государственной бюрократической

---

[1] О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г.; Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. и др.

системы. Постановления Государственного Комитета Обороны за подписью И. Сталина должны были неукоснительно выполняться Совнаркомом СССР, Ставкой Верховного Главнокомандования, Центральным Комитетом партии; распоряжения Правительства — наркоматами, а приказы последних — заводами и организациями. В. Бережков, личный переводчик В. Молотова и очевидец тех событий, вспоминал, что в тот период все в стране — от рабочего до члена Политбюро осознавали, что невыполнение воли «хозяина» может стоить головы. И этот механизм, говорит он, действовал[1].

Данный метод управления также не был новым для сталинской политической системы. Централизованная структура партийно-государственных органов в Советском Союзе сложилась с времен «великого перелома» 1929 г. С началом войны эта структура, рассчитанная на функционирование в чрезвычайных условиях, получила дополнительный мощный импульс и логическое завершение. Неизбежные в период войны централизация, единоначалие и концентрация власти явились в ходе перестройки страны с мирного на военный лад окончательным завершением строительства тоталитарной системы власти в стране и установлением единовластия И.В. Сталина.

Прямым следствием централизации и единоначалия в государственном управлении в военное время явился отход от коллегиальности принятия управленческих решений. В ГКО в отличие от Политбюро ЦК коллективных решений не было — все решал вождь. Наступила эра единодержавия, «красной монархии».

При рассмотрении и утверждении важных решений военно-стратегического или политического характера И. Сталин, как правило, опирался на узкий круг преданных ему людей — так называемый узкий состав Политбюро (В. Молотов, К. Ворошилов, А. Микоян, Л. Берия, Г. Маленков, Н. Вознесенский). После создания ГКО 30 июня 1941 г.[2] этот круг еще более сузился, а власть вождя возросла. При этом И. Сталин много слушал, но мало прислушивался к мнению присутствующих. Поэтому обсуждение сложных государственных вопросов на заседаниях ГКО, проходивших обычно в крем-

[1] *Бережков В.М.* Рядом со Сталиным. М., 1998. С. 242.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 38. (протокол заседания Политбюро № 163).

левском кабинете Сталина или на его кунцевской даче, всегда завершалось единодушным одобрением предложений и решений вождя.

Ряд авторов мемуаров вспоминают, что при решении того или иного важного вопроса оказывалось, что этот вопрос Сталин уже заранее решил. Так, еще в самом начале войны генерал Н. Ватутин, позвонив Начальнику Генштаба Г. Жукову на Юго-западный фронт, сообщил, что И. Сталин приказал поставить его подпись под директивой № 3. На возражение Жукова, что мы не знаем военной обстановки, Ватутин ответил: «Я разделяю вашу точку зрения, но дело это решенное»[1]. Решенное, конечно, вождем.

Примечательно то, что никто из окружения И. Сталина, за исключением, пожалуй, В. Молотова и Г. Жукова, не мог противопоставлять вождю свое мнение. Г. Жуков по этому поводу впоследствии отмечал, что означало идти наперекор Сталину и заявлять что он не прав, что он ошибается. Это могло тогда означать то, что, еще не выйдя из здания, ты поедешь «пить кофе к Берии», т.е. будешь арестован[2].

На заседаниях ГКО и Ставки ВГК, как показывает анализ источников, мнение вождя было бесспорным и окончательным. До Сталинградской битвы он мало прислушивался к точке зрения военных. Он никому не делегировал своих полномочий. Очевидно, что обсуждение вопросов на заседаниях ГКО было необходимо как процедура, как публичное подтверждение сталинской правоты и прозорливости.

Важен еще один момент, связанный с единоначалием. В. Бережков пишет, что В. Молотов болезненно переживал те моменты, когда И. Сталин не утверждал написанный им документ. «Слишком частые повторения подобных ситуаций могли вызвать гнев и даже подозрения в том, что нарком, который должен одинаково с ним мыслить, чуть ли не преднамеренно подкапывается под его, Сталина, позицию. Он не мог допустить и мысли, что прав, а заблуждается Сталин. К тому времени уже все в окружении вождя были готовы безоговорочно признать его правоту, даже порой, не вникнув в существо вопроса»[3].

Подобная методика принятия решений копировалась на других уровнях власти. На уровне края, области в тыловых регионах

---

[1] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Кн. 1. С. 270.

[2] *Горьков Ю.А.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 83.

[3] *Бережков В.М.* Рядом со Сталиным. С. 242.

страны безусловным и непререкаемым было мнение первого секретаря обкома партии.

Отмена коллегиальности в военное время в то же время имела и негативные последствия — ошибочные решения высоких руководителей вели к тяжелым для страны последствиям. К тому же, они тиражировались на местном уровне. Известно, что у И. Сталина и Политбюро были такие ошибки, особенно в 1941—1942 г. Взять хотя бы директивы № 2 и № 3 от 22 июня 1941 г., инициированные и санкционированные вождем.

В военное время метод репрессий, государственного принуждения и ужесточения карательной политики также был сразу взят на вооружение советским военно-политическим руководством. С началом войны убеждение довольно быстро уступило главенствующее место методу принуждения и стало применяться повсеместно и широко как в армии, так и в тылу. Порядок его применения был как судебный, так и внесудебный (особенно это проявлялось на передовой позиции в действующей армии).

До войны советская политическая система имела богатый опыт социального принуждения — достаточно вспомнить насильственную коллективизацию сельского хозяйства и годы «большого террора» 1937—1938 гг., когда уничтожались целые социальные слои. Большевики уничтожили такие российские сословия, как дворянство, духовенство, крестьянство.

Война как бы узаконила карательную политику государства. Ее ужесточение, начавшееся с первых дней войны, проявляло себя во всех сферах — военной, социально-политической, экономической, кадровой.

И. Сталин, как опытный и тонкий политик, после провального начала войны понял, что теперь ставку в управлении обществом и армией надо делать на два начала: на чувство национального патриотизма русского народа и на физиологическое чувство страха человека. Поэтому за подписью вождя только в первые полгода войны вышел ряд нормативно-правовых актов, резко усиливавших уголовную ответственность в стране:

— 22 июня 1941 г.— Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий»;

— 24 июня 1941 г.— постановление СНК СССР «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов»;

— 25 июня 1941 г.— постановление СНК СССР «О сдаче населением радиоприемников и передающих устройств»;

— 26 июня 1941 г.— Указ Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время»;

— 6 июля 1941 г.— Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу населения»;

— 16 июля 1941 г.— постановление ГКО об аресте и предании суду военного трибунала генералов Д.Г. Павлова, В.Е. Климовских и некоторых других руководителей Западного фронта;

— 17 июля 1941 г.— постановление ГКО «О преобразовании органов 3-го управления в особые отделы с правами ареста дезертиров, расстрела на месте, создания вооруженных отрядов из войск НКВД»;

— 24 июля 1941 г.— решение ГКО об объединении НКВД и НКГБ в единый НКВД СССР под руководством Л.П. Берия;

— 16 августа 1941 г.— приказ Ставки ВГК № 270 «О случаях трусости и сдачи в плен и мерах по пресечению таких действий»;

— 12 сентября 1941 г.— директива Ставки ВГК «О создании заградительных отрядов»;

— 6 октября 1941 г.— постановление ГКО о расстреле в Орловской тюрьме 170 заключенных за «террористическую, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу»;

— 19 октября 1941 г.— постановление ГКО «О введении осадного положения в Москве и прилегающих к ней районов»;

— 17 ноября 1941 г.— постановление ГКО «О предоставлении Особому Совещанию НКВД права назначать меры наказания вплоть до расстрела по ст. 58—59»[1].

В войну советскому военно-политическому руководству с большим трудом, но удалось справиться с ситуацией и вернуть управляемость действующей армией и обществом. Надо признать — положение на фронтах смогли выправить не только благодаря самоотверженности

[1] Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 478—483.

бойцов и командиров, но и вследствие мощного административного нажима, применения репрессий против тех, которые дрогнули и побежали. Сталинские приказы № 270 от 16 августа 1941 г. и № 227 от 28 июля 1942 г. были жестокими актами, но, давайте согласимся, с их помощью в конце концов удалось стабилизировать обстановку на фронте и остановить немцев.

В 1941—1942 гг. военными трибуналами фронтов и армий было приговорено к расстрелу «за паникерство, трусость и самовольное оставление поля боя» 157 593 человека[1]. Это 16 полнокровных стрелковых дивизий. Вина большинства этих «паникеров» состояла в том, что они растерялись, не знали, как действовать и поэтому отступали. Но главная причина этого лежала в утрате управления войсками, в крупных просчетах высшего военно-политического руководства.

В тяжелый для страны момент лета — осени 1941 г. и лета-осени 1942 г. именно воля И. Сталина заставила многих людей на передовой призвать свое личное мужество, одолеть малодушие под страхом смерти. Таким путем, а именно методом принуждения и репрессий вождь компенсировал свои стратегические просчеты, допущенные им в начале войны в политической и военной областях.

В военной обстановке метод принуждения и репрессий завершил строительство административно-командной системы в стране.

Надо отметить, что властями в тот период активно использовался и метод убеждения, который проводился в жизнь путем манипуляции общественным сознанием через массовую и всеохватывающую пропаганду.

Но карательный метод не являлся всеобъемлющим. Власть, прежде всего, спасая себя, осознала, что путь постоянных репрессий в войну — это путь к ее гибели. Поэтому в ходе войны Сталин, трезво оценив ситуацию, несколько приостановил маховик репрессий. Власть смогла поставить себя в рамки нормального для условий военного времени государства, отведя ему роль не столько карательную, сколько фискальную и стимулирующую.

Начиная с весны 1942 г. как на производстве, так и на фронте стал довольно активно применяться метод материального стимулирования. В экономике этот метод внедрялся на волне развернувше-

---

[1] *Волкогонов Д.А.* Семь вождей: Кн. 1. С. 219.

гося в стране Всесоюзного соревнования рабочих и ИТР по отраслям промышленности. Его суть заключалась в том, что за перевыполнение государственных планов «стахановцам» выдавались денежные премии и предоставлялось дополнительное питание (так называемые стахановские обеды). На фронте основным средством стимулирования были денежные выплаты за подбитые немецкие танки и самолеты.

Государственное управление в военной обстановке проводилось в жизнь на основе планового метода руководства, апробированного в СССР еще в 20—30-х годах. В основном, это касается не политического, а хозяйственного руководства в стране. Война не отменила народнохозяйственного планирования — основы советской экономики. Изменились лишь подходы к нему, исходя из стоящих военных задач, условий, ресурсов, средств, сроков и других параметров. Все это обусловило новое качество планового управления народным хозяйством и обществом. В первый период войны преобладало текущее планирование — на месяц-квартал, которое всецело зависело от обстановки на фронте.

Нападение Германии на СССР сорвало выполнение третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства страны. Госплан СССР, возглавляемый Н.А. Вознесенским, по заданию Политбюро ЦК экстренно разработал военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г.[1], который был утвержден руководством страны. Наряду с этим Госплан разрабатывал месячные планы с учетом быстро менявшихся задач и условий, в соответствии с которыми перестраивались и органы государственного управления. Конечно, не все планы удавалось реализовать, но сама идея и процесс планирования, как метод работы государственного аппарата, в военное время оставались актуальными и достаточно действенными. С 1943 г. государственное управление стало функционировать на основе не только текущих, но и перспективных (годовых) планов.

Итак, несмотря на сложность военной обстановки, советское руководство не отказалось от практики государственного планирова-

---

[1] О военно-хозяйственном плане на 4-й квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 августа 1941 г.

ния, считая ее надежным и проверенным средством управления государством и обществом.

Изучение истории минувшей войны выявило основные черты и особенности административного управления в годы войны. Ими были: усиление роли государства и его органов в процессе управления; монопольная роль первого лица в государстве в процессе принятия государственных решений; динамизм и оперативность принятия и реализации управленческих решений; экстремальность и мобилизационная направленность управления; жесткий контроль деятельности государственных, военных и партийных органов; учет опыта Первой мировой и Гражданской войн; привлечение к решению государственных задач различных народно-патриотических фондов и движений в помощь фронту, возможностей Русской Православной церкви, антифашистских общественных организаций и т.д.

Говоря об одной из важнейших особенностей стиля государственного управления в военное время — динамизме и оперативности принятия и реализации управленческих решений, необходимо сказать следующее.

Прежде всего, следует отметить достаточно высокий и наработанный в аппарате Кремля процедурный и технологический уровень принятия государственных решений. Весь управленческий цикл принятия решений, постановки задач и организации выполнения сталинских директив был отрегулирован и жестко регламентирован. Все процессы и технологии этого цикла — анализ и оценка ситуации, определение цели, прогнозирование и планирование действий, принятие решения и издание нормативных актов, организация исполнения принятых решений, оперативное информирование и подведение итогов — находились под строгим и перекрестным контролем — партийным, государственным и спецконтролем «Особого сектора» и личного секретариата И. Сталина (его «внутреннего кабинета»).

Таковы наиболее характерные административные методы государственного управления, активно применявшиеся в деятельности государственного аппарата СССР в годы войны.

Большое значение в деле повышения эффективности системы государственного управления в исследуемый период играл стиль деятельности высших должностных лиц, прежде всего, И. Сталина и других членов Политбюро.

Стиль личного руководства — это устойчивая манера поведения руководителя по отношению к подчиненным, позволяющая оказывать на них воздействие в целях решения стоящих задач. В основе своей стиль объективен, но он субъективно окрашен, поскольку на него активно влияют индивидуальные характеристики руководителя — деловые, интеллектуальные, моральные, психологические.

С этой точки зрения стиль деятельности И. Сталина и его ближайшего окружения в первый период Великой Отечественной войны представляет особый интерес.

Исследование вопроса показывает, что из трех классических стилей руководства — автократического, демократического и либерального, сталинская «команда» отдавала явное предпочтение первому. Это закономерно, поскольку и цели, стоявшие перед страной в военных условиях, и доктринальные установки партии, и личные качества руководителей не оставляли другого выбора. Более того, полагаем, что достичь победы в войне с гитлеровской военной машиной можно было, используя только авторитарный, директивный стиль управления.

Основными чертами сталинского директивного стиля руководства в период войны являлись:

— безмерная концентрации власти в одних руках;

— приверженность к единоначалию в гипертрофированных формах;

— императивность, т.е. воздействие на людей только посредством приказов и директив;

— жесткость в межличностном общении с подчиненными;

— самовластное решение не только вопросов государственной важности, но и большинства мелких вопросов;

— строгая ответственность подчиненных;

— неприятие возражений и критики в свой адрес, догматизм и непризнание своих ошибок;

— жесткий контроль действий и поведения подчиненных;

— ярко выраженные лидерство и вождизм.

Вместе с тем в военное время данный стиль управления позволял работать динамично и оперативно, давал возможность в короткие сроки мобилизовать людей и ресурсы для решения стоящих перед страной задач. Опытом доказано, что автократ много работает сам и заставляет работать других. Он способен брать ответственность

на себя, соблюдая осторожность, идти на расчетливый риск, строго спрашивать с подчиненных, четко действовать по плану и реализовать его вопреки любым препятствиям. Именно этого требовала от советского руководства война. И примерно так оно действовало.

О характерных чертах сталинского стиля руководства в военное время убедительно говорят в своих воспоминаниях многие участники и очевидцы тех событий. Одни авторы, такие как В. Молотов, Я. Чадаев, Г. Жуков, Д. Устинов и ряд других, превозносят стиль работы вождя, считая его мудрым, принципиальным, деловым, другие — Н. Хрущев, А. Микоян, наоборот, называют его стиль управления хитрым, жестоким, авторитарным и даже некомпетентным. По нашему мнению, истина лежит посредине. И. Сталин был мудрым, но жестоким политиком и человеком.

Наибольший интерес представляют, на наш взгляд, те эпизоды жизни и деятельности вождя, которые показывают, как И. Сталин проводил заседания ГКО, Политбюро, Ставки в своем рабочем кабинете, как он относился к людям, как руководил ими, каковы были черты его личного характера. Важен вопрос о стиле работы окружения вождя — членов ГКО и Политбюро. Наконец, интересен вопрос, как трудились чиновники второго эшелона, составлявших аппарат ГКО, ЦК и Правительства СССР.

Стиль управления высших должностных лиц и работников государственного аппарата во многом зависел от режима работы в Кремле первого лица государства. Интересную информацию по этому поводу оставил нам Г.К. Жуков, который часто бывал в кабинете вождя и которому И. Сталин в годы войны особо доверял как полководцу.

«И.В. Сталин обычно работал в Кремле в своем рабочем кабинете. Это была просторная, довольна светлая комната, стены которой были обшиты мореным дубом. В ней стоял длинный, покрытый зеленым сукном стол. На стенах — портреты Маркса, Энгельса, Ленина. Во время войны появились, кроме того, портреты Суворова и Кутузова. Жесткие стулья, никаких лишних предметов. Огромный глобус помещался в соседней комнате, рядом с ним стол, на стенах различные карты мира. В глубине кабинета, у закрытого окна стоял рабочий стол И.В. Сталина, всегда заваленный документами, бумагами, картинами. Здесь были телефоны ВЧ и внутрикремлевские, лежала стопка отточенных цветных карандашей. И.В. Сталин обычно делал свои записи синим карандашом, писал быстро, размашисто, разборчиво.

Вход в кабинет вел через проходную комнату А.Н. Поскребышева и небольшое помещение начальника личной охраны Верховного Главнокомандующего. За кабинетом небольшая комната отдыха. В комнате связи стояли телеграфные аппараты для переговоров с командующими фронтами и представителями Ставки. Распорядок дня И.В. Сталина был несколько необычный. Работал он, главным образом, в вечернее и ночное время. Вставал не раньше 12 часов дня. Приспосабливаясь к распорядку дня И.В. Сталина, до поздней ночи работал ЦК партии, Совет Народных Комиссаров, наркоматы и основные государственные и планирующие органы. Это сильно изматывало людей».[1]

Начальник Главного артиллерийского управления РККА Н.Д. Яковлев, часто бывавший на заседаниях в сталинском кабинете, вспоминал: «В первые недели войны И.В. Сталин приезжал в Кремль, в свой кабинет, днем. Затем — обычно часам к восемнадцати- девятнадцати. В октябрьско-декабрьские дни 1941 года — то днем, то к восемнадцати часам. В остальные месяцы войны в своем кабинете находился обычно с восемнадцати до двух-трех часов ночи, после чего он и члены Политбюро или уходили на квартиру Сталина, или уезжали к нему на ближнюю дачу. И там до утра продолжалось обсуждение разных партийно-государственных вопросов»[2].

Об этом же писал Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, вспоминая свою поездку в Кремль 10 сентября 1941 г.[3].

Интересную подробность отмечает в своих мемуарах В.М. Бережков. «Стояла глубокая ночь конца июля 1941 года,— пишет он. Но весь огромный правительственный аппарат продолжает действовать. Сталин еще занят делами в своем кабинете, и каждый высокопоставленный деятель, будь то член Политбюро, нарком или военачальник, остается на месте в ожидании возможного вызова к «хозяину». Час назад по «вертушке» нарком оборонной промышленности Устинов спросил меня, ушел ли Молотов домой.... Уход Молотова — верный сигнал к тому, что и Сталину больше никто не понадобится.

---

[1] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Кн. 1. С. 343, 345.

[2] *Яковлев Н.Д.* Об артиллерии и немного о себе. М., 1982. С. 67—68.

[3] *Кузнецов Н.Г.* На флотах боевая тревога. М., 1971. С.77—78.

«Сообщи, пожалуйста, когда твой уйдет»,— слышится усталый голос[1] (голос Д. Устинова.— *Прим. авт.*).

Эту же информацию подтверждает Н. Байбаков, в 1942 г. замнаркома нефтяной промышленности: «...обстановка в наркомате была напряженная. Наркомы и их заместители работали в сталинском режиме. То есть и днем и ночью находились на рабочем месте. Представляете, по-моему, часов в пять утра Поскребышев, завсекретариата ЦК, обзванивал всех и сообщал: мол, Сталин уже отдыхает. И только тогда уходили спать Берия, Молотов и прочие члены Политбюро»[2].

Сотрудники аппарата ГКО и Правительства, находясь на своих рабочих местах до 3 часов ночи, ежедневно приходили на службу к 10 часам утра. Они работали с большой перегрузкой, буквально на износ.

Как проходили официальные заседания в кабинете Сталина? Как готовились и принимались государственные решения?

Характерным в работе ГКО было то, что даже важнейшие вопросы государственной жизни и военного строительства решались без соблюдения демократических процедур, опросным порядком. Такой подход приводил к субъективизму, но в сложившейся ситуации оказался неизбежным. И. Сталин, занимая множество высших постов в государстве и партии, в течение суток принимал сотни решений, связанных с различными аспектами вооруженной борьбы и работы тыла. Представленный наркоматами справочный материал зачастую в расчет не принимался. Вождь решал все сам.

Но со временем под воздействием ряда факторов стиль работы Сталина изменился. Он стал больше считаться с объективной действительностью, мнением его окружения, специалистов. Его позиция: «То, что я решил, должно быть» — уступила место более трезвому расчету, основанному на учете реального положения дел: «Можно сделать только то, что можно».

Как проходили совещания у Сталина? Заслуживает внимания информация тех лиц, которые регулярно вызывались на эти совещания и участвовали в них. Управляющий делами и глава секретариата

---

[1] *Бережков В.М.* Рядом со Сталиным. С. 15.

[2] *Химич О.* Нарком Сталина // Московский комсомолец. 2005. 13 мая.

СНК СССР Чадаев Я.Е., протоколировавший большинство заседаний ГКО, вспоминает: «Сталин обладал уменьем вести заседания экономно, уплотненно, был точен в режиме труда, лаконичен в словах и речах... В дальнейшем он установил порядок, по которому по очереди некоторые из его заместителей вели заседания Бюро Совнаркома. В частности, это поручалось Вознесенскому, Косыгину, Маленкову и Берии. Во время заседаний Сталин мало сидел на председательском месте, и я всегда внимательно оглядывал движущуюся мимо меня фигуру в защитном френче, вглядывался в его манеру держать себя, прислушивался к его неторопливой негромкой речи»[1].

Член Политбюро и ГКО А.И. Микоян сообщает: «Небезынтересно рассказать, как проходили заседания у Сталина во время войны. Официальных заседаний ГКО Сталин не собирал. Вопросы обычно решались оперативно, по мере их возникновения узким составом Политбюро. В полном составе заседания бывали крайне редко, чаще всего нас присутствовало пять человек. Собирались мы поздно вечером или ночью и редко во второй половине дня, как правило, без предварительной рассылки повестки заседания. На таких заседаниях, проходивших в кабинете за длинным столом, Сталин сидел в головной его части или, по своей привычке, медленно ходил около него.

По одну сторону от него, ближе к стене, садились: я, Маленков и Вознесенский; напротив нас — Молотов, Ворошилов и остальные члены Политбюро. У другого конца стола и около стены находились все те, кто вызывался для докладов...

Протоколирования или каких-либо записей по ходу таких заседаний не велось. Решения по обсуждаемым вопросам принимались или непосредственно на самом заседании, когда проекты этих решений были заранее подготовлены и не встречали возражений, или их подготовка (или переработка) поручалась докладчику, а то и группе товарищей, которые потом представляли подготовленные ими проекты — непосредственно Сталину. Иногда короткие решения под диктовку Сталина записывал Молотов. В некоторых случаях для этого вызывался Поскребышев.

В зависимости от содержания решения оформлялись в виде либо постановления ГКО, либо постановления СНК или ЦК ВКП(б), а то

---

[1] *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. С. 385.

и совместного постановления СНК и ЦК ВКП(б). Мне представляется, что в период войны такой оперативной порядок решения вопросов был правильным и вполне оправданным»[1].

То же самое отмечают в своих мемуарах нарком вооружения Д.Ф. Устинов и Начальник тыла РККА А.В. Хрулев. Устинов: «Заседания ГКО, Ставки и Политбюро ЦК проходили у него в кабинете без официальной процедуры окончания работы одного органа и начала другого»[2]. Хрулев: «В кабинет Председателя ГКО всегда свободно входили члены ГКО, которые докладывали подготовленные проекты постановлений — каждый по своему кругу деятельности. Сюда беспрерывно являлись военные руководители, наркомы и другие ответственные лица не только по вызову, но и по своей инициативе, если у них возникал крупный и неотложный вопрос. Заседаний ГКО в обычном понимании, то есть с определенной повесткой дня, секретарями и протоколами, не было»[3].

По свидетельству лиц, бывавших в кабинете вождя, Сталин сидел во главе длинного стола, не выпуская из рук карандаша. Резолюции, пометки на документах он обычно делал своим синим карандашом. На письменном столе всегда стояла стопочка остро отточенных карандашей, главным образом этого же цвета. Когда же диктатор начинал писать длинный текст, то пользовался ручкой. В специальных сталинских блокнотах «К заседанию бюро» всегда множество записей, пометок, фамилий, цифр, часто для непосвященного совсем непонятных. Рассматривая рабочие записи, «бумаги» Сталина, порой можно подумать, что он шеф спецслужб, другой раз — что перед вами записи наркома авиационной промышленности или мецената. Уникальная, единственная в своем роде «должность» великого «вождя народов». Ни один российский император не обладал столь безграничными возможностями распоряжаться своими ресурсами, подданными, их волей и мыслью[4].

С 1939 г. установился новый порядок заседаний Политбюро и их и оформления. Очередные, плановые заседания были постепенно

---

[1] *Микоян А.И.* Так было. 463—464.

[2] *Устинов Д.Ф.* Во имя Победы. М., 1988. С. 160—162.

[3] Военно-исторический журнал. 1961. № 6. С. 66.

[4] *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. Кн. 1. С.262, 264.

вытеснены внеочередными, закрытыми заседаниями его «руководящей группы». Многие решения принимались «в рабочем порядке».

Сталин был очень требователен к выступающим с докладами на совещаниях. Г.К. Жуков по этому поводу говорил: «И.В. Сталин требовал ежедневных докладов о положении дел на фронтах. Чтобы идти на доклад к Верховному Главнокомандующему, нужно было быть хорошо подготовленным. Явиться, скажем, с картами, на которых имелись хоть какие-то «белые пятна», сообщать ориентировочные или тем более преувеличенные данные было невозможно. Он не терпел ответов наугад, требовал исчерпывающей полноты и ясности. У Верховного было какое-то особое чутье на слабые места в докладах или документах, он тут же их находил и строго взыскивал за нечеткую информацию. Обладая цепкой памятью, он хорошо помнил сказанное и не упускал случая довольно резко отчитать за забытое»[1].

Сталин был не только требователен, но и компетентен в решении обсуждаемых вопросов. Он тщательно готовился к заседаниям ГКО или Политбюро — изучал справки, предварительно советовался со специалистами. На наш взгляд, утверждение Н. Хрущева, что Сталин, как Верховный Главнокомандующий, руководил фронтами по глобусу, не соответствует действительности. «Сталин был далек от понимания развивающихся на фронте действительных событий,— писал уже после смерти вождя автор,— следует заметить, что Сталин разрабатывал операции на глобусе. Да, он обычно брал глобус и прослеживал на нем линию фронта...»[2]

По словам С. Штеменко, Генеральный штаб докладывал Верховному Главнокомандующему три раза в сутки: в 10—11 часов, обычно по телефону. Во всех случаях доклад начинался с фронта, где боевые действия носили наиболее напряженный характер. Вечером, в 16—17 часов, Сталину докладывал заместитель начальника Генштаба. А ночью мы ехали в Ставку с итоговым докладом за сутки. Перед тем подготавливалась обстановка на картах отдельно по каждому фронту с показом положения войск до дивизии. При этом С. Штеменко пишет, что «разговоры о руководстве действиями фронтов по глобусу» совершенно беспочвенны[3]. При решении военных вопро-

---

[1] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Кн. 1. С. 344.

[2] *Хрущев Н.С.* Воспоминания: Время. Люди. Власть. Кн. 1. С. 363.

[3] *Емельянов Ю.В.* Сталин: На вершине власти. С. 258—259.

сов Сталин требовал высокого качества информации и компетентных докладов.

Но в то же время Сталин, не будучи военным и не видевший сражений, не мог представить себе тактические проблемы, которые занимали головы полевых командиров. Действия воинских формирований меньше, чем армия, он понимал с трудом. По словам Д.А. Волкогонова, имевшего доступ к соответствующим архивам, Сталин придумал способ решать вопросы оперативного планирования, который сохранял его репутацию как Верховного Главнокомандующего. Во-первых, он всегда определял общую военно-стратегическую концепцию — например, в начале 1942 г.— «мы должны гнать противника на запад». Во-вторых, он корректировал конкретные оперативные военные планы и утверждал их. Авторитетное подытоживание Сталиным создавало впечатление, что это дело его рук.

Он предпочитал лично общаться с людьми, прибывшими с фронта. Во-первых, в ходе личной беседы можно лучше ознакомиться с обстановкой. Во-вторых, можно проверить людей и составить свое мнение о них. В-третьих, можно было поучиться у специалистов. И сам Сталин, и верховное командование в целом проявили способность учиться на собственных ошибках.

Сталинский нарком Д. Устинов говорил: «Без точных и обоснованных расчетов идти к Сталину было нельзя. Он как-то подчеркнул, что теперь война и каждый нарком оборонный отрасли промышленности должен быть готов дать четкий ответ, сколько и какого вооружения у него есть сегодня, будет завтра и послезавтра. Наиболее важные данные Сталин заносил в небольшую записную книжку, которую постоянно держал при себе»[1].

По поводу дискуссий и споров на совещаниях в кабинете И. Сталина уже говорилось. А. Микоян и Н. Хрущев, например, утверждали, что такие дискуссии были и они в них активно участвовали. Полагаем, что, говоря так уже после смерти Сталина, они стремились показать смелость своих суждений в Политбюро и свою особую активность в государственных делах.

А. Микоян: «Должен сказать, что каждый из нас имел полную возможность высказать и защитить свое мнение или предложение.

---

[1] *Устинов Д.Ф.* Во имя Победы. С. 160.

Мы откровенно обсуждали самые сложные и спорные вопросы. Встречая со стороны Сталина в большинстве случаев понимание, разумное и терпимое отношение даже тогда, когда наши высказывания были ему явно не по душе... Он с интересом слушал споры, умело извлекая из них ту самую истину, которая помогала ему потом формулировать окончательные, наиболее целесообразные решения[1].

Воспоминания Г. Жукова в этом отношении противоречивы: с одной стороны, он заявлял, что И. Сталин «вовсе не был таким человеком, которому нельзя было ставить острые вопросы или спорить с ним, твердо отстаивая свою точку зрения»[2], с другой стороны, говорил, что в случае спора с вождем потом была опасность того, что ты поедешь «пить кофе к Берии».

Внимательное изучение стиля управления И. Сталина показывает, что он любил, когда спорили другие, его подчиненные, а он в ходе спора выбирал верное, на его взгляд, решение. Ему не нравилось, когда кто-то серьезно спорил с ним. Английский премьер-министр У. Черчилль после переговоров с И. Сталиным в Москве в августе 1942 г. записал, что Сталин «не привык к тому, чтобы ему неоднократно противоречили»[3].

Постепенно вырабатывался механизм подготовки и принятия решений ГКО. По свидетельствам очевидцев, существовало два варианта принятия таких решений. Первый — вождь выслушивал всех приглашенных, вылавливал из их выступлений то, что ему казалось существенным, и, отметая крайности, подводил итоги. Второй — когда участники совещания приходили при наличии у Сталина готового проекта решения, который они единогласно утверждали.

Обычно предварительная наметка сталинского решения осуществлялась председателем ГКО в узком кругу лиц. Как правило, это был «узкий круг» Политбюро с приглашением по оборонным вопросам начальника Генерального штаба. Бывало так, что работа по определенному вопросу занимала несколько дней. В ходе нее И. Сталин получал необходимую письменную информацию и устные предложения от наркомов и военных. Затем снова в узком кругу рассматрива-

---

[1] *Микоян А.И.* Так было. С. 464.

[2] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Кн. 1. С. 343.

[3] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Ростов-на-Дону, 1997. С. 300.

лись возможные варианты принятия решения и выбирался оптимальный. Решение оформлялось в зависимости от специфики документа в виде постановлений ГКО, Политбюро, СНК, директив Ставки или приказов наркома обороны.

Существовала определенная процедура, согласно которой каждый докладчик прибывал в Кремль с проектом решением по своему вопросу. После обсуждения проблемы И. Сталин, внимательно прочитав проект, как правило, редактировал его и либо утверждал, либо отклонял и отправлял на доработку. Здесь же в кабинете уже в чистовом варианте постановление часто под диктовку вождя писал либо кто-то из членов ГКО, Политбюро, либо сам докладчик, либо сталинские секретари — Чадаев или Поскребышев.

Интересны в этой связи вспоминания Д.Ф. Устинова. Он сообщает, что в октябре 1941 г., когда Москва была на осадном положении, он был вызван к Сталину. Доложив о ходе выполнения плана по производству противотанковых пушек, он передал проект решения хозяину кабинета. Прочитав проект, тот сказал: «В первом абзаце надо указать, что производство противотанковых орудий имеет исключительное значение для нашей армии...» Сталин прошелся по кабинету, раскуривая трубку, и снова, не спеша, продиктовал: «Вменить в обязанности секретарям обкомов... повседневно заниматься работой заводов, изготавливающих 45-мм противотанковые и 76-мм дивизионные пушки...»

Сталин подошел к столу, из-за моего плеча прочитал написанное и предложил: «Запишите еще один пункт: ГКО предупреждает всех народных комиссаров, директоров заводов об исключительной ответственности за выполнение указанного постановления и устанавливает, что невыполнение заказов для выпуска 45-мм и 76-мм пушек будет рассматриваться ГКО как государственное преступление». Постановление было тут же перепечатано на машинке. Подписав его, Сталин сказал: «Теперь принимайте меры к выполнению постановления. Докладывайте нам, как идет его реализация[1]. Это был, можно сказать, классический пример принятия постановления ГКО.

То есть коллективных решений на ГКО фактически не было. Видимость нельзя выдавать за действительность. Даже в самой экстре-

---

[1] *Устинов Д.Ф.* Во имя Победы. С. 163.

мальной ситуации, например 23 августа 1939 г. или 22 июня 1941 г., Сталин принимал единоличные решения, порой вопреки здравому смыслу. Без него ничего не решалось. «Достаточно Сталину было сказать «нет», как это «нет» в мгновение становилось законом» (С. Королев). «Немедленно прекратить производство таких-то самолетов! — приказывал Сталин.— И прекращали» (А. Шахурин). А. Мерцалов называет такую манеру правления единодержавием[1]. Вождь при принятии решения следовал духу Макиавелли: «Решения государя... должны быть бесповоротными, и мнение о нем должно быть таково, чтобы никому не могло прийти в голову, что можно обмануть или перехитрить государя...Решение надо принимать самому и по своему усмотрению»[2].

Исследование свидетельствует, что стиль поведения и отношение советского лидера к людям были неоднозначными; они менялись в зависимости от ситуации и от настроения вождя. Здесь нельзя не учитывать характер И. Сталина, его воспитание, моральный облик, тюрьмы, ссылки, бывшую подпольную деятельность и настоящую политическую среду.

В отечественной историографии существует две крайности: традиционная — апологетическая и новая — нигилистическая. Одни говорят, что он был жесток, но справедлив, другие — жесток и циничен. Некоторые авторы (И. Стаднюк, В. Карпов) пытаются представить жесткость Сталина вынужденным шагом, ссылаясь на особые условия войны и специфику русского народа. Абсолютное большинство исследователей биографии Сталина определяют стиль его работы с людьми диктаторским и жестоким, что органически связано с сущностью самого тоталитарного режима в СССР.

Многие, особенно фронтовики, считают, что И. Сталин всегда относился к своим подчиненным официально, требовательно, принципиально, по-отечески строго, но был чуток и внимателен. Его даже представляли «другом детей». В других источниках мы находим такую его черту, как жестокость, беспощадность, холодное пренебрежение к людям, отношение к ним как к средству, как к расходному материалу для достижения своих целей.

---

[1] *Мерцалов А., Мерцалова Л.* Сталинизм и война. С. 313.

[2] *Макиавелли Н.* Государь. С. 54, 71.

Не следует забывать, что в 20—30-е годы Сталин последовательно и жестко проводил курс на захват и упрочение личной власти, безжалостно уничтожая соперников и пренебрегая интересами простого народа. Он преднамеренно раскручивал маховик репрессий. В войну их масштаб не уменьшился, поменялись только формы. Он был безжалостен к собственному народу и армии. Причем это касалось не только простых тружеников, значительная часть которых сидела в лагерях[1], но и самого сталинского окружения. Известно, что даже среди членов Политбюро были репрессированы жены М. Калинина, В. Молотова, сын А. Микояна, брат Л. Кагановича.

Сталин не был способен кого-либо жалеть, даже собственную мать. Известный карикатурист Борис Ефимов (настоящая фамилия Фридлянд) вспоминает такой, еще довоенный, эпизод. «Как-то Орджоникидзе решил сделать ему подарок. Возвращаясь с Кавказа, он привез с собой мать Сталина. Открыл дверь в кабинет и говорит: «Смотри, Коба, кого я тебе привез!» — и пропустил ее к сыну. Сталин процедил сквозь зубы, едва сдерживая гнев: «Уберите эту женщину и не мешайте мне работать «...Мать генсека обхватила лицо руками и выскочила в приемную. «Серго, если бы я знала, что он будет такой, задушила бы собственными руками»,— прошептала ошеломленная женщина»[2].

Война кровава и беспощадна по своей природе, но мера жестокости, на наш взгляд, была значительно превышена Сталиным и его военно-политическим окружением в первые же дни войны. Вследствие военной катастрофы 1941 г. жестокость еще более усилилась. Жестокость как черта сталинского руководства прослеживается уже в самых первых документах военных лет — в директиве от 29 июня, в речи вождя 3 июля 1941 г.

А. Мерцалов пишет, что многие, кому приходилось встречаться с вождем, показывают, что при сильной воле и целеустремленности он был капризен, вспыльчив, груб, подозрителен, жесток, мстителен, его действия были непредсказуемы. Очевидцы вспоминают, как в ответ на честный, но неприятный властителю доклад Василевского

---

[1] На июль 1942 г. в лагерях и колониях находилось 1530 тыс. заключенных (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1181. Л. 6) (Фонд ГУЛАГ НКВД).

[2] *Ефимов Б.Е.* Живу 105 лет, и мне нравится // Московский комсомолец. 2005. 28 сентября.

Сталин обвинил его в том, что он будто бы служит Англии или Германии в качестве шпиона. По мнению Василевского, Сталин был «беспощаден». Маршал видел его в «исступлении». По воспоминаниям Исакова, Сталин абсолютно не выносил критики. Командующий ВВС П. Рычагов сказал ему правду о подлинных причинах аварий в авиации. Через неделю он был схвачен и уничтожен. Сталин подавлял всех окружающих. Ни о какой нормальной работе коллектива руководителей, естественно, не могло быть и речи. По свидетельству Хрущева и других приближенных, Сталин часто впадал в состояние бешенства. Многие подтверждают метод Сталина стравливать друг с другом своих советников. Это — известный прием восточных сатрапов[1].

В то же время Г. Жуков вспоминал, что «стиль работы, как правило, был деловой, без нервозности... Верховный ко всем обращался одинаково строго и официально. Он умел внимательно слушать, когда ему докладывали со знанием дела. Сам он был немногословен и многословия других не любил, часто останавливал разговорившегося репликами: «Короче!», «Яснее!» Он обладал сильной волей, характером скрытным и порывистым. Обычно спокойный и рассудительный, временами он впадал в острое раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он резко менялся на глазах, еще больше бледнел, взгляд становился тяжелым, жестким. Не много я знал смельчаков, которые могли выдержать сталинский гнев и отпарировать удар»[2]. Объясняя победу под Москвой, Г. Жуков утверждал, что своей жестокой требовательностью Сталин добивался почти невозможного.

Важно то, что А. Микоян отметил эволюцию характера и поведения вождя в ходе войны. В начале войны по сравнению со второй ее половиной И. Сталин был «гораздо менее капризным и не занимался самоуправством, которое стало проявляться, когда наши военные дела пошли лучше, и он просто зазнался». Далее автор пишет, что «во время войны у нас была определенная сплоченность руководства... Мои отношения со Сталиным стали улучшаться с начала войны, потому что Сталин, поняв, что в тяжелое время нужна полнокровная работа, создал обстановку доверия...»[3]

---

[1] *Мерцалов А., Мерцалова Л.* Сталинизм и война. С. 340—341.

[2] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Кн. 1. С. 343, 345.

[3] *Микоян А.И.* Так было. С. 465.

Вот как Сталин встречал посетителей. Он предлагал гостю стул, сам же беспрерывно шагал по кабинету, периодически останавливаясь, вслушиваясь в содержание доклада. Иногда он оглядывал присутствующего и неожиданно задавал вопрос: «Что это ваши глаза так бегают?» Можно себе представить состояние докладчика, который после подобного вопроса отнюдь не рассчитывал вернуться домой живым. Его адъютант генерал А. Поскребышев рассказывал в узком кругу друзей о том, что никогда нельзя было быть уверенным в том, что взбредет на ум хозяину. В ярости тот наливал чернила на стол и тыкал Поскребышева носом в чернильную лужу[1].

Наряду с крутым нравом у И. Сталина было много положительных управленческих качеств и прежде всего умение организовать и заставить людей работать. Как вспоминает бывший нарком нефтяной промышленности Н. Байбаков, в июне 1942 г. его вызвали в Кремль, и Сталин поставил перед ним задачу не дать немцам воспользоваться нашей нефтью в районе Майкопа. «Я вас предупреждаю,— сказал вождь,— если вы оставите хотя бы одну тонну нефти немцам, мы вас расстреляем. Но если вы уничтожите промыслы, а немец не придет на Кавказ и мы останемся без горючего, мы вас тоже расстреляем»[2]. Вождь не шутил — ему вообще было чуждо чувство юмора.

В критические моменты войны Сталин лично по «ВЧ» или телеграфу давал суровые распоряжения директорам соответствующих заводов относительно поставок военной продукции на фронт, заставлявшие их «крутиться». Известны грозные тексты его срочных телеграмм директору Уралмашзавода Б. Музрукову в сентябре 1941 г.: «Прошу вас честно и в срок выполнять заказы по поставке корпусов для танка КВ». И далее директор объявлялся «нарушителем своего долга перед Родиной». В декабре 1941 г. вождь телеграфировал директору авиазавода № 18 М. Шенкману: «Самолеты ИЛ-2 нужны нашей Красной Армии теперь как воздух, как хлеб... Если завод думает отбрехнуться от страны, давая по одному ИЛ-2 в день, то жестоко ошибается». А директору Кировского танкового завода в Челябинске И. Зальцману вождь грозил расстрелом за невыполнение государ-

---

[1] *Салганик Е.* Выродок истории. М., 200. С. 183.

[2] *Химич О.* Нарком Сталина // Московский комсомолец. 2005. 13 мая.

ственного плана. Вполне очевидно, что директорский корпус зачастую тогда руководил заводским персоналом с помощью пистолета[1].

По-иному вождь относился к молодым партийным кадрам. Н.С. Патоличев, в войну первый секретарь Ярославского, а затем Челябинского обкома ВКП(б), вспоминал о встрече со Сталиным в октябре 1941 г. «Встреча со Сталиным — дело не простое. Мы были тогда еще молоды и как партийные работники только формировались... Сталин это учитывал. Его поощрительная реплика всегда способствовала оживлению беседы... По ходу беседы было видно, что у Сталина есть еще какие-то вопросы к секретарям обкомов и горкомов. Он выяснял, какое настроение у людей на местах, да и у нас самих — руководителей партийных организаций. Беседа носила непринужденный характер. Мы стали чувствовать себя все более и более свободно... Настроение у Сталина было хорошее, и он еще долго беседовал с нами. Наверное, уместно напомнить, что 14 октября немцы овладели Калининым. Мы об этом не знали. Сталин же, конечно, знал. И своим настроением он, видимо, хотел вселить в нас больше оптимизма»[2].

Под стать Сталину было и его окружение. Сталинский стиль аккумулировался и тиражировался всей партийно-советской номенклатурой, которая во всем брала пример с вождя. Я. Чадаев вспоминал, что он был свидетелем телефонного разговора члена ГКО Л. Берия с наркомом торговли СССР А. Любимовым. Нарком, заболев, находился дома. Берия, недовольный этим обстоятельством, позвонил ему по правительственному телефону и сказал: «Разве Вам надоело видеть, как садиться солнце и как оно встает? Берегитесь!» Изумление и возмущение взволновали мою душу после такой откровенности и наглой угрозы.

Через некоторое время Я.Чадаев стал свидетелем того, как Л. Каганович в своем кабинете «разносил» своего помощника. «Вот видите,— сказал Каганович, чтобы привести того или иного работника к чувству ответственности, надо грудь порвать, то есть накричать, наорать на человека и лишь тогда он возьмет и сделает». Я пожал плечами. Этот метод далеко не всегда эффективен. «О, нет. Вы не знаете этих людей.

---

[1] История Отечества: Люди, идеи, решения. С. 268.

[2] *Патоличев Н.С.* Испытание на зрелость. М., 1977. С. 128—129, 131.

Когда человек бежит от самих трудностей, для него требуется воздействие посильнее. Дать бы ему коленкой в нижний этаж — наверное, понял бы сразу. А еще лучше — заехать ему кулаком в фасад»[1].

Н. Байбаков вспоминает, как в 1942 г. он был назначен замнаркома к Л. Кагановичу. Но работать с ним оказалось непросто. «Человек он был суровым. Боялись его до жути. Мог запросто обругать или ударить подчиненного. Бывало поговорит по телефону и бросает трубку так, что аж телефонный аппарат вдребезги... В ярости Каганович схватил меня за грудки — в этот момент он был страшен — и с неимоверной силой оттолкнул в сторону. Я бы скорее всего упал, но успел ухватиться за край стола»[1]. То есть стиль руководства Л.Кагановича представлял собой сплошное хамство.

В этом ничего удивительного нет. От Сталина и других членов ГКО и Ставки очень часто сыпались угрозы. Известно, что В. Молотов осенью 1941 г. грозил расстрелом Г. Жукову, а С. Буденный — И. Баграмяну[3]. Таков был стиль руководства «железных» сталинских наркомов, видимо, адекватный требованиям войны. Подобные методы руководства употребляли чиновники рангом ниже.

Нравственный облик многих военачальников не отличался от сталинского. Маршал Г. Кулик, например, лучшим методом работы считал держать в страхе своих подчиненных. Сейчас часто обвиняют в жестокости Г. Жукова. Из военных к вождю он был ближе всех и не мог не воспринять его образа мыслей и действий. Многие из фронтовиков говорят, что он наводил страх на всех — от генералов до красноармейцев, что не жалел солдат. «Под суд, расстрелять!» — было излюбленным приемом Жукова. Маршал авиации А.Е. Голованов, вспоминая сентябрь 1941 г., писал: «Не зря Сталин послал его в Ленинград вместо Ворошилова, и он, применив там силу, справился! Ведь он расстреливал там целые отступавшие наши батальоны! Он, как Ворошилов, не бегал с пистолетом в руке, не водил сам бойцов в атаку, а поставил пулеметный заслон — и по отступающим,

---

[1] *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства. С. 431—433.

[2] *Химич О.* Нарком Сталина // Московский комсомолец. 2005. 13 мая.

[3] *Хрущев Н.С.* Воспоминания: Время. Люди. Власть. Кн. 1. С. 317; *Горьков Ю.А.* Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 91.

по своим! Но скажу, что на его месте я точно также поступил бы, коли решается судьба страны»[1].

На наш взгляд, Г. Жуков, будучи жестким и жестоким военачальником, в чрезвычайных условиях войны действовал в соответствии со сложившейся ситуацией. Но можно ли считать жестокость главным фактором победы?

То есть, стиль руководства И. Сталина и его окружения в войну характеризовался жесткостью, твердостью, беспощадностью, бескомпромиссностью, требовательностью, минимальной степенью делегирования своих полномочий другим лицам и стремлением достичь поставленную цель любой ценой.

Сравнивая стиль руководства Сталина со стилем руководства его визави — Гитлера, видишь много общего. Фюрер был еще более жесток, беспощаден, груб, подозрителен, мнителен. Начавшееся в декабре 1941 г. отступление германских войск под Москвой грозило перерасти в беспорядочное бегство, как в свое время это произошло с армией Наполеона. Чтобы этого не произошло, 19 декабря 1941 г. он объявил себя Главнокомандующим сухопутными войсками, а 3 января 1942 г. отдал жесткий приказ. В нем фюрер потребовал от своих армий: «Цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего солдата, до последней гранаты... Каждый населенный пункт должен быть превращен в опорный пункт. Сдачу его не допускать ни при каких обстоятельствах...»[2] На фронте были введены жестокие меры, вплоть до расстрелов и заградотрядов. Приказ этот немецкие войска выполнили. Немцы продержались, например, во Ржеве до марта 1943 г. и ушли по приказу фюрера. Наши войска вошли в пустой город, за который было положено в 1942—1943 гг. больше миллиона бойцов и командиров.

Оценивая эффективность стиля и методов государственного управления в 1941—1945 гг., надо сказать, что, судя по результатам (а результат — наша победа), они были достаточно оптимальны и адекватны обстановке. Хотя существует мнение, что стиль политического руководства не может быть оценен с точки зрения «плохой—

---

[1] *Чуев Ф.И.* Солдаты империи: Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998. С. 314.

[2] *Кожинов В.* Россия. Век XX (1939—1964). М., 2002. С. 110—111.

хороший», а только как «эффективный в большей степени» или «эффективный в меньшей степени». Эффективность стиля политического руководства относительна. Но она может быть оценена обобщающим критерием — конечным результатом политической деятельности.

Таким образом, в период войны стиль политического руководства и методы работы государственных органов и должностных лиц трансформировались в сторону ужесточения государственного управления. Административно-командный стиль и директивный метод руководства, получившие мощный импульс с началом войны, стали главными в работе советского политического руководства и государственного аппарата. Результаты военно-политической деятельности Государственного Комитета Обороны и Политбюро в войну показали достаточную эффективность их стиля руководства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Великая Отечественная война явилась главным и беспристрастным экзаменом для всей советской государственности. Война и победа в ней показали, что все слагаемые этой победы — и материальные, и моральные необходимо было пробудить, объединить, сплотить, организовать и направить. Это сделало с самого начала войны наше государство, используя механизм государственного управления.

Война не изменила сущности советской политической системы и природы Советского государства, сложившихся в 30-е годы и закрепленных Конституцией СССР 1936 г. Напротив, она явилась благоприятным фактором, способствовавшим усилению централизации и авторитарности государственности в стране. Военные условия повлияли на принципы и методы государственного управления, придав им большую жесткость, директивность, динамизм. Власть, будучи прагматичной, делала выводы, извлекая уроки из опыта управления страной в экстремальной ситуации.

Результаты исследования механизма государственного управления в СССР в период войны 1941—1945 гг. позволяют сделать определенные ВЫВОДЫ.

Первое. Одним из главнейших факторов и источников нашей победы в Великой Отечественной войне были наше государство, государственная власть и ее инструмент — государственный аппарат. Государство, как политическое ядро нашего общества, выступило организатором победы над сильным и коварным врагом, объединив и направив усилия всей страны на его разгром. Именно государственная власть сыграла в этом деле огромную интегративно-направляющую роль. Победить гитлеровскую Германию можно было благодаря нашему превосходству по многим параметрам, но прежде всего по качеству государственного управления, эффективности работы госаппарата.

Второе. Изучение вопроса показало, что во время войны, особенно в первый ее период, деятельность центральной власти по руководству страной и армией не была свободной от изъянов. Наряду

с сильными сторонами война обнажила пороки и слабости советского государства. Главным, наверное, являлось то, что власть в войну очень нерационально тратила богатейшие материальные и людские ресурсы страны. Сталин и его «команда» активно использовали принципы: «цель оправдывает средства» и «цель оправдывает жертвы».

У военно-политического руководства страны в предвоенный и первый военный периоды было немало управленческих ошибок, за которые расплачивался миллионами жизней наш народ. К ним, в частности, относятся военно-стратегические просчеты Кремля, связанные с определением возможных сроков нападения Германии на СССР, с определением мобилизационной готовности вермахта, направлениями главных ударов немецкой армии в 1941 и 1942 гг.

Третье. Война заставила центральную власть изменить вектор своей геополитики и военной политики. Политико-правовой и идейной основой этой перестройки явились партийно-правительственные директивы, речи и приказы И.Сталина, в которых формулировалась и предъявлялась стране военная политика советского государства.

Классовая составляющая войны по указанию Сталина была вычеркнута из ее истории. Вождь верно уловил и оценил сущность начавшейся войны — как военное столкновение всей континентальной Европы под эгидой Германии против СССР-России, как повторение европейского «крестового похода» против русско-славянского мира.

Четвертое. Исследование выявило основные пути перестройки высшим руководством страны системы власти и государственного управления в условиях начавшейся войны. Ими стали: перестройка организационной структуры системы власти; изменение содержания деятельности органов власти; перестройка методов государственного управления и стиля работы должностных лиц. Экстремальный и непредсказуемый характер начавшихся боевых действий потребовал создания чрезвычайных организационных форм государственного управления.

Пятое. Анализ исследуемой проблемы позволил выделить особенности функционирования механизма власти и государственного управления в СССР в годы войны.

Главной из них была чрезвычайность управления, т.е. создание неконституционных органов власти, наделенных неограниченными полномочиями. Кроме того, к ним относились: милитаризация управления как часть общего курса на военное укрепление государства;

централизация управления и усиление общесоюзного начала в системе власти, безмерная концентрация власти в центре; ужесточение административно-командных методов и авторитарного стиля руководства; расширение полномочий и функций бюрократического государственного аппарата; существенное возрастание роли исполнительных органов власти; уход на второй план партийных структур на высшем уровне государственной власти; усиление политического, административного, идеологического контроля над армией и обществом; возрастание ответственности кадров за порученный участок работы; создание новой организационной структуры власти и перераспределение функций государственного управления.

Шестое. Одним из важнейших условий действенности механизма советского государственного управления в военные годы был тот факт, что во главе нашего государства в то время стоял И.В. Сталин — фигура неординарная и противоречивая, выдающийся государственный деятель и политик. Сталина необходимо рассматривать с двух позиций: как историческую личность и как символ политической эпохи и идеологии.

Документы и факты позволяют говорить о нем как о волевом и жестоком, циничном, но прагматичном политике. В искусстве удержания власти и властвования ему не было равных.

Безусловно, Сталин оставил очень яркий след в истории России и в мировой истории. Но какой это был след? Сталин был титан, но и тиран. Его правление — тип восточной деспотии.

Таким образом, механизм советского государственного управления в чрезвычайных условиях войны, продемонстрировав свои преимущества, стал одним из главных источников нашей победы. Несмотря на имевшие место ошибки и просчеты, особенно в первом периоде войны, власть, опираясь на поддержку народа и его патриотизм, используя насилие, жесткость управления и массированную пропаганду, в конечном счете, выполнила возложенную на нее миссию.

Надо признать: без Сталина мы бы не победили. Но не будь Сталина, скорее всего не было бы этой войны.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 45. Л. 37—48.

Черепанов В.В.

Ч46 Власть и война: Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне — М.: Издательство «Известия», 2006. — 496 с.

Работа Виктора Черепанова посвящена проблемам власти, перестройки и функционирования механизма государственного управления СССР в годы Великой Отечественной войны. В ней на основе архивных и мемуарных источников представлен историко-политологический анализ состояния, путей реформирования и особенностей советской системы государственной власти, раскрываются характерные черты властвования и кадровой политики «команды» Сталина в исследуемый период.

Книга рассчитана на всех, кому небезразлична история нашего государства, кто интересуется эпохой Сталина, стилем и механизмом государственного руководства и управления.

ISBN 5-206-00681-5

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622

ВИКТОР ВЕНИАМИНОВИЧ ЧЕРЕПАНОВ

ВЛАСТЬ И ВОЙНА

Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне

ФГУП Издательство «Известия»
Управления делами Президента Российской Федерации
Генеральный директор **Э. А. Галумов**

Компьютерная верстка **В. А. Аникин**
Ответственный за выпуск **Г. В. Кулагина**

Подписано в печать 15.02.2006.
Формат 60x90/16. Гарнитура Бодони.
Бумага офсет. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 6190

Отпечатано в типографии им. Скворцова-Степанова
ФГУП Издательство «Известия»
Управления делами Президента Российской Федерации
127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5.
Контактные телефоны: 200-36-36, 200-30-20.
e-mail: izd.izv@ru.net

ISBN 5-206-00681-5

ЧЕРЕПАНОВ
Виктор Вениаминович,
родился в 1951 г. в Зауралье, доктор исторических наук, профессор

Война не изменила сущности советской политической системы и природы советского государства. Напротив, она явилась благоприятным фактором, способствовавшим усилению авторитарности государственной власти. Военные условия повлияли на принципы и методы государственного управления, на стиль руководства, придав им еще большую жесткость, директивность, динамизм. Война завершила строительство сталинской тоталитарной системы власти.

ИЗВЕСТИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВО